

СЕРИЯ
УЧРЕЖДЕНА
В ОЗНАМЕНОВАНИЕ
250-летия
ОРЕНБУРГА
ЕВРАЗИЙСКОЙ
ТОРГОВО-
ПРОМЫШЛЕННОЙ
КОМПАНИЕЙ
„КОСА“
(ПРЕЗИДЕНТ
В.К.СУЛЕЙМАНОВ)

Леонид Большаков

Быль о Тарасе

КНИГА ТРЕТЬЯ

Оренбург

**Москва
Оренбург
«КОРА»
1993**

Е 62 (03)

оформление
художника Ф.М.АБЛЕНИНА

На фронтисписах - автопортреты Т.Г.Шевченко 1847-1849 гг.

На четвертых страницах обложек - фотографии автора и фоторепродукция портрета работы С.Н.Александрова (3-й том).

Аннотация

Третья книга документального романа-хроники Л.Н.Большакова "Быль о Тарасе" посвящена жизни Тараса Шевченко в Оренбурге после возвращения из Аральской описной экспедиции, второму аресту его в апреле 1850-го, возвращению в пятый линейный, службе там, следствию во время пребывания на Орской гауптвахте и, наконец, началу многотрудного пути в неведомое - на Мангышлак, где протекли последующие семь лет солдатчины гения Украины.

Как и предыдущие, эта книга лишена художественного вымысла. Она зиждется на правде документов, значительная часть которых публикуется впервые.

Новый труд писателя-шевченковеда рассчитан на широкий круг читателей.

Леонид Большаков

Быль о Тарасе

В трех томах

Москва — Оренбург «Кора»

1993 год

Сдано в набор 20.05.93. Подписано к печати 22.06.93.

Формат 60X90/16. Уч-изд. л. 75,1 (в трех томах). Тираж 5000 экз.

Заказ № 625. Цена договорная.

Набор и оригинал-макет выполнены издательством
«Оренбургская губерния»

Отпечатано в МП «Информполиграф»
111123, Москва, ул. Плеханова, 3а

СОДЕРЖАНИЕ

К Ивану Ивановичу, и не только.

Вместо предисловия

Часть первая: "Мне открылся город"

Из хроники первых дней
"Скучный город скучной степи"
Не об одной лишь Украине
Штрихи... Портреты...
Диалог начинался в ноябре
"Отец префект"
Знакомства новые, знакомства старые
Примечание к предыдущему
"Огш горять..."
Писал друзьям
О Герне и его доме

Часть вторая: "А не продам себе..."

Петрашевцы
В письмах и стихах
"Ми заставали, розшлись..." Венгржиновский
Истоки
Портрет помещика Племянникова
Дивясь многому
Еще одно знакомство
"Что касается до рядового Шевченко..."

Часть третья: "Небогато благов у Бога..."

Рисковать Обручев не желал
Когда не мог не молиться
Гречанка Мавромихали
Кем был Майдель
В дружеском кругу: рисунок-документ
"Особенно Тараса Григорьевича..."
Много огоньков светилось
Чернышевы
Седьмое марта - день писем
Надеялся
"Понад Елеком стр!в я Діда..."
Подлая душа Исаев
"Отак я, друже мш, святкую..."

Часть четвертая: "В Багно погане заховали..."

Под караулом
Следствия не было
Сиди, солдат
Май, 12-е
"Швидче, коню..."
Туча сгушалась
Петрашевец Ханьков
Повелеть изволил
Как Обручев перестарался
Без права переписки
Выстрел Николая Головки
Арестант

Допрос ведет Чигирь
Упрямый смотритель Фейзуллин
Присяга невольника
К вопросу о гардеробе
"Из-под ареста освободить..."
Дорога вела на Мангышлак

Загадки остаются. Слово в конце.

Смеем уверить, что в нашем
романе время расчислено по
календарю.
А.ПУШКИН. Из "Примечаний"
к "Евгению Онегину".

К ИВАНУ ИВАНОВИЧУ, И НЕ ТОЛЬКО

Вместо предисловия

Эх, Иван Иванович, и почему отказались вы от доброго своего намерения, отчего не довели его до конца?

Со своим вопросом обращаюсь я к журналисту, общественному деятелю, издателю "Оренбургского листка" Евфимовскому-Мировицкому. Уроженец моей родной Черниговщины, из тамошних потомственных дворян, в Чернигове окончивший духовную семинарию, а в Петербурге университет, был он в Оренбурге последних десятилетий своего века личностью видной, авторитетной.

Так вот Иван Иванович и написал однажды шевченковскому биографу М. К. Чалому: "...сообщу вам за достоверное, что здесь влачат еще старческие дни свои та красавица (жена адъютанта Обручева Герн), из-за которой Кобзаря как "карикатуриста" выслали в Орск солдатом". Далее делился намерением: "К ней я давно уже подбираюсь, и все, что узнаю, сообщу вам обязательно". Чтобы заинтересовать, заинтриговать биографа, добавлял: "Есть здесь еще в живых сослуживец Шевченко по солдатчине в Новопетровском укреплении". Заверял и тут: "Воспоминания его о Тарасе тоже интересны и вы их будете иметь также обязательно".

Обещания остались не выполненными. "С землячкой щирой готовностью" обнадеживал не раз, но ни в 1895-м, когда переписка началась, ни в годы последующие обещанных воспоминаний не выслал. И "той красавицы" - невольной виновницы Шевченковых бед 1850 года, и мангышлакского писаря, которого, по его заверению, даже "заставил писать", но в первоначально написанном разочаровался ("писарская литература нам не с руки").

Писарь писарем, да меня сейчас лишает покоя не писарь. Нет, Софья Николаевна Герн, урожденная Курочкина, Многое могла бы она прояснить и ... унесла с собою в могилу, так, видно, и не дождавшись расспросов И.И.Евфимовского-Мировицкого, письма которого покоятся в деле 127 фонда 77-го Отдела рукописей Института литературы имени Т.Г.Шевченко Академии наук Украины. "Путем расспросов я добиваюсь больше толку..." Важность личных неофициальных бесед, конечно же, понимал, но - дооткладывался до того, что стали они невозможны, и еще один источник сведений об оренбургских месяцах жизни Тараса Шевченко в 1849-1850 годах оказался навсегда упущенным.

Источников печатных обидно мало. Не столь уж подробные воспоминания Федора Лазаревского и еще менее обширные Лазаревского Михаила, сверхлаконичное письмо Герна, самые крохи у Залеского - вот, пожалуй, и вся собственно шевченковская мемуарная основа этой очередной моей книги "Были о Тарасе"

Не пространны источники сопутствующие. Из личных оренбургских впечатлений-воспоминаний о тех, или примерно тех, годах привлекает обнародованное Базинером, Бларамбергом, Жакмоном, Залесовым, а в художественной литературе - Плещеевым. Ап.Григорьевым, некоторыми другими. Полезны, разумеется, обращения к местной печати - и сорок девятого-пятидесятого, и других, последующих лет; прямых упоминаний Шевченко тут не сыскать, колорит же времени ощущается - это важно всегда.

Но главное - архивы. Подбираться к их богатствам начинали еще в прошлом веке.

И в первом же письме Евфимовского-Мировицкого к Чалому читаем: "Извещаю Вас, что в архиве Оренбургского генерал-губернатора есть "секретное" дело по высочайшему повелению "О бывшем художнике Шевченко...", и копии со всех бумаг этого дела я вам сообщу. Это тем удобнее мне будет сделать, что в Оренбургской ученой архивной комиссии, в ведение которой генерал-губернаторский архив передан, я состою членом-секретарем. К сожалению, помещения для сего архива еще нет (отстраивается) и взять дело не представляется пока физической возможности (104 000 дел свалены в кучу как щепы)". Не изменилось положение и три года спустя, к концу 1898-го: "Скитания этого архива из каретника правителя канцелярии в подвалы, из подвалов на чердаки казенной палаты, оттуда в лабазы городские, а из них в теперешнее (собственное) помещение похожи были на перевозку щепок. Можете вообразить, на что похож стал этот замечательный архив и какого труда стоит разобрать его без денег, без людей, одними силами любителей - членов Оренбургской ученой архивной комиссии..."

"Замечательный архив" (впрочем, кавычки тут неуместны) биографам Шевченко оставался по сути недоступным еще годы и годы. До конца не изучен он даже поныне. Три десятилетия не перестаю удивляться богатствам его фондов, крупница по крупнице открывающих мне новое и новое о Тарасе, его окружении, его времени.

В контексте оренбургского архива острее воспринимаются и дела, с годами сосредоточившиеся в Киеве, обретшие для себя там новые места хранения - в Государственном музее Т. Г. Шевченко и академическом Институте литературы. Среди них то, которое Евфимовский-Мировицкий по памяти назвал "О бывшем художнике Шевченко"; на самом деле название у него другое - "Об определении на службу в Отдельный Оренбургский корпус рядовым бывшего художника С -Петербургской Академии художеств Тараса Шевченко с учреждением за ним строжайшего надзора"

На протяжении многих лет дороги архивных поисков вели меня из Оренбурга в Киев, в Алма-Ату, в Ленинград и Москву - о книге широкого охвата без тщательного изучения архивов нельзя было бы и думать. Тем не менее простор для поисков остается, и я уверен: со временем будут обнаружены, накоплены, изучены новые драгоценные материалы, которые вместе с уже поднятыми лягут в основу будущих фундаментальных томов.

Сужу по себе. Выпущенные в шестидесятых-семидесятых годах свои книги "По следам оренбургской зимы" и "Літа не-вольничі я какое-то время считал чуть ли не "исчерпывающим" сводом всего, что происходило с опальным поэтом-художником в этом городе, того как жизнь здешняя сказывалась на его творчестве. Теперь так не считаю. Написанное прежде оказалось всего-навсего эскизом, подступом к исследованию всеохватному, которым и занялся в недалеком будущем. Но и у новой книги точек прирастания будет сколько угодно.

Не стану предварять повествование какими-либо оценками периода, освещаемого в этой книге: шести месяцев некоторой, относительной, оренбургской "свободы", второго ареста и недель отсидки на главной гауптвахте, отправки в Орскую крепость, арестантских месяцев там со следствием самым строгим, определения в солдаты отдаленнейшего первого линейного и многотрудной дороги на Мангышлак, в укрепление Новопетровское. Ноябрь 1849 - октябрь 1850 - год и того меньше - но какой емкий, насыщенный и важный год его жизни: с надеждой на избавление от неволи и полной чашей новых испытаний, радужными планами и горьким их крушением.

Ну а выводы ...выводы вытекают - всегда вытекают -из книги.

Часть первая:

"МНЕ ОТКРЫЛСЯ ГОРОД

ИЗ ХРОНИКИ ПЕРВЫХ ДНЕЙ

1.

"Оренбург имеет лето Палермо и зиму Архангельска..."

Свидетельствовал Базинер Федор Иванович доктор философии, побывавший здесь в начале сороковых.

К последнему дню октября 1849-го Оренбургом уже завладели вполне северные холода. Недолгую осень сменила всегда длинная тут зима.

Ямщик экипажа Базинера остановился тогда перед лучшей в городе гостиницей, вывеска коей была украшена изображением дымящегося пузатого самовара.

"Хозяин отдал в его распоряжение две лучших, по его словам, комнаты, которые, однако, оказались столь грязными и плохо меблированными, что Базинер тотчас бы отправился на нанятую им из Петербурга два месяца назад квартиру, если бы этому не помешали наступающая темнота и незнакомство с городом. (Цитирую изложение воспоминаний именитого путешественника в одиннадцатом выпуске трудов Оренбургской ученой архивной комиссии, выпущенном в 1903-м)... Несмотря на неразборчивость и на желание поесть чего-нибудь горячего, вполне понятное после семидневного путешествия, ...ничего съедобного не оказалось, и не-смотря на желание успокоить уставшие члены, это тоже не удалось: продырявленный кожаный диван был настолько густо населен клопами и они сделали на попытавшегося было отдохнуть путешественника столь жестокое нападение, что ему пришлось провести ночь в полудреме, сидя на стуле. Убеждение о гостеприимстве и приветливости Оренбурга сильно поколебалось..."

Отдам должное: Бутакову со товарищи искать себе пристанище наверняка не понадобилось - предопределено оно было заблаговременно. Наиболее подходящим для этого местом являлся - сомневаться в том не приходится - "дом для господ приезжих генералов, штаб= и обер-офицеров"

Дом этот находился в самом центре города. Двухэтажное каменное здание, возведенное предположительно в 1814 году по проекту архитектора М.Малахова, появилось на месте пустыря-пожарища -свидетеля опустошительной огненной стихии 1786 года. Только четверть века спустя, собравшись с силами и средствами, здесь, неподалеку от военных и гражданских учреждений Оренбурга, принялись строить сей видный тогда дом.

Надстроенный и перестроенный, он стоит поныне - главный теперь корпус педагогического института. "Дом для штаб= и обер-офицеров лежит в основе значительной части нашего здания - свидетельствует преподаватель и краевед В. Дорофеев. - Капитальные стены на большом протяжении двух этажей, по всей вероятности, остались от бывшего офицерского дома"

Того, порог которого Бутаков, Пospelов, Шевченко и Вернер переступили 31 октября.

2.

"Осенью 1849 года они все возвратились в Оренбург, где Шевченко и его товарищи жили на одной квартире с Бутаковым..."

Так свидетельствовал М.М.Лазаревский.

На одной квартире с Бутаковым... Как долго? До каких пор? "По от'езде Бутакова в январе 1850 года в Петербург, Шевченко переехал жить на квартиру полковника К.И.Герна..."

Полковником Герн стал годы спустя, сейчас же пребывал в чине штабс-капитана. Но не в том суть - она в ином: в ноябре-декабре Тарас жительствовавший рядом с Бутаковым, делил с ним и служебные заботы, и кров.

"Теперь квартира моя представляет настоящую фабрику: в одной комнате топографы чертят напропалую на трех столах, в другой рисуют виды, в третьей разбираются геологические и ботанические образцы и, наконец, в четвертой я сам работаю над своими отчетами или похаживаю с сигарой в зубах и с лапами в карманах от одного стола к другому - важно!

Это из письма Бутакова родителям. Письма, датированного 4-м ноября (ЦГАВМФ, ф.4, д.82, лл.91-94 об.)

Со времени возвращения минуло только четыре дня, а фабрика работала уже всю. "Настоящая фабрика" в отведенной ему квартире. Здесь жили, здесь и дело делали - каждый свое, а вместе общее.

3.

Жили не все.

Топографы были оренбургскими.

К своим трем столам они приходили поутру и "чертили напропалую" в течение всего дня. Потом расходились по домам, чтобы на следующее утро вернуться сюда же снова.

"В другой рисуют виды..." Рисуют! Художник в экспедиции был один, а тут очевидная множественность. Об'ясняется она только тем, что уже в первые эти дни у Шевченко появился помощник. Стал им Бронислав Залеский.

Познакомились они еще до того, как благополучно закончилась переписка Бутакова со штабом корпуса об откомандировании Залеского в его распоряжение.

"В штаб Оренбургского отдельного корпуса Капитан-лейтенанта Бутакова. Рапорт. Из числа чинов, состоявших в морской экспедиции, прибыли в Оренбург, вследствие рапорта моего г.начальнику 23-й пехотной дивизии от 22 апреля за 173-м, унтер-офицер 4-го батальона Фома Вернер и рядовой Тарас Шевченко, необходимые мне здесь для окончательных работ по описи Аральского моря. Так как рядовой Шевченко, находившийся в экспедиции для снимания видов берегов Аральского моря, не может по крайности времени кончить все рисунки, которые должны быть представлены господину военному министру, то, узнав, что во 2-м батальоне есть умеющий рисовать рядовой Бронислав Залеский, имею честь всепокорнейше просить прикомандировать его на время ко мне, в помощь рядовому Шевченко, для отделки гидрографических видов берегов Аральского моря... Оренбург, 5 ноября 1849, N 285".

Рапорт, хранящийся среди рукописных богатств Института литературы Академии наук Украины, пестрит пометами. Одна из них такая:

"Доложено 7 ноября.. Приказание поднять переписку о Шевченке... сообщить по принадлежности о прикомандировании Вернера, Шевченка и Залеского для работы к к/апитан/-л/ейтенанту/ Бутакову, и сему последнему предписать представить подробно о занятиях каждого из означенных нижних чинов, как и самые занятия".

Рапорт о Залеском совсем уж неожиданно стал толчком к пересмотру ранее принятого (и казавшегося окончательным) решения о прикомандировании к Бутакову Шевченко с Вернером. Будто прежде дозволение касалось только следования их в Оренбург, но отнюдь не нахождения в этом городе. Чего-чего, а такого оборота Бутаков предвидеть не мог. Все начиналось сначала. Повелит командир корпуса -останутся, откажет - вернутся обратно. Его право, его воля...

Не отказал.

"Господин корпусной командир, вследствие ходатайства капитан-лейтенанта Бутакова, разрешив отправить к нему унтер-офицера Фому, Вернера и рядовых Шевченку и Залеского, первого для составления геологического описания берегов Аральского моря /и/ по части естественных наук, а последних для окончательной описи и отделки гидрографических видов, приказать изволил: предписать капитан-лейтенанту Бутакову представить подробный о занятиях каждого из означенных нижних чинов отчет, как равно и самые работы их... Исполняющий должность дежурного штаб-офицера майор Энгман... 9 ноября..."

И уже последнее в этой переписке:

"N 5042, 10 ноября. Господину начальнику 23 пехотной дивизии Исправляющего должность начальника штаба

Рапорт

Господин корпусной командир, вследствие ходатайства капитан-лейтенанта Бутакова, приказать изволил: оренбургских линейных батальонов N 4-го унтер-офицера Фому Вернера, рядового Тараса Шевченку и 2-го батальона рядового Бронислава Залеского отправить к означенному штаб-офицеру для окончательных работ по описи берегов Аральского моря. Доволя об этом до сведения вашего превосходительства, имею честь покорнейше просить приказать: унтер-офицера Вернера и рядового Шевченку, возвратившихся в Оренбург из Раимского укрепления и состоящих уже при господине Бутакове, прикомандировать для довольствия к одному из расположенных здесь батальонов, а рядового Залеского ныне же отправить к помянутому штаб-офицеру".

Это "ныне же" состоялось - пусть и без окончательного письменного дозволения - за неделю до того. Кто конкретно откомендовал его Бутакову - нам про то не узнать.

4.

Тарас окунался в уже забытую им городскую жизнь.

Но прежде об Оренбурге. Каким он был хотя бы в зеркале беспристрастной статистики?

Вот справка из того самого времени: казенная и - совершенно точная. Портрет в цифрах, факты и только факты.

Итак...

Штатный город, он же и крепость второго класса.

При нем предместий -2.

Домов в городе и предместьях:

казенных: каменных - 29, деревянных - 12,

общественных: каменных - , деревянных - 1,

обывательских: каменных - 17, деревянных - 1588.

Церквей грекороссийских : каменных-7, деревянных- , католическая каменная-1, лютеранская деревянная-1. Мечетей магометанских каменных-3.

Богадельня каменная-1.

Военный госпиталь 2-го класса-1.

Неплюевский кадетский корпус-1.

Училища: уездное-1, приходское-1, лесоводства и хлебопашества-1, батальон кантонистов-1.

Паровой водопровод с главным бассейном и тремя фонтанами-1.

Заводов казенных кирпичных-13.

Заводов частных: кожевенных-3, салотопенных-16, мыловаренных-2, свечных-3, клейный-1, кирпичных-2.

Мельниц: паровых каменных-1, ветряных-3.

Кузниц-20.

Питейных домов-11.

Винных магазинов-2.

Хлебных магазинов с казенными запасами-3, торговых рынков-2.

Ярмарок в Оренбурге нет, кроме менового торго в Зауральском меновом дворе с приходящими в оный азиатцами. Торговля эта постоянно начинается в июне и продолжается до ноября каждого года.

Почтовая станция-1. На ней содержимых лошадей-28.

Мостов чрез Урал: торговый-1 пешеходный-1. Число жителей в городе:

1. Дворян, служащих чиновников, разночинцев и городских жителей: мужеска пола 5663, женщин 5651.

2. Крестьян: мужеска-289, женска-236.

3. Иностранцев оседлых: мужеска-297, женска-159.

4. Кочевых-не заполнено.

Всех жителей: мужеска пола-6249, женска-6046. Военских нижних чинов и кантонистов, провиант получающих: мужеска-4831, женска-1386.

Итого обоого пола-18512 человек. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.12636/3, л.744).

Отчет по состоянию "до холеры". Ни домов, ни церквей с мечетями, ни заводов казенных и частных, ни всех прочих строений холера не смела. Все они остались на своих местах. Вот людей поубавилось, и намного-на тысячи. И жителей, и военных. Против июня в сорок седьмом поредел город заметно.

Тогда видел его недолго, можно сказать мимоходом,- теперь мог и разглядывать. Характера экскурсий это, конечно, не носило. Проходил по улице- смотрел. Шел в гости- не умерял любопытства, иногда останавливался. Ни древних Киева с Черниговом, ни великолепного Петербурга Оренбург не повторял. Все тут было своим, не заемным. Европа и одновременно Азия... Части света наступали одна на другую, сплетались в нераздельном клубке, взаимопроникали, образуя столицу бесконечного края. Края двух морей, неоглядных степей и множества всяких народов...

5.

Были у него эти первые дни в Оренбурге иными, конечно, чем у обласканного светом Бутакова.

"Ура! Наконец, знаменитый современник возвратился из стран далеких в город хотя полуазиатский, но с обществом европейским.

Владимир Афанасьевич Обручев и супруга его приняли меня с величайшей благосклонностью, равно как и все здешнее общество, такое же милое, какое было до моего от"езда, хотя многих унесла холера. Теперь, в кругу добрых знакомых, я отдыхаю от трудов и тревог жизни свирепой жизни в степи и на Аральском море. Могу сказать, что я наслаждаюсь истинно, хотя и странно немножко видеть себя опрятно одетым и похожим по расходу на порядочного человека.

Но в первые дни после прибытия сюда я чуть-чуть не наделал страшных промахов: сидя раз вечером у Матильды Петровны Обручевой, я чуть-чуть не высморкался по- степному, т.е. двумя перстами, которые уже начали подниматься к носу, но остановились вовремя.

В другой раз, обедая у генерала Толмачева, я чуть-чуть не утешил присутствующих киргизской вежливостью - киргизы, если они довольны вашим угощением, начинают рыгать в доказательство своего удовольствия и чем громче, тем это вежливее. Хорош бы я был!!..."

Каждая строка искрится юмором, он над собою иронизирует, но во всем сквозит радость возвращения, предвкушение удовольствий, от которых отвык. Свои собственные впечатления поверяет услышанным, узанным уже тут.

"...Здесь дожидаются теперь для отправления в Петербург послы хивинского хана, который невидимому значительно трусил или за которого, лучше сказать, трусят англичане.

Рыжие Джон Булли, как мне сказывали киргизы на Косарале, прибыли в Хиву около февраля нынешнего года и, как видно, стараются всеми силами уничтожить всякий предлог к завоеванию нами Хивы. Так, например, хан прислал сюда двух приказчиков

русского каравана, разграбленного хивинцами в ноябре 1847 года.

Но главное требование отца величия - так он себя называет - состоит в том, чтоб наш царь срыл укрепления Раимское и Новопетровское, которое на Каспийском море, на оконечности полуострова Мангышлака. Эти два укрепления у него как бельмо на глазу, потому что мешают разбить его верноподданных, которые, разумеется, обязаны делиться добычей с ним. Хан еще в прошлом году просил царя о том же через бухарского посла, ездившего в Питер в 1848 году и умершего там нынешним летом. Хивинский хан получил ответ, как мне писали из Оренбурга: где русский царь построил крепость, там она будет стоять и ее не сроят ни по чьим просьбам: укрепления построены с целью миролюбивой, для покровительства торговле и промыслам...

Чтоб дать вам понятие о хивинских послах, достаточно рассказать одно обстоятельство: их двое, равносильно уполномоченных, и у одного, человека пожилого, проваливается нос от недуга непристойного, но страшно распространенного в киргизской степи. Хрящ в носу уже провалился. Когда послу сказали, что в таком виде ему неловко будет явиться к белому царю - киргизы и хивинцы называют нашего царя Ак-падша, "белым падишахом", он весьма удивился и настаивает на том, чтобы ехать в Питер, вовсе не находя крушение носа своего серьезным препятствием..."

Да, что-то было известно раньше, но многое услышано, а, может, и увидено, уже в Оренбурге. Чтобы войти в курс основных событий, многих дней не потребовалось.

Ни Бутакову, ни его художнику.

Только источники информации были у них разными. У Бутакова - первые дома города (Обручевы, Толмачевы, Бларамберги...), у Шевченко - люди в основном не именитые: чиновники отнюдь не высоких классов, преимущественно из Пограничной комиссии, офицеры, пышными эполетами не отягощенные, просто мещане, просто обыватели. С людьми он сходилась быстро, общий язык находил сходу.

Источники разные - новости в главном общие. Европейские, азиатские, петербургские, оренбургские... Иной раз ими обменивались, и это позволяло увидеть одно и то же как бы с разных колоколен, а в результате понять, прочувствовать глубже.

Офицерской властью Бутаков не сковывал.

М.М.Лазаревский: "...Шевченко и его товарищи... пользовались полной свободой..." (Это о Тарасе, Томаше и Брониславе).

Лазаревский Ф.М.: "...попал в Оренбург и поселился в квартире моей, близ костела..."

В доме Кутиных? А как же "на одной квартире с Бутаковым"?

Это поселился надо понимать так, что, живя при начальнике экспедиции, Шевченко мог ночевать и у приятеля-земляка.

Но пока его оренбургский быт только-только определялся. Шли самые первые дни по возвращении из степи.

"СКУЧНЫЙ ГОРОД СКУЧНОЙ СТЕПИ"

1.

Аполлону Григорьеву, современнику Тараса, приписывают такие строки об Оренбурге:

Скучный город скучной степи,
Самовласть гнусный стан,
У ворот - острог да цепи,
А внутри - иль хам, иль хан.

Хлесткие - как пощечина - слова, и сказаны они человеком не со стороны, узнавшим сей город не по чьим-то рассказам, но воочию, на себе. И так ли существенно, что очутился он тут не в сорок девятом или пятидесятом, а десяток лет спустя? Жизнь тогда текла неспешно, менялась же и того медленнее. Казалось даже, что не менялась вовсе.

"С Казанью кончаются города и начинаются сочиненные правительственные притоны, в роде Самары, Бузулука и Оренбурга..."

Снова Григорьев - теперь в прозе. Правительственный притон - из его письма. Ничуть не мягче, чем "самовласть гнусный стан". Пожалуй, даже определеннее, ошутимее, хлестче. Еще раз пришло ко мне это слово, и совсем не случайно.

Он, Аполлон Григорьев, многое повидал. Хорошо знал Москву и Петербург, побывал в Твери, Ярославле, Казани... мало ли куда судьба забрасывала? Никто его в Оренбург не гнал, не по приговору сюда ехал - в надежде на спокойное учительствование и безбедное существование своим трудом, на давно потерянный душевный покой. Увы, того, на что надеялся, не обрел.

"Скучный город скучной степи..." Григорьев ехал сюда прямо из столицы с ее бурной литературной, театральной, политической и всякой другой жизнью - Оренбург ничем таким, в его глазах, не отличался.

Другое дело - Шевченко. С Петербургом он расстался почти два с половиной года назад, а в Оренбург следовал из "скучной степи", для которой этот город был отнюдь не скучным, напротив даже - чуть ли не светом в окне жизни.

2.

Если не Оренбург, то что?.. Раим? Орская?

Спрашивать его, куда хотел бы отправиться, не собирался никто.

У кирилло-мефодиевца Костомарова Николая Ивановича спрашивали. За полтора года до этого октября-ноября он, отсидевший год в Алексеевском равелине, должен был отправиться на службу в Вятку. Но мать, ссылаясь на "чрезвычайно болезненное положение сына", просила дать ему возможность "быть в теплом климате". Как водится, доложили царю, и тот: "Высочайше повелел спросить его, по невозможности позволить жить ему в полуденных губерниях, хочет ли он ехать в Саратов или в Оренбург?" От Оренбурга Костомаров отказался - предпочел Саратов. Там и поселился.

У него, Шевченко, не спрашивали. Решали без спросу, с нижним чином не считаясь.

"Мне открылся город..."

В заголовке этой части книги - слова из "Близнецов".

Внешне Оренбург ему открылся еще вечером 9 июня 1847-го и в немногие последующие дни до отправки в Орскую. Тогда все впечатления были первыми и, смею сказать,... поверхностными.

Изнутри - глубинно - город открывался для Шевченко только сейчас, в зимнюю пору сорок девятого.

Опять из "Близнецов":

"...эполеты да каски, каски да эполеты, козаки да солдаты, солдаты да козаки, даже бабы ходят по улице в солдатских шинелях..." Такого он не видел еще никогда и нигде.

Статистика, что и говорить, важна. Сколько было в Оренбурге всех жителей и сколько служивых - это в цифрах, которые я привел. Ну а дух - передаст ли его пусть самый добросовестный учет количеств?

Дух... Он и в... афоризмах Козьмы Пруtkова. Есть среди них, напомним, те, что об"единены в цикл под названием "Военные афоризмы. Для гг.штаб.- и обер-офицеров, с применением к понятиям и нижних чинов". Отчего их вспомнил? Да хотя бы оттого, что молодые отцы именитого Козьмы Петровича - А.К.Толстой, А.М. и В.М.Жемчужниковы - были племянниками оренбургского военного губернатора Василия Алексеевича Перовского и многое почерпнули в своих поездках в Оренбург.

Итак - "военные афоризмы" Козьмы Пруtkова, "управляющего Пробырной Палатки".

Нет ад"ютанта без аксельбанта.

.....

Да будет целью солдатской амбиции

Точная пригонка амуниции.

.....

Если ты голоден и наг,
Будь тебе утехой учебный шаг.

.....

В гарнизонных стоянках довольно примеров,
Что дети похожи на господ офицеров.

.....

Насколько полковник с Акулиной знаком,
Не держи пари с полковым попом.

.....

И так далее - афоризмов в этом цикле не один десяток.

А не дух ли и батальонов оренбургских в иронической, даже саркастической, прутковской песне:

Марш вперед! Ура...
Россия! Лишь амбиция была б!
Брали форты не такие
Бутеноп и Глазенап!

Продолжай атаку смело,
Хоть тебе и пуля в лоб –
Посмотри, как лезут в дело
Глазенап и Бутеноп.

А отбой когда затрубят,
Не минуй румяных баб –
Посмотри, как их голубят
Бутеноп и Глазенап.
Если двигаются тихо,
Не жалея солдатских...
Посмотри, как порют лихо
Глазенап и Бутеноп...

"Песня" много длиннее, и в каждой строфе - свои детали военного быта, в том числе, наверняка, оренбургского.

...Дух это важно... Важнее даже статистики... "Эполеты да каски, каски да эполеты..." Тут не внешнее, но изнанка. Сама суть.

3.

Но законченным воплощением этой сути стал, на мой взгляд, эшафот, доставленный в Оренбург в сентябре сорок седьмого.

Эшафот в комплексе с позорным столбом.

Такой же груз получили другие города Оренбургской губернии: Уфа, Челябинск, Бугульма, Белебей, Мензелинск, Стерлитамак и другие.

Все дошло наилучшим образом. И все-таки присылка вызвала переписку. О чем? По какому поводу?

В одном случае попросили "навес для хранения в оном эшафота", в другом - "сарай для помещения эшафота". В столицу ушли отношения и насчет "устройства позорных дрог под эшафоты для девяти городов здешней губернии".

Репорты, выкладки, сметы - совершенно спокойная, деловая переписка, будто речь идет не о "помосте, полатах, полоке... для смертной казни преступника" (Даль), а о чем-то очень житейском.

"Переписка об устройстве в городах Оренбургской губернии эшафотов" (ЦГА Башкирии, ф.6, оп.1, д.351) охватила довольно широкий круг учреждений: казенную

палату и гражданское правление, канцелярии гражданского и военного губернаторов, самих этих высоких лиц непосредственно. Продолжалась она долго, папка обрастала все новыми бумагами и в конце концов оказалась толщиной в 88 листов.

Но касалась она не главного. Эшафоты были на местах. И, разумеется, в Оренбурге.

Переписка, переписка... В ней и люди, меня (всех нас) интересующие, и отрезвляющие черты жизни. (Отрезвляющие, если у кого-то вдруг возникнет мысль о ее спокойном течении, нисколько не т я ж е л о м характере).

Шевченко пребывал уже в этом крае, когда возникло и другое дело - N 2317 (ф.И-1, оп. 1) названного архива - под заголовком "Материалы о доставлении 50-ти пар ручных кандалов для тюрем Оренбургской губернии" (16 октября 1847 - 12 марта 1848). Речь шла не о первых кандалах в тюремном хозяйстве - о пополнении "арсенала".

Запросы удовлетворили полностью.

...Еще одно дело, тюрем касающееся: "О составлении расписаний свободных помещений в крепостях для арестованных". (Там же, ф.1, оп.1, д.2285).

Расписание "крепостям, в которые должны быть высылаемы... приговариваемые к каторжной работе в крепостях и к временному заключению в оных, а также бродяги, подлежащие, по приеме в рекруты, испытанию и исправлению в поведении в арестантских ротах", указывало, что в Оренбурге каземат обязан вмещать 160 арестантов, в Орске 80 и так далее, безотказно "обслуживая" не только Оренбургскую, а и Вятскую, Пермскую губернии. (Правда, делалась оговорка: "Осуждаемые в каторжную работу татары, из губерний Казанской, Симбирской и Оренбургской, должны быть отправляемы, согласно существующему закону, в крепости Аландскую, Свеаборгскую и Выборгскую, в Финляндии находящиеся").

Сибирь была переполнена, ставку делали на Оренбург, его крепости и города.

С эшафотом Шевченко, слава Богу, не спознался. Кандалов удалось избежать тоже. А вот казематов здешних - что оренбургского, что орского... Они, как оказалось, были рассчитаны и на него.

Снова из "Близнецов":

"На мой взгляд, в физиономии Оренбурга есть что-то антипатичное..."

Аполлон Григорьев: "скучный город скучной степи".

НЕ ОБ ОДНОЙ ЛИШЬ УКРАИНЕ

1.

Вторая глава кряду заканчивается словом с т е п ь . А эту... эту со степи и начинаю.

Теперь, когда степь и степняков узнал он достаточно хорошо (и, главное, лично), все происходившее на бесконечных просторах к югу от Оренбурга занимало Тараса как нельзя больше.

При первом знакомстве, первых встречах с Федором Лазаревским - тогда, в июне сорок седьмого - говорили почти исключительно о родной им Украине; это была единственная общая для них тема. Украинские воспоминания, украинская поэзия, украинские песни...

Нет-нет, и сейчас волновали они по-прежнему. Но на равных с ними звучали нынче и отчетливо выраженные "казахские мотивы". Шевченко, как убеждались его собеседники, проникся, пропитался ими в полной мере.

Жизнь казахов смотрела с листов его альбомов - Федор видел такое во время собственных поездок в степь и не мог сдерживать своего удивления, а порой восхищения правдой карандаша и кисти приятеля.

Слушал "У Бога за дверми лежала сокира..." и опять же дивился глубокому поэтическому проникновению в прошлое и настоящее казахов.

У Тараса были свои, собственные мнения о султанах Алтынгазы и бие Кульбае, о взаимоотношениях родов, о казахском земледелии, о гушуре... Лазаревский не мог не

признать, что земляк его понял доселе незнакомый народ получше многих чиновников Пограничной комиссии.

Сам Федор незадолго перед тем вернулся из очередной своей командировки и впечатлениями был полон до краев. Не стану доискиваться того, что мог он рассказывать в разговоре с уважаемым земляком - сочинять незачем. Тем более, когда есть письмо, незадолго до того отосланное Лазаревским домой. 17 сентября писал:

"...Находился я в степи и сделал там много, теперь понемногу отдыхаю. А как хороша была жизнь в степи. Как утешительно сознание, что каждый день не потерян. В каждый день успел помочь кому-нибудь, сделать хорошее. В степи лучшее занятие было мое - созвать лучших киргизов и толковать с ними; или поехать по аулам и спрашивать, не обижают ли их, довольны ли они, и потом сейчас же исправить зло, если оно есть. Для киргизов это решительная невидаль, зато - слышу - во всех концах меня благословляют и усвоили мне очень лестные имена: а к у р у с (белый, чистый русский) ,адиль урус (справедливый русский) и прочее. Во всей степи меня иначе не называют, как ак урус, и если бы кто им сказал: Лазаревский или чиновник генерала, - для них был бы это незнакомый человек, а ак уруса знает всякий ребенок.

...В степи нажиться весьма легко, иной мерзавец здесь засядет, грабит всех, обкрадывает казну, самовластвует, а потом, когда придет чиновник, даст ему все, лишь бы он молчал, лишь бы он дал ему возможность снова грабить. Моя метода была другая - я давал, что мог, бедному, но ничего не взял с богатого. Вы поймете, что такой человек для киргиз находка, потому что русские чиновники редко посылаются далеко в степь, а хорошие едва ли и посылались. В этой части орды, куда я ездил, русского чиновника не было с 1842 года.

...В последнюю поездку, к китайцам, я мог бы вдруг приобрести очень много - мне сулили не сотнями, а тысячами... Но я пошел прямой дорогой и крепко сжал одного негодяя, который несколько уже лет не знал неисполненного в степи желания. Теперь, слышу, он поехал в Оренбург жаловаться на меня. Бояться мне нечего, но ежели мерзавцу помогут тысячи и его оправдают, ежели мои представления не будут уважены, так я решительно умываю руки от оренбургской службы..."

Письмо это во многом определяет суть его, Лазаревского, рассказов и их с Шевченко разговоров - о виденном, слышанном, пережитом в степях, о жизни и судьбе коренных степных жителей.

...И снова рассматривали рисованное Тарасом, снова Федор просил читать стихи о святом дереве.

.. Л кайзаки не минають
Дерева святого.
На долину заїзжають,
Дивуються з його
І моляться, і жертвами
Дерево благають,
Щоб парости розпустило
У їх бшчтм край
Думалось не об Україні тільки...

2.

Не возьму греха на душу и не стану утверждать, будто новые знакомства также были предопределены степенью знания будущими знакомыми истории, быта, нравов кочевников.

Замысла широкомасштабного произведения о крае у Шевченко пока не возникало. Все то поэтическое, что в нем созрело, на бумагу уже выплеснулось. Иное дело - художественное. В рисунках он запечатлел меньше, чем хотелось, чем мог. Казахов будет писать и в Оренбурге. Жизнь, люди степей\ заслуживают особого альбома, да такого, чтобы разошелся по всему свету. Но альбом дело не скорое, враз не подготовишь, не

оформишь; о нем, собственно, и не мечтается. Может, когда-нибудь потом - если, конечно, это потом будет... ежели позволит государь...

А все-таки большинство знакомцев несло в себе отсветы, отголоски близкой и дальней степи. Как и Лазаревский, как Сергей Левицкий, многие - почти все - служили в Пограничной комиссии, обязанностью которой, согласно статусу, было "общее управление оренбургскими киргизами".

Реконструировать этот круг позволяют показания Левицкого на следствии пятидесятого. Его спросили о близких знакомых, и он назвал тех, кого не мог не назвать, - в таком городе, как Оренбург, на виду был каждый.

Два брата Бондаревских... Два брата Бикмаевых... Орлов. Первухин. Винер. Костромитинов, Сердюков... За именами стояли люди, разные и по возрасту, и по положению.

Михаил Бондаревский был старше своего брата Александра на добрых десять лет, хоть и ему, "старшему", едва исполнилось двадцать семь. Сыновья титулярного советника Саввы Бондаревского отличались безусловной старательностью и в полной мере унаследовали порядочность отца, оренбургского дворянина, ни на что дурное не способного. Михаил уже выезжал в командировки, всякий раз снискивая себе похвалы - умел видеть, анализировать, принимать меры. (ЦГИА Казахстана, ф.4, оп.!, д.2191, 2667 и др.).

Ибниамин и Айса Бикмаевы служили по "азиатской части" в общей сложности лет пятьдесят, даже больше. Их отец был переводчиком, оба получили основательное образование. Айса окончил Омскую азиатскую школу, потом Казанскую губернскую гимназию, а дальше и Казанский университет. Свою службу, как и степь, братья знали во всех тонкостях. Ни для кого не было тайной, что Ибниамин уже подал прошение об отставке с должности советника (она не без оснований грезилась Ф.Лазаревскому). Что касается Айсы, то он, после трехлетнего перерыва в службе, в следующем году сменил Александрийского на посту попечителя Орской дистанции. (Те же архив и фонд, д.2526, 2563 и др.)

Сердюков Моисей Дмитриевич - еще один земляк! - происходил из дворян Кролевецкого уезда Черниговской губернии. Там и службу начинал - еще в 1826-м. Служил в уездном суде, уездном почтамте. Затем - по доброй воле, карьеры ради - поехал в Сибирь. Много раз участвовал в степных операциях, задуманных в Омске, потом, спустя годы, получил перевод в Оренбург и опыт свой применял уже тут. Больше не в самом Оренбурге - на подведомственных ему (ничуть не меньших, чем сибирские) просторах кочевий с бесконечными их проблемами - экономическими, политическими, военными. (Там же, д.2357).

Мориц Иванович Винер был в Пограничной комиссии казначеем и экзекутором. Тоже дворянского рода, но лютеранин, он учился в Ре-вельской гимназии, однако полного курса не кончил. По чьей-то рекомендации лет десять назад попал в Оренбург. И на службе в канцелярии военного губернатора, и потом - по обязанностям чиновника училища земледелия и лесоводства, провиантской комиссии, а уж Пограничной комиссии и подавно - со степью спознал не вприглядку, жизнь ее узнал не издалека, а изнутри, и мог о ней рассказывать бесконечно. (Там же, д.2649)

Первухин Михаил Борисович долгие годы служил переводчиком, толмачем, но теперь ему вроде бы улыбалась удача: вопрос о назначении М.Лазаревского на службу в Петербург был, по всему судя, предрешен: должность попечителя прилинейных киргизов в Троицке предназначалась ему. Это было повышением, и не радовать оно не могло. (Там же, д.2573). Михаил Борисович закончил отделение словесных наук Казанского университета, учил арабским языкам в Казанской гимназии и сам учился всю жизнь. (ГАОО, ф.6, оп.6, д. 13624-6).

Всех их я свел на этих страницах по одному-единственному признаку: знанию степи, близости к ней. Отдаю себе отчет в том, что соединение многих и разных людей на

такой, только такой, с т е п н о и , платформе некоторым образом искусственно. Каждый входил в круг его знакомых по своему, занимал в нем место свое. Главное - занимал. Но не без воздействия общности деловой, степью рожденной.

...Не об одной лишь Украине говорили теперь меж собою Тарас с Федором, Тарас с теми, кто посвятил себя степным делам-заботам. Говорили на равных.

ШТРИХИ... ПОРТРЕТЫ...

1.

Залесов - не Залеский.

Биографам Шевченко фамилия, поставленная тут первой, неизвестна. Никаких следов носителя ее - высокопоставленного генерала от инфантерии - в жизни поэта не сыщешь.

Полным генералом, правда, Залесов стал лишь десятки лет спустя. Тогда же, в Оренбурге, был он всего-навсего прапорщиком. Двадцатилетним юношей, надевшим самые скромные офицерские погоны, и только.

О знакомстве его с Шевченко нам известно из мимолетного автопризнания Залесова в посмертно опубликованных "Русской стариной" записках. Там-то, перечисляя события своей жизни в 1849-м, не упустил он и "привоз в Оренбург, служивший тогда одним из главных мест ссылки, малороссийского поэта Шевченко". О нем, изгнанном из столицы поэте, сказано "в 4-х" - в самом конце его перечня случившегося. И тут же, дальше, читаем: "С последним (т.е. Шевченко - Л.Б.) мне удалось познакомиться, хотя, к сожалению, ненадолго, ибо Обручев, найдя пребывание его в Оренбурге почему-то небезопасным, отправил Шевченко в заброшенный в пустыню Александровский форт (позднейшее название Новопетровского - Л.Б.), куда даже офицеров посылали в виде особого наказания".

Удалось познакомиться я... Каким образом? Где?

Наиболее достоверную версию подсказывает тот же Залесов, мимоходом упоминая, что дядей его был "ветеран польской и турецкой кампаний" майор Балагуров, служивший "смотрителем госпиталя".

Александр Васильевич Балагуров, однажды упомянутый в шевченковском "Дневнике" как знакомый ему смотритель Новопетро в с к о г о полу госпиталя, был причастен к медицинской службе корпуса и до того, еще в Оренбурге. Среди медиков же, чинов госпитальных, аптекарских, знакомства у Шевченко были и широкие, и тесные. Мог таким образом спознаться и с Балагуровым, а в его доме с племянником-прапорщиком.

Знакомство их продолжалось действительно недолго - на поэта обрушились новые беды. В воспоминаниях ему уделено всего несколько строк, причем, согласитесь, весьма общих.

Но записки в "Русской старине" богаты именно своей конкретностью. Оренбург и оренбургское вошли в них не общими словами, а живыми штрихами и выразительными портретами. Они для нас важны и - спасибо за них Николаю Гавриловичу Залесову, тогда просто Николаю, из самых молодых Тарасовых знакомых.

О нем тогдашнем. Родился в мае 1828-го неподалеку от Бугульмы. Отец был "маленький чиновник земской полиции вроде нынешних станowych приставов", впоследствии служил стряпчим в Белебее и на этой должности закончил свою скудную "карьеру". Матушка Николая состояла в родстве с Аксаковыми, владела маленьким селцом с несколькими крепостными душами. Крестным будущего генерала являлся отставной полковник Угличинин - ветеран еще суворовских войн. По достижении тринадцати лет юного Залесова отвезли в Оренбург и осенью 1841 г. определили в Неплюевский кадетский корпус. "Нас кормили плохо, держали в холодных комнатах, бессовестно воруя дрова, учили всему и ничему, т.е. верхушкам, налегали всеми мерами на фронт, исправно секли по субботам и выпускали в офицеры, не обращая почти

никакого внимания на умственные способности". По окончании курса Николай Залесов был произведен в прапорщики с назначением в Оренбургский линейный батальон N 3. Мечтал об артиллерии, а потому почувствовал себя обиженным, даже оскорбленным: батальонные офицеры котировались в глазах общества невысоко, барышни из благородных семейств не желали с ними даже танцевать. Путь был один: поскорее выбираться в академию. Отправился он туда в пятидесятом.

Но в записках влекут меня штрихи и портреты оренбургские.

2.

Дебют служебный

... - В первом же вечернем приказе по батальону, который принесли мне, значилось, что моя рота назначается на следующий день для производства за казармами экзекуции, для чего из надлежало быть на месте в 5 часов утра. Надобно сказать, что до тех пор я не имел никакого понятия об экзекуциях и никогда на них не присутствовал; все представления о самом сильном взыскании складывались в моей голове в наказании розгами, существовавшем в тогдашних кадетских корпусах, но которого я, благодаря Бога, не испытал...

На другой день к 5-ти часам я был уже в казарме. Выстроили роту, рассчитали и повели на плац, где развели шеренги на расстоянии шагов пяти, обернули лицом одну к другой и дали каждому солдату по длинной палке толщиной в палец. Чрез несколько минут к флангу роты приблизились под конвоем пять человек, истомленных донельзя и оборванных башкир; вынырнул откуда-то аудитор, раздалась команда "на караул", и началось чтение конфирмации.

По окончании чтения несчастных раздели, всунули каждому в связанные руки по прикладу ружья, другой конец которого держал унтер-офицер; раздалась вновь команда, в руках солдат появились палки, уныло забил барабан, и осужденные, ведомые на некотором расстоянии один от другого, двинулись по живой улице солдат. Свистнули палки, пронесся крик, сердце невольно у меня сжалось, и я закрыл было глаза, как вдруг вблизи раздалось хлоп по чьему-то лицу; я взглянул и увидел ротного командира, производившего над одним солдатиком своеручную расправу.

- Ах ты такой, сякой, - кричал ротный, употребляя самую непечатную брань, - еще жалеть вздумал, бей во всю руку, а не то я тебя самого разложу!

Обратясь ко мне, прибавил: - А ты, брат, что спишь? Твое дело ходить по рядам и смотреть, чтобы хорошенько били. Ступай же! Нечего делать, пошел я позади шеренги, но не для того, чтобы исполнять приказание ротного. Вот каков был мой служебный дебют. С страшным озлоблением противу начальства возвратился я домой и пережил один из самых тяжелых дней моей жизни; впоследствии, когда подобную службу пришлось исполнять весьма часто, я уже не закрывал глаз, но постоянно испытывал то же чувство омерзения, как и при первой экзекуции. Так притуплялись в ту пору даже в мирное время все легкие юношеские чувства у людей военных, и надобно было иметь слишком доброе сердце, чтобы, пробыв в такой службе несколько лет, не загрузеть окончательно. Будни

... - Кроме экзекуций, назначения через 2-3 суток в городские караулы, парадов и разводов, которые до страсти любил Обручев, и других нарядов на службу, мы ходили еще ежедневно по два часа на учения: утром от 6 до 9, а вечером от 6 до 8...

... Особенное внимание обращалось на равнение и салютовку, которые служили истинным наслаждением для корпусного командира. Людей при тогдашней стойке заставляли выпячивать всеми мерами грудь вперед, а груди старались вытянуть в одну совершенно прямую линию. Выравнивание шло, бывало, часа полтора до приезда главного начальника, и Боже сохрани потерять его, возмездие за это следовало известное: кулак в зубы и палка в спину...

... - Корпусной командир изволит еха-а-ать! Не понравится салю-товка, равнение или шаг, проваливайся тогда сквозь землю: крик и гвалт пойдут на весь плац и'конец концов - офицеры засажены на гауптвахту, батальонный выбранен елико возможно, а

бригадный и дивизионный стоят красные, как раки, перед корпусным, держа руку у шляпы...

Из нравов внутренних

"... Баталионы, в которые мы поступили, имели всех ротных командиров и значительное число младших офицеров из фельдфебелей или из неучей-юнкеров, отличавшихся самыми смутными понятиями об общественной жизни..."

"... Битье друг друга не влекло за собою дуэли, всегда кончалось мировой..."

"... - Третьим баталионом (наставляли новичка)... командует майор Лепехин; ругается не сильно, но при этом всегда плюется, так что близко стоять нельзя; впрочем, старик добрый и по ночам любит, по нашему, пропустить за галстук; а вот уж во втором - подполковник Чигирь, - это дантист, мало что разберит тебя всячески, шкуру, кажется, готов содрать во фронте..."

3.

Зачем я это выписываю?

А затем, что Залесов правдив и точен - в записках его все, как было.

Это первое. И второе - Шевченко отдали в солдаты, а собственно солдатской жизни на страницах "Были о Тарасе" почти нет.

Оправдываю себя тем, что не нахожу такое в привлекаемых документах и мемуарных источниках, сочинять же - не мое дело.

А Залесов пробел восполняет. В его воспоминаниях - Оренбург в о е н н ы и . Жизнь солдатская, жизнь офицерская - и такая, какой она была при Шевченко. Тот самый город, те самые люди - все то же. Как тут гфойти мимо - не выписать, не воспроизвести?

Итак, на учениях:" Дело взыскания велось просто: сначала следовала непечатная брань, затем тычки в лицо, в спину, в бок и прочее,потом битье по физии и, наконец,розги или палки и держание на часах под ружьем в ранце, набитом песком ..."

Это солдатам. Тяжело было и молодым офицерам. Назначенным в караул: "стоять затынутым в тогдашний мундир с высоким воротником, имея на голове массивную каску с застегнутыми чешуями". Отправляемым для проверки несения службы: "Приходилось пробираться везде пешком. На улицах ни души, ни огня, в двух шагах ничего не видно, и только молишь Бога, как бы не заплутаться и не замерзнуть, особенно идя в госпиталь, стоявший в степи в полуверсте от города". Судьба офицерская была близка солдатской: "Все офицеры служили из-за куска хлеба, а жаловаться на начальство было немыслимо". Где уж жаловаться! "...Независимо битья нижних чинов, подполковник Чигирь нисколько не стеснялся и с офицерами... Самою мягкою бранью у Чигиря считалось, когда он говорил офицеру: "ну, куда ты завел свой взвод, поди, брат, лучше утопись в Урале..."

И все-таки офицеры хоть какой-то роздых имели, хоть какими-то правами пользовались. Любопытны страницы о чтении, о библиотеке.

"...Потянулась грустная жизнь: ученья, парады, разводы с грубостью начальства, недостаток содержания дпрапорщик, за вычетами на библиотеку, офицерский капитал и проч., получал тогда в треть пятьдесят с чем-то рублей/, - вот что наполняло нашу службу в Оренбурге, и единственным средством отдыха от всех этих дрызг оставалось чтение, благо дивизионная библиотека находилась под рукою.

Библиотека начала составляться несколько лет назад при штабе дивизии на деньги, вычитавшиеся у офицеров из жалованья, и в мое время помещалась в казармах 3-го батальона. Не знаю, сколько платили в нее высшие чины, но с прапорщиков вычитали по два рубля в треть, и за исключением сочинений Михайловского, Данилевского, Лукьяновича о компании 1828-1829 годов в Турции, в библиотеке не было ни одного военного издания, считая в том числе и учебные военные руководства, но зато она была наполнена всевозможными повестями и романами, особенно же бывшими тогда в моде сочинениями Дюма, Сю и др. На иностранных языках не было ни одной книги. Все офицеры зачитывались тогда чуть не до сумасшествия "Вечным жидом", "Монте-Кристо" и т.п., а из русских произведений, кроме Загоскина и Лажечникова, страшнейший фурор

производили Лермонтов своим "Героем нашего времени", ибо редкий из офицеров не находил в себе некоторого сходства с Печориным или не желал бы подражать ему. Начинали также почитать и Гоголя, но как-то нерешительно, ценя его исключительно как юмориста.

Из стихотворений читали того же Лермонтова, Пушкина, Грибоедова, Козлова, особенно Бенедиктова, стихи которого "Кудри девы-чародейки" и "Блажен, кто мог на ложе ночи" Языкова вся молодежь знала наизусть; старики же, напротив, декламировали Давыдова: "Бурцев, ера-забияка". Но к чему была особенная страсть у тогдашних офицеров, даже женатых, - это к непозволительным сочинениям, какого бы то ни было содержания, общего или политического; почти у каждого была тетрадь непозволительных стихов Баркова, Пушкина и пр., которые хранились как драгоценность и переписывались друг у друга; у более же развитых людей имелись тетрадки с поэмами Рыльева и стихотворениями, подобными известному тогда "Спору Польши с Россией": "Собирайтесь, слуги и вассалы, на кроткий господина зов..."

Ежегодно осенью все офицеры собирались в библиотеку, под председательством Чигиря, чтобы решить, какие книги выписать на будущий год. Обыкновенно сначала утверждался тот список книг, которые выбирал сам Чигирь, затем назначали уже офицеры; останавливались почти всегда на романах и в редких случаях на сочинениях об охоте.

Таков был в то время запас печатных сведений, которыми мы могли пополнять свое образование из нашей библиотеки; но спасибо и за это - все же лучше было провести время за романами, чем в пьянстве и карточной игре, как это делали многие из старых офицеров..."

...Мог бы, конечно, эти страницы пересказать короче, мог разве с т и и пространнее, все названное цитируя. Но достовернее, а потому убедительнее, свидетельство подлинное, дословное. Насколько мне известно, единственное, касающееся организации и круга чтения в Оренбурге шевченковских лет, у тех, кого он, Шевченко, знал. Коротко ли, отдаленно, но знал. И через которых мог иметь, пусть иногда, когда потребность возникала, доступ к той дивизионной библиотеке в казарме третьего батальона. Не всяк приметил появление в городе Шевченко. А вот мимо Залесова - увлеченного книгочех - привоз м а лороссийского поэта не прошел. И не упустил прапорщик возможности свидеться с ним, познакомиться. К сожалению - сетовал - ненадолго...

Залесов вполне мог быть среди тех, кто впоследствии охранял Шевченко-арестанта.

Вспоминал сам: "Офицерских караулов в то время содержалось в Оренбурге четыре: 1) на главной гауптвахте, помещавшейся на площади в подвальном этаже здания 2-го эскадрона Неплюевского кадетского корпуса, 2) при городском тюремном замке, 3) при Сакмар-ских воротах крепости, через которые проходил Петербургский тракт, и 4) на Меновом дворе (только летом) в полутора верстах от города, во всех других местах и выездах стояли посты унтер-офицерские..." Постовая, караульная повинность была для него среди самых тягостных.

4.

В записках Н.Г.Залесова множество любопытных деталей, касающихся Оренбурга того времени.

Ну вот такая: любитель парадов и разводов, Обручев устраивал их по всякому поводу. Поводами могли быть: взятие Парижа русскими войсками, день Полтавской битвы, престольный праздник военно-учебных заведений и т.д., и т.п.

Или характеризующая отношение к тем, кто стремился учиться: "Прослужив два года и заявив желание готовиться к экзамену в военную академию, я просил освободить меня от некоторых обязанностей службы, и этого было довольно, чтобы на меня воздвиглись гонения". Гонения? "Еще в академию собирается, а ногу вытянуть не умеет!" - высмеивал его перед строем командир батальона. "Хорош академик!"

- прилюдно язвил корпусной. Метки портреты оренбургских деятелей
 - что Толмачева и Федяева, что Зеленко и Майделя, что Лифлянда и Содальского.
- А уж Обручева...

"Физиономия Обручева отличалась тем, что она всегда имела самое разобщенное выражение. Нередко к нему являлись люди, только что прибывшие в этот край, и те, выходя от него, задавали своим знакомым вопрос: "Скажите, пожалуйста, чем мы могли обидеть генерала, что он встретил нас с таким лицом?" Замечательно, что такое же выражение физиономия В.А. сохраняла даже в церкви, во время службы... Были, однако же, минуты, когда и на этом суровом лице появлялось что-то вроде ласки - это именно на тех более чем скромных вечеринках, которые Обручев иногда устраивал у себя дома. Тогда он взглядывал как-то добрее, особенно когда он говорил с дамами или ласкал своих детей. Но и тут подобные изменения были мгновенны и лицо его тотчас же принимало всем знакомое выражение..."

Шевченко в мемуарах генерала от инфантерии Н.Г.Залесова ("Русская старина", 1903, апрель-июнь) упомянут только однажды, и то мельком. Да разве суть в объеме информации о нем персонально? Что, менее важна обстановка, менее важен дух времени? То, что было вокруг, виделось ему и на него воздействовало? Воздействует все. Одно больше, другое меньше, но все.

"Мне открылся город..." Открывался он день за днем и с разных сторон.

ДИАЛОГ НАЧИНАЛСЯ В НОЯБРЕ

1.

Право на воспоминания имеет каждый. Но как часто именно те, коим и впрямь есть что вспомнить, сохраненное памятью бумаге не поверяют. Некогда... нескромно... потом... И дорогое, сокровенное уходит в небытие.

В обширном сборнике "Воспоминания о Тарасе Шевченко" есть несколько страниц заметок Бронислава Залеского к адресованным ему шевченковским письмам разных лет. Примечания осведомленного человека, да еще и адресата, безусловно полезны, ценны. Но -. воспоминаний они не заменяют. Не заменит их и та заметка Залеского, которую в свое время обнаружил В.А.Дьяков в краковской Ягеллон-ской библиотеке (рукопись No 9253).- Охарактеризовав состав польских ссыльных в Оренбурге (сведения эти важны и для шевченко-ведов), автор счел нужным сказать свое слово и о Шевченко.

С позволения того, кому принадлежит находка, приведу заметку дословно, в буквальном его же переводе:

"В 1847 г. сослан был в солдаты в Оренбургский корпус замечательный малорусский поэт и художник Тарас Шевченко, которому выразительный приказ царя запрещал писать, петь и рисовать. Велели послать его в отдаленную крепость, где бы было только полноты солдат, так как опасались его влияния.

Командир корпуса назначил его в Орск. Несколько лет спустя он принимал участие в экспедиции Бутакова и 2 года плывал с ним по Аральскому морю, срисовывая профили морских берегов, а на обратном пути и виды степных крепостей - всегда по приказанию начальства. По окончании экспедиции Бутаков привез его в Оренбург. Там украдкой он рисовал портреты, что давало ему средства к жизни, но кто-то из недоброжелателей донес об этом в Петербург. Шевченко выслали в Орск и посадили в тюрьму, где он отсидел около года с киргизами и разными преступниками, пока не пришел новый приказ из Петербурга о высылке его в форт Новопетровск на Мангышлаке. Прибыв туда, он попросил, чтобы ему позволили нарисовать икону для вновь построенной там церкви. Никто не осмелился позволить без царя. Обратились к Николаю, а тот строжайше запретил, повторяя давнишние приказы. В таком положении Шевченко пробыл в Новопетровске до 1858 года. Сейчас он находится в Петербурге и снова работает в Академии художеств".

Если учесть, что написано это еще при жизни Тараса, то как не понять значение

приведенной тут заметки, в которой, не без ошибок и неточностей, прочерчена вся канва невольничьего Ёго десятилетия. Писал, однако, как бы человек со стороны, о Шевченко знающий, но лично с ним самим не знакомый.

Увы, не воспоминания и это. Воспоминаний Залеский не оставил. А было их у него на целую книгу. Со времени первой встречи в Оренбурге 1849-го они накапливались. Может и раньше - с тех лет, когда жил на Украине. Видеть не видел, но слышать о нем мог.

2.

Родился Бронислав в 1820 году в дворянской семье Минской губернии. Получив домашнее воспитание и пройдя курс гимназии, в 1837-м поступил в Дерптский университет, но уже год спустя, за участие в кружке студентов, связанном с конспиративной организацией Шимо-на Конарского, был исключен и арестован. Два года на положении подследственного и - под строжайший надзор в Чернигов. Из тюрьмы - в ссылку. Она закончилась только в сорок пятом.

По отбытии наказания поселился в Вильно. И сразу же завязал новые связи с участниками польского национально-освободительного движения. Опять донос, опять арест. По окончании следствия в сорок шестом Залеского приговорили к отправке в солдаты, сразу оговорив и место службы: Отдельный Оренбургский корпус. Так он стал нижним чином второго линейного батальона. Единственным его преимуществом являлось то, что дислоцировался батальон в самом Оренбурге...

Ф.Лазаревский: "...Узнавши же, что во втором батальоне есть искусный рисовальщик, ссыльный Бронислав Залеский, Бутаков просил командировать и его в помощь Шевченко".

Узнал в самые первые дни по возвращении.

Узнать мог и от Макшеева, и от Бларамберга, и от кого-то из своих знакомых по марту-мая сорок восьмого, в том числе офицеров второго батальона.

Рапорт писал - напомним - пятого ноября. Адресовал его в штаб Оренбургского Отдельного корпуса (в сборнике документов и материалов 1982г. ошибка: "Оренбургского отделения корпуса"). В ш т а б , потому что считал: решение в его компетенции и вмешивать Обручева незначит.

Об этой переписке чуть ранее рассказано уже с достаточной документальной полнотой.

О том, как Бутаков ходатайствовал о прикомандировании к нему Залеского, а оказалось, что надо сызнова просить и о Шевченко с Вернером. Алексей Иванович полагал вопрос о них решенным - так и только так понял майский ответ из Оренбурга. Обручев же, по всему судя, все еще колебался. Дозволить? Не позволять? Имеет право на решение, особенно по Шевченко, без высших инстанций? Или, может, не имеет?

Тревожился Бутаков.

В волнении был Тарас.

Снова в Орскую?!

Но все решилось. И Залеского прикомандировали, и Шевченко при Бутакове оставили. Тревоги рассеялись - не навсегда, так на время.

Тогда-то, десятого ноября, определилась дальнейшая судьба Залеского - на срок небольшой, но определилась.

Тогда же Шевченко и Вернера зачислили на довольствие в Оренбурге. На сколько - они об этом не думали. Бог даст, все уладится. А начало положено.

...Работа их здешняя могла и не состояться.

3.

Бр.Залеский:

- Шевченко обычно рисовал сепией...

- Он очень высоко ценил Рембрандта и в своих работах... искал сильное, даже фантастическое освещение, по примеру голландского мастера...

- Художник Брюллов - учитель Шевченко в Академии художеств в Петербурге. Шевченко сохранил к нему глубокое уважение и сердечную привязанность...

Это из заметок к письмам Шевченко - не воспоминаниям в привычном смысле слова, но записям, сохранившим отголоски полученных тогда уроков.

Залеский, еще отнюдь не "искусный рисовальщик", вероятно впервые оказался рядом с мастером-художником, профессионалом, прошедшим основательную академическую школу. Безусловно способного любителя Шевченко не поучал. Но разве не учило само присутствие м е т р а , не воздействовала сама его работа - увлеченная и увлекающая?

"В помощь рядовому Шевченко..." Перевели сюда Бронислава не для чего иного, как для помощи ему. "Не может по краткости времени кончить все рисунки..." - так оценивал загруженность художника экспедиции ее начальник, мотивируя необходимость в "умеющем рисовать" Залеском.

Помочь он старался. И помогал. Где и какие подтверждения этому? Да ведь мы не знаем и большей части собственноручных работ Тараса, выполненных им в эти оренбургские месяцы. Тех самых, ради которых он был препровожден в Оренбург. Того, что проходило по разряду "отделки гидрографических видов". Лежит себе, не подавая признаков жизни, в каких-то личных или ведомственных фондах. Шевченковское и - сделанное Брониславом. Нам же приходится довольствоваться самой малостью. Выполненным им преимущественно для себя.

В Музее Тараса Шевченко, что в Киеве, хранится "Альбом Обручевых" - в зеленой коже с оттиснутым на переплете золотом "Зоиуешг о" ОгепЪоиг§". Из тридцати шести сохранных здесь работ разных художников почти половину составляет сделанное Залеским. Виды Иргиз-калы, Раимского укрепления, шхун на Косарале - то, что впервые он разглядывал в эти ноябрьские дни, "отделявал", сидя рядом с автором, наблюдая, как работает над тем же материалом он сам. Конечно, это помогало проникновению в замысел, в стиль Шевченко.

Несколько копий с шевченковских рисунков аральского цикла (транспорт в Раим, вид Раимского укрепления, "Аккудак, первые колодцы за Орской крепостью в киргизской степи") вошло в альбом "Ъа ухе йе 81еррез Юг§Ы8е8", изданный Залеским в Париже пятнадцать лет спустя, в 1865 -м. Он настолько усвоил творческую манеру, творческий почерк учителя, что даже когда писал свое, оригинальное, его -чаще безосновательно - упрекали чуть ли не в прямом заимствовании у Шевченко, едва ли не в плагиате.

Для Залеского Шевченко был не только его "бригадиром", непосредственным работодателем, но, прежде всего, учителем, наставником. Для Шевченко же Бронислав являлся вовсе не техническим исполнителем его заданий, не бездумным копиистом - нет, равноправным сотоварищем, коллегой. И при всем том учеником, судьба которого всегда близка по-особому.

Близкой оставалась она годы спустя. В письме из Новопетровского укрепления слышится и живой голос Тараса из той их оренбургской зимы:

- Если... найдешь хорошие эстампы французской школы, как-то Делакруа, Делароша, Ораса Вернье и других, то хорошо скопировать их посредством фотографии, и держи эти копии у себя, смотри, любуйся ими каждый день и каждый час; это так может научить и образовать вкус, как никакая многоумная и многоглаголивая эстетика и философия. Великий Брюллов говаривал бывало: "не копируй, а всматривайся", и я совершенно верю бессмертному Брюллову. Но я, кажется, взял на себя роль профессора, это для тебя только, друже мой единый, потому что в Оренбурге тебе и этого некому сказать, а ты так любишь прекрасное искусство...

Вкус влюбленного в искусство Залеского Шевченко образовывал с первой же их встречи.

Своими работами образовывал. Своим присутствием. Своим талантом.

Взгляд Бронислава проникает в душу.

Смотрит он в упор - вопрошая и утверждая, жалуясь и будоража. Рука заложена за борт солдатского мундира; на погоне - "23". Номер дивизии, в которой служит.

И мундир, и погоны он носит не по собственному желанию; ему эта форма явно не по душе. Но испрашивать милости не станет - не гордыня от такого шага остановит, а гордость-Автопортрет выполнен сепией примерно тогда же. Он близок в главном автопортретам Т.Шевченко. Было время/когда и его числили работой Тараса. Сейчас на сей счет споров уже не ведут - убедились; да только сам повод к такому спору пустяковым не кажется. Определенные основания для "подозрений" имелись: близость техники, близость манер...

Бронислав и на другом рисунке - не его работы, не им выполненном. Имею в виду тот, который часто печатается под названием "Т.Г.Шевченко среди ссыльных поляков". Рисовал Алексей Чернышев - оренбуржец по рождению, петербургский художник-, приехавший в родной город погостить и поработать.

Проходясь по лицам и фигурам, мы видим Залеского уже в самом начале композиции. От него тянется цепь изображенных: Юлиан Ковальский, Александр Чернышев (двоюродный брат художника), То-маш Вернер, Евстафий Середницкий, Людвиг Турно, Александр Попель, Станислав Доморацкий, Людвиг Липский, Тарас Шевченко, Балтазар Колесинский.

О рисунке и тех, кто на нем, писать я намерен и отдельно, и подробно. Сейчас же на этот источник ссылаюсь лишь для того, чтобы высказать мысль об особой роли Залеского в знакомстве, а потом и сближении Шевченко с поляками.

Ф.Лазаревский: "В конце декабря... 1849 года я должен был отправиться за 500 верст в Гурьев-городок и пробыл там до весны 1850 года... В мое отсутствие Шевченко сблизился с поляками, которых в николаевское царствование в Оренбурге была целая колония".

В мое отсутствие... Каждый ведет отсчет от событий, памятных ему самому, ему лично. Но не все события происходят внезапно: ничего такого не было - и вдруг свершилось. Сблизился - не познакомился. Знакомства происходили с первых дней оренбургской жизни, круг их становился все шире, (и персонажами рисунка, разумеется, не ограничивался).

Отсутствовал ли, присутствовал Лазаревский -суть не в этом. Рядом был Залеский, именно он, прежде всего он, стал связным между Шевченко и поляками, заброшенными в Оренбург их общей привередливой судьбой.

Напомню немаловажное:

- Шевченко хорошо говорил по-польски; Мицкевича, Богдана Залеского, а отчасти и Красинского не одно произведение знал на память...

Это свидетельство исходило от Бронислава, узнавшего Шевченко раньше и лучше многих.

Диалог они начинали в первых числах того ноября.

"ОТЕЦ ПРЕФЕКТ"

1.

Навещая Лазаревского, Шевченко всякий раз задерживал свой взгляд на строгом здании костела, что загадочно высилось чуть наискось от дома Кутиных, по другую сторону улицы.

Но за ограду храмового двора он впервые попал только благодаря Залескому. И с почтенным ксендзом познакомил его не кто иной, как Бронислав.

Добрых чувств у Тараса ксендзы не вызывали.

Пришли ксьондзи 1 запалили

Наш тихий рай...

Написано это уже в солдатчину, в Орской. Общась с поляками -собратьями по

несчастью, задумался он над временами, когда

Несити ксьондзи, магната

Нас пор!знили, розвели...

В них, ксендзах, виделись ему виновники распрей меж Украиной и Польшей. Чем больше думал об этом, тем более в своем выводе укреплялся.

В Оренбурге раздумья над прошлым и настоящим продолжались. И устами поднявшегося из могилы казака стародавних времен, вторя ему, поэт написал:

...-Не знаю, як тепер ляхи живуть

З сво! ми вольними братами?

А ми браталися з ляхами!

Аж поки третш Сигизмонд

З проклятими його ксьондзами

Не роз'є днали нас... Отак

Те лихо д!ялося з нами!

Что было, то было. "Правдива дума невесела меж людьми ходить..." И от думы этой ни при каких условиях не откажешься. ...Ксьондзи осажен! осквернили...

Из полутора десятка подобных упоминаний ксендзов в его поэзии разных лет большинство относится к годам неволи. Но тогда же и здесь, на солдатчине, встретился ему ксендз, которого он принял душою. "O]ес ргегесГ... Да, это всего-навсего принятая формула обращения. Но тот, о ком пойдет речь, и впрямь стал отцом для многих - и поляков, и не поляков. Он тоже возносил:

- Те Оешп 1аис1ати8! - "Тебя, Бога, хвалим!"

Но его благодарственная молитва звучала глубже:

- Те, Н'БегШет, 1аидатиз. - Тебя, Свобода, восхваляем". Аллилуйе этого ксендза вторил и Шевченко.

2.

Абрис его, Зеленко, судьбы, предстает со страниц дела "О присылке на жительство у Оренбург префекта бывшей Гродненской гимназии ксендза Зеленки и об определении его католическим священником в Оренбургский корпус"... Между начальной и конечной датами на обложке - двадцать семь лет. Более четверти века, прожитого в степном краю! (ГАОО, ф.6, оп.5, д.10732).

...Михаил Фадеевич (в монашестве Кандид) Зеленко родился в 1797 году в небогатой дворянской семье Виленской губернии. Первоначальное образование он получил в уездном училищеКовно, а затем, приняв в 1815-м монашество, одновременно прошел и "высший семинарский курс", окончив его со степенью "лектора богословия", и полный курс наук по этико-филологическому факультету Виленского университета. После этого Зеленко назначили учителем польского красноречия и латинского языка в Несвижское уездное училище; оттуда в 1825 году он был переведен в Гродненскую доминиканскую гимназию, где со временем стал префектом. В его здесь бытность превратилась она в один из очагов свободолюбия.

После восстания 1831 года, в котором участвовали и гродненские гимназисты, учебное заведение власти закрыли, а префекта, вступившегося за своих учеников, выслали в Оренбургскую губернию. Сюда он был доставлен в конце 1833-го. Долгое время оставался не у дел, терпел крайнюю нужду, но, как и раньше, бескорыстно служил соотечественникам, также в эти места сосланным. Два года спустя, в тридцать пятом, ему разрешили вернуться,,переехать поближе к оставленному не по своей воле отечеству, но изгнанник отказался - "не из'явил согласия".

Только в 1839 году последовало решение о назначении его ксендзом Отдельного Оренбургского корпуса. К тому времени он давно уже стал для многих польских ссыльных признанным духовным отцом. Губернаторы - сначала В.А.Перовский, затем В.А.Обручев, а со временем снова Перовский - официально свидетельствовали, что Зеленко "приобрел доверенность и расположение поляков, пользуется там общим

хорошим мнением" и что он их "своими советами удерживает от предосудительных поступков".

Тем не менее, характеризуя его как вполне благонадежного, начальники губернии полагались на Зеленко далеко не во всем.

"Однажды оренбургскому губернатору В.А.Обручеву донесли, что в местном костеле по вечерам виден огонь и что там собираются на тайные сходки ссыльные поляки. Получив это донесение, В.А.Обручев в сопровождении плац-майора Халецкого и полицмейстера полковника Демостико нагрянул внезапно вечером к костелу и, заметив там свет, тотчас потребовал ксендза Зеленку и приказал ему отво-

рить костел. Когда вошли во внутренности его, то в нем никого не оказалось, и В.А.Обручеву пришлось извиниться пред ксендзом Зеленкой за излишнюю поспешность: не трудно было убедиться в том, что свет в костеле происходил от лучей заходящего солнца, ударявшего прямо в разноцветные стекла окон алтаря".

В этом эпизоде, именно так воспроизведенном в книге Н.Н.Моде-стова "Бывший префект Гродненской гимназии, иеромонах Доминиканского ордена Кандид Зеленко в Оренбурге" (Оренбург, 1913), проявилось истинное отношение властей к опальному ксендзу. Об этом же говорит тот факт, что в течение многих лет Зеленко оставался в списках лиц, состоящих под надзором полиции. От надзора его освободили только 15 марта 1857 года, умер он три с половиной года спустя, в последний день октября 1860-го.

...,"0]ес ргеГек!" - величали его по всей губернии, И Шевченко тоже. В письмах к Брониславу Залескому из Новопетровского укрепления тепло вспоминал он "отца префекта" и просил поцеловать тому руку. А одно из писем, 1854-го, было послано Залескому в адрес ксендза, с передачей.

Адрес был вполне надежным.

3.

Узнать о Зеленко впервые Тарас мог еще от своих польских знакомых в Орской крепости. Ну а знакомство личное состоялось уже в ноябрьском 1849 года Оренбурге. Раньше всего благодаря Брониславу.

Не все, наверняка не все, поляки были глубоко верующими, к таким относился и Залеский. Но костел и неотделимый от него Зеленко являлись атрибутами ихпольскости, их единения в тенетах самодержавной власти, и пришел Шевченко к такому выводу еще до первой встречи с Михаилом Фадеевичем, а уж потом и подавно.

...О, многие в оренбургской колонии поляков отличились стойко-стию и отвагой. В глазах же Шевченко несравненным представлялся подвиг этого немолодого, усталого, но на удивление энергичного и деятельного человека. Давно мог отсюда уехать, еще полтора десятка лет назад, стряхнуть с себя несвободу, жить на воле, - так нет же, отказался во имя высокого дела, ради других.

Кое-кто пересказывал то,отказное, его письмо к губернатору, а по сути самому царю. "Объявленную мне высочайшую милость.и соизволение его величества государя императора на возвращение меня из Оренбурга... я приемлю с глубочайшим благоговением, как знак неоцененного монаршьего благодеяния..." Но - "цель всех моих желаний ныне есть та, чтобы позволено было мне оставаться здесь..."

Шевченко не мог себе и представить, как сам, будучи на месте Зеленко, добровольно отказывается от возможности свободно жить, свободно дышать и творить - а именно это сделал безусловно свободолюбивый и талантливый Зеленко.

Сделал ради блага близких - тех, кто в нем нуждался, кому был нужен, необходим.

Нет, он на такое не отважился бы. Скажи ему: свободен - умчится отсюда при первой же возможности, не теряя ни дня. Меж тем Зеленко искушения избежал, и не корысти для. Высокого долга человек, высокой чести!

Его дом - во дворе костела, среди выращенных им же деревьев - был открыт для всякого. Залеский вспоминал: "Зеленка служил каждому -имя Михаила Фадеевича... знал почти каждый житель Оренбурга. С самого утра двери его дома не закрывались - русские

всех положений, башкиры, татары, гражданские и военные, даже православное духовенство приходило к этому недавнему ссыльному за советом и помощью". (Цитирую по книге В.А.Дьякева "Х#рас Шевченко и его польские друзья". В связи с последними словами цитаты замечу, что ранее упомянутый труд о Зеленко, 1913 года издания, принадлежит перу не кого иного, а православного священника, писавшего о ксендзе с искренним уважением). "Став одним из влиятельнейших людей в городе, он пользовался всеобщим уважением, - отмечал тот же Бронислав. По обыкновению мы называли его "о]сет рге?ес!ет", что было ему очень приятно, так как напоминало гродненские времена. Он очень любил молодежь". К молодежи, наверняка, относил ксендз и Тараса - человека, на много - целых четырнадцать лет - моложе и тоже называвшего его "о.)сет". А если ко всему еще учесть, что он, украинец, говорил по польски...

Поляки, видел, своего пастыря берегут. Этот человек должен был оставаться вне всяких подозрений. Любопытный факт сообщает Дьяков. У Хипполита Завадского, сотоварища Шевченко по пятому линейному батальону, при обыске отобрали письмо некоего Людвиг (скорее всего - Турно), который своему адресату выговаривал: "Надо еще хорошо тебя побранить за твое письмо, которое всем нам поставило волосы дыбом... Все можно, но только с рассудком. Префект был от этого письма в таком затруднении, что даже отрекся от него и воспрещает писать под его адресом к кому бы то ни было".

Относившийся к дружбе Тараса с поляками совершенно негативно, Ф.Лазаревский называл в ряду тех, к которым Шевченко стоял всего ближе, и Зеленко, тут же именуя его одним из двух (вместе с Венгр-жиновским) воротил и центров "польского населения в крае".

Перовский некогда отзывался о нем так: "Ксендз Кандид Зеленко мне известен, как человек кроткий, надежный, ни в чем неблагонамеренном не замеченный..." Не замеченным в чем-то "предосудительном" оставался он и теперь. Но обета неучасти» в жизни мирской кто-кто, а Михаил Фадеевич не давал. И в доме его разговоры были не только о божественном.

4.

...Во !м'я господа Христа
І матер! його свято!!
Ляхи прийшли на нас войною!
Святие божн м!ста!
Ксьондзи скажет осквернили!
Земля козака зайнялась
І кров'ю, сину, полилась...

Не сразу излилось на бумагу его "Буває, в невол! !нод! згадаю..." В автографе "Мало! книжки" многие строки исправлены, некоторые из них - не раз.

"Ксьондзи скажет..." Что, клеймит чужую веру, превознося свою? Но не прощает, ничего не прощает он и всевышнему православных ("Бо без твое!, Боже, вол! ми б не нудились в ра! гол!..."). Кошунство религиозное, как и всякое другое, неблагоприятно, а, значит, ему чуждо. Любой храм для него святыня - что церковь, что костел, что мечеть. Из песни, однако, слова не выбросишь. На подтасовку прошлого он не пойдет; в нем, том прошлом, наука и для сегодняшнего. Героична история родного народа, его борьбы за свободу. Старый казак - от его имени рассказ этот - отдает Украине все - и дом, и трех сыновей, и дочь, жертвует ради земли своей, ради веры жизнью собственной. Враг был жесток и коварен, иезуиты науськивали, а католические пресвитеры натравливали воинство Сигизмунда III, польского короля, на украинцев и - летели казачьи, людские головы, и лилась кровь, и не было конца надругательству.

...Не ходили
Ксьондзи по селах, а возили
На людях !х з села в село...

Читал о том в "Истории Русов", в "Запорожской старине", у Гоголя в "Тарасе

Бульбе", а главное - слышал от мудрых стариков: предания этих времен жили, передавались из уст в уста.

В Орской, на Арале, в Оренбурге прошлое было предметом жарких разговоров меж ним и поляками. Сталкивались мнения, подходы, амбиции, и все-таки верх *брала* правда. От правды не денешься никуда.

...А ми братались з ляхами!

Братство должно вернуться. Что им делить? К выводу такому подходили вместе. И славный отец префект, и подтвержденная его паства, и он, сын той самой многострадальной Украины.

"Новый завет я читаю с, благоговейным трепетом. Вследствие этого чтения во мне родилась мысль описать сердце матери по жизни пречистой девы, матери Спасителя. И другая, написать картину распятого сына ее. Молю Господа, чтобы хоть когда-нибудь олицетворить мечты мои! Я предлагаю здешней католической церкви (когда мне позволят рисовать) написать запрестольный образ (без всякой цены и уговору), изображающий смерть Спасителя нашего, повешенного между разбойниками, но ксендз не соглашается молиться перед разбойниками! что делать!..."

Делился с Варварой Репниной. Письмо было из Оренбурга. Сердце матери - идея стиха или поэмы. Смерть Христа - давно задуманная картина. Еще в Седневе задуманная... в те, вольные, годы... Замысел не давал ему покоя.

"Молюся Богу и не теряю надежды, что испытанию моему придет когда-нибудь конец. Тогда отправлюсь прямо в Седнев и, по мере сил моих, олицетворю мою так долго лелеянную идею..."

Седневская церковь - православная. Костел - обитель католиков. Ну и что же - Бог един, а молитву ему здесь возносит человек необыкновенный и молятся люди достойные, хотя и своей веры. Солдатчина свела, уравнила, перемешала всех. Так почему бы не быть в костеле Иисуса, написанного им, православным, к тому же с Украины?

И костел этот строил Зеленко. Закладка его состоялась в конце 1844-го, в 1845-м здание возвели, в 1846-м произвели отделку, в 1847-м отстроили до конца, и 16 ноября того же года освятили. Впервые Шевченко видел еще не действовавший тогда костел, когда приходил к Лазаревскому в ожидании отправки в Орскую. Теперь он радовал глаз издалика.

"Здание костела - каменное, четырехугольное, продолговатое и довольно высокое, с железною крышею в два ската, - так описывала его оренбургская газета. - Алтарная часть здания полукруглая, с такою же крышею. Окна узкие и высокие. Верх здания снаружи украшен только колокольнею, построенною над передней частию оно́го, низкою и четырехугольною с полуплоской четырехскатной крышей. Крестов на здании два, из коих один-над алтарем, а другой-над колокольнею".

И там же: "Вообще внешний вид храма по архитектуре и весь костел не лишены изящества и достаточного благолепия..."

Ему, художнику, изящество, благолепие, красота во всех их проявлениях, во всех искусствах близки были по-особому. А тут еще звучал орган, приобретенный для костела стараниями Обручева. Музыка наполняла душу необыкновенным...

Ну почему, отчего отказался Зеленко от предложения такого живописца, как Шевченко?

Но как живописца он его не знал. Одно дело рисунки, другое - настенная роспись, картина большого масштаба. Верно заметил В.В.Григорьев в своем отклике на смерть ксендза ("Северная Пчела", 1861, N 74): "Мы очень способны прожить в одном городе с замечательным человеком, быть постоянным свидетелем его деятельности, даже быть с ним на приятельской ноге, и - не заметить его особенности, его превосходства, как одно почтенное лицо в известной комедии Мольера не замечало, что оно целую жизнь говорило прозою... Случись человеку умственных размеров Лапласа или Гумбольдта, человеку нравственной высоты Говарда или Овена попасть по каким-нибудь обстоятельствам в

глушь уездного или губернского города нашего, можно быть уверенным, что общество этого города поняло бы и оценило бы его достоинства настолько же, насколько петух в известной басне обратил внимание на алмаз..." Григорьев имел в виду явную недооценку роли и места Зеленко в Оренбургской (и не только Оренбургской) жизни. Но разве нельзя те же слова отнести к Шевченко?

Михаил Фадеевич на предложение не откликнулся. То ли не воспринял его всерьез, то ли усомнился в возможностях художника, то ли и впрямь не по душе пришлась авторская идея. Эскиз "Распятие", который мог быть, с определенными изменениями, осуществлен и в костеле Оренбурга, остался еще одним подтверждением замысла.

Смиримся с этим. И успокоение себе скажем: был бы в костеле Шевченко-художник или не был - в любом случае постигла костел участь многих и многих храмов: православных, католических, мусульманских. Горькое, однако, успокоение-Лет двадцать назад, оказавшись на подворье кожевенной фабрики, некогда - конечно, уже в советское время - расположившейся в "реконструированном" здании костела, я узнал, что незадолго перед тем там видели мраморную доску с могилы Зеленко. "Мужу великих заслуг" - значилось на ней. Где та доска подевалась, установить не удалось. А уж памятник и подавно. Памятник был замечателен тем, что воздвигали его по подписке, в которой, как следует из архивного дела, участвовали "священники православные и евангелического исповедания, купцы православные и старообрядцы, два муллы и восемь других магометан".

5.

В своей доброте он, Зеленко, препон не знал.

Когда в Оренбурге людей косила холера и церковные службы почти прекратились, только отважный ксендз да еще священник Петропавловской военной церкви отец Стефан Содальский оставались на своих постах, больше того, как говорилось в некрологе, "отличались геройским самоотвержением".

Был Михаил Фадеевич вездесущ и неистощим на добро.

Благотворительная деятельность его началась вскоре по приезде в Оренбург. Помогал как мог, себя не выпячивая. С годами эта работа приобретала все больший размах.

Два свидетельства современников.

Н.Г.Залесов, из мемуаров в "Русской старине":

"Все известно, что жены главных начальников в провинции чрезвычайно любят брать на себя, хоть бы не имели ни малейшего понятия о деле, - роль попечительниц бедных того края, которым управляет муж; так было и здесь. Но супруга генерала Обручева слишком высоко была поставлена, чтобы лазить по грязным лачужкам и удостоверяться в бедности просителя, ее нервы не выносили вида разных страданий, которым преимущественно подвергается бедное человечество... Для подобных условий подходящим лицом в Оренбурге только и мог быть один Зеленко... и потому выбор генеральши, конечно, остановился на нем; она взяла его в секретари по делам бедных, сделав в то же время милостыне-раздавателем".

В.В.Григорьев, из статьи в "Северной пчеле":

"Утром и вечером двери его скромного жилища открыты были для каждого, кто только хотел обратиться к его помощи или заступничеству, а с утра и до вечера сновал он по городу, и в 30-градусный мороз и 40-градусный жар, под дождем и в метель, хлопоча по чужим надобностям, являясь всюду, куда призывали его долг и человеколюбие, всюду, где мог быть полезным ближнему. Старушка, мещанка А. и отставной офицер Б. заболели: об этом дали знать Зеленке, - и вот Зеленка отправляется навестить одиноких, едет от них к доктору с просьбой посетить их и к аптекарю с просьбой отпустить им лекарства даром. Умер чиновник В., оставив без куска хлеба жену и детей; вдове надо выхлопотать единовременное пособие, детей пристроить... Выдавались дни, я думаю и нередко, когда он делал до пятидесяти посещений и, несмотря на это, находил еще досуг вести самую

обширную в Оренбурге частную переписку..."

И снова, снова вывод общий, лучше других выраженный тем же Григорьевым:

- В том-то именно и состояло одно из отличительных достоинств Зеленки, крайне редкое в духовных лицах западной церкви, что он был чужд всякой религиозной исключительности, всякого фанатизма, всякого стремления к прозелетизму. Христианин какого бы ни было вероисповедания был для него такой же брат о Христе, как и римский католик...

А теперь еще одно - о портрете Зеленко, известном лишь в репродукции. Портретов было два; еще в 1913 году находились оба в музее Оренбургской ученой архивной комиссии. Сохранились ли? исчезли безвозвратно?

Даже не лучшая по качеству репродукция позволяет увидеть и черты, и характер Михаила Фадеевича как бы глазами его украинского знакомого - художника и поэта.

Портрет... Не могу отказаться от мысли: рука его.

Все, решительно все важно, когда мы думаем об этом знакомстве Шевченко - его природе, его развитии и, в целом, сути. Спасибо Брониславу - доброе сделал дело, сведя их при начале оренбургской зимы. Они бы, верится, познакомились в любом случае: с ксендзом Зеленко были близки многие из тех, с кем спознался Тарас в ноябре и последующих месяцах. Но Залеский представил их друг другу первым и не оценить этого нельзя.

ЗНАКОМСТВА НОВЫЕ, ЗНАКОМСТВА СТАРЫЕ

1.

Федор был знакомым давним - с июня сорок седьмого, Бронислав же - совсем новым, несколько дней как сошлись.

С Вернером и топографами сблизился на Арале - не один пуд соли вместе с'ели, ксендза же, Зеленко, Бог послал ему только сейчас.

У Шевченко был дар общения - круг его знакомых, приятелей, друзей что ни день расширялся.

Расширялся, а вот Макшеев из него выпал. Будто и не было его сейчас в Оренбурге или черный кот какой меж ними пробежал. В сорок восьмом так сблизился, а в сорок девятом словно и не знали. Загадка..., тайна...

"Знакомство Шевченко с Макшеевым, как мне известно, не продолжалось долее походной его жизни..."

Не продолжалось? Заявление категоричное!

Но свидетельство это на сей счет единственное, ни противоположных ему, ни аналогичных нет. Оно, уникальное, исходит от человека, авторитет которого в глазах биографов высок, а именно от Ф.М.Лазаревского. Не потому ли до сих пор никаких сомнений, и тем более возражений, его сообщение не вызвало? С годами отношение к Макшееву становилось каким-то недобрым, откровенно подозрительным. В чем только не склонны были видеть "криминал", вплоть до личной непорядочности...

Может оттого стали игнорировать и его "Воспоминания о Т.Г.Шевченко", написанные для Шевченкианы специально. Делается это, якобы, для устранения повторов с безусловно ценными, неоспоримо важными страницами его "Путешествий по киргизским степям и Туркестанскому краю". Но одно не должно вытеснять другое, особенно из томов капитальных, претендующих на полноту всеохватную.

Долгом считаю за Макшеева вступить.

"Как мне известно..." - вставил (и тем подчеркнул) Федор Лазаревский.

А все ли было известно даже ему?

Напомню: из этого шевченковского полугодия около четырех месяцев он находился далеко от Оренбурга. За сотни и сотни верст, не наведываясь сюда ни на день.

2.

Так продолжалось знакомство долее или прекратилось с окончанием первого, их

совместного, плавания осенью сорок восьмого?

Нет, не прекратилось, и в подтверждение напомним строки из писем. От Шевченко - раимского: "...В воспоминании вашем о плавании по морю бурному Аральскому оставьте уголок для забывающего Вас Т.Шевченко". Бутакова - с Косарала: "...Тарасий кланяется".

Так что же - кланялся и вдруг перестал? Разобиделся? Разочаровался?

Или за что-то рассердился Макшеев? Но за что?

По возвращении в Оренбург поздней уже осенью сорок восьмого Макшеев был назначен старшим ад'ютантом штаба Отдельного Оренбургского корпуса и получил для начала весьма ответственное личное задание Обручева.

Макшеев:

...Вскоре по возвращении моем из полугодового путешествия по киргизской степи и Аральскому морю генерал Обручев поручил мне составить подробное соображение о военной экспедиции в Хиву с целью завоевания ханства. Приступая к этой работе, я разобрал предварительно топографический архив Генерального штаба и выбрал из него все, что давало какие-либо данные для предстоящего труда, и в то же время перечитал все, какие только мог достать, сочинения о киргизских степях и Хивинском царстве. Затем, на основании собранных таким образом данных и личного знакомства со степью, составил записку о военной экспедиции в Хиву и представил ее Обручеву 22-го марта 1849 года. Какое он сделал из нее употребление и где она теперь, мне неизвестно... Для меня же лично работа эта особенно дорога, потому что дала направление дальнейшим моим занятиям, натолкнув на подробное изучение Средней Азии и на 'исследование вопроса о степных походах...

Обязанности старшего ад'ютанта, по Далю, определялись состоянием "при письменных делах корпусного штаба, вроде начальника отделения". В новой своей должности штабс-капитан читал и писал, писал и читал, а больше всего обдумывал соображения, все глубже погружаясь в мысли о военной экспедиции недалекого, но, по всему судя, и не очень близкого, будущего.

Уже сам разбор топографического архива был делом сложнейшим. На просторы Оренбургского края топографы впервые вышли еще в 1830-м, а планомерные с'емки в степях начали в 1832-м. За эти годы они сумели собрать сведения об огромном пространстве почти в 800 тысяч верст. Все требовалось привести в систему, всему следовало дать толк. Работать наобум, "приблизительно" Алексей Иванович себе не позволял. Свидетельствует о том его обстоятельная, аргументированная записка "О военной экспедиции в Хиву", которую он счел нужным опубликовать (в качестве приложения) в своей книге "Путешествия по киргизским степям и Туркестанскому краю". Впрочем за сорок лет до того , в 1856-м, этот документ был им напечатан частично - "как материал, не лишенный значения, хотя бы только исторического, относительно изучения путей к Хиве и воззрений на этот поход".

"Трудность военной экспедиции в Хиву с целью завоевания ханства, - предупреждал Макшеев, - заключается не столько в силе сопротивления, которое могут оказать хивинцы русским войскам,, сколько в преодолении препятствий для движения, представляемых самою природою. Поэтому, чтобы судить, возможно ли удачное исполнение подобной экспедиций, и если возможно, то при каких условиях, - прежде всего надо обратить внимание на физические данные пространства, отделяющие русские границы от Хивы, и рассмотреть главнейшие и кратчайшие пути, пролегающие по этому пространству в пределы ханства

... Было в записке об Аральском море. Но выводы ее автора не учитывали пока результатов плавания описной экспедиции в 1849 году, а потому и существенно отличались от позднейших, бутаков-ских.

Вывод Макшеева: "Аральское море, в отношении перевозки войск, представляет совершенно противоположные выгоды и недостатки Каспийскому".

Вывод Бутакова : "Все эти (перечисленные выше - Л.Б.) гавани могут быть употреблены с большою пользою в случае;военной экспедиции".

Доводы офицера сухопутного входили в противоречие с соображениями моряка. Но, справедливости ради, напомним: штабскапитан писал свою записку до возвращения в Оренбург - капитан-лейтенанта и его спутников.

Не встретиться по прибытии они не могли. Помимо воспоминаний 1848-го, их объединяло дело.

3.

И работали, и общались, конечно.

Можно себе представить, сколько рассказов излилось на Макшеева, особенно поначалу.

Ему больше всего запали в память поспеловские. Помнились они долго.а спустя десятилетия попали в книгу.

...- В последнюю свою поездку из устья Сыра в Малое море Пospelов не погиб с командою единственно благодаря своему присутствию духа. Море бушевало странно, волны бросали шхуну с боку на бок, перекатывались через все и каждую секунду угрожали потоплением. Матросы, надев белые рубахи, приготовились к смерти и отказались от работы. Тогда Пospelов сам стал рубить мачту. Энергия начальника подействовала на подчиненных,и они последовали его примеру. Мачты были свалены в море. Затем, по приказу Пospelова,все убрались в каюты и заколотили люки. Двое суток просидела команда внизу, а на третьи, когда море стало затихать, вышли на палубу, приладили как-то паруса на уцелевших реях и благополучно добрались до устья Сыра... Всего не упомнишь и не перескажешь. Наиболее разительным показалось это - вот и воспроизвел (в общих чертах, не гонясь за точностью деталей). Мельком упомянул Бутакова, тепло отозвался о Пospelове, безымянно отметил экспедиционных топографов - ну и что из того, что не назвал Шевченко, что нет в этом месте персонально о нем? Разве в том суть дела, есть или нет на бумаге? Макшеев был занят своим, Бутаков с командой своим. Но не встречаться, не поддерживать отношения они не могли. Сопроходники, соплаватели - товарищи многотрудных и не беспросветных месяцев, расстававшиеся так тепло, дружески... Что могло развести их настолько, чтобы враз прервались все связи? Поверить в это значило бы поправить логику.

Шевченко и Макшеева Федор Лазаревский вместе не встречал. Один к другому в гости не ходили... вечеринок не устраивали... песен не пели... Такого не видел никогда. Правда, большую часть времени проездил.однако тех, которые наведывались, все же запомнил - полагал, что всех, но, был уверен, не его.

Конечно, субординация - штука серьезная, офицер обязан ее блюсти, нижний чин и подавно. Только с другими рядовой Шевченко про субординацию забывал, меж тем как среди них офицеров было предостаточно.

Однако мало ли где мог встречаться он с Макшеевым помимо квартиры Лазаревского! У них, в комнатах "фабрики". У него, в инженерном отделении.

Не общаясь, не мог бы штабс-капитан выполнить очередное поручение Обручева, и справиться с ним наилучшим образом.

Макшеев:

... По окончании описи Аральского моря я составил, по своим заметкам , отчетам Бутакова и топографическим работам бывших при нем топографов, систематическое описание моря и 28-го марта 1850 года представил по начальству: один экземпляр - корпусному командиру, а другой - генерал-квартирмейстеру Главного штаба...

Есть об'ем выполненного. Есть день представления. Месяцы занимался он их общим морем. Месяцы рядом и вместе. Как согласиться, что разошлись и жили порознь - словно не было никогда ни той джуламейки в походе и Раиме, ни общей каюты на "Константине"?

Обстановка изменилась - это яснее ясного. Но ясно и другое: знакомство

продолжалось.

4.

Макшеев:

...Вскоре (по представлении "систематического описания" - Л.Б.), по высочайшему повелению, статья моя (это самое о п и с а н и е!) была препровождена в Русское Географическое общество и напечатана в пятой книжке его записок (1851 года). Она составляет и до настоящего времени единственное описание Аральского моря, но далеко не удовлетворительное. Во 1-х, для исторических известий о море у меня были под рукою только два сочинения: Гумбольдта "Azhe seplgale" и Левшина "Описание киргиз-казацких орд и степей". Во 2-х, для самого описания я мог пользоваться одними работами нашей опис-ной экспедиции, которые, при всей своей добросовестности, были далеко не полны и может быть даже недостаточно точны, вследствие кратковременности наблюдений и неудовлетворительности имевшихся для этого научных пособий. Я сомневаюсь, например, в верности астрономических наблюдений, так как раз, во время сильной качки, хронометры, в числе трех, упали и остановились, и только после поочередного поднятия и встряхивания их вновь пошли; сомневаюсь в точности топографических с'емок со шхуны, в верности названий некоторых урочищ, в определении высот нагорных берегов и прочее. В 3-х, из рек, впадающих в Аральское море, Сырдарья описана только на небольшом протяжении, на основании наблюдений весьма кратковременных, а описание Амударьи извлечено из записок покойного генерала Генса и не проверено по другим источникам...

Вникнем в эту пространную цитату. Что в ней и за нею? О чем Макшеев свидетельствует?

Первое. По заданию командира корпуса, прямому приказу Обручева он составлял, составил и представил "систематическое описание моря". Систематическое подразумевало стройное и полное, "в последовательном порядке" (Даль), изложение всего известного, всего достигнутого. Не обязательно - самым открытого. Главное - открытого ко времени составления отчета.

Второе. Писал для служебного пользования, не для печа т и . Описание стало статьей по прочтении его царем. Понравилось -велел опубликовать. Повеление отдал - повеление выполнили. Никаких согласований с автором: "в печать". Оперативность, что и говорить, завидная - никаких бюрократических проволочек.

Третье. Столичная публикация Макшееву льстила: с неведомым морем - благодаря ей - знакомились многие, и не понаслышке - с достаточной научной полнотой и достоверностью. Хотя нет - он сам достаточной ее не считал. В статье, как и в исследовании бассейна Арала, виделись ему многие, и существенные, из'яны. Относился ко всему трезво, ничуть не выпячивая собственную исследовательскую роль. Статья - его, научные же выводы принадлежат целому сонму проходцев моря, экспедиции Бутакова в первую голову.

Последнее подчеркивалось и публикаторами. Примечание к заголовку - "Описание Аральского моря. Статья Генерального Штаба штабс-капитана Макшеева" - предупреждала: 'Препровождена в ИР-ГО (Императорское Русское Географическое Общество) из Военного министерства по высочайшему повелению для напечатания в Записках Общества, Г.Макшеев участвовал в экспедициях флота капитан-лейтенанта г.Бутакова". Подвожу - и себя и вас - к тому нелепому, несправедливому обвинению, что Макшеев в "свокорыстных целях" якобы присвоил заслуги Бутакова, попрали приоритет первопроходца истинного и отодвинул его в тень дабы снискать незаслуженную славу. К такому выводу склонился поначалу и я, в чем теперь чистосердечно раскаиваюсь. Обвинение, впрочем, принадлежало не мне. Оно было высказано чуть ли не полвека назад ташкентским библиографом и ученым Е.К.Бетгером, готовившим к печати "Дневные записи плавания А.И.Бутакова", и вдруг!., обнаружившим!..

5.

Обнаружил он, что "впервые опубликованные научные результаты Аральской

экспедиции 1848-1849 гг. были написаны не ее руководителем, а другим лицом", и лицом этим являлся не кто иной, как Макшеев, следовательно чуть ли не плагиатор,

"... По окончании Аральской экспедиции Бутаков встречался с Макшеевым зимой 1849-1850 гг. в Оренбурге... и вполне естественно, что аральский мореплаватель не стал скрывать от своего товарища по экспедиции те записки, которые вел в продолжении плавания..."

Ну а Макшеев... Макшеев же, "воспользовавшись опалой, постигшей Бутакова (после ареста Шевченко в апреле пятидесятого - Л.Б.), поспешил составить "Описание Аральского моря", материал для коего он имел возможность получить из первых рук, и направил свой очерк в Военное министерство". Короче говоря, вероломно присвоил не ему принадлежавшее и - спешно тиснул, низменных целей ради, о Бутакове даже не упоминая, на его отчеты не ссылаясь.

Да так ли это?

"... В 1848 и 1849 годах оказаны особенно важные услуги в этом отношении тщательным исследованием Аральского моря, на о с н о в а н и и которых и составлено предлагаемое описание, с прибавлением очерка исторических о нем известий".

Имя Бутакова названо прямо перед этим абзацем - называть его тут, в непосредственной близости к первоупоминанию, было незачем. Оценка исследований - в высшей степени похвальная. Ссылка на них, как основание статьи, - прямая. От себя он дает лишь исторический очерк, остальное исходит из результатов экспедиции. (Так тут, так и в ранее цитированной книге).

Прямые, и неоднократные, упоминания Бутакова - дальше, где речь идет о сделанном под его началом в течение двух морских кампаний ("так что теперь море это сделалось нам вполне известным, и если остается чего-либо желать в этом отношении, то это подробнейшего исследования впадающих в него рек").

Деять раз назван Бутаков в "астрономической" части статьи, в связи с определением координатов тех или иных пунктов...

"И вот Макшеев, воспользовавшись опалой..." Полноте! Описание было представлено начальству 28 марта 1850 года, когда Шевченко спокойно рисовал портреты, в том числе Матильды Петровны Обуховой, до подлого доноса на него и последовавшего за тем ареста оставалось еще четыре недели, разразившейся вскоре грозы не предвещало ничто. Да, впоследствии, уже в декабре 1850-го, "за упущение по наблюдению за рядовым Шевченко" Бутакову будет "сделан строжайший выговор", но "жестоккой" немилости царя, о которой писал Бетгер, усмотреть, в отношении его - если подходить объективно - нельзя. Все в карьере моряка - и служебной, и научной - шло достаточно благополучно. На Макшеева Бутаков, судя по всем доступным материалам, в обиду не был.

Обида возникла веком позже - и не у него. Опять цитирую Е.К.Бетгера: "...не труд Бутакова обогатил нашу географическую литературу: вместо отчета руководителя экспедиции появилась компилятивная работа ее второстепенного участника, проделавшего лишь кампанию 1848 года", а вследствие этого "русская наука была явно введена в заблуждение". Ни русскую, ни мировую науку обмануть, однако, не удалось.

Макшеев, уверен, к этому и не стремился. Похищения материалов не было, присвоения славы тоже. Сомневаться в его человеческой и научной порядочности не приходится.

6.

И все-таки меня тянет к макшеевским "Воспоминаниям о Т.Г.Шевченко. В "Путешествиях..." - важнейшие, но только эпизоды, их общения в 1848-м. А дальше? А в целом?

Оренбургских эпизодов нет и в "Воспоминаниях".

Писал он через десять лет после смерти своего давнего уважаемого знакомого.

"В 1871 г., - обращался к нему в конце 1880-го В.П.Маслов, -благодаря любезному

посредству нашего общего знакомого художника Евграфа Семеновича Сорокина, я получил от Вас драгоценные воспоминания о Т.Г.Шевченко из самой темной поры его жизни для составления опыта биографии малороссийского поэта. Эти богатые сведения увлекли и поразили меня своею свежестью и новизной, и я хотел тотчас писать к Вам, чтобы выразить мою глубокую благодарность, а вместе с тем предложить несколько вопросов относительно Шевченка. Но желанию моему не суждено было тогда исполниться. Через несколько дней меня арестовали по прикосновенности к одному политическому делу, посадили куда следует, порядочно помучили и отпустили только через два года, больного и лишенного места..."

Статью Макшеева Маслов сохранил. Дать ей ход; увы, он уже не мог. Увидала она свет лишь через двадцать с лишним лет после смерти автора.

С тех пор о ней знают. Знают, но предпочтение отдают страницам "Путешествий..." Что ж, они действительно подробнее, они - бесценны. Но разве одно другому помеха?

Не помеха - подспорье.

В последний раз они увиделись в столице. "...В Петербурге Шевченко чуть не носили на руках, он сделался знаменитостью, но я с ним не виделся... Только раз мы встретились издали на каком-то представлении в огромном зале Руадзе, и Шевченко послал мне глазами и рукою дружеское приветствие, на которое я ответил ему тем же..." . Глазами и рукою? Сердцем!

ПРИМЕЧАНИЕ К ПРЕДЫДУЩЕМУ

1.

И еще о том же. Точку ставить рано - прояснено не все. Говоря точнее, прояснено собственно лишь одно: никуда-то Алексей Иванович не исчез, совместная его работа с Бутаковым (и помощниками Бутакова) продолжалась, научная "непорядочность" штабс-капитана не более, чем недоразумение, и даже навет (надеюсь, невольный).

Но вопросы остаются, и среди них вот этот:

- Почему все-таки дружба Макшеева-Шевченко в Оренбурге не возобновилась?

Рассорились отчего-то... Разошлись по неведомой нам причине... За что, однако, мог обидеться Шевченко на Макшеева или, напротив, Макшеев на Шевченко?

Никаких объяснений этому у мрня нет.

Умен я... Биографы-предшественники, насколько знаю, такого вопроса себе даже не задавали. Макшеев всюду проходит через Аральскую экспедицию нашего героя и напрочь отсутствует в его, шевченковском, Оренбурге 1849-50 годов.

А он тут, повторяюсь, был - не уезжал никуда. Что же развело?

Объяснение подсказывает сам Макшеев.

"Он не нашел нужным навестить старого товарища, с которым в трудную эпоху своей жизни делил хлеб и соль и не имел никогда ни малейшей неприятности, а я не счел возможным ехать на поклон к знаменитости, в которой желал видеть прежде всего человека..."

Помню: это относится к позднейшим, уже петербургским, месяцам и годам Шевченко. Но, полагаю, не только к ним. Не за то ли самое Макшеев обиделся на него и в Оренбурге? Как же, он выказал Тарасу свое дружелюбие, больше того - покровительство, в походе к Аралу, в Раиме, в плавании, а все доброе этим человеком забыто, гласной благодарности от него не слышно, ходит ко всем другим, но не к нему - стало быть, зазнался, загордился, задрал нос. А коль так, с о о т ветственно будет вести себя и сам: напрашиваться в приятели не станет, не являешься - не пойду и к тебе.

Амбиция офицера Макшеева столкнулась с простодушием рядового Шевченко, ни о чем таком не подозревавшего. В результате же - не ссора, не размолвка, но вдруг оборвавшаяся близость.

Такое бывает, не правда ли? Объяснение логичное - согласны?

2.

Не собственного престижа ради, но из понимания важности этого для будущего, Алексей Иванович Макшеев чуть не до конца жизни писал о незабываемых им встречах с Шевченко.

Страницы п опутныеиз книги "Путешествия по киргизским степям и Туркестанскому краю" - воспроизводятся во всех сборниках воспоминаний о поэте. Написанные же специально в последних таких изданиях обойдены как не добавляющие нового ни к сказанному в книге, ни к сведениям, "более подробно сообщенным другими мемуаристами",

Действительно, принципиально новыми материалами они, эти воспоминания, не богаты. Но сейчас, когда речь идет о Шевченко и Макшееве, отодвигать их в тень неблагородно, и я беру на себя смелость о них напомнить. Больше того - учитывая их малодоступность -этот текст воспроизведу. Да, полностью.

...В начале 1848 года в Оренбург прибыл лейтенант Бутаков для производства описи Аральского моря. Желая облегчить и, если удастся, улучшить участь Шевченко, он просил генерала Обручева отпустить его с ним для снятия береговых видов неведомого доселе моря, и хотя по высочайшему повелению Шевченко запрещено было брать карандаш в руки, Обручев согласился на эту просьбу.

Во время похода на Сырдарью и описи Аральского моря я прожил с Шевченко, не разлучаясь, 4 1/2 месяца и во все это время видел его постоянно бодрым и веселым. Ко всем неудобствам походной обстановки он приноравливался легко и вел жизнь совершенно трезвую, хотя склонность к водке, сильно развившаяся в нем впоследствии в Новопетровскрм укреплении, проявлялась и в это время. Перед отходом шхуны из Раима я купил у единственного бывшего там торговца 6 последних бутылок скверной наливки, настоянной на сушеных вишнях, и рассчитывал, что их хватит на все время плавания по морю и даже до возвращения в Оренбург, но вышло иначе. В начале нашего плавания, когда я был все время на палубе, Т.Г. попросил у меня позволения приютиться на моей койке, и с книгою в руках пролежал на ней день или два, а потом, когда я стал вытаскивать бутылки из-за койки, оказалось, что все они были пусты..

Шевченко он не приукрашивает - пишет и о "негативном", другими обойденном. Но в самом тоне рассказа нет осуждения или насмешки. Доля иронии (если хотите, сожаление) - только не злословие.

...Описная экспедиция была окончена осенью 1849 года. Шевченко прибыл сКосарала в Оренбург и по приглашению генерального штаба штабс-капитана Карла Ивановича Герна, имевшего собственный дом в Слободе, поместился у него на жительство. Бутаков представил в числе работ описной экспедиции альбом видов Аральского моря, Шевченки, и официально ходатайствовал о производстве его в унтер-офицеры, что составляло в то время первый и самый важный шаг для разжалованного. Обручев, весьма довольный альбомом, наглядно дополнявшим опись Аральского моря, сделал в свою очередь представление о Шевченко, но из С.-Петербурга ему выразили неудовольствие, что, вопреки высочайшему повелению он допустил Шевченко рисовать. Впоследствии я узнал, что за представление Шевченко Бутаков подвергался тайному наблюдению 3-го отделения, продолжавшемуся еще во время его командировки в Швецию для заказа пароходов. Между тем альбом был возвращен Шевченко, и он подарил его К.И.Герну, в благодарность за гостеприимство. Желая извлечь альбом из забвения и издать его, я обращался к жене покойного Герна с просьбою об отыскании и доставлении ко мне, но, к сожалению, она не могла найти среди вещей своего деревенского дома ни одного рисунка из разрозненного альбома.

Хотя генерал Обручев имел неприятности из-за Шевченко, но не принял против него никаких стеснительных мер; тем не менее положение последнего вскоре изменилось к худшему вследствие сделанного на него доноса. Донос заключался в том, что, вопреки высочайшему повелению, Шевченко снимает портреты даже с официальных и высокопоставленных лиц, например с коменданта и прочее. По общему мнению автором

этого доноса было лицо, негодовавшее на Шевченко за то, что тот мешал ему в одной любовной интриге. После доноса генерал Обручев получил вторично неприятную бумагу из Петербурга и должен был отправить Шевченко в отдаленное Новопетровское укрепление на восточном берегу Каспийского моря (ныне Александровский форт), с приказанием коменданту строго наблюдать, чтобы он ничего не рисовал.

Вот и все, что относится к месяцам в Оренбурге. Известное, а все-таки воспринимается как нечто новое, и уж совершенно достоверное подавно. Макшеев писал скупно, но только о том, что знал безусловно. Есть у него и свои детали: портрет коменданта... неприятная бумага из столицы... об альбоме, который искал...

...Шевченко безвыездно оставался в Новопетровском укреплении до прощения и от нечего делать стал, говорят, сильно пить. Попытки вырвать его из этой трущобы не имели успеха. Так, вскоре после смерти Обручева генерал-адъютантом В.А.Перовским на кабинетный стол последнего положили однажды один из наиболее удачных степных рисунков Шевченко, в надежде, что Перовский обратит внимание, спросит, кто его делал, и таким образом даст возможность походатайствовать о несчастном художнике, но Перовский, лишь только увидал рисунок, догадался, чей он, бросил на пол и грозно сказал окружающим, "чтобы не смели напоминать ему об этом негодяе!"

В Петербурге рассказывали, что как только в Новопетровском укреплении было получено известие о прощении Шевченко, комендант укрепления, не дождавшись приказа по корпусу, отпустил его с первым отходящим пароходом. Шевченко отправился прямо в Петербург, но в Казани был задержан по распоряжению оренбургского начальства, требовавшего, чтобы он был препровожден в Оренбург за получением бумаг об отставке. Следовало отправить его, как нижнего чина, пешком по этапу, но казанский губернатор сжалился над несчастным, вытребовал бумаги из Оренбурга и отпустил наконец его на свободу.

Казань... Казанский губернатор... - явные эти ошибки проистекли из того, что в "Петербурге рассказывали". Незнал, но слышал... Предпочитал же писать то, что знал не из чужих уст.

И наконец концовка статьи, частично уже процитированная:

... В Петербурге Шевченко чуть не носили на руках, он сделался знаменитостью, но я с ним не виделся. Он не нашел нужным известить старого товарища, с которым в трудную эпоху своей жизни делил хлеб и соль и не имел ни малейшей неприятности, а я не считал возможным ехать на поклон к знаменитости, в которой желал видеть прежде всего человека. Только раз мы встретились издали на каком-то представлении в огромном зале Руадзе, и Шевченко послал мне глазами и рукою дружеское приветствие, на которое я ответил ему тем же. Вскоре он скончался.

Оренбургское недоразумение меж ними не рассеялось - так они и не объяснились. "Шевченко чуть не носили на руках, он сделался знаменитостью..." Звучит ревность. А ревность, как известно, плохой советчик.

"ОГНИ ГОРЯТЬ..."

1.

Работы было много. наброски для себя, чаще беглые, обретали краски и свет, превращались в географически-точные рисунки - строго документальные и в то же время художественные. Память художника безотказно подсказывала, что же в действительности видел он на суше, на море, и не было случая, когда бы Бутаков или Пospelов, или кто-то другой, наблюдавший на Арале то же самое, что и он, сказал: не так надо - по другому - не запомнил, не уловил. Краски далекого теперь моря, само дыхание его обостряли чувства, переполняли душу. Отделкой географических видов нынешний труд не был. Тарас творил, художник в нем не нисходил до ремесла. Ремесло, наставлял Залеского, необходимо, его надо совершенствовать, оттачивать, гранить но без искусства оно мертво, оно не дышит. И творил, и показывал, и воодушевлял.

Работал увлеченно. Столь же жадно вбирал в себя новые впечатления: от города... от знакомств и встреч...

Знакомства были всякие - и для ума, и для души, и... просто так, развлечения ради. Хотелось отвлечься, сбросить тяжесть забот, забыть о приговоре и подневольной своей доле, вспомнить, что он человек не хуже других, что он, наконец, мужчина в соку, во цвете лет, с порывами, влечениями мужскими. На шхуне, да и на морских берегах, порывы приходилось укрощать, здесь же, притом в сообществе холостяков, свои чувства таить было не к чему и незачем. Работал, общался... одним словом - жил!

2.

Бок о бок с их обиталищем - этим самым домом для господ приезжих генералов и офицеров - находилось дворянское, или благородное, собрание. Открыли его несколько лет назад, а теперь оно было общепризнанным центром увеселений здешнего общества.

По средам в "собрание" съезжались и сходились на танцы - оркестр гремел на всю округу. Но особым великолепием сие творение таланта Александра Брюллова блистало в дни официальных, казенных - или, как говорили, табельных - праздников.

"Был очень табельный день, и потому зал ухабинского собрания блистал ярче обыкновенного. Кроме шести люстр, постоянно зажигаемых в простые клубные дни..., по стенам горели повсюду свечи, отчего была нестерпимая духота. Снаружи здание тоже иллюминировали, и на улице густая толпа народа любовалась на длинные ряды плошек, украшавших балкон и тротуарные тумбочки, нисколько не боясь возвратиться домой с головной болью от чада и копоти. У под'ез-да обнаруживалось необыкновенное движение, кареты под'езжали одна за другой, и из них с легкостью сильфид выскакивали очаровательные, ухабинские дамы в необозримых кринолинах, сопровождаемые мужьями в черных фраках и белых галстуках или в серебряных и золотых эполетах...

... Наконец частный пристав в синих очках, стоявший у самого выхода, дал знак капельмейстеру, и оркестр грянул; мужчины столпились к дверям, дамы выровнялись в одну шеренгу против мужчин, так что образовалась улица, по которой его превосходительство, раскланиваясь и улыбаясь по обе стороны, прошел медленно и торжественно..."

Это из Плещеева, его наделавшего шуму "Пашинцева" - повести об оренбургской жизни, за которую автор, по собственному признанию, был "предан анафеме" в городе, нравы коего, под именем Ухабинска, выставил на всеобщее обозрение в "Русском вестнике" 1859 года.

Сейчас шел сорок девятый. Но, как и тогда, у Плещеева, горели тут огни и гремела музыка.

Огш горять, музика грае,

Музика плаче, завивае...

Плачем может отзываться и музыка совсем не печальная, напротив - даже бравурная, даже танцевальная.

Зависит все от настроения.

Вряд ли упустил он возможность разглядеть этот дом изнутри. Он, человек, ценивший дар родного брата великого Карла, и сам, еще в юности, причастный к работам по отделке знаменитых петербургских зданий.

Но заходил вовнутрь в то время, когда никаких балов не было. Его они и не влекли. "Очаровательных ухабинских дам" позволяли разглядеть окна благородного собрания; женскую их стать легко дорисовывало воображение художника - ценителя изящного. "От всего веяло модой, утонченным вкусом, знакомством со столицей, словом - просвещением!" - свидетельствовал Плещеев, и тут же выпячивал контрасты общества, часто несимпатичного, неблагородного.

Во вдруг возникшем в Тарасе замысле индивидуализация характеров - что женщин, что мужчин - сейчас не требовалась. Они и мы... Радость, надежда и - разочарование, безысходность... "Огн! горять" и - мрак душевный...

...Алмазом добрим, дорогим
Ояють оч! молоді;
Витає радість і над!я
В очах веселих; любо їм,
Очам негр!шним, молодим.
І вс! регочуться, сміються,
І вс! танцюють. Тішко я...

. С болью щемлящей, с гнетущей тревогой и печалью сетует он на свою отверженность.

...Тішко я,
Неначе заклятий дивлюся
І нишком плачу, плачу я...

Чужая бездумная радость, чужое танцевальное веселье обостряют в нем чувства личной несвободы, личной зависимости от сильных мира, в том числе и тех, за бюлловскими окнами. Им праздник, а ему слезы... горячие слезы...

...Чого ж я плачу? Мабуть, шкода,
Що без пригоди, мов негода,
Минула молодість моя.

Молодости как не бывало. Свободы тоже досталось ему меньше малого. Может, зря уже на что-то надеется, и поворота к лучшему, к свободе не видать? Царь злопамятен, злокознен.

Царя пусть косвенно, но вспомнил и тут. В первой редакции стихотворения - той, что записалась в "Малш книжц", - вместо "Алмазом добрим, дорогим", первоначально было по другому: "Алмазом ц а р с ь ким дорогим..." Царским!

Благородное собрание было рядом с, "его" домом.
Веселая кадрили удовольствия не доставляла.
Думалось о своем...

3.

"Мала книжка": два стихотворения рядом. "Опн горять..." вписано вслед другому : "І станом гнучим і красою." Соседство не случайное : образуют они своеобразный диптих.

Во втором, однако, нет ни огней, ни музыки бала - всего того, что так осязаемо описал в "Пашинцеве" А.Н.Плещеев: "...Зал наполнялся быстро и начинал представлять для глаз весьма живописную пестроту: розовые, голубые, белые платья, аксельбанты, красные панталоны, звезды на фраках и на мундирах, Станиславы на шее, Станиславы в петличках> белые бурнусы на синих кафтанах, даже один гусарский доломан и один черкесский чекмень, усы, бакенбарды, лысины, убеленные сединами старцы и старицы, цветущие здоровьем юноши с проборами посередине головы, с проборами на затылке, с проборами сбоку, цветы, ленты, колосья, обнаженные плечи, пухленькие и тощие, - словом, было от чего зарябить в глазах, закрутиться в голове..." В "живописной пестроте" плещеевских женских типов не найти места для той, над судьбой которой задумался Шевченко. Она не менее красива самых красивых на балу, смотреть на нее, быть рядом с ней наслаждение, но "не родись счастливой" - счастья-то нет и взять его негде.

І станом гнучим і красою
Пренепорочно-молодою
Старі оч! веселю,
Дивлюся шоді, дивлюсь,
І чудно, мов перед святою,
Перед тобою помолюсь...

Молитвенный вызывает она в нем трепет. Неплотский-духовный, чистый. Смотрит на нее как на с в я т у ю; в его глазах красота девушки воистину божья. Тем горныне раздумье: что ее, бедолагу, ждет?!

... І жаль мет, старому, стане
Твое! божо! краен.
Де з нею дшешся еси?
Хто коло тебе в свт стане
Святим хранителем тво!м?
І хто заступить? хто укріе
Од зла людського в час лихий?..

Стал бы ее "святим хранителем" сам, но нет у него ни дома, ни достатка, ни свободы; за себя постоять не вправе - где уж за красоту за эту, за долю девичью. Ей нужен огонь любви, его же сердце выстудили невзгоды.

...Хто сердце чистее нагрхе
Огнем любое!, хто такой? / Ти сирота, нема шкого,
Опр!че праведного Бога...

За него самого всевышний не заступился. Заступится ли за нее -прекрасную и горемычную?

...Молися ж, сердце, помолюсь
І я з тобою. Щось пророче
Мен! вже зазирає в очі, >
І я вже Богу не молюсь,
Уже и на тебе не дивлюсь...

Картины, одна другой тревожнее, возникают перед ним будто во сне.

...Меш приснилось: ти вже мати,
Не в аксамии, не в палатах
Твое голоднее дитя...
І в'янеш ти, а дш летять,
Несуть все добре за собою,
Уже и надш понесли,
А ти осталась на земл!
Одна-одшсшька; з тобою
Единее добро було -
Твое дитя, поки росло.
В колодочки поки вбивалось,
Оперилось, і ти осталась
Стара і немощна. Людей,
Людей неприязних благает
І Христа ради простягаєш
Коло зачинених дверей
Старп руки.
Приснилось...

Она это и он, но ей, безвинной, непорочной, жизни не знающей, ей, в глазах его столь же неопытной, сколь и прекрасной, тяжелее восток-рат. Совсем недолго цвести, лелеять надежды. Не познать счастливого материнства, зато одиночества хлебнуть полной мерой. Вот чего боится, вот о чем горюет беспокойная душа поэта.

Она это и он... Горя хлебнувший предостаточно, сирота с детства и невольник всегдашний, думающий сейчас, однако, не о себе – судьбе красоты народной: без перелива брильянтов, без огней дворцов, нет - в своем истинно-человеческом облике.

Привиделась ему вся жизнь таких, как теперешняя его героиня. Здесь она единственная, совершенно конкретная, да только в ней и за ней великое множество несчастных дочерей простого, трудового, всех прав лишенного народа.

Мысли автора убегают далеко. Горестные картины обгоняют одна другую, но пора, чувствует он, заканчивать и... да будет так, подведет к точке, завершит.

...О так я шод! тобою,

Тобою, сердце, молодою,
Стари оч! веселю.
Дивлюся шод!, дивлюсь
На стан твош гнучий, І за тебе
Тихенько Богу помолюсь.
Молися и ти, з святого неба
На тебе, сердце, не зішла
Твоя І доля І недоля.

Не все им сказано, не все точки расставлены. Но разве что-то неясно? Ясно все...

4.

Одна из "ухабинских" героинь Алексея Плещеева: "...Это преромантическая дама-с. Это некоторым образом Мария-с. ("Полтаву" изволили читать?!). Как та в Мазепу втюрилась, так и эта в старца столетнего. Старец был добрый, все ей брильянты дарил. Ну, как же его не любить было? Притом вельможа, значит все перед ней ничком лежало. Как уехал отсюда, она вслед ему бежать хотела, да муж не пустил... Образованнейшая дама-с! По французски так и режет, и все о любви, о чувствах. И богомольная такая, ни одной обедни не пропустит; да все, знаете, на коленях молится. Видно, господа Бога просит, не пошлет ли он ей еще вельможного старца с брильянтами..." Красота "дамы с испанским личиком" продажна. О таких, как она, Шевченко здесь наслушался уже предостаточно. И от Бутакова с Пospelовым, в "обществе" вращавшихся, и от приятелей-чиновников, осведомленных, кажется, обо всем. В его поэзии места им нет. Зато всегда было, есть и будет оно для тех, кто, как и сам, страдает, на ком весь гнет, все тяготы жизни.

"І станом гнучим І красою пренепорочно молодою стара оч! веселю..." Но если она, как написал чуть раньше, индивидуальна и конкретна, то кого я имею в виду? кого подразумеваю?

.. Свидетельствовал Федор Лазаревский:

"Изредка устраивались вечера с дамами, причем неизменной подругой Тарасовой была татарка Забаржада, замечательной красоты".

Вечера проходили на, квартире Федора в доме Кутиных; явствует это из скупых его на сей счет воспоминаний.

Забаржада, или Забаржад, к оренбургскому бомонду, надо полагать, не принадлежала. Принадлежи она к здешнему с в е т у, не появлялась бы в холостяцкой компании, на холостяцкой квартире - причем не однажды и все с Тарасом. "Вечера с дамами" - контекст-недвусмысленный. "Неизменной подругой" - определение из прозрачных. Но были все молоды, в полной мужской силе, кровь в них бурлила и обета целомудрия не давал никто. Не приносил такого обета и Шевченко.

"Татарка Забаржада, замечательной красоты..."

Федор Матвеевич помнил ее красоту и сорок лет спустя, когда свои воспоминания записывал.

Стояла она перед его глазами - неизменно молодая, яркая, красивая.

І станом гнучим І красою...

Твое! божо! краен...

Тобою, сердце, молодою

Стари оч! веселю...

Да, это могло, вполне могло относиться к Забаржад.

Что не могло? "Христа ради простягаеш..." - она не христианка, а мусульманка. "Опріче праведного Бога..." - уместнее было бы Аллаха. Но, согласитесь, сие не более чем детали, причем не столь уж и существенные.

"Пренепорочно молодою..." "серце чистее.." - из'янов в своей героине поэт не видит. Ханжества в нем как не было, так и нет. Мы помним его покрыто к, братнее сочувствие им и, напротив, ненависть к тем, кто доводил крестьянских девушек до позора,

обрекал на страдания. Не в адрес обманутых летят обвинения шевченковские. О, он знает, кого и что обвинять, и обвиняет с присущей ему силой обличения -прямого, страстного, беспощадного.

Обращается к одной, но за нею множество таких же обездоленных. Пишет: "ты", "твое", "передтобою", говорит с единственной и, сдается, неповторимой, однако чуть дальше та, к которой обращается непосредственно, та, "одна-одшсшька", вырастает в образ собирательный, образ украинок, русских, татарок, многих и многих молодых, даже юных, женщин с общей судьбою, общими несчастьями.

"За тебе тихенько Богу помолюсь..."

Молился не за плещевскую "даму с испанским личиком", не за "ухабинских" львиц большого света - за Катрусь, Оксан, Забаржад.

Обращу внимание на строки из оренбургской газеты - автор их местный журналист Л.Бураков.

"Уже, пожалуй, никто и не помнит жившего в доме на углу Пролетарской и Краснознаменной Татаржинского, удивительного энциклопедиста и широкой культуры человека. У него, кстати, были работы Л.В.Попова, записи о нем, о Мохеде (тоже художнике - Л.Б.) ... И даже рисунок Т.Г.Шевченко - на желтом ватмане голова красавицы-татарки..."

Забаржад?

Исчезнуть бесследно рисунок не мог. Будем искать - найдем.

ПИСАЛ ДРУЗЬЯМ

1.

В Оренбурге ждало его всего одно письмо. Да к тому же и не ему адресованное.

Ф.Лазаревский:

...Неизменный друг поэта, княжна Репнина, встревоженная долгим его молчанием, в начале сентября 1848 года обратилась ко мне со следующим письмом:

"Милостивый государь Федор Матвеевич.

Более года, как я совершенно без известий о Тарасе Григорьевиче Шевченко, который находится под вашим начальством (?). Именем всего вам дорогого прошу вас уведомить меня, где находится Шевченко и что с ним? Вы меня очень обяжете. Готовая к услугам В.Репнина".

На это письмо я предоставил ответить самому Тарасу, по возвращении его в Оренбург...

Запрос Варвары Репниной (переданный в воспоминаниях друга явно приблизительно) был вручен Шевченко при первом же визите его к Лазаревскому.

Но в круговерти первых ноябрьских дней, даже недель, сесть за ответ - и за письмо вообще - он не мог.

Не мог себя заставить писать - так захватили, захлестнули, закружили живые встречи, живые впечатления. Понимал: нехорошо молчать, неблагородно, а ничего с собою поделать не удавалось!

Еще напишет... потом напишет...

2.

Испытывал неловкость: как успокоить свою совесть перед друзьями далекими? как оправдаться перед ними в невольном своем грехе?

Со временем, когда за письма все же взялся, стал прибегать к оправдательным уловкам, к немудрящим, даже наивным хитростям..

А.И.Лизогубу, 8 ноября: "...п озавчера вернулся я 1з того степу Киргизького та моря Аральського..."

В.Н.Репниной, 14 ноября: "На днях возвратился я... в Оренбург... И сегодня Лазаревский сообщил мне письмо ваше..."

Точной даты возвращения он не указывал нигде. "Позавчера" это шестого? "На

днях" - перед десятым? после десятого? Перед Андреем Ивановичем; перед княжной Варварой ему, конечно, неловко, но письмам, верно, обрадуются, хитрость его не разгадают, и стало быть пенять ему не станут.

Первое из двух ноябрьских писем было к Лизогубу. Оно стало как бы ответом на прошлогоднее его, июльское, нашедшее своего адресата, Шевченко, спустя много месяцев после отправки, уже на Арале.

Писал ему теперь:

"Друже мш единый! позавчера вернулся я із того степу Киргизького та моря Аральського до Оренбурга та и заходився оце писать до тебе. Пишу, а ще / сам добре не знаю, чи живий ти на свт, чи здоровий, бо, вже оце трохи чи не швтора року, як ми не переписувались з тобою ан! одним словом, а за таке время багато води у море утекло. Може / у вас кого не стало, бо холера, кажуть,. здорово-таки косила. Коли живий ти та здоровий, то напиши до мене, друже мш, не гаючись, то я тойд! вже / одпишу до тебе, геть усе порозказую, як мене носило по тому морю) як я у степу оим безкра!м пропадав. Геть усе розкажу, шчого не потаю. А теперь поки що поклонись од мене всему дому вашему / добрш В/арвар!/ Н/!колаевш/, скажи ш, що я живий, здоровий / коли не дуже щасливий, то принамен! веселий.

Оставайся здоров, не забувай на безталанш

Т. Шевченка"

Было это письмо, так сказать, предварительным. О себе сообщил лишь то, что вернулся, что жив, здоров и даже весел. Никаких подробностей. Подробности - по получении ответа. Напишет Лизогуб - расскажет ему "все", чем жил-дышал в последние полтора года, со времени выступления в поход. Тут только оглавление будущего подробного рассказа: как носило по морю, как в степи пропадал, что видел, что делал - ничего не утаит. Пусть лишь сам напишет поскорее да поподробнее. Главное знать: жив? благополучен? обошло ли горе его семью?

Он, Тарас, в эйфории возвращения, будто и впрямь вернулся не неделю назад, а действительно "позавчера". Обретение твердой под ногами почвы, обретение какой-никакой, а цивилизованной жизни пьянило само по себе, даже без чарки, которую щедро подносили то одни, то другие.

"Геть усе розкажу... А тепер поки що..."

Пока не писалось.

Восьмого духу хватило только "на Лизогуба". Репниной напишет потом... завтра...

Это завтра пришло еще через несколько дней - почитай через неделю.

3.

Варвара Николаевна требовала обхождения. Так запросто, как Лизогубу, по-мужски, по-приятельски, ей не напишешь. Что -то не так, не то слово, даже интонация иная - обидится. Вспоминался Яго-тин, помнились дни, проведенные вместе...

"На днях возвратился я из Киргизской степи и из Аральского моря в Оренбург. И сегодня Лазаревский сообщил мне письмо ваше, где вы именем всего дорогого просите сообщить обо мне хоть какое-нибудь известие..."

Признаться, что советом промедлил две недели, - значит обидеть. Что давно прочел ее обращение к Федору, а лишь сейчас нашел время отозваться - грех, по Репниной, без оправданий. Так пусть уж лучше такой - не зловерный - обман. Всевышний поймет и

- простит.

"...Добрый и единый друг мой! Обо мне никто не знал, где я прожил эти полтора года, я ни с кем не переписывался, потому что не было возможности, почта ежели и ходит через степь, то два раза в год. А мне всегда в это время не случалось бывать в укреплении. Вот причина! и да сохранит вас Господь подумать, чтобы я мог забыть вас, добрая моя Варвара Николаевна. Я очень, очень часто в моем уединении вспоминал Яготин и наши кроткие и тихие беседы..."

Вспоминал и впрямь - как не вспоминать людей верных? не думать о них? Дружбою человек жив, в невзгодах держится. Но писать... о чем... для чего писать... Переливать свою тоску в других?

"...Немного прошло времени, а как много изменилось, по крайней мере, со мною; вы бы уже во мне не узнали прежнего глупо восторженного поэта, нет я теперь стал слишком благоразумен; вообразите! в продолжении почти трех лет ни одной идеи, ни одного помысла вдохновенного - проза и проза, или, лучше сказать, степь и степь!..."

Содержание, смысл слов без изменений не остаются. Восторже н н ы и ? "Восторженность... состояние человека, мысленно отрешившегося от мира, возвысившегося духовно до самозабвения; состояние магнетического ясновидения, без всякой сознательности" (Даль). Теперь ему такое состояние кажется нелепым, даже глупым. Солдатчина сделала Шевченко другим... "Слишком благоразумен"? "Благоразумие... рассудительность в словах и поступках; житейская мудрость; полезная осторожность и расчетливость" . (Из того же словаря) . С л и ш к о м... Это только подчеркивает, усиливает смысл "основного" слова. В подтверждение - "ни одной идеи, ни одного помысла вдохновенного" . Не слишком ли круто, если вспомнить о множестве написанных стихов, о выполненных рисунках?

Письмо могло попасть на глаза, в руки и его недругам. Пусть примут на веру его собственное признание: нетшшет, не творит - воли царской не нарушает. Но может изнанка слов об идеях и помыслах совсем иная? Нет, поэзия его не покинула. Были и есть пейзажи, портреты. Сколько и какое, однако, сделал бы, не будь он под запретом, лишенным всех прав! Вот что терзает его вдохновение, пресекает настоящий полет творчества!

"...Да, Варвара Николаевна, я сам удивляюсь моему превращению, у меня теперь почти нет ни грусти, ни радости, зато есть мир душевный, моральное спокойствие до рыбьего хладнокровия. Грядущее для меня как будто не существует. Ужели постоянные несчастья могут так печально переработать человека? Да, это так. Я теперь совершенная изнанка бывшего Шевченка, и благодарю Бога..."

Все тут как бы в угоду истово верующей, фанатичной Репниной, мечтавшей о том, чтобы дух его вознесся "выше горькой участи", чтобы он "наполнил благодатью" и "с покорностью" нес свой крест. Смирился, выходит? Ой ли! В словах - смирение, за словами - буря чувств и ...непокорность. Пишет о печальной переработке, об "и знанке бывшего", а в интонации - Шевченко неизменный, бунтующий. "Да, это так..." Но так ли?

"...Много есть любопытного в Киргизской степи и в Аральском море, но вы знаете давно, что я враг всяких описаний, и потому не описываю вам этой неисходимой пустыни..."

За неделю до того, когда писал Лизогубу, обещал ему, в благодарность за письмо о жизни украинских друзей, свое, да подробное: "геть усе поразказую... шчого не потаю..." Сидя над письмом княжне Варваре, Шевченко понял: это самое "любопытное" не рассказать и тем паче не описать - задача из неисполнимых. И откладывать до следующего раза уже не стал, ограничился беглой характеристикой здесь же:

"...Лето проходило в море, зима в степи, в занесенной снегом дже-ломейке вроде шалаша", где я, бедный художник, рисовал киргизов и между прочим нарисовал свой портрет, который вам посылаю на память обо мне, о несчастном вашем друге..."

Поначалу написалось: "о лучшем вашем друге", но тотчас поправил - "несчастном". За скупость описания виденного и случившегося она его простит - тем более, когда увидит автопортрет. Удался ли, не удался - он такой, - на прежнего похожий лишь отчасти. Рисовано на Арале...

За подробностями отослал к Бутакову - сейчас Алексей Иванович в Оренбурге, но собирается к родителям, в Николаев, будет и в Одессе. "Сойдитесь с ним. Благодарите его за его доброе братское со мною обращение..."

Поклоны и приветы - не формальные, поименные. Подписал ся: Т .Шевченко.

Поставил дату: 14 ноября 1849. Скачи (ох, ползи) письмо на Украину, вези, почтарь, ответ.

Первое письмо в Оренбурге он получит только под конец декабря -от Андрея Ивановича.

4.

Уже 8 ноября Шевченко знал, где жить ему, когда "фабрика" прекратит существование. На обороте письма к Лизогубу написал свой будущий адрес:

*В г. Оренбург, его благородию
Карлу Ивановичу
Герну
в Генеральный штаб с передачею.*

Не получи он от Герна приглашение, не решив вопрос основательно (а перед тем побывав у него дома), гн запасись полученным из первых рук адресом для получения писем, не стал бы он этот адрес сообщать. Его, Тараса, имя на конвертах писать не следовало. "С передачею"... По штемпелю будет знать, откуда письмо вышло, а стало быть и кому предназначено.

Дойдет. Карл Иванович - человек надежный.

Больше всего теперь хотелось, чтобы ответы дошли как можно раньше.

О ГЕРНЕ И ЕГО ДОМЕ

1.

Раньше я попенял Залескому, сейчас же не в силах удержаться от упрёка Герну. Там и здесь причина одна: нелюбовь к писанию воспоминаний.

Действительно - и что бы ему самому, то бишь Карлу Ивановичу, собственноручно не написать настоящие воспоминания о друге Тарасе, которого знал лучше других. Не ограничиться письмом к Михаилу Матвеевичу Лазаревскому, скупым донельзя, а засесть за работу основательно, как поступал всегда, когда получал задания от начальства... Но задания были совершенно ясны, тут же не мог себе даже представить, с чего начать, что поведать.

Корреспондент ждал от него подробности (а может - и скорее всего - ждали их мы), он же давал канву, не расцвечивая ее красками. В письме том, как и в жизни, автор - военный инженер, мыслящий рационально, привыкший к тону деловому, чуждый бумажных разглагольствований и лирических сентенций. Письмо не длинное - как рапорт. Может, надеялся: по получении его адресат поставит конкретные вопросы и тогда он даст такие же конкретные ответы. Вопросов, по всей вероятности, не последовало - так и осталось то свидетельство без расшифровки. Свидетельство драгоценное, но уж слишком лаконичное... Собственно оренбургского - о месяцах до ареста - в нем всего-навсего несколько строк, один-единственный абзац. И это у Герна!...

Зато некий "Ц" и рассказывал, и писал "воспоминания" без удержу.

Рассказывал А.Матову (это чуть ли не единственное шевченковское, что тот записал в Оренбурге): "Т.Г.Шевченко, присланный рядовым в Оренбургский линейный батальон, вел жизнь вполне замкнутую. Так как в то время Оренбург был городом, состоявшим исключительно из людей подчиненных, военных, с отсутствием почти интеллигентского элемента, а военный губернатор Обручев относился к "конфирмованным" вообще, а к политическим в особенности, строго, - то в Тарасе Григорьевиче приняли участие весьма немногие, да и сам он, под впечатлением своей участи, сторонился от людей..." ("Камско-Волжский край", 1897, N 307, 313, 318). А вот что тот же воспоминатель писал сам:

"...Будучи лично знаком с Тарасом Григорьевичем, я сообщаю коротенький, но весьма оригинальный, эпизод из его пребывания в Оренбурге.

В первые дни ссылки Т.Г. сильно нуждался в средствах, вследствие чего брат мой, служивший тогда в Оренбурге, предложил ему переселиться в наш дом, но прожил он у

нас недолго, потому что бывший военный губернатор Обручев, человек недоверчивый и подозрительный, нашел опасным оставить Т.Г. в доме людей, носящих польскую фамилию, и сделал распоряжение переселить его на гауптвахту, а затем перевести в Орск.

Живя в нашем доме, он однажды получил письмо от графини Л., которое оканчивалось фразой: "Как поживает мой дорогой Тарас?" Далее оставалось чистое место на письме. Т.Г. отрезал этот вопрос с написанной бумагой и нарисовал на ней себя в солдатском мундире, фалды которого были подняты, и два барабанщика бьют его барабанными палками, а внизу рисунка написал два слова: "як бачите", и отправил это послание к графине Л..." ("Тургайская газета", 1895, N 46).

Ни запись Матова, ни заметка в оренбургской "Тургайской газете" в новые, и самые полные, тома воспоминаний о Шевченко не вошли. Достоверность их, мягко говоря, спорна. И если вспомнились мне тут "мемуары" Ц., то исключительно для того, чтобы подчеркнуть утрату, понесенную нами из-за незаписанности, недосказанности Тернового. "Живя у меня, он много рисовал, в особенности портреты, и сделал несколько превосходных пейзажей акварелью из привезенных с Аральского моря эскизов; начал масляными красками писать портрет мой и моей жены. В числе посетителей его довольно часто навещал Левицкий, с которым они в два голоса пели малороссийские песни. Кажется, брат ваш Федор тоже принимал иногда участие в этих импровизированных концертах; но я не слыхал ничего восхитительнее этого пения..."

Все? Из оренбургского все, или почти все. Кроме некоторых известных биографических данных, также Оренбурга касающихся, и безусловно важного сообщения о местах жительства Шевченко: "жил сначала вместе с Бутаковым, а по отъезде Бутакова в Оренбург перешел жить ко мне"... Следующий абзац относился уже к обыску и аресту апрельскому. Обыскивали Тараса не у Ц. (по его словам, Обручев просто "сделал распоряжение переселить - ! - на гауптвахту"). Нет, в доме Герна, где, таким образом, Шевченко жил около четырех месяцев.

Что же касается Циолковских (вот какая фамилия стоит за буквой алфавита), то ни о каком жительстве в их доме речи быть не может, хотя знакомство с Нарцысом Игнатьевичем Циолковским - чиновником Пограничной комиссии, коллежским секретарем - отрицать нет оснований, как равно и того, что брат его видеть Шевченко мог.

Но видеть это еще не знать.

2.

Слова Герна о переезде Тараса к нему "по отъезде Бутакова в Петербург" подтвердил в своих воспоминаниях Михаил Лазаревский:

"По отъезде Бутакова в январе 1850 года в Петербург Шевченко переехал на квартиру полковника К.И.Герна, где он по-прежнему жил довольно сносно..."

Придираться не станем: полковником ГERN тогда не был, оставался он все еще штабс-капитаном, но суть не в том.

Когда же все-таки перебрался?

Вопрос возникает отнюдь не на пустом месте.

Бутаков действительно выедет в середине января, и доказано это вполне документально. Однако Левицкий отправится в столицу еще раньше, в первых числах нового года. Так, спрашивается, как ухитриться ему "довольно часто" навещать Шевченко уже у Герна? Хозяину же лома помнилось их пение "в два голоса" родных украинских песен именно тут, в его квартире ("я не слыхал ничего восхитительнее"). Кажется, подчеркивал, в "импровизированных концертах" участвовал и Федор Лазаревский. Но он и вовсе отправился в длительную степную командировку еще до вступления в свои права пятидесятого. "Принимал иногда участие..." Что-то не вяжется...

Связать можно только додумав. Обдумывая, сопоставляя, приходишь к единственно возможному выводу: переезд состоялся не в январе, а в декабре. Если более определенно, то около или сразу после 23-24 декабря, когда все работы на бутаковской "фабрике" в доме "для господ приезжих генералов и офицеров" были закончены и

занимать обширные казенные апартаменты уже не представлялось нужным. Это было и ни к чему, и накладно. (Деньги тогда считали получше, чем сейчас).

Лишь при переезде декабрьском мог запомнить Герн те "малороссийские песни" приятелей-украинцев. Поправка существенная, не так ли?

Более четверти века назад рассказал я о том, как искал дом штабс-капитана Герна и после долгих поисков вышел-таки на то самое место, где он стоял до опустошительного пожара 1879года. Сейчас там другой дом, по иному выглядит улица, неузнаваемо изменился, весь район, и нынче не парадный, не центральный.

Совсем неказистой, от центра удаленной, была Голубиная, или Старая, слободка во времена шевченковские. Улица с выразительным названием Косушечная (теперь она Казаковская) только застраивалась. Соседствовали на ней небогатый купец, отставной солдат, невысокого положения чиновник - что и говорить, район не аристократический.

Помнится, в каком волнении открывал тогда дело "О дозволении штабс-капитанше Софье Николаевой Герн произвести некоторые переправки в доме ея, состоящем в Голубиной слободке..." (ГАОО, ф.233, оп.1, д.42).

Дом принадлежал не самому Герну, но жене; получила она его от отца, подполковника Курочкина, перед вступлением в законный брак.

Переписка, собранная под этой обложкой, началась еще 15 мая 1846-го, за два с половиной года до появления тут Тараса, а закончилась почти десять лет спустя, в сентябре 1855-го, когда он служил в Новопетровском,

Всего более мечталось мне о плане дома, плане усадьбы. Планов оказалось три. На первом и втором - часть девятого квартала слободки. Усадьба Гернов, по обе стороны - соседи: люди разных сословий, не именитые, не знатные... Наконец, третий. Подробный план участка! Чертеж семиоконного каменного дома со скромными колоннами по центру фасада. В глубине подворья-деревянный флигель. (Тот самый, из воспоминаний Ф.М.Лазаревского: "В последний свой приезд из степи я застал Шевченко там же на Слободке во флигеле дома К.И.Герна...")

Чуть позже удалось найти еще одно дело из тех же времен: "О неправильной разбивке нового квартала домов в Голубиной слободке напротив дома г.капитана Герна". (ГАОО, ф.233, оп.1, д.228). Полезным оказалось и оно. Найденные ранее давали представление об одной стороне улицы, да и то ограничивая "обзор" сравнительно небольшим отрезком, теперь перед глазами оказался план большей части слободки с обозначенным на нем искомым домом.

Дальнейший поиск это облегчило. Во многом благодаря второму делу удалось довести его до конца.

...В доме он жил, во флигеле была устроена мастерская. Казаковская, 43... Тут добирались друзья-приятели, звучали их голоса и песни. Тут писал портреты и пейзажи. Стихи, конечно, тоже.

Тот, первый свой очерк о поисках едва ли не главного шевченковского адреса Оренбурга я не случайно назвал "Дом его друга". Сейчас на доме, отстроенном после пожара, мемориальная доска с именами Шевченко и - Герна.

3.

В заметках Бр.Залеского к письмам Т.Шевченко - той первой их публикации, осуществленной Иваном Франко в 1890 году в переводе с польского, - Герн носит имя К а р о л ь. Комментатор как бы подчеркивает польское происхождение их общего с Тарасом знакомого, из фамилии не явствующее.

"Печатався польським гербом..." - "На его печати был польский герб..." Это тоже оттуда и по той же причине, из тех же соображений.

Оренбургские поляки считали К.И.Герна с в о и м по всем статьям, в том числе и "по крови".

Шевченко кровного родства меж ними не искал, ну а духовная, человеческая близость... она установилась давно.

Карл Иванович Герн был моложе своего приятеля на два года - родился в 1816-м. Происходил он из дворян Витебской губернии - обедневших, совсем не богатых ("имений нет"). Тринадцати лет от роду его приписали к армейской части, в восемнадцать Герн уже был офицером. В Оренбурге служил с 1835-го - прибыл сюда подпоручиком инженерной команды.

Инженерный талант в нем проявился рано. Уже в шестнадцать лет выдержал он непростой экзамен на инженера-прапорщика. С успехом прошел курс наук в военной академии, по окончании которой вернулся в Отдельный Оренбургский корпус - теперь по ведомству Генерального штаба.

В 1842-м принял участие в походе против "мятежного султана" Кенисары Касимова; в 1844-м отличился в составлении карт Оренбургского края; несколько месяцев спустя опять был в операции для обуздания того же досаждавшего султана.

Сорок седьмой прошел в поездках по краю с весны и до осени. Сначала две тысячи верст к Аралу, по Сырдарьеиморю, потом обратно (возвращаясь через Мугоджарские горы, Эмбу и Темир), и, наконец, после недельного отдыха в Оренбурге, - в Уральск, Гурьев, Новопетровское укрепление.

Сорок восьмой: опять степь и - главное дело - возведение форта между Орской крепостью и укреплением Уральским, на речке Кара-бутаке.

Сорок девятый: инспектирование фортов Оренбургского, Уральского, Раимского, и снова Сырдарья, снова Косарал. (ГАОО, ф.38, оп.1, д.264).

Их, Шевченко с Герном, дороги пересеклись в Орской, Карабутаке, Косарале и, наконец, сомкнулись, сошлись здесь, в Оренбурге. Сошлись для общения немимолетного - постоянного, даже ежедневного.

"...Честный человек, друг и защитник Шевченко", - отзывался о нем Залеский. •

Преуспевающий офицер, ценимый и в Оренбурге, и в Петербурге, кавалер орденов святого Владимира и святой Анны, автор солидных военно-статистических описаний, введших его имя в военную науку России, одобрительно замеченных в Европе, и - рядовой линейного батальона, родом из крепостных, художник без права рисовать и поэт без права писать, политический, самым императором покаранный, оказались в дружбе вопреки самым строгим дисциплинарным уставам, предписывающим абсолютную субординацию, безусловное чинопочитание во всем. Нарушение этого считалось преступлением и наказывалось по всей строгости. Герн рисковал, но честный человек - человек чести! - брал в нем верх над соображениями карьеры. Не прокламировал добро - делал его. Хотя и не был ему Шевченко ни братом, ни сватом, ни даже земляком - как не был и Герн в глазах Тараса товарищем в борьбе, в несчастье.

Разные люди - и такая близость! Истоки ее надо видеть в Кароле-Карле, в человеческих его качествах, в душе, способной сострадать и творить добро, не унижая при этом ни жалостью, ни сочувствием напоказ. И в каждое его слово из письма к М. Лазаревскому веришь - не в точность деталей (погрешности есть), но в истинность чувств:

"Общее горе сближает людей! Я не считаю вас «ужим, мой добрый знакомый незнакомец»; как могу и насколько могу, исполню желание ваше о доставлении сведений о времени бытности нашего дорогого покойника Тараса в Оренбургском крае..."

Он не был многословным - ни в воспоминаниях, ни в жизни, в общении. Ему чужды были ахи и охи, всякого рода сентименты - письмо тому подтверждение. "Несчастный страдалец" - это уже вздох посмертный (равно как и "дорогой покойник", "бедный Тарас"). Как возглас, душою исторгнутый: "Что за чудная душа у этого Тараса!" Тогда, когда они общались, громких восторгов и сочувствий Герн себе не позволял.

4.

Из недлинного, скупого письма извлечь охота поболее. И действительно, вчитываясь, выуживаешь то, что до поры до времени оставалось незамеченным, или - если точнее - казалось относящимся к иным годам и местам.

Но почему же к иным?

"...Он, впрочем, жил постоянно так скромно, что ему немного было надобно..."

Это "впрочем" - после слов о "средствах к жизни" - распространяет вывод на все, с ним, Тарасом, связанное.

Постоянно- значит и в доме Герна.

"...Много рисовал, в особенности портреты..." Известны немногие: А.В.Племянникова, Е.П.Бларамберг, Н.Г.Исаева... Портреты писались, главным образом, на заказ, а стало быть сразу по их исполнении навсегда переходили к владельцам - заказчикам.

"...Сделал несколько превосходных пейзажей акварелью..." Эти пейзажи были уже не "по службе": свою служебную обязанность он выполнил в ноябре- декабре и теперь мог работать без всякой торопливости. Пейзажи, выполненные здесь, дарил, некоторые - через друзей - продавал.

Писал стихи, тоже Герна не опасаясь. Подтверждение тому - оставленная в доме на сохранение "книжечка с малороссийскими стихотворениями", впоследствии возвращенная.

Работа л! И комната (или комнаты) у Гернов, и флигель во дворе уединению его для творчества способствовали, и уж хотя бы за одно это заслужили супруги наше спасибо.

А за тепло, за уют семейного очага в зиму студеную, метельную? За то, что можно было здесь петь родное, заветное? чувствовать улыбку Софьи Николаевны, красивой, гостеприимной хозяйки? забавляться с малышами - пятилетним Володей, на годик младшей Ноночкой, совсем маленькой Шурочкой? До чего же любил он детей! И как мечталось иметь своих...

Ни Карла, ни Софьи в лицо мы не знаем.

А знать ведь могли: "...начал масляными красками писать портрет мой и жены моей..."

Начал - не кончил. Помешали обстоятельства. И они... они тоже сомкнулись здесь, в доме на Старой или Голубиной слободке.

Но это уже сюжет иной.

Часть вторая:

"А НЕ ПРОДАМ СЕБЕ..."

ПЕТРАШЕВЦЫ

1.

Так вот он, тот заговор, мысли о котором будоражили его и других еще в Раиме, еще на Арале!

В двадцатых числах декабря 1849 года в петербургском офицозе появилось достаточно пространное сообщение правительства.

Оно гласило:

"Пагубные учения социалистов, породившие смуты и мятежи по всей Западной Европе и угрожающие ниспровержением всякого порядка и благосостояния народов, отозвались, к сожалению, в некоторой степени и в нашем отечестве.

...По произведенному исследованию обнаружено, что служивший в министерстве иностранных дел титулярный советник Буташевич-Петрашевский первый возымел замысел на ниспровержение нашего государственного устройства с тем, чтобы основать оное на началах социализма и коммунизма... Для распространения своих преступных намерений он собирал у себя в назначенные дни молодых людей разных сословий. - Богохуление, дерзкие слова против священной особы государя императора, представление действий правительства в искаженном виде и порицание государственных лиц - вот те орудия, которые употреблял Петрашевский для возбуждения своих посетителей. В конце 1848 г. он приступил к образованию, независимо от своих собраний, тайного общества...

...Генерал-аудиториат, по рассмотрении дела, произведенного военно-судною комиссиею, признал, что 21 подсудимый, в большей или меньшей степени, но все виновны в умысле на ниспровержение существующих отечественных законов и государственного порядка, а потому и определил: подвергнуть их смертной казни расстрелянием...

...Его величество, по прочтении всеподданнейшего доклада гене-рал-аудиториата, изволил обратить все милостивейшее внимание на те обстоятельства, которые могут в некоторой степени служить смягчением наказания, и вследствие того высочайше повелел: прочитать подсудимым приговор суда при сборе войск и, по свершении всех обрядов, предшествующих смертной казни, объявить, что государь император дарует им жизнь, и затем, вместо смертной казни, подвергнуть их следующим наказаниям..."

Наказания были суровыми: каторга... военные арестантские роты... отдача в солдаты... дальняя бессрочная ссылка...

В Оренбург газеты прибывали исправно, но уж никак не раньше того, на что была способна тогдашняя почтовая связь. "Русский инвалид" от 22 декабря добрался сюда лишь к началу 1850 г.

Еще через несколько дней стали известны и подробности бесчеловечной экзекуции:

...как привозили каждого поодиночке из крепости на Семеновский плац, где собрались тысячи людей,

...как возводили их на эшафот и, построив в ряд, полчаса читали приговор о расстреле,

...как мерзли они на морозе в своей легкой, весенней одежде (арестовали-то в

апреле), с непокрытыми головами - шапки велели снять,

...как целовали крест в руках священника, но все, кроме одного, отказались от предсмертной исповеди,

...как первых трех, Петрашевского, Момбелли и Григорьева, облачили в саваны, привязали к столбам, а солдаты направили в них заряженные ружья,

...и как прискакал фельд'егерь с царским "помилованием", еще раньше объявленным в газете, но скрытым, опять же по воле монарха, от них, приговоренных...

Все это леденило кровь даже у тех, кто, как Шевченко, знал о многом и испытал многое.

Потом, вспоминая эти дни, Н.А.Некрасов напишет:

Помню я Петрашевского дело,

Нас оно поразило, как гром,

Даже старцы ходили несмело,

Говорили негромко о нем.

Молодежь оно сильно пугнуло,

Поседели иные с тех пор,

И декабрьским террором пахнуло

На людей, переживший террор.

Декабрь двадцать пятого - декабрь сорок девятого. От декабристов-к петрашевцам.

2.

Никогда в такой тревоге не видел Тарас обычно спокойного Мак-шеева.

Разбредили его все те же известия из столицы, тот же суд над Петрашевским с товарищами.

Мог оказаться среди них и он. А не может ли дело обернуться против него еще сейчас?

В свое время - не так уж и давно - Алексей Иванович был вхож в научно-музыкально-литературный кружок, организованный из сослуживцев и знакомых поручиком лейб-гвардии Московского полка Николаем Александровичем Момбелли. Тем, кого после "расстрела" отправили на пятнадцать лет тянуть лямку каторжника, - одним из главных в разгромленном тайном обществе...

Кружок объединил офицеров, чиновников, людей творческих. Читали научные доклады и сообщения, свои и чужие художественные произведения, в том числе стихи, запрещенные цензурой, наконец много и охотно музицировали.

Из доклада генерал-аудиториата: "...На этих вечеринках иногда читались статьи, написанные в либеральном духе..." В перечне значились и "две статьи Макшеева "Екатерина 1" и "Избрание Михаила Федоровича", переведенные из сочинений князя Долгорукова". Упоминался на следствии макшеевский доклад, читанный 11 декабря 1846 года. "Польская революция" - так он назывался; излагались в нем события 1831-го, сообщались и анализировались факты.

От "понедельников" у Момбелли Макшеев отошел с переводом на новое место службы. Не миновала бы его иначе участь некоторых товарищей по кружку. Может, того же штабс-капитана Ф.Н.Львова, тоже на эшафоте стоявшего и тоже на каторгу отправленного.

В этот раз судьба уберегла - из Петербурга уехал до полного разворота деятельности общества, а стало быть и до того, как стали приглядываться к нему власти. Но и потом ему долго не хватало их товарищеского, дружеского круга, и потом как только мог наводил справки о приятелях, думал о том, чем они занимаются, мысленно представлял себе завязтые споры за чашкой чая.

Сейчас думалось о многих. Какая постигла их участь?

Тревожился и за себя самого. А что, если дознаются?

Но больше все-таки переживал за других. Сурово покаранных. Прежде всего, о Момбелли.

3.

С Момбелли был знаком и Шевченко.

За звучной нерусской фамилией возникал перед ним человек, которого он еще в 1844- 1845 годах не раз встречал на вечерах у Гребенки Евгения Павловича, в его петербургском доме.

Их встречи запомнились что одному, что другому. Момбелли даже воспоминания о них оставил. И вошли они достоверными строками в мемуаристику шевченковскую.

Записки легли на бумагу еще в 1847-м, когда по столице - и петрашевцам раньше других - прокатились слухи об аресте членов Кирилло-Мефодиевского товарищества.

"В настоящее время в Петербурге все шепчутся и говорят по секрету, с видом таинственности, об открытом и схваченном правительством обществе..." - писал Момбелли весной. И тут же отмечал, что "говорят чрезвычайно различно" и "невозможно отгадать, чей рассказ правдивее", но все сходятся на одном: "несколько человек - умных, истинно благородных, образованных и ученых - привезено в Петербург и брошено в тайные темницы, ни для кого не доступные". Среди этих людей - на первом для него плане - Шевченко. Талант в живописи, еще более - в поэзии. Как говорят украинцы: "Шевченко - истинный поэт, поэт с чувством, поэт с воодушевлением".

А вот и личные впечатления от их встреч:

"Года два тому назад я встречал Шевченко у Гребенки. Шевченко всегда высказывал сильную привязанность к своей родине - Малороссии... Все малороссийское его веселило и приводило в восторг. Мотив или песня малороссийская вызывали слезу из глаз патриота".

Момбелли набрасывал живой портрет симпатичного ему человека:

"Он среднего роста, широкоплеч и вообще крепкого, сильного сложения, в талии широк по особому сложению костей, но отнюдь не толст; лицо круглое, борода и усы всегда выбриты, бакенбарды же - кругом окаймляющие все лицо, волос выстрижен по-казацки, но зачесан назад; он не брюнет и не блондин, но ближе к брюнету - не только по волосам, но и по цвету красноватой кожи; черты лица обыкновенные; приемы и общее выражение физиономии выказывали отвагу, небольшие глаза блистали энергией..."

(Не правда ли, такой словесный портрет возможен только при общении тесном, близком; уже по этому абзацу судя, таким оно и было. Присматривался Момбелли, вглядывался Шевченко. И. тоже, конечно, запоминал. Не рисовал, не записывал, но запомнил).

Рассуждал Момбелли о планах кирилло-мефодиевцев, о политических намерениях Шевченко, о слухах - различных слухах - на сей счет.

"Приверженцы деспотизма, то есть настоящего (существующего -Л.Б.) порядка в России, и все проникнутые страхом - так называемые осторожные, или, иначе, благоразумные, - величают замысел этот глупым безрассудством, бессмысленным малодушием. В России называют малодушными не действительно малодушных, а... вообще всех тех, которые имеют несчастье выходить из общего уровня в чем-либо, исключая рабской преданности и усердия к престолу". Но безрассудны ли планы "малороссийских патриотов" на деле? Автор записок так не считает. "С восстанием Малороссии зашевелился бы и Дон, давно уже недовольный мерами правительства. Поляки тоже воспользовались бы случаем. Следовательно, весь юг и запад России взялся бы за оружие..."

Главным во всем он видел не Кулиша, Костомарова или кого-то еще, а именно Шевченко. И соглашался с теми, кто в его плане разглядел вовсе не "безрассудство", не "признак помешательства", а, напротив, признал "его план совсем не так нелепым, как это может показаться с первого взгляда".

Тарас находился тогда среди "посаженных в крепость"- точнее, в каземате III отделения. Бесконечные допросы, томительная неопределенность были спутниками этих его дней. Он даже не подозревал, как часто их, арестантов, вспоминают на воле, как ловят

всякую о них весть.

"Много ходит частных об этих несчастных, но как все они неофициальны и нередко противоречащи, то я оставляю их до другого случая".

Момбелли писал так тогда, когда кирилло-мефодиевцы были еще за решетками своих камер.

Теперь, два с половиной года спустя, Шевченко думал о судьбе петрашевцев и - знакомом ему Николае Момбелли.

4.

Из давней жизни, из прошлых времен был и Роман Штрэндман, еще один из сообщества Бутаевича-Петрашевского.

В газете его не называли, письменных приветов от него (и о нем) не получал, но мы-то знаем, что к петрашевцам он принадлежал. Так как пройти мимо знакомого Тарасового, не рассказать о нем, не вспомнить?

Тянется, тянется нить связующая...

Нить эта, конечно, длиннее и крепче, нежели знакомства или даже приятельства личные. Роднило большее - близость идейная.

Вспоминалась любопытная книжка под названием "Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка". Словарь как словарь: статьи в алфавите терминов... сами термины -распространенные и закономерные... Но что в статьях!

"Деспотизм. Правление, в коем безмерная власть государя переходит вся к тем, кого он ею облакает, а эти правители, не имея никаких правил, действуют согласно собственным прихотям, содержат народ в постоянном страхе казнями. В этом правлении нет суда и расправы. Повелителю вздумалось, повеление дано и - дело кончено!"

В "И р о н и и" почти прямое отождествление терминов "монарх" и "деспот"; в "К а с т ах" - безоговорочное утверждение того, что "существование каст есть признак высшей степени неразвития общества"; в "Конституции" : "Двести тысяч богатых, управляющих 33-мя милли-. онами бедных и нищих, - то же самое, что каста афинских или римских граждан, которые утопали в неге и роскоши, попирая личности миллионов людей, официально называвшихся вещам и":

Политическим идеалом составителей и авторов удивительного (как только вышел!) "Карманного словаря..." была демократия: "Такая система управления государством, где каждый гражданин участвует в рассмотрении и решении дел всей нации..."

"Словарь" пришел на ум потому, что одним из его составителей был приятель Шевченко Роман Штрэндман.

"49. Штрэндман, Роман Романович, 26 л., не окон.курса уч.прав. и унив., литератор, секретарь Вольно-экон. о-ва".

Сокращенная история на трудно. Но откуда эти строки? Из "Списка лиц, привлекавшихся к допросу Следственной комиссией, но не подвергшихся взысканиям".

Каторги.арестантских рот,ссылки он избежал. Не избежал.одна-ко,самых придирчивых допросов и обвинений в неблагонадежности. Под подозрением оставаться ему надлежало до конца жизни.

Познакомились они на Украине. Сдружила их не только молодость, а и близость взглядов. Еще учась в столичном университете, входил Роман в студенческие кружки и работал в них активнейше.

- Кто такой Штрэндман? - спрашивали Шевченко на следствии по делу Кирилло-Мефодиевского товарищества. - Почему он в письме своем называл вас "остатним из Козаков" ? Не участвовал ли в замыслах славянистов?

Отвечал:

- С Штрэндманом я познакомился в Яготине у князя Репнина; он был там домашним учителем, а теперь не знаю,где он. Почему он называет меня "остатним из Козаков" не знаю.

Ответ, что и говорить, уклончивый. Вдаваться в подробности подследственный не пожелал.

..."Остатним из Козаков" Роман поименовал Тараса в письме, которое у него отобрали после ареста.

"Необыкновенные вещи, просто чудеса на свете делаются! - писал приятель. - Вообрази, Тарас Григорьевич,носятся слухи, что я еду в Петербург, а сам я о том сведущ столько, как и Вы, бают даже, что еду не далее, как в субботу... Приезжай,Бога ради, в Яготин хоть на денек, как-то больно расстаться, не простясь, притом, кто знает, когда свидимся?

Хотелось бы много, много побеседовать с Вами - удалый поэт, добрый дружище, остатний из Козаков !...

Не поминай лихом Романа Штрэндмана..."

Письмо, приведенное здесь не полностью, было переслано из Яго-тина в Ковалевку с нарочным 14 декабря 1843 года (публикуя, датировали 1845-м, но это ошибка). В Петербург Штрэндман и впрямь отправился в том декабре - вместе с учениками своими и их родителями.

По приезде в столицу он устроился в канцелярию университета и восстановил прерванные было связи с товарищами, ставшими потом соратниками Петрашевского.

Петрашевцем стал и сам - следователям просто-напросто не удалось установить всю меру вины этого "привлеченного". Ну и славно -сожалеть о том не приходится.

Петербургские встречи с ним Шевченко биографами не зафиксированы. Но разве и без того не ясно: не встречаться оннемогли? А это одно из подтверждений в пользу предположения о том, что з н а л он, Тарас.о деятельности некоторых петрашевцев уже на первой стадии их движения.

5.

Газета с официальным сообщением о покарании организаторов и членов тайного общества ненамного опередила в пути их самих, если определеннее - тех, местом службы которых отныне становился Отдельный Оренбургский корпус.

6 января 1850 года прапорщик корпуса фельд'егерей Лейтир доставил в Оренбург Алексея Плещеева. Поначалу его приговорили к расстрелу, потом генерал-аудиториат предложил сослать в Сибирь и, наконец, монарх сказал свое окончательное слово: рядовым в отдаленный корпус.

Плещееву за месяц до того исполнилось двадцать четыре. За плечами были два года быстро опостылевшего учения в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, а затем опять же не законченный курс восточного отделения историко-филологического факультета в столичном университете. Были и первые стихи в "Современнике", и первый поэтический сборник. Было юношески-страстное:

Вперед! Без страха и сомненья
На подвиг доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Уж в небесах завидел я!
Смелей! Дадим друг другу руки
И вместе двинемся вперед,
И пусть под знаменем науки
Союз наш крепнет и растет...

Оно, это стихотворение, стало гимном петрашевцев, "Марсельезой" всех, кто жаждал переустроить мир на началах равенства и братства.

У Шевченко плещеевское "Вперед! Без страха и сомнения..." было, как говорится, на слуху.

...Две недели продолжался санный путь из Петербурга в Оренбург. Начался он 24 декабря, закончился 6 января. Но нет, не закончился. В Оренбурге "новобранца" держать не стали - неделю спустя отправили в Уральск, в роты первого линейного батальона.

Через неделю... Неделя - для знакомства - срок немалый. Помня о характере их дружеской переписки в мангышлакскую, новопетровскую солдатчину Шевченко, говоришь себе: такой характер письменного общения без предварительных личных встреч был бы неоправдан. За ограниченностью времени они не успели перейти на "ты", но не в этом суть: друг друга увидели и узнали, друг к другу потянулись, испытывая при этом симпатию взаимную.

Конечно, знакомство двух поэтов могло произойти и в Уральске, осенью 1850-го, когда Тарас, переведенный в Новопетровское укрепление, сделал короткую остановку в городе, где служил Плещеев. Но чем Уральск вероятнее Оренбурга, предпочтительнее его?

Какие-либо прямые сведения об этом не отысканы, в воспоминаниях - и тем паче документах - они не отложились. Остается одно: предполагать.

И тем не менее в будущей летописи шевченковских дней такая строка необходима: 1850, 6 января - в Оренбург доставлен поэт-петрашевец А.Н.Плещеев.

Тогда же, в ближайшие дни, сюда привезли еще двух членов разгромленного, и уже не тайного общества. Объективности ради ограничусь - пока? - лишь справками о них.

Итак...

Головинский Василий Андреевич. Молодой сенатский чиновник, готовивший себя к степени магистра политической экономии, он был сторонником самых решительных мер по ликвидации крепостного права. Утверждал: "для освобождения крестьян все меры хороши", но в основу всего выдвигал "одну меру только - восстание самих крестьян". По прибытии его определили рядовым 3-го линейного батальона, местом дислокации которого был Оренбург.

Шапошников Петр Григорьевич. Содержатель табачной лавки в Москве, самоучка, жадно тянувшийся к знаниям и преуспевший в постижении самой серьезной литературы, он обвинялся в агитации "против религии и правительства", ратовал за ниспровержение монарха и утверждение республики. Его, как и Плещеева, как Головинского, выводили на эшафот, ему тоже объявляли смертный приговор. Потом, когда этот приговор был отменен, на смену пришел новый: военно-рабочая арестантская рота, шесть лет в оной. И, наконец, "просто Оренбург" - нижним чином.

О знакомстве Шевченко с ними нет ничего и вовсе. Но... 'были они в одном городе, имели общих знакомых (опять вспомню Макшеева), дышали тем же воздухом - и морозного Оренбурга, и взбудораженной процессом России.

Раздумываю над шестым января.

В ПИСЬМАХ И СТИХАХ

1.

Из дней, которые шестому предшествовали, и непосредственно, дошли до нас три его датированных письма.

Поначалу письма не писались - вымучивались, а теперь вдруг самого к ним потянуло и написал одно за другим, да не цидульки какие "- неторопливые, обстоятельные.

29 декабря - Лизогубу, 1 января - Репниной, 3-го - Будянскому... И еще, и еще...

Взрыв эпистолярной активности имел причины. Во-первых, обрел свой дом. Может и громко сказано - с в о и, но... нынешняя обитель уже не казалась случайной, временной - расположился основательно, обрел домашний рабочий стол и место для мольберта, а главное семейный кров с уважительной, красивой хозяйкой и малыми забавниками-детушками - кров теплый, уютный, ниспосланный, казалось, Богом. После скитаний последних лет впервые почувствовал себя не бродягой каким - степенным человеком... Это во-первых. Во-вторых же возникла оказия. Письма до адресатов дойдут, причем скорее обычного. Уезжает Сергей Левицкий, он и увезет. Не только эти, а и прочие - Остроградскому, Чернышеву. Важно было, чтоб не только доставил, а и вручил

московское, питерское самолично, передал нужное на слрвах.

Два последних письма не известны, а те, что перечислил сразу, опубликованы и сейчас у меня под рукою.

2.

В каждом письме - имя Герна.

"...Аж гульк! входить в хатину добрый Герн! подае мен! ваш лист...Як я зрад4в!..."

Это Лизогубу.

"...Адресуйте вапп листи на 1м'я Герна..." Опять же ему.

Шевченко как бы гордится: есть, наконец, и у него адрес.

Хоть есть вокруг люди, притом хорошие люди, он все-таки одинок.

Лизогубу: "На самый свят вечхр сижу соб! один-одшсшький у хатин! та журюся, згадуючи свою Украшу 1 тебе, мш друже единий..."

Р е п н и н о и: "...Я тепер сижу один-одинешенек и вспоминаю то прошлое, когда мы с вами в первый раз встретились в Яготине..."

Бодянс кому: "...давно, давно ми не бачились, та не знаю, чи и побачимся швидко, а може вже и нпсоли..."

Грусть не напускная - естественная.

Печаль не придуманная - настоящая.

Это и по всему ходу писем. Но писаны они не для жалоб вовсе и не для того, чтобы вызвать сочувствия. К каждому из адресатов есть у него дело, притом свое, сугубо индивидуальное.

Лизогуб выручал его уже бумагой и красками. Заранее благодарит за чистый альбом, а от сухих красок отказывается - может обойтись. Готов Андрей Иванович и к роли бескорыстного комиссионера. Такая помощь ему нужна, да еще как нужна: без денег не проживешь. Что ему послать? "Шлю вам киргизьского Баксу, або по-нашему К обзор я.-цшу я йому кладу 50 карбованцев; може задорого, то збавте як знаете. Буду посилать до вас усе, що зроблю вартого послать, а ви вже роб!ть з ними, що хочете..."

Деньги-деньги, без них не обойдешся, тут же, в Оренбурге, не заработаешь. "Меш здається, що якби сам Рафаель воскрес отут, то через тиждень умер би з голоду або найнявся б у татарина кози пасти, Отак! тут люде!..."

Автопортрет пошлет Лизогубу в подарок: "...оцього гарнадера (це я)..." Пусть смотрит, вспоминает.

...Репниной писал о другом. Попросил адрес Гоголя: "... и я напишу ему по праву малороссийского виршеплета, я лично его не знаю". Если сможет достать в Одессе, прислала бы трактат Фомы Кемпейского "О подражании Христу". Возвращается к замыслу давнему: "...анализировать сердце матери по жизни святой Марии, непорочной матери Христовой", но "теперь и это мне будет в преступление". Молит хлопотать о дозволении ему рисовать. Только рисовать, ничего более. "О большем не смею вас беспокоить!..." Сколь малого он жаждет!

У Бодянского были некогда его "Тризна" и его "Гамалія". Отыщет - отдаст Левицкому. "Коли вона ще жива..." - это о рукописи своей; все-таки мечтает напечатать. Просит "Историю Русов" - тогда ее автором считали архиепископа белорусского Георгия Конисского. "Нехай я хоч читатиму про нашу безталанную Украшу,бо я вже и школи не побачу!"

Бодянскому за все время солдатчины он не писал. Отсюда экскурс в прошлое. "Тяжко! аж слъози капаять, як згадаю, так тяжко! Мене з Киэва загнали аж сюди, 1 за що? За Вірпш! І заказали писать 1х..." Но закончил именно стихами, причем уже невольничьими, откровенно = невольничьими.

Як маю я журитися

Докучати людям,

Піду собі світ за очі

Що буде, те й буде.

Найду долю, одружуся –
Не найду - втоплюся,
А не продам себе людям,
В найми не наймуся...
Запретили, но - пишет. Так-то, Осип Максимович, друг дорогой. Увидимся ли?
Все громче говорили уже о том, что весной ему опять на Арал. "... верно мне оттуда не возвратиться!" Сказал как выдохнул.

3.

Бодянскому: Яце вже третш рнс як пропадаю в невол! - в цш, Богом забуд!м краП
тяжко меш, друже! дуже тяжко та що маю ро-бить?..."

Что делать?!

В Центральном Государственном историческом архиве, его фонде 801 (главного военно-судного управления и аудиториатского департамента) какие только дела не отложились! Групповой побег – дерзость - неповиновение - нарушение дисциплины - оскорбление величества - отказ от присяги - второй...четвертый... седьмой побег - нападение на офицера... Это лишь из тех, которые относятся к Отдельному Оренбургскому корпусу в годы, когда служил в нем рядовой Шевченко.

О многом он знал - что достоверно, что по слухам. Нашумела история побега "к киргизам" десяти солдат - поляков и русских - из первого батальона. (Указ.фонд, оп.72/13, 2 отд., 1 стол, 1849, д.54). Об этом говорили и военные, и гражданские. Рассказывали об участниках смелой акции, о подробностях ее - материала хватило бы на целый роман.

Люди рвались на свободу, люди протестовали - всяк на свой лад. А что - ему свобода не мнилась, он с положением своим смирился?

О, нет. Но выиграет ли, и что, если убежит? Ну, не поймут на бесконечных этих просторах, а дальше? Не себя ради, своего спасения бежал бы - к землякам, к Днепру, на родную Украину. Так перехватят в пути, не допустят - недреманное оно, жандармское око, от него не скрыться. Полезть на рожон - с неповиновением, дерзостью, нападением на офицеров - путь тоже не из лучших.

Его неповиновением, его дерзостью (если хотите, его оскорблением величия) является то, что, вопреки строжайшему запрету, рисует и, еще более строгому, - пишет стихи.

Пишет и писать будет...

4.

На батька б!сового я трачу
Часи, 1 пера, 1 патр?
А шод! то ще и заплачу
Та таки и добре!.. Не на мир
І на гр!хи його дивившись!
А так - мов шод! упившись
Дшусь сивенький,та и рида,
Йому як бачте на ам свт
Нема до кого прихилитись -
Що вш сердешний сирота!

Ревнителі цитатної непорочності - предвижу - схватят мене за руку и начнут прилюдно клеймить: у Шевченко не так... не мог, мол, даже переписать...

А я не переписываю. И стихи за Шевченко не сочиняю. И не выдаю сегодняшнее за вчерашнее. Авторская воля для меня свята. Но воля-1849 (или 1850) часто иная, чем воля 1858-1860. Даже не меняясь в главном, обретает она другие словесные формы, другие ритмы и рифмы. Как этого не учитывать? Как об этом забывать? —

Допускаю, что "Бшына книжка" содержит редакции) чеканнее, додуманнее:

На батька б!сового я трачу
І дщ, І пера, І пашр!

А тол! то ще и заплачу
Таки а ж н а д т о. Не на мир
І на дола його дивившись,
А так, мов Іноді, упившись,
Дщусь сивесенький рида -
Того, бачте, що сирот а.

Выделил только разночтения. Сложнее показать убранные, учесть знаки препинания и вообще интонацию. Можете сравнить и сами - оба варианта рядом. Но еще раз подчеркну: его неповиновение в первом, писанном тогда, когда писать он права не имел.

...Так что прощения у пропагандистов Шевченкоу неизменности, незыблемости не прошу.

Протестует, борется, воюет не оплеухой офицеру и не отказам от исповеди - уже тем, что пишет. Как бы и о чем бы ни писал...

Ну где она, дерзость, в этом лиричном, мечтательном, мягком? где неповиновение, протест в том, что начинается словами: "І дос! сниться..."?

І дос! сниться: пщ горою
Меж вербами та над водою,
Бшенька хаточка. Сидить,
Неначе и доа, сивий дщ
Коло хатиночки І бавить
Хорошее та кучеряве
Свое маленькое внуца.
І дос! сниться: вийшла з хати
Веселая, смпочись, мати,
Цшуе дща І дитя
А трич! весело щлуе,
Прийма на руки, І годуе,
І спать несе. А дщ сидить,
І усм!хається, І стиха,
Промовить нишком: - Де ж те лихо?
Печал! то, вороги? -
І нищечком старий читає,
Перехрестившись, о т ч е н а ш.
Крізь верби сонечко с!яє
І тихо гасне. День погас,
І все почило. Сивий в хату
И соб! шшов опочивати.
Идиллическое воспоминание? Идиллия будущего?
І дос! сниться...

Не только лирического героя - самого себя - представляет он и д е дом, и старым. ("Старый человек -... преклонных лет, д о ж и в а ющий вексво и", "... негодный, изношенный"- Даль). Часто кажется: и его срок недолог, старость пришла и к нему. Но только во сне может представить себя умиротворениям, спокойным, забавляющимся маленьким сыном, не то что внуком.

І дос! сниться...

Сон-контраст; там светлое, тут темное. Контраст, который ранит в самую душу. И "идиллия" протест рождает, и она способна не на "умиротворение" только.

"Мала книжка", автограф первоначального:

І усм!хнувшись соб! тихо
Та и думає - минуло лихо
Таки пом!г господь дожить

До радость..

Для состояния автора в оренбургскую его зиму много органичнее, чем позднейший, вопрос, к себе самому обращенный: "Де ж те лихо? Печал! тн, вороги?" Дожить до радости - вот что волнует его сейчас. И тут тоже протест - протест против всего и всех, жизнь перечеркивающих.

Идиллия-протест... Такая ли идиллия?

5.

И никакой идиллии в хрестоматийном "Якби ви знали панич!..." Протест в прямом, обнаженном смысле этого слова.

Якби ви знали, панич!,
Де люде плачуть живучи,
То ви б елпей не творили
Та мирне Бога б не хвалили,
На наш! сльози смдачись...

"ПаничГ - это уже обращение не к себе, не к собственному "я". Тут адресат точный, конкретный. Вполне конкретный - хотя и безфамильный. Но к кому-то ведь он обращается, кто-то его на^епор вызвал, кем-то отповедь заработана.

Кем?

Неким автором пейзажных стихов в хвалебном тоне, из тех, что печатает петербургская пресса...

Неразборчивыми знатоками альбомной поэзии на месте; иные и сами горазды такое сочинять, и плетут... плетут...

Помещичьими сынами, пусть даже некоторые из них в солдатской шинели; убеждался, и не раз, - господа шляхтичи и дворяне, порой самые прогрессивные, от господских привычек отказываются тяжело.

Так-то, паны и панские дети, послушайте, что скажет к р и п а к!

...За що, не знаю, называють
Хатину в га! тихим раем,
Я в хат! мучився колись,
Мо! там сльози пролились,
Найперш! сльози. Я не знаю,
Чи есть у Бога люте зло,
Щоб у тш хат! не жило?
А хату раем називають!

Кто бросил это слово - рай, обронил его будто невзначай, бездумно, тот и побудил, понудил его ответить, да еще стихами. Забурили они в нем еле сдерживаемой яростью и хлынули без удержу - давно выношенные, выстраданные^

...Не называю и раєм,
Т!! хатиночки у га!
Над чистим ставом край села.
Мене там мати повила
І, повиваючи, сш'вала,
Свою нудьгу переливала
В свою дитину... В т!м гаю,
У тш хатин!, у раю,
Я бачив пекло...

Пекло в устах, под пером невольника, прошедшего уже через казарму и плац, пустыни и штормы, запреты на самое в жизни дорогое, - звучит, согласитесь, весомее некуда. Пекло в его представлении -

...неволя,
Работа тяжкая, школ и
І помолитись не дають...

В том сельском аде легла, еще молодой, в могилу мать ("нужда та праця положила"), не выдержал "лихо! дол!" отец, оказались "в наймах" братья и сестры; живут они в горе и умрут в горе (те, кто еще живет).

...Мен! аж страшно, як згадаю

Оту хатину край села!

Так!!, Боже наш, д!ла

Ми творимо у напнм ра!

На праведнш твош земл!!

Ми в ра! пекло розвели,

А в тебе другого благаем...

Просим иного - противоположного, справедливого? Или вымаливаем еще одно п е к л о - не менее страшное?

Вымаливаем... у кого? У кого же, как не у Бога! Гложут и гложут крестьянского сына сомнения, и взывает он к всевышнему.

...А може и сам на небеси

См!ешся, батечку, над нами

Та може радишся з панами,

Як править миром...

Обращается к Богу, говорит с Богом. Он для него не миф, но реальность, не воплощение непогрешимости, но тот, которому можно сказать все, что накопело, и без какого-либо священного трепета. Правду, только правду!

...Правда, рай?

А подивися, та спитай!

Що там твориться у т!м ра!!

Звичайне, радість та хвала!

Тоб! единому святому

За дивн!! тво! д!ла!

Отим-бо и ба! Хвали шкому,

А кров.та сльози, та хула,

Хула всьому! Ш, щ, ючого

Нема святого на земль..

Мен! здається, що и самого

Тебе вже люди прокляли!

Бог для него - существо живое; он его почитает, ему верит. Тем тяжелее разочарование - горькое, непереносимое.

...Тебе вже люди прокляли!

Пока еще поэту такое только кажется; он этого, может, и боится. Но так думает и - пишет так. Пишет с полной искренностью.

Оренбургского колорита, оренбургских реалий в стихах его нет. И в этих, и в других - во всем поэтическом дневнике той зимы. Есть большее- мысль Шевченко в оренбургские месяцы жизни... Настоящая поэзия - сама душа, тут спорить не приходится.

Отстаивая мысль о том, что стихотворение навеяно писаниями дворянских литераторов, большой знаток шевченковской поэзии Ю.А.Ивакин сослался и на стихотворение А.К.Толстого (оговорив, впрочем, более позднюю его публикацию). Но публикация в те времена это не только воспроизведение печатное, а и листы списков или семейных альбомов. Алексей же Константинович в Оренбурге был не "чужим": приезжал сюда к дяде своему, Василию Алексеевичу Перовскому, имел среди здешних обитателей знакомых, притом близких. В сороковые годы был он на Черниговщине; оттуда, вместе с добрыми впечатлениями, и привез поэтический панегирик. Такой вот:

Ты знаешь край, где все обильем дышит,

Где реки льются чище серебра,

Где ветерок степной ковыль колышит,

В вишневых рощах тонут хутора...

Где из цветов венок плетет Маруся, О старине поет слепой Грицко, И парубки, кружась на пожне гладкой, Взрывают пыль веселую присядкой!..

Еще молодой Толстой - действительно паныч. "Якби ви знали, панич!" - ответ и ему.

Отвечал Тарас всем, и поэтам, и не поэтам, жизни людской не знавшим, от бед крестьянских далеким. Солдатская неволя - несчастье, но не без надежды. Там- горе вечное, неистребимое.

.. Лани братами оремо

Пх слъозами поливаем...

Стихи - сопротивление его, протест его.

Бежать он не станет. Будет и писать, и рисовать. В неволе...

"МИ ЗАСПІВАЛИ, РОЗІЙШЛИСЬ..."

1.

Федор Лазаревский отправился в свою степную командировку еще до нового года, под конец декабря. Простились по-хорошему, расстались с грустью. Уехал приятель-земляк надолго, почитай до весны.

После отъезда Тарас заезжал в домик Кутиных уже к Левицкому, но... пришел черед и его. В одном санном экипаже с Сергеем отбыл в Петербург новый оренбургский Тарасов приятель Костромитинов, тоже из Пограничной комиссии, тамошний переводчик, годами их постарше.

Костромитинов был не из приезжих - родился в Оренбурге. От отца Николаю достался деревянный, довольно просторный, дом поблизости от центра города. Добрым людям в нем были рады всегда, и это дает мне основание полагать его одним из шевченковских адресов оренбургской зимы.

По отцовским стопам сын купца не пошел: предпочел продвигаться по письменной линии. Проверили и - приняли: копиистом в канцелярию Оренбургского военного губернатора. Это случилось еще в двадцать шестом. Затем пошел в гору: подканцелярист, канцелярист. Совершенствовался в восточных языках. Когда почувствовал, что освоил их достаточно, из'явил желание перейти в Пограничную комиссию. В одном и том же году (1831-м) взяли сюда толмачем и утвердили переводчиком. Разницы вроде и нет, но это лишь для непосвященных. "Толмач... устный, словесный переводчик" (Даль), а собственно переводчику дано и документы, письма с языка на язык переводить, и важные бумаги составлять, и следствие вести.

Первое серьезное задание по следственной части вошло в формулярный список Костромитинова в такой редакции: "Находился депутатом в следственной комиссии, составленной для разыскания покраденных товаров, принадлежавших задержанным в России хивинцам, и действием его открыты виновные и найдена часть покраденных товаров".

Так служил и дальше. Не быстро, но продвигался в чинах. Отличали его по всякому. Почти весь сорок пятый и до весны сорок шестого провел в Петербурге, куда был командирован "для временных занятий при Азиатском департаменте".

(Какое-то время Костромитинов и Шевченко жили в одном городе почти рядом, друг друга могли видеть, в любом случае общие впечатления у них были, но скоро Тарас уехал на Украину и два с лишним года спустя вернулся в столицу уже под арестом. Что же касается оренбургского переводчика, то он в этот самый промежуток времени побывал там и вторично, сопровождая султана-правителя западной части "меньшей орды" Айчувакова для представления к высочайш ему двору).

"Отличное усердие" Николая Федоровича царь отметил орденом Св.Анны 3-ий степени. Два года спустя его представили к "высочайшему благоволению" - для получения следующего ордена, не вышли еще сроки, а за этим следили строго.

В глазах начальства был он чиновником из отменных. "Кроме своей прямой обязанности, которую исполнял, как и всегда, с отличною отчетливостью и быстротою, - гласила одна из последних записей формулярного списка, - Костромитинов был командирован в апреле прошедшего (1847-го) в среднюю часть орды, по случаю возникших там между киргизами недоразумений и беспорядков по найму верблюдов, где успел ловкими внушениями и убеждениями устранить совершенно расстройство в сем верном деле в самом начале и тем содействовал его успешному окончанию; кроме сего, находился... при разбирательстве взаимных претензий киргизов сибирского и оренбургского ведомств, опытностью и внушенным к себе доверием был один из главных виновников столь неожиданно счастливому окончанию в течение одного месяца этого важного дела". (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6057/6).

Формулировка, конечно, сложная, но и задача оказалась не простой. А справился с нею, как всегда, отменно.

...Не случайно вовсе Левицкий и Костромитинов выезжали из Оренбурга в Петербург вместе. Сергей на следствии свидетельствовал, что сблизились они во время дороги. Но нет, сближение произошло гораздо раньше. И меж ними, и у Костромитинова с Шевченко.

Потом Тарас прямо упомянет его в письме 1852 года: "...як побачиш Костромитенова, то поклонись ему гарненько". Попросит об этом Федора Лазаревского, а значит и сомнений у него не возникнет: они по-прежнему в дружбе. Их дружеству был не один год.

Лазаревский, Левицкий. Костромитинов.

Теперь собирался в отъезд Бутаков.

2.

Десятое января в штабе корпуса капитан-лейтенант Бутаков получил вполне официальное предписание. В нем, исходявшем от Оренбургского отделения Генштаба и зарегистрированном в реестре исходящих под номером 33-м, было оговорено вроде бы все.

"Так как поручение, возложенное на ваше высокоблагородие относительно исследования Аральского моря, в настоящее время уже окончено, то предлагаю Вам, немедленно по получении сего, отправиться в Санкт-Петербург и явиться там к дежурному генералу Главного штаба его императорского величества генерал-адъютанту Игнатьеву для получения дальнейшего приказа. Подорожную Вы имеете получить в корпусном дежурстве, а прогонные деньги, по положению, из продовольственного отделения, равномерно и надлежащее Вам денежное содержание по 25 января сего года.

При этом присовокупляю, что мною уже представлены господину военному министру:

1) Меркаторская карта Аральского моря, с приложением гидрографических видов берегов оного.

2) Карта того же моря с окрестностями, составленная из новейших съемок...

3) Извлечение из описания моря, составленного вашим высокоблагородием.

4) Астрономический Ваш журнал..."

Это все представленное и отправленное. Многое же сделать надлежало. Бутакову следовало взять с собою карты, виды, описания, предназначенные его императорскому высочеству генерал-адмиралу, начальнику Главного морского штаба, канцлеру иностранных дел, другим высокопоставленным лицам и инстанциям. (ЦГВИА, ф.1441, оп.1, д.34, лл.226-227).

Днем тем, десятым, помечены многие листы переписки относительно отъезда Бутакова. Сносились меж собою учреждения, отдавались распоряжения, уточнялись детали.

И можно себе представить, как бурно заработала без того не бездействовавшая бутаковская "фабрика".

3.

Да, основное было сделано.

Это основное Бутаков передал в корпусной штаб еще перед Рождеством.

23 декабря 1849 года при донесении за номером 321-м "между прочими картами и описаниями были представлены также гидрографические виды берегов Аральского моря". (В черновике рапорта для корпусного дежурства Бларамберг и Герн первоначально оговаривали: "рисунки и гидрографические виды берегов Аральского моря Залеского и Шевченко").

На следующий день, декабря 24-го дня, штаб получил пакет N 313 "с геологическим описанием..., составленным Вернером".

И, наконец, под Новый год (если совсем точно, то 30 декабря) Бутаков передал в штаб "7 ящиков с 150 геологическими образцами для отправления в Горный институт и 2 ящика с 75-ю экземплярами ботанических образцов для отправления в Императорский Ботанический сад". (Названное дело, л.265-265 об.)

Сами диву давались, как много успели сделать за два неполных месяца. Но работы хватало и сейчас. Увезти предстояло много и в одно высокое ведомство, и в другое, еще выше. Особенно карт и видов.

Тарасу думалось: чем лучше, красочнее эти самые виды, тем больше надежды на благосклонность.

В первый же день по получении Бутаковым предписания о выезде в Петербург написал он, с благословения Алексея Ивановича, проси тельное письмо Дубельту.

Писал:

"Ваше превосходительство!

Поход в Киргизскую степь и двухлетнее плавание по Аральскому морю дают мне смелость вторично беспокоить ваше превосходительство моею покорнейшею просьбою. Я вполне сознаю мое преступление и от души раскаиваюсь. Командир мой, капитан-лейтенант Бутаков, ежедневный свидетель моего поведения в продолжении двух лет, подтвердит истину слов моих, ежели будет угодно вашему превосходительству спросить у него. Я прошу милостивого ходатайствовать Вашего перед августейшим монархом нашим. Прошу одной великой милости, позволения рисо-вать. Я в жизнь мою ничего не рисовал преступного. Свидетельствуюсь всемогущим Богом! умоляю Вас! Вы как слепому откроете глаза и оживите мою убитую душу! Лета и мое здоровье, разрушенное скорбю в Орской крепости, не позволяют мне надеяться на военную службу, требующую молодости и здоровья. Прошу Вас, примите хотя малейшее участие в судьбе моей, и Бог Вас наградит за доброе дело.

Возлагающий единственную надежду на Бога и на ваше превосходительство.

Т.Шевченко.

1850 года

января 10".

Писал и надеялся... Так ли надеялся? В любом случае бездействовать он не мог.

Первый заход, прежние обращения успеха не имели.

"В 1847 году писал я из крепости Орской к начальнику штаба корпуса жандармов, осмеливаясь покорнейше просить его превосходительство оказать мне милость ходатайством о дозволении мне рисовать портреты и пейзажи",- свидетельствовал позже не допросе, который вел подполковник Чигирь.

То письмо не найдено.

Тогда рассчитывал на посредничество уехавшего в Петербург Алексея Чернышева, заверившего, что это и другие письма "по приезде... в Петербург будут отданы по принадлежности". С исполнением обещания он не поспешил, как не разогнал со своей помощью и Дубельт.

Но мало ли что могло помешать тогда. Сейчас уповал на поездку Бутакова, на его знакомство с близким к Дубельту флигель-ад'ютан-том А.Тимашевым, на свои заслуги в

экспедиции, наконец на в е з е н и е.

Авось в этот раз чего-то и дождется...

...От'езд Алексея Ивановича, разумеется, огорчал. В то же время он хоть в малой степени да обнадеживал.

Неужто не услышат его и сейчас? Неужели все останется по-прежнему?

4.

Воспроизведенное тут письмо к Дубельту правомерно вошло в солидный том документов и материалов к биографии Т.Г.Шевченко.

Пропущено - нет, вычеркнуто, из'ято - два предложения. Второе ради первого: "Я вполне сознаю мое преступление и от души раскаиваюсь". Далее он призывал в свидетели (своего исправления?) Бутакова. Надеялся: Дубельт его пригласит и тот в чем следует заверит.

Вычерк, разумеется, произвели исключительно для того, чтобы из'ять раскаяние. Караул - компромат: Шевченко кается!

А он был, как все мы, человеком, и ничто человеческое не было ему чуждо.

Мог польстить, мог слукавить. Прикинуться слабым, прибегнуть к хитрости.

Хитростью являлось и это: "от души раскаиваюсь". Тем более в "прошении", письме официальном, рассчитанном навсемило тивейшее рассмотрение-решение. Сознаю... раскаиваюсь... Без признания такого рода нечего было надеяться не только на прощение, а и на такую "малость" как формальное позволение рисовать.

"Караюсь, мучуся... але не каюсь!"- вот слово его истинное, без хитрости и уловок. "Якби кайдани перегризти, то гриз потроху б..."-такая в нем "покорность".

"Віршую нищечком, грішу..."- так отвечает на запрещение писать.

...Нехай як буде, так і буде.

Чи то плити, чи то брести

Хоч доведеться розп'ястись

А я таки мережать буду

Тихенько бшн листи.

Это уже оренбургское. Он будет и писать, и рисовать - в любых условиях, сколько жить придется. Но одно дело - таясь, а другое -открыто. Пока же испрашивает право быть "только" художником.

Слабодушного смирения, покорности нет у него и в помине. "Я вполне..." и "от души"- не более чем маневр. Легко объяснимый, извинений не требующий.

...И еще один маневр - продиктованный тревогой. Положенные • работы выполнены, сданы, Бутаков уезжает - что будет с ним, Шевченко? снова в строй, в Раим? Ему даровано право выслуги. Оно, это право, брошено к его ногам как надежда. Надежда, которой наверняка не оправдаться, не сбыться. Пишет Дубельту и неосуществимую надежду: "Лета и... здоровье... не позволяют... надеяться на военную службу..." Опять уловка: никогда и не надеялся. Но н а д о -для успеха прошения надо- высказать покорность, послушание воле монаршьей, и он пишет о такой своей надежде, хотя не служба царская для него суть, а служение земле родной, родному народу.

"Днтр той дужий, круторогий" с ним всегда и навсегда.

5.

И еще одно письмо написал Тарас в ожидании от'езда Бутакова. Оно было о том же, но - сугубо неказенным, во всех отношениях личным.

"Я три года крепился, не осмеливаясь вас беспокоить; но мера моего крепления лопается, и я в самой крайности прибегаю к вам, великодушный благодетель мой",- обращался он к Василию Андреевичу Жуковскому.

Хотелось написать ему еще из Орской. Пытался даже разузнать, вернулся ли из-за границы и где живет. Тогда с письмом не получилось. Но желание излить душу именно перед Жуковским не исчезло. И вот теперь подступило, нахлынуло так, что не взяться за перо уже не мог.

Писал как писалось. Вдруг подступила досада на тех, кто мог бы ему облегчить участь, но занят своим. Будто и невпопад такой взрыв, однако как его удержать, и еще в письме к человеку, которому веришь, на которого надеешься. А главное - уважаешь.

"...Я писал еще в первый год моего изгнания К.П.Б. (Карлу Павловичу Брюллову - Л.Б.), и никакого результата; бедный он, великий человек! При всей своей великости, самой малости не хочет сделать; говорю не хочет, потому что он может; позволяю себе думать - и первое добро (написание вашего портрета) было сделано случайно. (Простите мне подобное нареkanie на великого человека. Печально, что с великим гением не соединена великая разумная добродетель)..."

Пишет, что думает, слов не выбирая, - начистоту. И Жуковскому, и Дубельту - об одном, с одной целью. Но разные адресаты и - разная степь свободы выражения.

"Поход в Киргизскую степь и двухлетнее плавание по Аральскому морю дают мне смелость вторично беспокоить..." Это ни что иное, как формулировка. Василию же Андреевичу "формулировки" не нужны. Как не нужны и "сознаю преступление", "от души раскаиваюсь"- он просто не поверит в отказ поэта от своей поэзии, отказ патриота от надежд на перемены для своей отчизны.

Дубельту - ни слова о том, что на Арале рисовал. Нет, только о "поведении". Но и Жуковскому о рисовании лишь как о мечте, притом недостижимой. "Был я по долгу службы в Киргизской степи и на Аральском море, при описной экспедиции, два лета; видел много оригинального, еще нигде невиданного, и больно мне, что ничего не мог нарисовать, потому что мне рисовать запрещено..."

Лукавит, конечно, но ведь и впрямь "рисовать запрещено". Не нарисовал того, что хотелось? не по обязанности, а по душе? Да ведь ему надо подвинуть Жуковского на хлопоты, от которых отмахнулся Брюллов...

"Это самое большое из всех моих несчастий! - Сжальтесь надо мной! Оживите мою убогую, слабую, убитую душу! Ежели вы (в чем я не сомневаюсь) напишете графу Орлову, или кому найдете лучше, то, Бог милостив, и я взгляну на свет божий. Хотя перед смертью, потому что казарменная жизнь и скорбь разрушили мое здоровье..." В рисовании - в чем же еще? - видит он свою "выслугу", свое избавление. Пусть не сейчас, не вдруг, а все-таки божий свет увидит. Не через с л у ж б у - через искусство.

Дубельт - Орлов- Николай... Как в такое не поверить? Как на это не уповать?

Рисовать, чтобы выслужиться... Но рисовать и призвания ради, правды жизни для.

"Да, я теперь мог бы описать быт русского солдата не хуже всякого правоописателя. Печальный быт!..."

Писать можно и кистью. А описать? Это уже о литературном, писательском, причем даже не о поэзии - прозе. Вот где первые мысли о будущих повестях. Пока подсознательные, неосознанные, в п л а н ы не воплотившиеся, но уже возникшие, уже волнующие.

Бег мыслей неудержим. От рисования, от прозы - снова к себе, солдату. Думает и - возникают желания новые, даже неожиданные. Хотя неожиданные ли? Может. Просто доселе не выраженные, не зафиксированные?

"Печальный быт!.. (Повторяю оттого, что последние слова равно относятся не только к предыдущему, а и к последующему - Л.Б.) Что делать?.. Таковы люди вообще, а наши особенно. И скорбь, и казарменная жизнь совершенно разрушили мое здоровье. Для меня необходима была бы перемена климата; но я на это не должен надеяться, рядовых таких, как я, не переводят. Мне бы хотелось в Кавказский корпус, и врачи тоже советуют..."

Врачи? Орский Богославский, раимский Лавров, оренбургский Майдель? Разговоры об этом, конечно, были, но сейчас охота к перемене мест подогрета разездом сердцу близких людей. Они уезжают - он остается. Невесть на сколько. Навсегда?!

Помнится, что в Оренбург его с Вернером перевели на время, до окончания работ в помощь Бутакову. В приказах оговорено: "по миновании в них здесь надобности" оба

нижних чина должны быть "возвращены в Раимское укрепление". Фома - унтер-офицер, его, может, тут и оставят. Он же не на Кавказ отправится - снова на Арал. Так, верно, и будет.

"...а меня посылают опять на Сырдарью потому только, что там расположен батальон, в котором я записан. Для моего здоровья этот поход самый убийственный: новые укрепления еще не совсем устроенные, плохая вода и жизнь самая однообразная..."

Констатирует факт: посылают. Предвидит: ничто хорошее там его не ждет. Дозволили бы рисовать!

"Если б можно было рисовать, я мог бы ее (жизнь - Л.Б.) разнообразить, хоть самому грустно. Бога ради и ради прекрасного искусства сделайте доброе дело, не дайте мне с тоски умереть! Я постараюсь, ежели мне будет позволено, нарисовать для вас все, что есть интересного в этом неинтересном, но пока таинственном крае".

Для в а с... Жуковский - путешественник. Жуковский - рисовальщик. Видел, рисовал Сибирь, Урал, Оренбуржье. Но то, что довелось (и еще приведется?) увидеть Шевченко, ему, Василию Андреевичу, не знакомо. Готов стать его глазами, его карандашом. Готов на все, лишь бы свободно рисовать, живописать красками.

Подпись под письмом простейшая: "Тара с". Не "возлагающий единственную надежду", без "превосходительства" и прочих величаний. Тарас - ничего более.

Два эти письма - Дубельту и Жуковскому - из одних дней, от одного состояния. И читать их надо разом. Не разделяя.

6.

Десятого был вторник, пятнадцатого - воскресенье. Со вторника по воскресенье Бутаков заканчивал все свои оренбургские дела, наносил визиты.

Откуда известно про пятнадцатое?

От него самого. Из документа, не оставляющего сомнений.

*Господину командиру Оренбургского
линейного батальона N 2-го
подполковнику и кавалеру Чигирю
Капитан-лейтенанта Бутакова*

РАПОРТ

При сем имею честь препроводить к вашему высокоблагородию состоящего в прикомандировании камне рядового вверенного вам батальона Залеского, состоящие же в морской команде 4-го батальона унтер-офицер Вернер и рядовой Шевченко переданы мною в заведывание г. прапорицу корпуса флотских шип урманов Поспелову - теперешнему начальнику Аральской флотилии.

*Подлинный подписал капитан-лейтенант
Бутаков...*

N5

15 января 1850 года

Оренбург

В деле, что среди рукописей Института литературы АН Украины, - засвидетельствованная копия рапорта. И на ней еще раз та же дата: "2-го батальона N 119, получено 15 января 1850 года".

Это и есть день от'езда Бутакова из Оренбурга. Прием - передачу такого рода датируют числом убытия. Досрочной сдачи полномочий не бывает. Пока на месте - командир.

В днях так копаюсь еще и потому, что связываю с ними "прощальное" его, Шевченко, стихотворение.

Ми заствали, розішлись
Без сльоз і без розмови,
Чи зждемося ж знову?
Чи застаємо коли?

А може и те... Та де? Якими?

І застваемо яку?

Не тут 1, певне, не такими!

І засшваем не таку!..

Уезжає Бутаков. Уїхав Левицький. Рвется в путь Венгржиновський (нам це знаомство ще предстоит). Проводив Лазаревського. Прекращає существование их "фабрика", и не быть, верно, ежедневному общению с Залеским, Вернером, хорошими людьми-топографами.

"Чи зждемося ж знову?" - вопрос ко всем.

" Не тут..." - это к тем, кто Оренбург оставил (или оставляет).

І тут невесело ствали,

Бо и тут невесело було,

Та все-таки якось жилось,

Принайми! вкуч сумували,

Згадавши той веселий край,

І Дншр той дужий, крутогорий,

І молодеє тее горе!

І молодий той гршший рай!

Но ведь обращается он будто к землякам ("згадавши той веселий край...", "Дншр той дужий, крутогорий...")? Левицкий и Лазаревский земляки безоговорочно, Бутаков условно, а остальные... Ну, Бронислав жил на Украине как ссыльный, Аркадий Венгржиновский устремлен в Одессу, из близких соседей -Вернер. А те, что родились, выросли в крае этом, никогда его не оставляли и покидать не собираются? Они земляки тоже - только уже по земле этой, их сроднившей. Совсем скоро разбредутся топографы - ищи ветра в поле.

Ми засшвали, розшшлись

Без слюзов 1 без розмови...

Все, кажется, было уже переговорено, а песни вел он, и пел о Днепре; все другие ему подпевали.

Песня разговора лучше.

ВЕНГРЖИНОВСКИЙ

1.

Повстречаемся с Венгржиновским. Тем самым, что рвется в путь.

Венгржиновский Аркадий Николаевич был надзирателем киргизской школы.

Высочайшее повеление о создании "школы для киргизских детей при Оренбургской Пограничной комиссии" состоялось еще пять с лишним лет назад - в 14-й день июня 1844 года.

Первый параграф инструкции по организации необычного заведения (окончательный вариант ее был утвержден совсем недавно) формулировался так: "В... школу должны быть принимаемы... дети вообще киргизов и преимущественно оказавших заслуги правительству и известных по своей преданности".

Учебными предметами должны были стать: а) закон магометанский, б) русский язык, чтение, чистописание и грамматика, в) арифметика и способ счисления на счетах, г) татарский язык. Помимо того, учащимся предстояло обучиться прививке оспы, кровопусканию, началам ветеринарии.

Для предусмотренных четырех классов, четырех лет учения этого было достаточно. Инструкция оговаривала, казалось, все. Такое, например: "Учитель русского языка должен знать татарский язык". Ну и так далее - разумных предупреждений хватало.

А как определялись в инструкции обязанности надзирателя?

"Надзиратель обязан иметь должное попечение о своевременном заготовлении всех

вообще припасов, как для продовольствия, так и для обмундирования воспитанников школы"".

Функции, выходит, чисто хозяйственные?

Но именно надзиратель был для школы лицом первейшим. Во всех табелях он следовал сразу за попечителем - товарищем председателя Комиссии. Тот периодически отдавал распоряжения, а вот до практических дел снисходил редко.

Коллежского секретаря Венгржиновского одолевали всякие хлопоты. Рвение его председатель Пограничной комиссии оценивал весьма похвально. И не только в подготовке к открытию школы.

"Со времени вступления в эту должность, - писал Ладыженский, представляя Венгржиновского к награде, - /он/ производил отделку домов для помещения Комиссии и учрежденной при ней для киргизских детей школы, с крайним сбережением в этом случае казенного интереса. Скорая, прочная и вместе с тем изящная отделка обоих зданий служит видимым доказательством его деятельности..."

Представление было писано в сорок восьмом.

...Но скоро отношение к нему переменялось, и достаточно круто. Настолько круто, что надумал он из Оренбурга уехать.

2.

Переписка касательно этого началась в ноябре 1849 года.

(Ранее и дальше я опираюсь на дела из оренбургского архива - ф.6, оп.10, NN 6153, 6057/6, 6060).

Так вот - 26 ноября генерал-майор Ладыженский докладывал главному начальнику края:

"Надзиратель школы для киргизских детей коллежский секретарь Венгржиновский поданным в Пограничную комиссию прошением ходатайствует об увольнении его в отпуск, по домашним обстоятельствам, в губернии Херсонскую, Каменец-Подольскую, Киевскую, Виленскую, в Бессарабскую область и в г.Одессу сроком на четыре месяца.

...Со стороны Пограничной комиссии на увольнение г.Венгржиновского препятствий нет..." Обручев, однако, поспешать с согласием на отпуск не стал. 30 ноября он затребовал "формулярный о службе этого чиновника список", а главное - предложил истребовать от Венгржиновского и сообщить ему объяснения, "какие причины заставляют его ехать в вышеозначенные губернии и г. Одессу, объяснив, к кому именно и зачем он едет".

Венгржиновский своих планов не скрывал.

В Каменец-Подольскую губернию, по его словам, стремился для свидания с матерью, жившей в Проскурове.

В Киевскую - "в самый город Киев" - влекла встреча с родной сестрой, по мужу Дашкевич.

Бессарабскую область называл в связи с желанным для него посещением родственников, Харджевских, в Хотине.

Но, признавался, родственные чувства только одна сторона, есть и причина иная.

"В других губениях, - доносил 8 декабря Ладыженский, - родственников хотя и не имеет, но находит необходимым отправиться туда для того, чтобы приискать себе в которой-либо из помянутых губерний, или в г.Одессе, службу, так как, пробыв в отдаленных губерниях 9 лет по собственной воле, хочет сблизиться с родными".

Ах так -приискать службу? Отпуск, выходит, всего-навсего обходной маневр?

О, его, Обручева, не проведешь: не в девяти годах отдаленных губерний суть, но в том, что лицо это намеревается ускользнуть от заслуженной им ответственности.

Резолюция была категоричной: "Считаю нужным уволить этого чиновника от службы, а не в отпуск".

Причина столь крутого шага прояснялась в том же письме: "Имею в виду, что коллежский секретарь Венгржиновский есть уроженец западных губерний и что

содержащийся здесь в Оренбурге политический арестант Рудзевич писал к родственникам своим письма без ведома начальства и в одном из них просил отвечать на имя помянутого Венгржиновского, чем самым этот чиновник... заподозрен в непозволительных своих с арестантом сим отношениях, кроме которого в Оренбурге находится значительное число лиц, высланных сюда по политическим же делам из Царства Польского и западных губерний..."

Политический арестант... По политическим делам... Теперь-то главное понятно. И о причине решения Венгржиновского, и о подоплеке резолюции Обручева.

"Прошу... решения Азиатского департамента..."

Пограничные комиссии пребывали в ведомстве канцлера Нессельроде. Непосредственно к нему, сиятельному графу, и ушло официальное письмо военного губернатора. Ответ был более чем определенным: "...согласно с Вашим мнением я признаю за лучшее уволить Венгржиновского от службы, тем более, что цель просимого им четырехмесячного отпуска состоит, между прочим, в приискании себе службы".

Нессельроде этим неограничился - пошел дальше. Как явствовало из ответа, он "не преминул по содержанию отношения... снести с г.шефом жандармов генерал-адъютантом графом Орловым, который "после уведомил..., что он с своей стороны также не встречает препятствий к увольнению от службы коллежского секретаря Венгржиновского, но полагает необходимым учредить, из предосторожности, за ним строгое негласное наблюдение".

Переписка продолжалась. "Строгое негласное наблюдение" вошло в нее как нечто само собой разумеющееся. Не один месяц прошел, прежде чем герой всей этой истории смог выехать из Оренбурга. Впрочем, не закончилось и на том. В одном из писем, докладывая о выезде чиновника за пределы края "30-го минувшего июня" (уже 1850 года - через семь месяцев после его заявления об отпуске!), Ладыженский оправдывался: строку о негласном надзоре в формуляр он сознательно не вписал, иначе "надзор сделался бы уже совершенно гласным и заставил бы самого Венгржиновского усугубить свою осторожность". Обручев объяснение принял, но не успокоился до тех пор, пока не довел о сем до сведения, во-первых, тайного советника в министра иностранных дел Л.Г.Сенявина, а, во-вторых, министерства внутренних дел.

Произошло это уже за границами общения Венгржиновского и Шевченко. Тарас выбыл из Оренбурга за полтора месяца до своего приятеля Аркадия. Общались, выходит, от начала и до конца оренбургских его дней.

3.

Переписка требует пояснения, притом не мимолетного - более или менее развернутого.

Упомянут в ней политический арестант Рудзевич. Кто он, этот опасный преступник, услугу которому простить Венгржиновскому не могли?

Не Рудзевичем он был, а Рудевичем.

В официальном письме фамилию сделали более польской, подчеркнуто польской.

Может и описка, но выразительная.

...Если и не его самого, то о нем Шевченко знал. Через того же, хотя бы, Венгржиновского. (Кстати, и эта фамилия порою пишется иначе - с пропуском буквы "р". Но я ее предпочитаю давать в написании самого владельца - уж он-то не путал).

Итак - Рудевич. Его история незаурядна и заслуживает внимания. Вовсе не случайно вошла она в литературу о прошлом России (Вержбицкий В.Г. "Революционное движение в русской армии". М., 1965, с.235-239). Не вызывает сомнений прямая связь этого эпизода с событиями 1848 года в Европе, непосредственным откликом на которые привелось ему стать.

К моменту ареста Федору Рудевичу исполнилось всего двадцать два года. Сын православного священника, он учился в Черниговской духовной семинарии. Но влекла его стезя иная. В июле 1847-го юноша отправился в Могилевскую губернию, где, как слышал,

с недавних пор действовала Земледельческая школа. Увы, в местечке Горы-Горки ждала неудача: вступительного экзамена не выдержал. Однако здесь, на Могилевщине, произошла встреча с приехавшим на ярмарку отставным полковником, помещиком Смоленской губернии Александром Жеребцовым. Друг другу они понравились, и совсем скоро Жеребцов предложил Рудевичу вместе отправиться в его имение - пожить там сколько захочет. Растянулось гостевание на многие месяцы - с 24 декабря 1847-го по 15 июля 1848-го. И стали они для Федора истинной академией политических наук. Жеребцов и его друзья - отставной штаб-ротмистр Эссен, поручик в отставке Владимир Эн-гельгардт и брат последнего - поручик кирасирского полка Дмитрий - открыто, не таясь, вели самые дерзкие разговоры о настоящем и будущем России, о нищете простого люда.

- Народ слишком отягощен от правительства податями и большими налогами,- заявлял Рудевич на следствии после ареста, последовавшего на обратном пути к отцу.

- Малороссия восстанет против императора,- утверждал он с полной категоричностью.

- Прекрасное дело,- рассуждал подследственный,- что все нации приняли республику, да кажется, что и Россия скоро примет. В России не император, а грабитель.

"В этом роде был весь его разговор",- констатировал следователь, который вел допросы.

В Петербург Федора Рудевича доставили закованным в кандалы. Еще бы - проходил он курс обучения самого Жеребцова, властям давно известного. Это Жеребцов, служа адъютантом генерала Витгенштейна, в 1825 году возил в столицу Пестеля и Барятинского и, как удалось установить, "знал о их замыслах". Это его вытребовали из-за границы: дошли сведения о вольнодумстве, проявленном там. Это он, оказывается, не верил в бессмертие души, отвергал установления религиозные и еще до увольнения в отставку из Иркутского гусарского полка пропагандировал коммунистические идеи Фурье. А уж относительно российской монархии, тут полковник не знал укороту: Николая I поносил на каждом шагу. "Россия,- писал он, излагая мысли о событиях в Европе,- в текущем столетии есть хаос в отношении народном, в отношении управительном". Ему, Жеребцову, по душе было то, что происходило в Европе; это его слова: "Франция всегда занимала форпост и служит звездой свободы".

Рудевич все это в себя впитывал - и впитал. Настолько впитал, что по завершении следствия военный министр Чернышев счел его едва ли не главным и самым опасным в деле. Самолично же он, министр, пред-ложил: "За дерзкие и возмутительные в высшей степени" разговоры, направленные против царя и правительства, сего обвиняемого, как человека "по преступным своим наклонностям весьма вредного для общественного спокойствия", отправить в арестантскую роту N 54 и держать там по разряду всегдашних арестантов. Иными словами - вечных, бессрочных... Государь император приговор утвердил без всяких колебаний и изменений.

Федора Рудевича доставили в Оренбург.

Вот с кем завел знакомство и установил связь Аркадий Венгржиновский, оренбургский чиновник.

Вот что вменили ему в вину, достаточную для увольнения от службы в Пограничной комиссии, а к тому же и со "строгим негласным наблюдением".

4.

Пока продолжалась переписка.

Замышленный отпуск сначала откладывался, отодвигался, потом возникли разговоры об увольнении... Ни покою душевному, ни беспечности это не способствовало.

Венгржиновский занимался своими служебными делами. В 1850-м "школа для киргизских детей" должна была приступить к занятиям. Продолжался отбор будущих учеников - некоторые из них уже пять лет состояли кандидатами в учащиеся.

Среди них - впоследствии прославившийся Ибрагим, или Ибрай, Алтынсарин. Внук бия, он попал в списки абитуриентов еще пятилетним, теперь ему уже шел девятый, а

желание учиться не угасло, напротив - стало еще острее. Пройдут годы и Алтынсарин станет виднейшим педагогом-просветителем, писателем, этнографом, фольклористом казахского народа, признанным борцом против его отсталости и забитости. Но прежде будет вот эта школа рядом с Пограничной комиссией, будут непривычный быт и мудреные науки в течение долгих лет. Сейчас начала учения ждали не только Ибрагим-Ибрай - Юсуф и Якуп, сыновья бия Амангельды Бадранова, Байкадым, сын "рассыльного киргиза" Боктыгутова, сын бия Нурджан и другие. Многие не дождались - "вышли из положенных лет", но кандидатов оставалось достаточно, и с открытием медлить не приходилось.

Хоть и сгущались над Венгржиновским тучи, хоть и тяжело было на душе,- работал неугомонно.

Однако не служебная деятельность чиновника - отнюдь не она -занимает меня главным образом. Что же для меня важно? То, что стал он связующим звеном между Шевченко и земляком-черниговцем Ру-девичем, между Шевченко и культурным обновлением степей. Знакомств личных могло и не произойти. Но всегда ли дело в них, этих самых "личных"? Не важнее ли порою просто надежный источник знаний о том, что и кто вокруг?

Не кто иной, как Аркадий, познакомил его с Сераковским.

Знакомил, не представляя друг доугу. Руки не пожимали, положенных слов не говорили: разделяли их версты и версты. Но Шевченко уже знал, кто этот человек, чем хорош, на что способен.

К Зыгмунту Венгржиновский относился как к ближайшему родичу, чуть ли не сыну (хотя, как узнал совсем скоро, разница меж ними в возрасте была всего в восемь лет).

В возрасте ли, однако, дело?

"Аркадий - один из наших больших друзей и верных защитников среди бед солдатской жизни..." - так характеризовал его Бр.Заяеский. И тут же добавлял, что даже много лет спустя, поселившись в Одессе, переписывался с оренбургскими приятелями и "помнил обо всех, с кем делил свое сердце".

Но ранее всего отдал он сердце Сераковскому.

5.

Венгржиновский ссыльным не был.

Из обер-офицерских детей... Не имеет...

Это из формулярного его списка.

Не имел он собственности - ни родовой, ни благоприобретенной. О б е р, на наш слух, звучит громко, меж тем сия категория охватывала чины не выше, майора или коллежского ассесора.

(Дворянский титул семья утратила еще в тридцатые годы. Оно, дворянство, к ним вернулось только в 1858-м, когда вышел соответствующий указ Правительствующего сената)

Служебная карьера сына чиновника градской' полиции протекала не быстро, но достаточно благополучно.

По окончании курса наук в училище родного Проскурова он в 1833 году был определен в штат того же ведомства, в котором служил отец. Три годами позже, уже после смерти Николая Васильевича, перешел в земский суд. Регистратор - приходо-расходчик - секретарь... Став коллежским регистратором, подал прошение об увольнении из суда и определении на службу в Подольскую палату гъсударственных имуществ - выше было жалование, больше, казалось, перспектив. Действительно, скоро его перевели в Винницкое окружное управление, на должность письмоводителя по хозяйственной части.

И тут Аркадий делает крутой поворот *- решает ехать в С и б и р ь ! Весною срок второго он уже в штате канцелярии Тобольского общего губернского правления.

"Смотритель заведения Тобольского приказа общественного призрения" - так называлась его должность. Новые обязанности позволили Венгржиновскому проявить себя человеком недюжинных организаторских способностей, выказать другие свои положительные качества.

Во всяком ел у чае, когда генерал-майор Ладыженский, начальствовавший в Тобольске, получил назначение в Оренбург, в числе тех, кого он с собою взял, был и этот чиновник, уже губернский секретарь. На новом месте ему поручили создание школы для киргизских детей.

Назначение произошло 1 апреля 1845 года; С тех пор и состоял в Пограничной комиссии, выполняя широкий круг обязанностей. Приметной фигурой стал и в общественной жизни. Не слишком благоволивший к нему Ф.Лазаревский писал:"... человек необыкновенно юркий и пронырливый, он первым узнавал о прибытии новых ссыльных поляков и тотчас вводил их в свой кружок".

Ссылными поляками круг общения Венгржиновского не ограничивался.

6.

С Сераковским он и впрямь состоял в родстве. Шло оно по материнской линии.

Отец Зыгмунта погиб во время восстания 1831 года, оставив жену с тремя малыми детьми без каких-либо средств к существованию. Небогатые Венгржиновские делились с осиротевшим семейством чем только могли. Продолжали делиться и потом, когда умер глава семьи. Аркадий тогда только-только обретал самостоятельность. Но какие доходы у начинающего чиновника?

И тем не менее...

Вот строки из письма к нему З.Сераковского:

"Когда ты, мой дорогой, принимаешь на шею осиротевшую мать с маленькими детьми; когда сам ходишь в каком-то сером одеянии, покрытом пятнами, а малым детям покупаешь форму из тонкого сукна с блестящими пуговицами (мне и Игнацию); когда ходишь по деревне и раздаешь лекарства больным; когда женщине, когда матери, которую все так называемые друзья покидают и которую оскорбляют, ты даешь приют, опеку и требуешь уважения к ней, и это в течение восемнадцати лет, - ты, мой дорогой, пишешь своей жизнью такую поэму, что если бы ее кто-нибудь описал словами - назвали бы его гением... Я это чувствую, я сам желал бы пойти по твоим стопам. Я хотел бы, чтобы жизнь моя была живой поэмой; чтобы жизнь моя всегда была направлена к одной святой цели".

Эти строки писались в более поздние годы - примерно тогда же, когда и слова, обращенные им к Тарасу Шевченко:

"...Батьку! Великие люди великие перенесли страдания. Одно из величайших - степь безвыходная, дикая пустыня.

- На пустыне жил певец Апокалипса-

- На пустыне ты теперь живешь, наш лебедю!

- Твои киргизята прекрасны! Ты олицетворяешь идеи..." Возвышенно-поэтическая душа Зыгмунта горячо откликалась на

прекрасное - и в жизни, и в искусстве.

Лучшую поэму в честь Венгржиновского сочинил он сам.

Сераковский родился в 1826 году на Волыни. Блестяще окончив Житомирскую гимназию, он поступил в Петербургский университет.

Впитавший с детства вольнолюбие своей семьи, Зыгмунт сблизился здесь с прогрессивными кругами польского и русского студенчества, включился в патриотическую пропаганду, а вскоре стал всеми признанным вожаком "Союза литовской молодежи". Работа в "Союзе", ставившем перед собой цели революционные, повлекла за собою в 1848-м арест Сераковского. Непосредственно в вину ему вменили намерение (и даже попытку) перейти границу, дабы участвовать в сражениях того бурного года на Западе. Схватив молодого "злоумышленника", его определили в солдаты с отправкой в Отдельный Оренбургский корпус.

Тогда, холерным летом сорок восьмого, пробыл он в Оренбурге совсем недолго. С Аркадием, разумеется, встретился. Ту встречу Сераковский помнил всегда. В 1856 году писал: "Восемь лет тому назад Бронислав и ты прижали меня к сердцу в Оренбурге! Может, благодаря этому святому объятию, я восемь лет выдержал!"

Хотелось, жаждалось, чтобы новоявленный рядовой тут, в Оренбурге, и остался. Но опальных - и опасных - в здешних батальонах хватало без'него. Местом службы Зыгмунта избрали Новопетровское укрепление - самое тяжкое в крае. Венгржиновский делал все возможное, чтобы его оттуда вызволить. В марте сорок девятого писал от себя начальнику III отделения графу А.Ф.Орлову - умолял перевести родственника в Оренбург. Причиной ходатайства он выставлял якобы начавшееся у того психическое заболевание. Орлов препоручил решение вопроса начальству местному, но на т а к о и перевод соизволения не последовало - согласились только на перемещение в Уральск, в рамках все того же первого линейного. Уральск возможности открывал пошире - там больше было соотечественников, туда чаще наезжали люди оренбургские и даже петербургские, исправнее прибывала почта: и газеты с журналами, и письма. Но Венгржиновский продолжал действовать, изо всех сил стараясь, чтобы воссоединение его с Зыгмунтом состоялось. Не оставил эту мысль и тогда, когда затеял хлопоты о собственном отъезде на запад. В любом случае здесь ему будет лучше. Ему, в чьи возможности и чье предназначение верил бесконечно.

"Помнишь, мой дорогой, - задавал Бронислав риторический вопрос Аркадию, - как... ты говорил..., что для Зыгмунта ты всегда бы дал больше, так как у него иное, чем у других будущее?"

Ответа этот вопрос не требовал.

...Правомерность его мог подтвердить и Шевченко. О Сераковском Венгржиновский рассказывал с удовольствием особым. Говорил о нем и Залеский - тоже похвально, тоже с гордостью.

7.

Письма я цитирую по публикации польского историка Генрика Писарэка "Пятнадцать писем Зыгмунта Сераковского и Бронислава Залеского к Аркадию Венгржиновскому". Письма - в Ягеллонской библиотеке Кракова; источник во всех отношениях важный. Это явствует уже из небольшой статьи в сборнике "К столетию героической борьбы за нашу и вашу свободу". (М., 1964).

Дает переписка представление и о взглядах оренбургского чиновника - направленность их, как отметил Писарэк, была "просветительской или либеральной". Кредо его выражалось в его же словах: "Измени натуру людей, а мир сам изменится к лучшему". Живейший интерес проявил он к политическому и литературному движению в стране, вместе с другими размышлял над возможностями переустройства общества. В Оренбурге, на его имя, шел прогрессивный журнал "Гвезда", выходивший на польском в Петербурге, а затем в Киеве. Ромуальд Подберезский выпускал "Рочник литерацки" - и его читал исправно. Сам читал, давал читать другим. Возможно и Тарасу - польский язык он знал, чтение польского затруднений у него не вызывало.

Идея морального переустройства в обществе была одинаково близка что Аркадию, что Зыгмунту. Догмы христианской религии увлекали их обоих. Писал один другому: "Аркадий! Пусть люди увидят, пусть убедятся, что существует бессмертие, тогда не будет плохих и хороших, счастливых и несчастных, тогда каждый... будет героем добродетели..." Но, увлекаясь идеологией религиозной, Сераковский был человеком более смелых решений и действий - в этом, конечно, он своего друга превосходил. Его девиз: "в небе, в аду и в чистилище торжественно жить и торжественно умирать". Был убежден: его поколение -поколение великанов- готово совершить чудеса, перенести все муки и выдержать все испытания ада, готово на любые жертвы ради главной цели - национальной независимости и коренных социальных перемен.

Таким предстал этот человек в рассказах Венгржиновского и Залеского. Ничего

особенного он пока не совершил, но - весь, целиком - был впереди.

Впереди, верилось Шевченко, и знакомство их личное.

Но - "человек предполагает, а Бог располагает"...

В течение всей этой оренбургской зимы (и пришедшей ей на смену весны) Сераковский в Оренбурге не появлялся.

Оказался он тут лишь в октябре пятидесятого. Однако и тогда их встреча не состоялась. Как вспоминал Ян Станевич, Шевченко с Зыг-мунтом" разминутись где-то в дороге и встретились только в Петербурге".

Разминутись в дороге - не разминутись в жизни.

ИСТОКИ

1.

Безнадежное все-таки дело - отыскивать прямые,безаговорочно -верные и единственно точные поводы к тому или иному литературному действию.

Ну почему это стихотворение написано именно теперь? Отчего поэма из украинской народной жизни родилась в Оренбурге, а не тогда,когда жил на Украине?

Прямое - все: и то , что вокруг, и собственная твоя судьба, и настроение, конечно; иногда оно кажется беспричинным, но покопайся в себе, поразмышлай - причины есть всему.

...И поволк Петрусь кайдани

Аж у Сиб^р...

"Сибирью" - если не географически, то по сути - был и этот край, был Оренбург.

В январе пятидесятого в Оренбурге значилось 94 арестанта. Это не считая тех, кто находился в военно-арестантской роте, кто не по доброй воле тянул солдатскую лямку, кого отослали сюда за всякие провинности или просто "по подозрению".

На главной гауптвахте (может, и в той же камере, где скоро сидеть ему) не первый месяц находился под стражей Пospelов Селиверст Петрович, бывший уездный казначей. Арестантом он был со стажем: еще в 1845-м обнаружилась растрата им казенных денег и - прощай, свобода.

В тюремном замке приметными личностями были дьячок Григорий Прибыловский и крестьянин Козьма Дмитриев; их судили за убийство; сидеть им тут еще много лет.

Хватало в замке всяких. На краже попавшихся, за побег осужденных, за "бесписьменность", конокрадство и прочая, и прочая. Помещичьего крестьянина Сидора Преснякова судили (и осудили) за "намерение лишить себя жизни".

...Что ни человек - своя история, своя судьба.

Длинные - и не уменьшающиеся - списки состоящих под надзором полиции. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.191, 215 и др.) Кого только тут нет!

Поручик Фадей Жабицкий - "по высочайшему повелению, объявленному в предписании г.министра внутренних дел от 28 июня 1847 г."

Штабс-капитанша Матрена Киржацкая -"за передачу записки сыну своему под стражу в 1844 году".

Ветеринарный помощник Франц Окуневич -"по высочайшему повелению, из предосторожности".

Ефрем Амантынов, Богдан Храброе, Хето Георгиев и еще несколько "армян" (так в списках), отправленных подальше от родных мест по распоряжению наместника кавказского в июне сорок седьмого.

(Все тот же июнь, памятный и ему, Шевченко...).

Многие тут десятки лет, есть и по четверти века. Ну хотя бы Алои-зий Песляк. "По конфирмации его императорского высочества цесаревича великого князя Константина Павловича, от 28 февраля 1824 года последовавшей, лишен дворянского достоинства за учреждение тайного общества под названием "Черных братьев" и за сочинение возмутительных писем и стихов,определен рядовым без выслуги..." Во многих науках

преуспевший, знаток языков (русского, польского, греческого, французского), стал он безвыездным здешним обитателем. "Без выслуги..."

Выслужился и в унтер-офицеры, и в прапорщики, и в подпоручики, даже орден получил (за отличие в Хивинской экспедиции 1839-го), однако на судьбу его это не повлияло: право на возвращение не получил, от надзора избавлен не был. Остался под надзором навсегда. (ГАОО, ф.6, оп.7, д.922).

Александр Фок... Александр Беляев... Они в этом крае после памятного всем декабря двадцать пятого.

Фок добивался возвращения ему хоть некоторых из отнятых прав. Попытки оставались безуспешными. Вот лишь один документ:

"Господину Оренбургскому военному губернатору.

Г.военный министр сообщил мне, что государь император высочайшим приказом 2 сего января (1835-го - Л.Б.), уволив прапорщика оренбургского линейного N 10 батальона Фока от службы, за ранами, подпоручиком, повелеть соизволил: офицеру сему, как бывшему в прикосновении к происшествию 14 декабря 1825 года, воспретить въезд в обе столицы, учредив за ним секретный надзор там, где проживать будет..."

Приказано - исполнено. Фок числился "вполне свободным", живущим "Бирского уезда в имении помещика Топорнина", получающим "высочайше пожалованного пенсионера 220 рублей в год", имеющим жену и сына, "находятся при нем", а на самом деле каждый его шаг и каждый день находились под бдительнейшим надзором.

Сам губернатор подтверждал: Фок ни разу не подавал повода к какому-либо замечанию". Даже он поддерживал "ходатайство об освобождении от нравственно-отяготительного для него полицейского надзора". Но и от этого демарша в Петербурге отмахнулись. "Государь император... не изволил из'явить высочайшего соизволения на освобождение... от полицейского надзора". Надзор за каждым шагом декабриста продолжался. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.103).

Александр Беляев, в прошлом мичман Гвардейского экипажа, после разгрома восстания провел пять с лишним лет в Нерчинских рудниках, потом жил на поселении в Минусинске, оттуда был отправлен рядовым на Кавказ, отличился в боях, надел погоны прапорщика и вышел в отставку.

"В 1846 году,- писал в одной из своих бумаг министр внутренних дел Ланской,-был отправлен жительство в г. Самару, под секретный надзор полиции, отставной подпоручик Александр Беляев, прикосновенный к происшествию 14 декабря 1825 года; в 1848 году ему высочайше разрешено было переселиться в Оренбургскую губернию, для управления частными делами тайного советника Жадовского; вслед за тем ему дозволено было пребывание во всех местах Российской империи, кроме С.-Петербурга; но в 1849 году право это было у Беляева отнято".

К нему вроде бы и благоволили, но "строгое секретное наблюдение" оставалось в силе. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.13420).

...Строка за строкою, и своя трагедия в каждой.

Иные под тяжестью жизни опустили.

"Ведет себя не всегда одобрительно", "нетрезвая жизнь и нищенство" - вот какие записи против имени-фамилии Карла Вержбицкого, писца в уездном суде, совершенно одинокого.

"Без семьи, нетрезв" - это о губернском секретаре Корнеевко, оказавшемся в нетях "за сообщество с открытыми и наказанными в 1830 году мошенниками"; мошенниками окрестили отнюдь не уголовников.

Большинство себя не потеряло - сохранило дух и душу.

Как сохранил их бесфамильный Петрусь.

Петрусь - из поэмы "Петрусь". Поэмы, рождавшейся в Оренбурге, - городе множества трагических судеб. Дворянских, крестьянских... А сейчас и его, Тараса, судьбы собственной.

2.

Начиналось все предельно просто, с обычного " жили-были".

Були на хутор! пани,
І пан І пан! не богат!.
І дочечка у Іх росла,
Уже чимала пщнялась;
І генерал и посватав,
Бо страх хорошая була,
А генерал був страх багатий...

" І генерал и з а с в а т а в" - в " Малш книжц!" так. Хуторские пан ы сватовству были рады; по обоюднo- му согласию, венчание не откладывали. Так стала их дочь генеральшей.

А вот и будущий главный герой.

...Було на хутор! погане
Мале байстря, свиней пасло,
Петрусем звалось; на придане
Воно за панюю шшло
У генеральское село
Свиней же пасти, безталанне...

Не обрадовали, не утешили молодую генеральшу балы в Киеве. Облегчения не принесло и переселение с весною в сельское их имение..

...В сел! банкети загули,
А генеральша плаче, плаче,
А генерал того не бачить,
А вс! вже бачили в сел!...

Желание унять тоску привело ее однажды в село. И увидела тоскующая, " що пасе ягнята мале хлопчаточко в стерт ". Петрусь был из той, беззаботно-чистой ее жизни на убогом хуторе, среди первозданной природы, не в роскоши, но в надеждах.

Всю неистраченную нежность изливает чистая душа на сироту-подпаска. В нищете незаконнорожденный, в печали-она.

...И повела
Його в палати. А в палатах
Причепурила,одягла,
А пот!м в школу оддала.
І любо !й...

Радуется сердце: крестьянский сын ума-разума набирается, растет, в плечах раздается, юношескую красу и стать обретает.

...Петра на волю отпустили,
Зимою в Кшв одвезли,
І там у школу оддали,
І там чимало поповчили.
Вернувся з Києва Петрусь
Уже Петром ! паничем,
І кучер! аж по плече,
І висипався чорний ус...

Тут-то чернобровая генеральша осознает вдруг, понимать начинает, что же на самом деле в душе ее происходит, какие чувства сердце ее терзают.

...Вона, сердешна, одурша,
Вона, небога, полюбила
Свого Петруся. Тяжко ш!
Душ! негр!шн!й, молодш!
Та що робить? Нестало сили...

Полюбила! Полюбила со всей страстью!... Молится, выпрашивая спасения, бьет перед иконами Киева и Почаева поклоны - " святая сила" не помогает. И шквалом поднимается в ней ненависть к тому, нелюбимому, что загубил ее молодость, попрал ее чувства.

...Везла

Назад гадюку в серц! люту

Та трошки в пляшечц! отрути.

Еще раздумывала, еще терзала себя мыслями, но... напоила генерала отравой. Ей думалось:

Теперь старого поховаю,

А молодого прив!таю,

Та и буду жить соб! та жить,

Петру ся-серденько любить...

Обернулось же все по-другому. Ни у кого в селе не возникло сомнения: убила она.

...Пан!! Пан!! -

Громада зично загула...

Только благороден Петрусь, все он понимает, и не хочет ни в чем не повинный молодой крестьянин позбра этой хорошей, несчастной женщины, ставшей отравительницей лишь из отчаяния, не может допустить новых для нее, незаслуженных, как понимает, бед.

Так решается он на поступок-подвиг - великий свой подвиг самопожертвования.

...Тойд! на ганок вихожае

І до громади промовляе

Петрусь. І каже: - Я зробив,

Я генерала отру!в...

Всю вину юноша принимает на себя. И вот финал:

...Його недовго мордували

В тюрм!, в суд!, а в добрый час

В кайдани добре закували,

Переголили про запас;

Перекрестивсь, отак убраний,

І повол!к Петрусь кайдани

Аж у Сиб!р...

"Сибирью" было и Оренбуржье. Подневольным его жителям предназначались эшафоты, кандалы, тюрьмы.

Аж у Сиб!р...

Видел Тарас таких Петрусей, слышал о них, горемычных, и тут, в Оренбурге. Были они вокруг него, жили в нем самом.

3.

Перечитываю то, что из-под пера его вышло поначалу, и жаль мне многих-многих строк, беспощадно вычеркнутых самим автором потом, впоследствии. "Оренбургский вариант" - по мне -психологи ч н е е, предоснова поступков в нем отчетливее, мотивировка действий глубже. Особенно - самого Петруся.

...Петрусю! добрая дитино!

Ти ще не знаєш невинний

Як тяжко на свт любить!

Любить... І марне... марне гинуть,

І згинуть, впусу не дожити!

Бона твоя святая мати,

Твоя єдина сестра!..

За не! рад ти умирати

Хоч трич! на день, рад оддати

За не! рай свш мелодий!..

Приходит мгновенье выбора, мгновенье решения - и отдает, не колеблясь, не раздумывая. Губит себя, спасая ее - пусть и преступила закон божий, поправа заповедь господнюю. Еще не созревший, но уже прозревший, сердцем своим, естеством своим чувствует главное, глубинное, и идет на жертву, на подвиг.

...Петрусь на ганок выхожае.

- Неправда ваша, я зробив!

Я генерала отру!в!

А за що, я вже тее знаю,

І не скажу вам люде злий

Признаюсь може перед Богом!..

Взяли Петруся молодого

І зараз в Кшв одвезли...

"Люде з л и и" - потому что обличает, не понимая причин, толкнувших "генеральшу" на злосчастное действо." А за що, я вже тее знаю..." И ведь действительно знает! За несчастное свое детство оборвыша-сироты. За все несправедливости жизни. За глумление над самым дорогим. Но об этом он скажет только всевышнему. Только Богу, и то "м о ж е".

В оренбургском цикле поэзии - место варианта первоначального, оренбургского. Только под ним и можно поставить дату: 1849-1850.

"Петруся", что в "Бшышй книжц", печатать надо в своем месте. Различия между ними не только редакционные. Они в большем, гораздо большем.

В единственной своей поэме, рожденной в Оренбурге, возвеличил Шевченко благородство простого человека. Простые благородные люди влекли его всегда.

Петрусем был и он сам.

... Аж у Сибір...

Что сулит ему, что ждет его завтра? Даже сегодня!

ПОРТРЕТ ПОМЕЩИКА ПЛЕМЯННИКОВА

1.

В последнюю его годовщину перед мировой войной, 25 февраля 1914 года, всероссийская газета "Русские ведомости" поместила крохотную хроникальную заметку без подписи.

Была она такой:

"...Известный земский деятель и член 1-й Государственной думы В.А.Племянников жертвует в Третьяковскую галерею акварельный портрет отца своего - отставного майора А.В.Племянникова, писанный 1850 - 1851 г.г. в Оренбурге ссылкой Т.Г.Шевченко..." •

Хроника осталась бы незамеченной, не предшествуй ей скромнейший заголовок "К шевченковскому юбилею". В тот самый день Шевченко поминали в разных газетах: со дня рождения исполнялось сто лет.

А в Третьяковке, рассматривая новое приобретение, читали на обороте картона с наклеенным на него листом этого самого портрета размером 29,5 на 22,3 сантиметра надпись, сделанную дарителем: "Портрет помещика отставного майора Андрея Васильевича Племянникова Самарской Губ.Бузулукского уезда с.Покровское писанный в 1850-м в г.Оренбурге ссылкой Т.Г.Шевченко. Василий Андреевич Племянников 15-го февраля 1914 года.Шестьдесят с лишним лет портрет хранился в семье, теперь же оказался в знаменитой галерее, чтобы со временем поселиться в главном шевченковском музее страны, в Киеве.

...Не отдай его тогда Племянников-сын в надежные руки, портрет мог исчезнуть бесследно. Как и многие другие портреты, которых дано было видеть лишь самим владельцам и близким к ним людям. Андрею Васильевичу повезло - облик его сохранился навсегда.

2.

Благородства в этом лице не уловишь. Своенравный, крутой, жесткий и даже жестокий - какой угодно, но только не благородный.

И ведь что оказывается - таким он был на самом деле. Портрет "внешний" в полной мере совпадает с портретом социальным. Даже на этом одном примере можно видеть, как полезен тут анализ сопоставительный: художественный портрет - правда фактов. Все больше убеждаешься: портретные работы Шевченко полезнее всего изучать в неотъемлемой связи с историей, делами, характером каждой личности.

В данном случае - Племянникова.

Племянниковы были в родстве с Карамзиными. Теми самыми, которые дали России ее великого историографа. Эти, однако, стали не более чем крепостниками. И такими, что о них, их непотребствах, даже зверствах, переписка - вплоть до самых высших инстанций - шла нескончаемое множество лет.

Еще в 1838-м возник вопрос о взятии их имений в опеку. (По Далю - "надзор, установленный законом, над лицом или имуществом его, в известных случаях: по малолетству владельца, по несостоятельности его, по безрассудству, сумасшествию"). Сумасшедшими они не были, "безрассудство" же проявлялось на каждом шагу и в самых изощренных формах.

"О жестоком обращении со своими крестьянами Бузулукского уезда села Покровского помещика поручика Николая и майора Племянниковых" - такое название носит дело N 10684 в 6-м фонде (опись 5) Оренбургского архива. Оно на 416 листах, и любой из них вопиет о беззакониях двоюродных братьев, имевших свои усадьбы в этом большом несчастном селе, которое в бумагах называли то "Покровское", то "Племянниково".

Николай Федорович (начиналась переписка с него) в пьяном виде "производил жестокие наказания батогами и розгами, почти всегда безвинно или за самые незначительные проступки, приковывая за шею на четверо и больше суток на железную цепь к стене и налагая железные рогатки и колодки; ... устроил для наказания крестьян так называемую кобылу с волосяными веревками, к которой привязывает людей во время наказания; стесняет крестьян относительно их собственности в работах и в наделении угодьями, употребляет крестьянских детей и даже взрослых на охоте вместо гончих собак..."

Но это о поручике. При чем здесь майор? .

"В том же селе Покровском проживает другой помещик отставной майор Андрей Васильевич Племянников, не менее жестокий со своими крестьянами, о жестоком обращении которого были также многие жалобы..."

Уже первые поездки следователей в село, округу, уезд правильность всех жалоб что на одного, что на другого подтвердили. Ничего существенного, однако, предпринято не было. Внушение - и, как говорится, "с концом".

Меж тем жалобы шли, дело, заведенное в тридцатые годы, продолжалось в сороковые, бумаги накапливались - папка разбухла,

Помещики от обвинений отпирались - на них, дескать, наговаривают, они не злодеи какие, а чуть ли не самые добрые крестьянам своим отцы. Выставляли собственных свидетелей - к примеру, священника Гиацинтова и дьякона Дмитриева, которые свидетельствовали, что "ничего не знают". (Сами проверявшие не могли не заметить: сии духовные отцы "получают свое содержание" не из какого другого источника, а от Племянниковых). Все обвинения в их адрес братья связывали с происками неприязненно против них настроенного генерал-майора Тимашева и его ставленников, возводящих якобы поклев за поклевом, дабы очернить ни в чем не повинных людей, то есть их, зря страдающих.

За собратьев своих заступались такие же, как они сами. Любопытен такой документ в деле N 10684: "Собрание предводителей и депутатов дворянства Оренбургской

губернии, по рассмотрении обстоятельств сего следствия, не найдя в нем достаточных доказательств к уличению Племянниковых в возводимых на них обвинениях, а напротив, признав самих крестьян сих помещиков виновными в непослушании своим владельцам, не сочло нужным подвергнуть принадлежащие имения опекунскому управлению и ограничилось подтверждением уездному предводителю дворянства о наблюдении..."

Наблюдении за тем, как продолжают они свои издевательства над людьми, глумление над ними - и физическое, и моральное.

В 1844-м вопрос об опеке был близок к решению на самом что ни есть высочайшем уровне, но... все осталось без перемен. Крестьяне сетовали на жизнь свою все больше, хотя, вконец перепуганные, от письменных жалоб теперь воздерживались.

И все-таки насчет опеки заговорили снова - уже в сорок восьмом - сорок девятом. В дополнение к названному возникло еще одно дело (ГАОО, ф. 10, оп.10, д.9). Продолжалось то, первое, и обрастало бумагами новое - сейчас они одно другое дополняют, являя нам картину полную.

...Итак, в ноябре 1849-го Обручев обратился - вынужден был обратиться - в Правительствующий сенат насчет "наложения опеки на имения" помещиков Племянниковых (еще и жившего неподалеку родного брата Андрея Васильевича - отставного штабс-капитана Николая Васильевича) "за стеснительное обращение их со своими крестьянами". 29-го ноября сей высший государственный орган, подчиненный исключительно императору, указом своим предоставил сделать "окончательное по сему делу исполнение самому военному губернатору". По своему усмотрению, самолично...

Спешить с этим "окончательным" Обручев не стал: был он деятелем осмотрительным, осторожным. Запросил (причем весьма ненавязчиво) губернатора гражданского: "1. Не употребляют ли гг.Племянниковы во зло помещицью власть после окончания в 1844 году известного... о поступках их следствия. 2. Не возникло ли от крестьян их вновь каких-либо жалоб на жестокое обращение означенных владельцев, и если возникло, то какого содержания эти жалобы..." Нет, ответил гражданский губернатор, пребывавший в Уфе, -не употребляют и не возникло. "Обращаются со своими крестьянами кротко и жалоб на них, исключая одной, оставленной без последствий, ни к кому и никаких не поступало..." Больше того, страдали, оказывается, они сами: Андрей Племянников "неоднократно сам обращался с просьбой в земский суд о взыскании с людей его за делаемые ими воровства лесу". Не палачи, в общем, а жертвы!

Но знает кошка, чье мясо съела. Уверенности в благополучном исходе дела отставной майор и помещик не имел. А коль так, прибегал к разным способам оправдания и воздействия.

Подтверждение тому опять же в архиве...

3.

"Старый солдат, я не люблю писать и не люблю просьб..." А все-таки ("как ни тягостно мне было терпеть невинно") и пишет, и просит. Просит о справедливом (в его, разумеется, пользу) решении вопроса "по моему несчастному делу о моих крестьянах".

Так начинается его письмо к В.А.Обручеву. С первых слов подчеркивает: пишет как солдат солдату. Дистанцию соблюдает, почтительность полнейшая, но тон избирает не чиновничий, не подобоострастный - обиженного зря вояки, жалующегося своему генералу.

"...Кроме правды, которой вы защитник, примите в уважение, что я дожил до старости, имею семерых детей, унаследовал от отца честное, безукоризненное и не последнее в Оренбургской губернии имя, не запятнал его пороком и не желал бы видеть его безвинно омраченным, передать таковым образом детям".

Письмо - ноябрьское. И ноябрьское же приложение к нему - прошение на десяти страницах, предназначенное для высших петербургских сфер. Племянников в нем отводит от себя все обвинения, перекладывает их на тех, кто посмел его обличать. В чем только не обвинил он крестьян! И в воровстве, и в грубости, и в пьянстве, и в неповиновении... Себя же - на каждой странице - выставил таким смиренным, таким униженным, что далее и

некуда.

Письмо и прошение датированы одним и тем же ноябрьским числом: восемнадцатым. Племянников заранее предвидит: представленное Обручевым к нему же на окончательное решение и вернется. А коль так, то поддержку ищет именно в нем.

Находит? Да. Но без спешки, и об этом говорит уже сопоставление дат.

Указ Правительствующего сената был, напомним, издан 29 ноября. До Оренбурга дошел 7 декабря. 28-го в том же месяце Обручев запрашивал мнение гражданских властей. Ответ прибыл в январе. И только 31 марта 1850 года начальник края уведомил, что не счел он " в настоящее время нужным делать распоряжение об учреждении над именными сказанных помещиков опекунского управления". От опеки отказался, но объявил предупреждение - " чтобы они (Племянниковы) на будущее время всемерно воздерживались от всяких законопротив-ных действий с своими крестьянами и что всякая вновь возникшая на них справедливая жалоба от крестьян неминуемо повлечет за собой строгое взыскание со стороны правительства".

По всем этим делам бузулукский помещик не однажды приезжал в Оренбург. Осенью-зимою сорок девятого и в январе-марте пятидесятого бывал он здесь (сомнений в том нет) особенно часто. Вопрос об опеке был слишком важным, чтобы относиться к нему несерьезно, предоставлять его воле случая.

Скорее всего тут (и не без помощи людей искушенных) писал отставной майор письмо и прошение военному губернатору - те самые, помеченные 18 ноября 1849 года. Стало быть, пришли они не с почтой или нарочным - вручал сам. Отказать в аудиенции помещику и дворянину Обручев не смог бы.

В те ноябрьские дни Шевченко находился в Оренбурге. Но был он "при исполнении", служебные обязанности занимали все время, на портреты его не хватало, да и как портретиста почти никто художника еще не знал. Вот уж закончит "оформление видов"... покинет стены "фабрики"... обретет мастерскую у Герна...

Когда же рисовал он портрет Племянникова? Случилось это, скорее всего, в январе 1850 года. Именно так расшифровываю я собственноручную надпись осведомленного Василия Андреевича: "писанный 1850-1". Не два соседствующих года, но год и - месяц : первый в том году, когда, собственно, все касательно сего барина и решалось, а сам он снискивал себе покровительства в оренбургских сферах.

О том, что этот человек из себя представляет, Шевченко мог узнать от тех, кто их, художника и его "модель", сводил. Кому он был обязан заказом, дававшим какие-никакие, а деньги? Кому-то из мира чиновного, причастного к делам вроде "племянниковских", может из канцелярии губернатора, может и Герна, которому Обручев благоволил.

Бывший крепостной, вынужденный силой обстоятельств искать любой денежной работы, писал портрет крепостника. Не было ли это изменой самому себе и своим принципам? Но писал он не жертву козней, не оскорбленную добродетель - способного на все деспота, к тому же уверенного: власть его, сила его, на его стороне закон. Таким ему и оставаться - вопреки всем и всяким предупреждениям.

Еще одно архивное дело о тех же Племянниковых - начато оно в 1852-м (ГАОО, ф.6, оп.6, д.13055). Среди первых листов - показания солдатки Анны Карачкиной. Под присягой рассказывала, как забрили мужа в солдаты, а ее с малолетними детьми лишили кормильца, как младшую дочь, Маланью, имеющую от роду тринадцать лет, барин лишил невинности и оставил при себе, а другую, замужнюю, "также насильствует" и что таких в селе много.

Показания касались Племянникова Н.Ф. Но и тут о Племянникове А.В. "Крестьяне майора Племянникова, - значится в одном из документов,- вывели жестокое обращение с ними в том, что он наказывает их розгами безвинно, бьет своеручно кулаками и арапником, не позволяет распоряжаться собственностью крестьян, производит с них поборы, как-то барана, гуся и проч., и принуждает работать на него в воскресные дни".

Оставался он самим собой. Как на портрете.

На портрете и в стихотворении.
Меж здається, я не знаю, А люде справд! не вмирають, А перел!зе ще живе В
свиню абоцо, та и живе, Купається соб! в калюж!, Мов перш купалося в гр!хах.
1 справд! так. Мен! байдуже За простих с!рих аромах, Вони 1 господом забуд!!
Так що ж мен! тут гр!ти - дуги!
А де от!?!.. Невже в сажах
Годує хам соб! на сало?
А може и так? Добра чимало
Вони творили на земл!,
Ржами сльози розлили,
А кров морями...
Гнів бурлил, піднімався, нарастала, и вот:
...Клят!! клят!!
Де ж слава ваша?? На словах!
Де ваше золото, палата?
Де власть велика? В склепах,
В склепах, повалених катми,
Такими ж самими, як ви.
Жили ви лютими зв!рми,
А в евин! перейшли...
Складавалось это в Оренбурге. Тогда же, или примерно тогда, когда писал сей
портрет на заказ.
На заказ, но не поступаясь правдой. На заказ, но с вдохновением.
Благородный Петрусь - жестокосердый Племянников... Бедный крестьянин -
помещик-изверг... Интересовали его люди разные - добрые и злые.
Сердцем льнул к добрым.

ДИВЯСЬ МНОГОМУ

I.

Образцы пород и растений, привезенные с Арала, были, наконец, разобраны и описаны. Часть из них отослали в Санкт-Петербург, положенное отнесли в здешнее отделение Генштаба, но достаточно осталось и для оренбургского музеума.

Обещали - сделали. Обещали-то не кому иному как Михаилу Фа-деевичу, "отцу префекту". Уже много лет музей был местом его вседневных стараний. Принимал он будущие экспонаты сам, в собственные руки, и показывал музей тоже сам, охотно рассказывал его историю.

История эта вместила в себя многое. У начала ее Зеленко не был, но знал все наилучшим образом и из первых уст. Сюда его доставили в год смерти губернатора Сухтелена, музей основавшего.

2.

Показывал и рассказывал...

Еще осенью 1830-го генерал Сухтелен пришел к мысли: краю, препорученному его попечению, нужен музеум "для сосредоточения всяких предметов, служить могущих к вящему развитию понятий юношества и к общей пользе распространения наук, особенно в Оренбургской губернии". Идею свою он изложил высоким штилем: "Край сей, обширный и богатый многоразличными произведениями природы, заключающий несколько народов, разнящихся верою, нравами, обычаями, промышленностью, одеждою, доселе, по своему пространству и разнообразию, самими жителями оного не совершенно знаемый, остается для России, и в особенности для иностранцев, страной мало известною". Продолжаться так далее не могло, и последовало веское губернаторское слово: "противу сих недостатков одним из надежнейших пособий может быть образование музеума".

Экспонаты стали поступать сразу. Стекались они к самому губернатору, а от него к

"смотрителю и устройтелю" Шангиону Гартингу - одному из приглашенных в Оренбург образованных, способных и деловых чиновников. Собрание 43 повелений, подписанных Александром 1, подарил известный исследователь края Дебу. Экстракт журналов мореплавания и описаний Каспийского моря в 1715, 1716, 1718 и последующих годах вручил бывший председатель гражданской палаты Соколов. Рукописное "Житие Петра Великого"... семь штук различных минералов... зубы и кости мамонтов...- чего только не присылали? Хан-правитель Внутренней орды Джангер Букеев поднес для музея два казахских костюма: зимний и летний; ханша в свою очередь прибавила еще два: женский и девичий. (Из последнего она из'явила "исподницу", которую ее степенство "почла жертвовать непристойным"). Сам Сухтелен добавил "на зубок новорожденному" свои серебряные медали. Подношения шли отовсюду - от Петербурга до дальних мест Сибири.

Уже в первый день апреля следующего года музей принял первых посетителей. А вскоре он был поручен Томашу Зану, попавшему в Оренбург еще в 1824-м, после разгрома властями тайных обществ филوماتов и филаретов в Виленском университете. И за тридцать земель от родины молодой поляк духом не пал. Незнанный, неисследованный край заинтересовал его, увлек. Используя любые возможности, вел он геогностические, ботанические изыскания, а после встречи с Александром Гумбольдтом, который в 1829 году приезжал на Урал для геологических исследований, сугубое внимание обратил на разведку природных богатств. В Оренбургском архиве можно прочесть множество его докладных, содержащих самые ценные - доныне ценные - сведения. Из'езженный и исхоженный Заном вдоль и поперек, край становился для него родным. Лучшего устройства музея не приходилось и желать.

Еще успешнее двинулось накопление материалов. Все интереснее, богаче становились экспозиции.

Вспоминала гостя из Самары Воронина:

"Нынешним утром мы были в музее. Зан ожидал нас там и показывал все достойное примечания, но надо быть несколько раз, чтобы рассмотреть все подробно, а в один раз можно заметить только те вещи, которые больше бросаются в глаза, да и то осмотреть их поверхностно.

При входе внимание обращается на огромную кость, часть головы какого-то допотопного зверя; она лежит на столе прямо против двери. По сторонам стоят куклы в рост человеческий в разных, очень богатых азиатских костюмах, по четыре с каждой стороны. В одном ряду мордовка, калмычка, киргизка и уралка в платьях замужних женщин; в другой - две девушки, уралка и киргизка, калмык в казацком мундире и сибирский шаман. Около развешаны кольчуги, седла, чепраки и разные одежды, в том числе рубашка, сшитая из рыбьих пузырей, претонкая и прозрачная; надевается она совсем с головой и... защищает тело от укушения разного рода насекомых.

В стеклянных шкафах и ящиках разложены камни, раковины и проч. На полках помещены чучела небольших зверьков и птиц... На стенах портреты знаменитых особ оренбургских..."

Письмо Ворониной - уже из 1833-го. Зан свою работу продолжал, хотя новый губернатор, Перовский, заменив внезапно скончавшегося Сухтелена, ко всему этому поначалу отнесся весьма прохладно и даже распорядился "прекратить расходы по музею". К счастью, продолжалось так недолго: увлекся музеем и новый начальник губернии.

Зана отец префект вспоминал уважительно.

Зеленко и Вернеру было приятно, что украинец Тарас с таким почтением слушал и расспрашивал об их соплеменнике Томаше Зане, о ссыльных поляках разных времен. У каждого экспоната останавливался - музей не оставлял равнодушным, но судьбы людские занимали его больше.

3.

Доныне распространены представления, будто в первой половине девятнадцатого

века вся общественная, политическая жизнь Российской империи бурлила в Петербурге, Москве, одним словом столицах, города же остальные, в том числе центры губерний, оставались ко всему инертными, во всем захолустными.

Полноте, заблуждение это, причем вредное, давно и явно мешающее воссозданию истории полной, объективной, честной. Живя в антипатичном поначалу городе, все глубже окунаясь в водоворот его будней и праздников, узнавая (не изучая специально, но узнавая в общении) его проблемы, Шевченко осознал: жизнь не только, а может и не столько в столицах, сколь тут, вдалеке от центра, в таких городах как Оренбург. Да, небольших, да, не выдающихся, но - во всех отношениях важных: и административно, и экономически, и культурно. Невольно сравнивал, сопоставлял пульсы политические - скажем, в Киеве... или Петербурге... - и здесь, над Уралом-рекой. Что ж, пульс был хорошего наполнения.

Тут зрели - и вызревали - события, поступки. Оставаться им в истории города, быть незабвенными в памяти людской. В Оренбурге - в двадцатые годы - заявило о себе тайное общество. "Целью его, - возглашали участники, - есть изменение монархического правления в России и применение лучшего рода правления к выгодам и свойствам народа для составления истинного его благополучия". Они, молодые офицеры и чиновники, разработали целый план: развернуть антиправительственную агитацию меж солдат, казаков и других слоев населения, поднять их на участие в восстании, а после переворота, который обязательно должен был увенчаться успехом, объявить Россию свободной, провозгласить уменьшение сроков службы нижним чинам, освобождение крестьян помещиками... Может и продвинулись бы заговорщики дальше слов, не окажись среди них провокатора.

А разве не так случилось в их Кирилло-Мефодиевском товариществе? Не та самая участь постигла поляков, наказанных после разгрома их обществ, как и он, солдатчиной?

Уже многие годы Оренбург был одним из главнейших центров политической ссылки подтвержденных участников польского освободительного движения, и это налагало на всю жизнь отпечаток особенный. Город стал широко известен в цивилизованном мире - попавшие сюда не по доброй воле оказались не заживо погребенными /как рассчитывали власть предержащие/, но далеко и отовсюду видимыми.

Имя Зана особенно громко прозвучало в связи с заговором 1833-го. Шевченко мог убедиться: давнее событие не забывалось.

4.

Судебно-следственное дело об "оренбургском заговоре" началось с доноса некоего мещанина Старикова коменданту Оренбурга генерал-майору Глазенапу. 27 октября 1833 года доносчик, содержащийся в местном тюремном замке, уведомил власти о том, что именно он узнал от соседа по камере - "польской нации рядового".

Допрошенный рядовой выложил многое: во-первых, "все нижние чины польской нации, служащие в оренбургских батальонах № 2 и № 3, положили между собою неперменное намерение сделать как в г.Оренбурге, так и по всей линии мятеж", во-вторых, "главным предводителем сего мятежа" являются Зан и его товарищи Сузин, Виткевич, Ивашкевич, в-третьих, "таковой мятеж они предположили сделать немедленно".

"Разделясь на пять партий, - давал показания доносчик, - все мятежники должны напасть на дома значительных особ и лишить жизни... командующего Отдельным Оренбургским корпусом, начальников дивизионного и бригадного, ... коменданта, полицмейстера, плац-майора и других чиновников, в которых встретят сопротивление. Овладев городом, восстановить свои права и начальство, потом далее продолжить мятеж". Поездки Зана по краю объяснялись з а г о в о р о м, и только заговором, организатором и руководителем которого представлялся в доносе он.

Томаша Зана, Адама Сузина, Яна Виткевича и Виктора Ивашкевича арестовали. 1 ноября 1833 года их допрашивали. Следствием руководил сам генерал-губернатор Перовский. Он вел дознание строго, но... раздувать дело не захотел. Через месяц все

закончилось оправданием обвиняемых. Никакого заговора обнаружено не было.

...Не было обнаружен о? Не было вообще?

Современные исследователи в ответах на последний вопрос категоричности избегают. Известный историк-полонист В.А.Дьяков в обстановке того времени увидел все предпосылки для формирования смелых антиправительственных планов. "Даже у Т.Зана, самого старшего по возрасту и самого спокойного по темпераменту, политическая активность в эти годы явно повысилась,-читаем в его статье, целиком посвященный делу. - Вольно или невольно он стал центром притяжения для всех, мечтавших о возобновлении борьбы, прежде всего для тех участников восстания 1830-1831 гг., боевой пыл которых еще не остыл".

Как не вспомнить, что в то же самое время не утихали волнения в Польше, попытки поднять восстание обнаружились в Омске, Тобольске, Екатеринбурге, Астрахани, в Москве стало известным дело Тадеуша Заблоцкого...

...Верил ли в былой заговор Шевченко?

Пожалуй, верил. И вера его основывалась на вполне реальном -близком знании наследников Зана, поляков современных, тех, кто был рядом.

Гордых, стойких, деятельных.

5.

Многое музей претерпел, много бурь над ним прошумело.

После отъезда Томаша Зана в места родные его принял на свое попечение Владимир Иванович Даль - писатель.лин- гвист, видный в губернии человек. Даль знал и уважал Зана. Теперь он продолжал его дело.

Уехал Даль в Петербург, и эстафету подхватил Зеленко. Двадцать лет заведовал оренбургским музеем, храня и умножая его богатства.

В музее сегодняшнем посетителей встречает фоторепро- дукция портрета Михаила Фадеевича. самого портрета - ори-гинала - в фондах, повторяю, - нет, и я всякий раз исчезнованию подлинника сокрушаюсь, будто точно знаю: ри-совал Тарас.

Твердой уверенностью в этом похвастать не могу, но не смею и отказаться от своих давних на сей счет подозрений.

И еще одно предположение: могли оказаться в музее его, Шевченко, р и с у н к и, им выполненные виды Арала, степей и пустынь, степных укреплений, наконец самого Оренбурга (неужто и не пытался запечатлеть его на бума- ге?). Не рисунки, так рисунок - возможностей по- полнения музейных коллекций Зеленко не упускал; не упустил бы и этой - присутствия в городе пусть еще не прославленного, но академически образованного и безусловно талантливого художника. В городе-крепости на пог- раничье Европы и Азии такие художники были в редкость.

Не поделиться возникшей мыслью мне не под силу. Как и подтвердить (или перечеркнуть) свое предположение. Кни- ги даров и дарителей тех лет отыскать пока не удалось.

Зеленко показывал - Тарас смотрел, дивясь многому.

ЕЩЕ ОДНО ЗНАКОМСТВО

1.

Уже в январе Карл Иванович свел своего квартиранта и приятеля Тараса с Альфонсом Киршей.

В ряду других шевченковских адресов Оренбурга дом Киршей назвал Ф.Лазаревский. Он же дал и существенные родственные ориентиры.

"Одна из сестер полковника Герна была замужем за паном Киршей, служившим в провиантской комиссии. В доме Киршей всегдашними гостями были: Сераковский, Залеский, Турно и др. Там же довольно часто бывал и Шевченко, окуриваемый фимиамом лести и ухаживаний..."

До полковника Герну еще аж три чина. И Сараковский приходил в этот дом

гораздо позже. Но все такие смещения объяснимы несовершенством памяти и - вполне простительны.

К абзацу, где в первый и последний раз прямо назван Кирш, вплотную примыкает то, что сообщается дальше, идет впритык цитированному.

"Раз приходит ко мне Тарас и предлагает свой портрет.

- Возьми ты у мене, Христа ради, оцей портрет, хотшось би, щоб вш zostався у добрих руках, а то поганщ ляхи виманять його у мене. Усе пристають,щоб я 1м оддав.

- Де ж ти, - спрашиваю, - малював його?

- Та у 1х же и малював.

Портрет, по желанию поляков, долженствовал изобразить Шевченко сидящим в каземате Орской крепости за решеткой; но такой обстановки на рисунке не оказалось. На предложение же Тараса взять портрет в свою собственность, я сказал:

- Портрет твой, мш голубе, для меня большая драгоценность, а за то, что возьму его, я обязан отдарить тебя чем-нибудь ценным, чего у меня не имеется.

Тарас насмешливо посмотрел на меня и промолвил:

- Бачиш, чоботи у мене вносились: возьми 1 дай мет чоботи. Устыдившись своей щепетильности, я взял портрет".

Рисовал "у 1х" - в том же, выходит, доме. "Поганщ ляхи" - как ругательство не воспринимается. "Портрет"был выполнен, по желанию поляков, чуть ли не на их глазах, во всяком случае в тесном общении с ними.

Общении и у Киршей?

2.

В Оренбург Кирш приехал потому, что здесь служил Герн. В Витебской губернии их семьи жили по соседству, больше того - дружили. Переезд сулил Альфонсу надежду на продвижение. Более скорое, чем там, на западе.

Приезду предшествовала переписка не только личная, но и официальная. О переводе Кирша и возможности его принять писал в Витебск важный чин оренбургского губернаторства. "По вызову и по сношению гг. гражданских губернаторов... перемещен на службу в Оренбургскую губернию..." - значит- ся в формулярном списке против года 1842-го.

К тому времени молодой витебский дворянин едва разменял третий десяток лет своей жизни и только-только начал служить. По окончании шестиклассного курса в тамошней гимназии он определился в штат губернской канцелярии едва ли не на самую низшую должность, а через полтора года отважился двинуться в путь - далекий и неизведанный.

Оренбургская палата государственных имуществ: писец первого разряда.

Оренбургская казенная палата: писец контрольного отделения.

Здесь он получил первый свой чин - коллежского регистратора, тут порадовался и первому повышению - переводу в счетные чиновники. В феврале сорок восьмого поручили ему заведывание делами в третьем столе.

В этой должности и пребывал, получая годовое жалование в размере двухсот рублей серебром. Жалование небольшое тем более, что других доходов не было и не предвиделось, но - обходился, не сетовал. ЦГА Башкирии, ф.1, д.2467.

Женою Кирша стала младшая сестра Герна Елизавета, 1825 года рождения. Детей у молодых супругов еще не было. Друг друга они любили, и это делало их дом особенно теплым. Сюда с удовольствием приходили ссыльные поляки, по домашнему теплу скучавшие, с семьями, с близкими разлученные.

Постепенно это вошло в обыкновение, и на приветливый огонек дома в Старой слободке по вечерам сходились многие. Им тут были рады всегда.

3.

Еще в доме жила Мария Ивановна, старшая сестра Гернов, не молодая и не замужняя.

"Вечно живая, энергичная, веселая и при том умница, добрая, симпатичнейшая идеалистка,- так ее представлял племянник, сын Адольфа Герна, родившийся уже в шестьдесят пятом и узнавший свою тетушку на закате лет. - Всю жизнь проработала она на других, отказывая себе во всем в смысле собственных жизненных удобств".

Что ж, портрет достаточно выразительный, во всяком случае вполне представимый. Как человек энергичный, горячий, она проходит через многие страницы его воспоминаний. (Архив АН в Петербурге, ф.332, оп.1, д.2).

Посещения их оренбургского дома Тарасом помнились ей и в ста~ роста. К сожалению, навестивший ее на Северном Кавказе Ф.М.Лазаревский вопросы задавал частные и только их касался в своих заметках на полях биографической книги М.К.Чалого.

"В Оренбурге, - свидетельствовал Федор Матвеевич, - Мария Ивановна жила больше у своей сестры Елизаветы Ивановны, бывшей замужем за служившим в Оренбургской провиантской комиссии поляком Киршей. У Елизаветы Ивановны заведателями-гостями были ссыльные высшего полета: Станкевич, Сараковский, Залеский, Тур-но, Фишер. Мне хотелось проверить мое показание о том, что я никогда не видел Тараса в солдатском одеянии. Мария Ивановна сказала мне, что Тарас редко бывал у Кирши, но она иначе не помнит его как в солдатской шинели... Верно, что это показание честно и добросовестно. Мария Ивановна такая девушка, которая говорит только то, что знает, но как согласить мое и ее показания?" (Отдел рукописей ИЛ АН Украины, ф.92,д.29).

Впрочем, нет - спрашивал он и о другом, но только нам ответы не известны.

Из письма Лазаревского Чалому: "Здесь (в Гадяче - Л.Б.) я получил прилагаемое письмо. Пишет его мне сестра Карла Ивановича Герна Мария Ивановна Герн. Письмо это (Марии Ивановны Герн) вы можете приобщить к материалам о жизни и произведениях Т.Шевченко". (Там же, д.40).

Охотно "приобщил" бы его и я, однако пока не отыскал...

Елизавета Ивановна умерла в 1856 году - совсем молодой, тридцатилетней. Мария Ивановна пережила сестру более чем на полвека (скончалась в 1913-м). К этому времени давно уже ушел из жизни и Альфонс Адамович, дослужившийся до поста вице-губернатора ("кажется в Курске"). Его и Елизаветы, сыновья, Адольф и Леопольд, стали видными специалистами в области молочного хозяйства, особенно сыроварения, ездили за опытом даже в Англию. На свет оба они появились позже того, как дом их родителей навещал Тарас Шевченко, но память о нем в семье жила. "Перед выездом с Кавказа, - писал Лазаревский тому же адресату, - видался я с неким Киршем, кавказским сыроваром, недавно вернувшимся из Петербурга и Москвы, где громко прогремел свими сырами. "Привезли Вы Чалого? Сколько экземпляров?"- спросил я его. Кирш мне объяснил, что в Петербурге с большим трудом мог найти "Жизнь и произведения Т.Шевченко"...только 3 экземпляра, которые он и забрал все". (Там же, д.32). Хранительницей памяти о живом оренбургском Тарасе дольше всех оставалась долгожительница Мария Ивановна. Вполне можно было успеть выспросить у нее все. Но*, после драки кулаками не машут, так ведь?

4.

"Иначе не помнит его как в солдатской шинели..."

Лазаревский помнил Шевченко только в гражданском.

В шинели, мешком на нем лежащей, далекий от элементарной . военной выправки, стоит Тарас на известном рисунке Алексея Чернышева. Среди одиннадцати фигур и лиц он самый штатский. Но в шинели нижнего чина, п о ч т и по форме.

Много раз погружался я в мысли о том, где именно эта группа нарисована. Перебирал места обитания Герна, Кирша, Лазаревского, самого Чернышева; остановился,как на самом вероятном, на нем, доме Чернышевых.

Нарисована,пожалуй, и впрямь тут. Работа требовала сосредоточенности, а где еще возможна она, как не наедине с собою...

Но чем внимательнее рисунок рассматриваю, чем больше над ним размышляю, тем очевиднее для меня становится: не один какой-то момент художником схвачен, не с натуры сцена рисована - к о м п о з и ц и я это, сумма индивидуальных зарисовок, авторское сое д и н е н и е различных, и в разных условиях зафиксированных, людей.

Разные условия это дома и Чернышевых, и Гернов, и Киршей. В каждом был свой, часто не совпадавший, круг посетителей. Одни бывали и там, и сям, некоторые отдавали предпочтение одному, определенному. Чернышев собрал вместе тех, кому симпатизировал сам, Из "вольных" тут только двоюродный его брат Александр, урядник казачьего войска и художник-самоучка, все остальные-попали в Оренбург не по доброй воле; за исключением Тараса Шевченко, на рисунке сплошь подтвержденные поляки. Это люди не в равной степени знакомства меж собою, но друг друга знают они все - был бы иначе рисунок ни чем иным, как фальсификацией, а подозревать художника в неблагородстве никаких оснований нет.

Жаль, далеко не все знакомые Шевченко сюда попали. Нет Отгона Фишера, Людвиг Турно, Томаша Вернера... многих из тех, с кем он знал в Оренбурге. Хотелось бы видеть тут и не ссыльных (попал же Чернышев А.И., опале не подвергавшийся). Нет Герна - мы так¹ и не знаем-его в лицо. Нет Кирша, в доме которого Тарас бывал. Лазаревский писал, что это происходило "довольно часто", а М.Герн, напротив, утверждала, что "редко". Но суть разве в частоте, в периодичности? Не нравилось - не приходил бы.

5.

В доме Киршей высшим авторитетом пользовался Карл Иванович, его, Шевченко, испытанный доброжелатель, и здесь же с неизменной нежностью (а одновременно уважительностью) вспоминали "младшенького", Адольфа, обитавшего сейчас в столице.

По окончании курса наук по юридическому факультету Санкт-Петербургского университета, удостоенный степени кандидата, отправился он в Оренбург и быстро проявил свои способности. В 1845-1849 годах служил в канцелярии губернатора: помощником столоначальника, столоначальником, а позже и начальником гражданского отделения. В июне сорок девятого уехал в отпуск, и вскоре появился приказ о переводе его на новое, столичное место службы. (ГАОО, ф.6, оп.5, д.11615/5, оп.6, д.11812, 12081).

О знакомстве с ним Шевченко в скоротечные июньские дни 1847-го сведений нет. По всему судя не было для того ни повода, ни нужды. Адольф возник в его мыслях уже после разговоров о нем у Гернов, у Киршей. Эх, подключить бы петербуржца к хлопотам насчет облегчения невольничьей судьбы, все о том же дозволении рисовать... 6 марта 1850 г. Сергей Левицкий писал, что был у Адольфа Ивановича, показавшегося ему таким же искренним и добрым человеком, как брат, К.И.Герн: "...воно так шире да добре, як і вш сам". Вспоминал о нем Тарас и позже, когда надумал опубликовать "Княгиню". Обращался к Залескому: "У Карла есть брат в Петербурге, попроси его, у меня никого там знакомых не осталось".

Скажешь ли, что не виделись н и р а з у?

...Познакомила и сблизила их родня.

Из тех же, однажды цитированных, воспоминаний сына (как удалось установить, Петра) об отце своем, Адольфе Ивановиче: "Человек большого ума, очень живой, энергичный, трудоспособный, современник эпохи... К этим качествам присоединялась его неподкупная честность, преданность своему делу, бескорыстие и при всем том - полное отсутствие честолюбия, полная прямота в действиях своих..."

"Держался демократических взглядов на роль помещичьего класса и на крестьянский вопрос..."

"Мил и любезен в обществе..."

А вот и описание его кабинета в имении Морево, Смоленской гу-бернии:

"Стены были увешаны различными портретами и картинами небольших размеров, работы его брата, казацкого генерала, Карла Ивановича Герна, бывшего помощника у

начальника Оренбургского военного округа Обручева... Затем в кабинете висели... какие-то два-три аллегорические карикатурные изображения, не знаю, чьей работы. Это все погребло". (Погребло "при разгроме моревского дома во время революции").

О Карле Герне как художнике не известно ничего. Были бы для такого утверждения основания - проявились, прорвались в воспоминаниях (в том числе и его самого), в переписке, в других - прямых или косвенных - источниках.

"...различными портретами и картинами небольших размеров, работы его брата..."

Не было то работами Карла Ивановича, но исходило, всего вероятнее, от него как инстанции промежуточной - связующей.

Многое из нарисованного Тарасом проходило через руки К.И.Гер-на. Рисовал Шевченко и портреты членов семьи, других близких людей. Большинство им созданного, им выполненного - н е б о л ь : и х, альбомных размеров.

"...портретами и картинами небольших размеров, работы..."

Работы Шевченко?

Скорее всего, именно его.

Даже уверен в том, как равно и в другом - авторстве шевченковском "двух-трех аллегорических карикатурных изображений", так же висевших в кабинете А.И.Герна. Для Адольфа Ивановича вся эта галерея картин, портретов, шаржей не была чем-то отвлеченным - напротив, живо напоминала о людях близких, о местах знакомых, о событиях, к которым был причастен.

"...все погребло..."

Но ведь фотографический портрет его самого уцелел? Могли избежать гибели и рисунки со стен кабинета. Их не искали, не видя в том проку. "Не знаю, чьей работы..." Знали бы - не отмахнулись. Тем паче, что наследники А.И.Герна (умер в декабре 1897-го) были людьми образованными. Воспоминания о пережитом, здесь цитированные, сохранились в личном фонде Герна Богдана Адольфовича, в советское время профессора Смоленского пединститута. Сберегли их (и многое другое) его дети и внуки.

Ниточка в поиске есть.

Ну л то, что написал об Адольфе сын (слова его я привел чуть раньше), с чистой совестью отношу и к обитателям оренбургского дома Киршей, куда хаживал этой зимой Шевченко.

"ЧТО КАСАЕТСЯ ДО РЯДОВОГО ШЕВЧЕНКА..."

1.

Генерал от инфантерии Владимир Афанасьевич Обручев был администратором деловым и практичным, смотрел далеко вперед. Праздности он не терпел, не позволял ее ни себе, ни другим.

Судьба рядового Шевченко на будущее время была им предопреде-¹ лена в том же январе.

Вот официально засвидетельствованный документ:

N 292, 22 января 1850 г.

Господину командующему

23-й пехотной дивизией

Для точного исследования приисков каменного угля, найденного на северо-западном берегу Аральского моря, я вошел в сношение с начальником Уральских горных заводов о назначении опытного штейгера, коего по окончании опытов над сим углем в Раимском укреплении я намерен в будущем лете отправить в Новопетровское укрепление, для такового же исследования приисков каменного угля, открытого в 1847 году на Мангышлакском полуострове в горах Кара-тау, состоящих от укрепления в 120 верстах.

Предположив придать в помощь упомянутому штейгеру при сем последнем исследовании каменного угля участвовавших в морских экспедициях по Аральскому морю и особенно при вышесказанном открытии там угля линейного Оренбургского N 4-го

батальона унтер-офицера Фому Вернера и рядового Тараса Шевченко, я, уведомляя о сем ваше превосходительство, покорнейше прошу: сих нижних чинов препроводить в Гурьев-городок ко времени открытия по Каспийскому морю навигации для отправления их потом в Новопетровское, укрепление и сделанном к исполнению сего распоряжении вашем меня уведомить.

Подписал генерал от инфантерии Обручев...

На предписании есть надпись: "15 января. Передать Поспелову".

...Двадцать второе и вдруг пятнадцатое? Но в комментарии, согласитесь, нуждается не только это.

Прокомментирую, по возможности, все.

2.

Итак, комментарий.

1. Всеми делами по разведке, добыче и использованию рудных богатств края ведало Главное управление горных заводов Уральского хребта. Во главе его многие годы стоял генерал-лейтенант Владимир Андреевич Глинка. Ему и адресовал Обручев свою просьбу о прикомандировании "опытного штейгера" - мастера горных работ. Писал ему, по всему судя, в январе, ответа еще не имел, но в положительном решении вопроса не сомневался.

2. Маршрут и последовательность изысканий Обручев обдумал заранее: в 1850-м - Куланды и другие места на Арале, в 1851-м - горы Каратау и прочие участки прикаспийского полуострова, тоже, как предполагалось, угольные. Свое аральское дело Вернер и Шевченко сделали - есть описание, образцы, зарисовки; сейчас, как люди поднаторевшие, они хоть в какой-то мере могут подготовить работы будущего года. Вернер в первую очередь, Шевченко при нем.

3. Навигация на Каспии начинается в апреле - ближе к концу его, или в самом начале мая. Выходит, в мае им предстояло быть уже в Новопетровском укреплении. Оренбург - Уральск - Гурьев - Мангышлак... Поспеть туда не иначе как с началом навигации... Значит, отправляться из Оренбурга в апреле, может и в марте.

4. Наконец, о двадцать втором и пятнадцатом. Разнобой понимаю так: писано 22-го, но касалось и того, о чем докладывал Бутаков Чигирю в своем рапорте от 15 января ("унтер-офицер Вернер и рядовой Шевченко переданы мною в заведывание г.прапорщику Корпуса флотских штурманов Поспелову...") К тому рапорту должно было присовокупить и это. ("Передать Поспелову"). Начальник флотилии оставался без подчиненных.

...Как ни читай, ничего другого не вычитаешь: Тараса отправляли на край света, в места, по общей молве, страшные. Почитай, на два года, не меньше. А ждал облегчения! избавления!

Что могло этому помешать? Пожалуй, уже ничто.

Январь не скупился на сюрпризы.

3.

Планы Обручева получали одобрение и поддержку.

Того же, 22 января, но уже в Петербурге исполнявший обязанности военного министра князь В.А.Долгоруков сносился с министром финансов Ф.П.Вронченко.

"Командир Отдельного Оренбургского корпуса, донося от 3-го сего января об окончании экспедиции, предпринятой для исследования Аральского моря, уведомил, что, предполагая будущим летом отправить экспедицию в Аральское море за образцами найденного на берегах онога каменного угля, он сделал сношение с начальником горных Уральских заводов об отпращивании для сего весною в Орскую крепость опытного штейгера и нескольких способных горнорабочих с нужным инструментом...

Государь император по всеподданнейшему о сем докладу высочайше повелеть соизволил:

1. Просить ваше сиятельство: предложить генерал-лейтенанту Глинке ускорить отправление упомянутых штейгера и горнорабочих в кр.Орскую, ко времени выступления

из сей крепости транспортов в степь..."

Тут речь шла только о работах ближайших - более отдаленных (тех же мангышлакских) Долгоруков не упоминал. Но лиха беда - начало. Всего важнее было получить монаршие быть по сему.

В Центральном Государственном историческом архиве, что в Санкт-Петербурге, хранится дело под пространым названием "Об отправке с уральских заводов в Орскую крепость штейгера и несколько горнорабочих для присоединения к экспедиции, назначенной для исследования каменного угля, открытого по берегам Аральского моря, и о командировании туда же поручика Антипова для надлежащего исправления работ по добыче и разведке того угля". Началось оно, довольно объемное, 25 января 1850-го (ЦГИА, ф.44, оп.3, д.40).

Антипов Александр Иванович имел тогда двадцать шесть лет отроду, в сорок шестом окончил горный институт с производством в чин поручика, был причислен к Луганскому заводу и - окунулся в бесконечную кутерьму дел. Сначала его причислили для геогностических исследований к отряду войск в Адыгее, потом направили в Керчь - искать железные руды, теперь же предстояло побывать в глубине оренбургских степей и пустынь, на Арале, - есть ли там достаточные угольные запасы? как извлечь их для пользы пароходства?

Назначение состоялось 13 января. К концу того месяца, или началу следующего, известие об этом Оренбурга достигло. Как равно и о том, на кого пал жребий в Екатеринбурге: штейгером - горный урядник первой статьи Козлов, горнорабочими - Гонибесов, Трубеев, Кормы-шев, Слигин, все из Миасса или Златоуста.

Придет время - Шевченко с ними познакомится. Тогда каждого и представлю; пока же пусть будут только фамилии.

4.

Обручев продолжал обдумывать план ближайших кампаний и внес в него поправки, притом основательные.

Исследования месторождений каменного угля на Мангышлаке отодвинулись до поры до времени на второй план. Сначала Арал -остальное потом. Может подействовало то, что государю императору князь Долгоруков докладывал об экспедиции к углю аральскому, но отнюдь не каспийскому?

Январь незаметно переходил в февраль. У же к 9-му следующего месяца вопрос о Шевченко был решен по-другому.

Обручев - Толмачеву.

...Из отношения моего от 22-го прошлого января за Ко 292 вашему превосходительству известно о сношении моем с главным начальником Уральских горных заводов относительно назначения опытного штейгера для точного исследования приисков каменного угля, найденного на северо-западном берегу Аральского моря, и о прикомандировании к нему, для такого же исследования каменного угля в Новопетровском укреплении, нижних чинов линейного Оренбургского Ко 4-го батальона унтер-офицера Фому Вернера и рядового Тараса Шевченко.

(Ну тут разнобоя с означенным письмом нет - суть информации та же. Но и напоминании о полезно. Тем более, когда дальше новое...)

Ныне, признав необходимым придать в помощь упомянутому штейгеру при исследовании им каменного угля в Раимском укреплении назначенных на службу в Отдельный Оренбургский корпус из горных заводов Царства Польского батальонов К 2 подпоручика Тур-но, рядовых 3-го Копровского, 4 - Круликевича и 5-го Завадского, а также и сказанного унтер-офицера Вернера, вместо отправления его, как вышесказанного, в Новопетровское укрепление, покорнейше прошу ваше превосходительство сих чинов отправить из 2-го и 3-го батальонов с транспортом, который должен выступить из Оренбурга в Орск во второй половине апреля сего года, рядового же Круликевича, по служению его в 4-й роте находящегося в Оренбургском укреплении, препроводить в

Уральское укрепление при особом отряде, который будет следовать из Орска через означенное укрепление и Уральское в Раим...

(До начала похода еще два с половиной месяца, не меньше, а уже оговорены все участники, предопределено существенное, продуманы детали - будто пришел он, наступил последний срок и ни дня более отпущено быть не может).

...Что же касается до рядового Шевченко...

(Не забыт все-таки и он; перед глазами, верно, письмо предыдущее и оно напоминает).

...то представить его в корпусной штаб 2-го будущего мая для от-праления по назначению.

(Яснее, вроде, не бывает. Какой штаб - указано, где находится -известно, дата названа и заранее, и точно. А все-таки ясности-то и нет. По назначению - значит куда?)

Куда и впрямь?

Понял ли это Шевченко, узнав о сей последней генеральской воле?

5.

Понять было мудрено.,

Числился он за батальоном Ко 4. В Оренбург его отпустили с неременным условием возвращения "по-прежнему в Раимское укрепление". По окончании "занятий" с Бутаковым, сразу "по минованию... здесь надобности". Не раз подтверждалось это и позже.

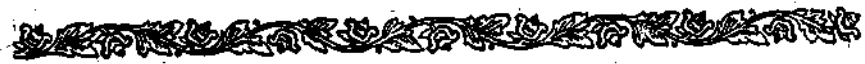
Значит, в Раим... Турно, Копровского, Круликевича, Завадского, Вернера - на время экспедиции Антипова, с возвращением всех пятерых по местам как только исследования пройдут, его же - без всяких оговорок, без срока или на срок неопределенный. Чего опасался, то и случилось.

Но в Раим транспорт предполагается отправить "во второй половине апреля", а ему назначено быть в штабе (готовым, естественно, к следованию) только второго мая. Да и распоряжение Обручева по части отправления в Гурьев с последующим отбытием на Мангышлак отменено лишь в отношении Вернера...

Задал загадку корпусной. Куда погонят его с весною?

Разгадка пришла скоро. Февральских писем Тараса до нас не дошло. Но в первом же мартовском, к Репниной, сказано вполне определенно: "Меня погонят 1-го мая в степь, на восточный берег Каспийского моря в Новопетровское укрепление, следовательно опять прервут всякое сообщение с людьми".

...Новопетровского он не избежал, но попал туда не весной и не прямо.

Часть третья:

"НЕБАГАТО БЛАГАВ У БОГА..."

РИСКОВАТЬ ОБРУЧЕВ НЕ ЖЕЛАЛ

1.

Но почему Мангышлак?

Третий по счету батальон за неполные три года?

Самые дальние роты из всех, которые были в корпусе?

Такое обычно бывало в наказание, и притом за проступки серьезные. Провиниться следовало настолько, начальство обозлить так крепко, чтобы, после рапортов по инстанциям, всевластная рука начертала: перевести и отправить на край света.

За ним вроде новой вины не водилось.

Из Орской его проводили пусть и без сожаления, но по-хорошему.

Бутаков аттестовал похвально - что на Арале, что уже в Оренбурге. В день, когда были закончены и сданы аральские виды, а это 23 декабря, он представил Шевченко к чину унтер-офицера. Дадут или не дадут - не от него это зависит, но представил, а, значит, хвалил и не сомневался.

Одобрительный отзыв о нем из Оренбурга посылали в Петербург; там, по слухам, докладывали самому государю императору.

Так в чем же дело? Как, отчего всплыло Новопетровское?

Первоначальное решение Обручева Тараса не порадовало, однако и не насторожило. Вернера и его, Шевченко, посылали туда как "участвовавших в морских экспедициях по Аральскому морю и особенно... при открытии там угля", в общем как людей с опытом.

Есть у него опыт или нет его - с генералом не поспоришь. Конечно, вдвоем, в паре, они после проведенных вместе кампаний на нечто такое, может, годились.

Но сейчас, когда Томаша снова посылают на Арал, от него, Тараса, на Мангышлаке геологического проку быть не может, и это яснее ясного.

Значит, в строй, опять в строй. И еще дальше прежнего... За что?

2.

Всемогущество начальника края распространялось здесь на каждого, но... не во всем. Обладая полным правом распоряжаться рядовым Шевченко по своему усмотрению, Обручев, выходит, не имел никаких полномочий позволить ему рисовать. Тем паче вопреки высочайшему запрету...

Не без колебаний принял он на себя грех отправить его в распоряжение капитан-лейтенанта Бутакова, с экспедицией по описи Аральского моря. Нигде не сказывал, что переводит как художника, да и само распоряжение отдавал устно, не беря в руку карандаш или перо. Однако кто не поймет, что видел в нижнем чине именно рисовальщика. Не обвинят его в пренебрежении волей монарха? не потребуют к строжайшему ответу за попустительство?

Виды - конечно, профессиональные, безусловно художественные и уж, разумеется, ничего вредного не несущие, - могут обернуться про-тив их автора, а больше против тех, кто дозволил приговор нарушить. Обернуться далеко идущими последствиями, от коих не отговоришься, не открестишься. Ходатайства о легализации художника неизменно упрутся в стену отказов, и это не случайно, такова высшая воля. Нет, ничего доброго от

поблажек ждать не приходится - гнев надобно упредить.

А какие, скажите на милость, могут быть обвинения в послаблениях, поблажливости, если нарушитель окажется в самом далеком укреплении и приказ об этом будет исходить от него, Обручева?

Только бы не упустить время!

За месяц до того писал он начальнику 23-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту Толмачеву: "Я имел честь спрашивать шефа жандармов г.генерал-адъютанта графа Орлова; на вопрос мой: не последует ли высочайшего соизволения на дозволение определенному в исходе мая месяца 1847-го года в Оренбургский линейный № 5-го батальон рядовому Тарасу Шевченко заниматься рисованием, - ныне его сиятельство граф Алексей Федорович сообщает мне, что он имел счастье войти об этом со всеподданнейшим докладом к государю императору, но высочайшего соизволения на такое его представление не последовало".

Заниматься своим делом художнику не разрешалось по-прежнему.

Письмо - от 8 января, предписание об отправке Шевченко на Мангышлак - от 9 февраля.

...Тот же вопрос: за что?

Да ни за что! Просто Обручев отводил возможный удар от себя.

3.

Меж тем переписка о Шевченко продолжалась. Велась она в кругах петербургских.

В одно время, вероятно, получили ТЕ письма от Шевченко и Дубельт, и Жуковский.

В.А.Жуковский решил действовать через влиятельного В.А.Перов-ского, а тот, опять же, через Л.В.Дубельта.

14 февраля Перовский писал ему, влиятельному Леонтию Васильевичу:

"Зная, как у вас мало свободного времени, я не намерен докучать вам личными объяснениями, и потому, прилагая при сем записку об одном деле, прошу покорнейше ваше превосходительство прочесть ее в свободную минуту, а потом уведомить меня: можно ли что-либо, по вашему мнению, предпринять в облегчении участи Шевченко? Заслуживает ли он, по вашему мнению, особенного ходатайства"?

К письму была приложена справка. Кто ее составил - неизвестно. Но характер она носила доброжелательный. Явно в пользу того, кому посвящалась.

"В 1847-м году ТАРАС ШЕВЧЕНКО был арестован в Киеве, привезен в С.-Петербург и потом отправлен в Отдельный Оренбургский корпус на службу рядовым за сочинение на малороссийском языке пасквильных стихов (как объяснено в бумаге, при коей Шевченко был препровожден в Оренбург). Причем, ему воспрещено писать и рисовать. ---"

С тех пор рядовой Тарас Шевченко вел себя отлично хорошо, он два года сряду 1848 и 49 участвовал и был весьма полезен в экспедиции, снаряженной для описи Аральского моря.

В прошлом году, по возвращении Шевченко из этой экспедиции, командир Отдельного Оренбургского корпуса, удостоверившись в его отличном поведении, службе и образы мыслей, испрашивал ему дозволения рисовать, но на это представление последовал отказ, в этом положении дела г.корпусной командир не может произвести Шевченко в унтер-офицеры, хотя он, Шевченко, служит с отличием уже несколько лет рядовым и не был приговорен в солдаты без выслуги.

Рядовому Шевченко около 40-ка лет от роду; он весьма слабого и ненадежного телосложения и в продолжение кампаний на Аральском море неоднократно подвергался скорбуту".

В штаб корпуса жандармов письмо Перовского доставили 16 февраля; тем днем оно и помечено здешним канцеляристом. На письме (а точнее записке) слово рукою Дубельта: "Переговорить".

С кем переговорить, Дубельт знал.

О праве рисовать, возвращении или Даровании оно, у Перовского ни слова. Писал про облегчение участи. Спрашивал о возможности особенного ходатайства. Приложенное убеждало: облегчения Шевченко заслуживает. К такому выводу подводило оно каждой строкой.

Отлично хорошо... весьма полезен... с отличием... Что могло быть убедительней?

Справка, в тот же день, 16 февраля, составленная по записке В.А.Перовского в канцелярии III отделения, была в оценках своих осторожнее, сдержаннее и содержала, помимо всего прочего, еще и "соображение".

"Соображение: Так как Шевченко определен рядовым с правом выслуги, то неразрешение рисовать не может лишить его дарованного права, если он того заслуживает".

Насчет облегчения участи тут не было ничего. Выслужиться можно и без рисования, в обыкновенных солдатах - так это звучало в переводе с канцелярского.

Такой-то совет исторгло высокое ведомство...

Орлов от себя приписал: "Еще рано".

20 февраля Перовский получил от Дубельта ответ:

"Милостивый государь Василий Алексеевич!

Вследствие записки вашего высокопревосходительства от 14 февраля, я счел обязанностию доложить г.генерал-адъютанту графу Орлову все содержание дела о находящемся в. ^Отдельном Оренбургском корпусе рядовом Шевченко. Его сиятельство, имея в виду, что ШЕВЧЕНКО по важности его преступления подлежал бы гораздо большему наказанию и что разжалованием его в рядовые оказано ему монаршее милосердие, изволил отозваться, что при всем искреннем желании сделать в настоящем случае угодное вашему высокопревосходительству полагает рановременным входить со всеподданнейшим докладом о помиловании Шевченки, тем более что он не такого слабого сложения, как объяснено в полученной вами записке; что же касается до производства ШЕВЧЕНКО в унтер-офицеры, то отказ в дозволении ему заниматься рисованием не может, по мнению графа Алексея Федоровича, тому препятствовать, и если ШЕВЧЕНКО по усердию в исполнении своих служебных обязанностей заслуживать быть произведенным в унтер-офицеры, то удостоверение его сим повышением непосредственно зависит от генерала от инфантерии Обручева, так как рядовой сей разжалован без лишения права выслуги..."

Опытный Обручев будто чуял: обернется дело никак не иначе. И спешил оградить от неприятностей не кого другого - себя. С л и ш к о м много просил за Шевченко. Слишком много давал ему п о б л а ж к и. Рассуждал так, или примерно так, предусмотрительностью своей довольный.

4.

А ведь Шевченко он опасался больше, чем других политических в корпусе, чем, скажем, целых групп поляков...

Четверо из поименованных в предписании его от 9-го февраля начальнику 23-й пехотной дивизии (Турно, Копровский, Крулике-вич, Завадский) прошли по делу "О намерении некоторых из служителей горных заводов Царства Польского присоединиться к краковским мятежникам и подготовить к тому рекрут, для работ на заводах находящихся". Круликевич и Завадский являлись не просто участниками этой акции, а и зачинщиками ее, за что до отправки в солдаты были "прогнаны шпицрутенами через пятьсот человек два раза". Тарас знал их в Орской; и там они боевого своего духа не растеряли, находились на виду у всех. К ним, без какого-либо сомнения, Обручев присоединял варшавянина Вернера, некогда активного агитатора, пытавшегося "наклонить" ремесленников "к участию в мятеже при первом возможном случае".

Целое сообщество злоумышленников, и никакой такой особой тревоги!

Больше того, позднее в помощь горному инженеру Антипову командир корпуса

прикомандирует еще трех поляков - Плащевского, Храбчинского и Жуковского, причем первых двух - из батальона N 1, в который сейчас назначался Шевченко.

Ипполит Плащевский попал в солдаты за то, что "хранил стихи, написанные в духе, неприязненным правительству, укрывался за границей и питал неблагонамеренный образ мыслей..."

Александр Храбчинский оказался в Отдельном Оренбургском корпусе за участие в Галицийском восстании...

Итак, восемь конфирмованных поляков вдали от начальственных глаз, вместе и - неподнадзорно. Обручев этому не препятствовал, наверняка уверенный, что за них с него не спросят.

Другое дело - за Шевченко. Тут спрос особый и лучше не рисковать.

Шевченко - Лизогубу: "Не знаю, чи доведеться мен! хоть що-небудь намалювать на Кашпшскому мор!, бо мене весною туди поженуть..."

КОГДА НЕ МОГ НЕ МОЛИТЬСЯ

1.

Дыхания весны еще не чувствовалось.

До 2-го мая, когда рядовой Шевченко должен был явиться в корпусный штаб "для отправления по назначению" - новой незнакомой дорогой, к новому, заранее пугавшему, месту службы - оставались месяцы нескончаемо долгой в этих местах зимы.

Зимой тут были и февраль, и март, и чаще всего апрель. Торопить весну не хотелось: ничего доброго она с собою не несла.

Тянулась третья его зима в солдатах.

"Солдат есть имя общее, знаменитое. Солдатом называется и первейший генерал, и последний рядовой. Имя солдата носит на себе всякий тот из верноподданных государя, на могучих плечах коего лежат сладкая душе и сердцу обязанность защищать Святую Веру, Царский Трон и Родной Край, поражать врагов иноземных, истреблять врагов внутренних и поддерживать в государстве всеобщий, законами определенный, порядок. Дурной сын Церкви не может быть сыном Отечества, а потому солдат должен всею душою, всем сердцем, всеми намерениями и помышлениями утвердиться в законе Божию, в Святой Христовой Вере и в словах Царского Устава. Чтоб быть хорошим солдатом, не много надобно: люби Бога, Государя и Отечество, повинуйся слепо начальству, будь храбр и неустрашим в сражениях, все дела службы исполняй без ропота, с покорностью, с охотою, с доброй волею, и все тяготы, которые бывают подчас неизбежны, переноси с христианским терпением. Все сии достоинства •скрепляй в себе присягою, которую храни как зеницу ока. Присяга есть торжественное обещание, данное лично самому Господу Богу, что же сего важнее?..."

Переписываю строки из небольшой книжки того времени под названием "Военные законы" и с подзаголовком достаточно пространном: "Курс по программе, утвержденной для руководства в военно-учебных заведениях, составил доктор юридических наук, наставник-наблюдатель М.М.Михайлов". Нашел ее в библиотеке оренбургского архива; читал как раз тогда, когда и дела, на которые буду ссылаться чуть дальше.

Присяги солдатской он, насколько помнил, не подписывал. Ни по привозе в Оренбург, ни в Орской, ни на Арале, ни здесь, в эту зиму. Не то, чтобы от нее отказывался, - от нижнего чина согласия и не спрашивают; забыли просто подпись его требовать - не станешь же добиваться: оскорбили, мол, не дозволили скрепить.

Какой из него солдат? Нет в нем ни слепого повиновения начальству, ни доброй воли исполнять долг службы, ни х р и с т и а н с к о г о терпения переносить тяготы бессловесного подчинения всем, от ефрейтора до генерала.

Спасибо добрым людям, - избавили от муштры, от строя, вызволили из казармы, помогли быть ближе к своему, кровному делу. Тем тяжелее, страшнее возвращаться к прямым солдатским обязанностям - а они-то и ждут его на Мангышлаке, куда гонит

теперь приказ корпусного.

"... весною туди поженуть..."

До второго мая было и не близко, и - близко.

2.

"Приказ по Отдельному Оренбургскому корпусу. Февраль 8 дня... Поставляю гг.начальникам частей корпуса в неперемнную обязанность неупустительно наблюсти, дабы все состоящие в ведении их воинские чины православного исповедания, в продолжении наступающей четьредесятницы, непременно были у исповеди и святого причастия... Исповедные списки от всех воинских управлений и команд корпуса... предписываю: доставить оренбургскому протоиерею Военно-Петропавловской церкви, коему вменяется в обязанность представить мне своевременно перечневую ведомость о числе воинских чинов, исполнивших сей священный долг и именные списки о тех, кои не исполнят его, с объяснением причин тому". (ГАОО, ф.2, оп.1, д.15215).

Командир корпуса приказывал: быть у и с п о в е д и. Приказом обязывал: причащаться святых тайн. Требовал цифры исполнивших приказ (простите, дол г) и фамилии проигнорировавших его. Последних - с обязательным указанием причин. Может, будут и уклоняющиеся сознательно?

„Такие приказы повторялись каждый год, а в году варьировались не однажды. Вера в Бога предписывалась.

Его, Шевченко, церковью в Оренбурге с первых дней стала Полковая, или Военная, Петропавловская.

Прихожанами тут являлись все генералы, штаб- и обер-офицеры, унтер-офицеры и рядовые - несущие службу или вышедшие в отставку. Приходом здешним был и чиновный мир города - от самых старших до класса наинизшего. Именитые приписывались с их дворовыми, женатые с семьями, с домочадцами. Сюда же причислялись все из Неплюевского военного училища и все из военно-арестантских рот. Чтобы немощным не ходить далеко, к приходу отнесли также обитателей Шапошниковской богадельни - дом стоял по соседству, рядом. В списочном составе храма значились 4530 мужских душ и 1172 женских.

На месте, где сейчас воздвигнут памятный знак с датой основания Оренбурга на нынешнем его месте - "1743", и была с давних времен церковь во имя апостолов Петра и Павла. Возводили храм еще в 1755-м, по ходатайству первого губернатора края Ивана Ивановича Неплюева, заранее определившего, что служить ему именно гарнизону. Построили, освятили, начали службы. Тридцать лет спустя в городе случился пожар и здание сгорело.

Пожар 1786 года был опустошительным, после него понадобилось восстановить великое множество строений, в том числе церквей, и до этой руки дошли уже только в начале века будущего. Восстановленная, наконец, в прежнем виде, она снова получила статус военной. Полки, шедшие на запад, против Наполеона принимали благословение и напутствие в ней.

С тех самых пор - так считали все - и служил тут каждому в Оренбурге известный отец Стефан - протоиерей Стефан Михайлович Содальский.

Люди, разумеется, преувеличивали: в то время он, окончивший Вятскую семинарию, нес службу в Сарапульском уезде, сюда же его перевели в 1817-м. Но и тридцать с лишним лет на одном месте - срок, согласимся, огромный. Почтенного святого отца знали все, и всех знал он - от мала до стара. Служил в церкви, служил где только мог. Учителем Закона Божьего - и одновременно российской словесности -был то у кантонистов, то в военном училище или у будущих топографов. Многие из тех, кого Тарас знал, являлись не только прихожанами, а и учениками старого священника, мудро раскрывавшего перед ними мир Библии и мир Державина.

Был он человеком и слова, и дела. Это особенно проявилось в х о л ерном сорок восьмом.

Вспоминал прапорщик Нудатов:

"Все ждали последнего часа, народ ходил как потерянный, спал под открытым небом, не решаясь заходить в дома. Соборный протоиерей Содальский в разгаре эпидемии предложил всенародную исповедь, и тысячные толпы каялись вслух..."

(Вот бы это на полотно - какая картина! сколько возвышенного и трагического одновременно!)

О нем же, отце Стефане, и у тогдашнего прапорщика Залесова: "Этот почтенный старец, несмотря на жар и свои лета, день и ночь разъезжал... по больным".

Старый протоиерей давно вдовствовал. Жил он одиноко, с единственным сыном - отставным унтером, тоже немолодым, в собственном своем доме, всем в городе знакомом. Для людей всякого сословия и звания, что нищих, что богатых, двери его были открыты в любой час дня и ночи. Дом стоял неподалеку от Тернового, в той самой Голубиной слободке. Видеть знакомую фигуру Шевченко мог едва ли не каждый день. А вот заходить в гости... Была ли такая надобность?

Правил службу в этой церкви и Александр Гаврилович Конопасевич, тоже потомственный священник. Родился в Минской губернии, учился в Минской духовной семинарии, служил в Минской епархии. Годы спустя, после рукоположения в сан, ступил на стезю духовенства армейского. Сначала младшим священником в Симбирском егерском полку, потом старшим в Ревельском. Образовалась вакансия в Оренбурге - переместили сюда. В сорок восьмом - совсем недавно. Новый священник привез с собою не только матушку, Агафью Ивановну, но и большую семью - пятерых сыновей и трех дочек. Младший, Владимир, родился уже здесь. Позже в Оренбурге появятся Алексей и Петр.

(Оренбуржец Владимир, между прочим, будет со временем отцом Александра, который выберет себе иную, чем дед, дорогу - станет членом "преступного сообщества" под названием "Союз борьбы за освобождение рабочего класса". Сюда его, исключенного из студентов Петербургского университета, вернут под гласный надзор полиции... Неисповедимы пути твои, Господи!)

Сейчас Владимир делал первые шаги - к радости большого семейства и, конечно, отца. Расположен тот, однако, был не только к родным своим по крови, а и ко всем, с кем его сводила жизнь - на расстоянии ли, вблизи...

Подстать священникам был и дьякон - Григорий Щитов. В Полковой Петропавловской церкви он служил уже два десятка лет. Звучный, красивый бас отца Григория без сомнения долетал до Бога. (ГАОО, ф.173, оп.5, д.9825; ф.10, оп.3, д.344 и др.)

Переступал Шевченко пороги и других здешних храмов - пройти мимо церкви было для него выше сил. Но эта... Приходил, смотрел-слушал, стоял в молчании, иногда опускался на колени. И молился (когда не мог не молиться). И исповедывался. И причащался. Не только в праздники ходил: в Рождество, Богоявление, Сретение, Благовещение. Влекла она и в дни обыкновенные... Хоть сколько-нибудь приглушалась тоска, хоть ненадолго ослабевала боль.

Церковные книги сохранились далеко не все, а в тех, что нам доступны, его имени нет. Не нашел и духовные росписи - дошли из них не многие. Но в бумагах ли дело? В формально засвидетельствованных исповедях?

3.

Его исповеди - в его стихах.

...А я так мало, небагато Влагав у Бога. Тшько хату, Одну хатиночку в гаю, Та дв! топол! коло не!, Та безталанну мою, Мою Оксаночку; щоб з нею Удвох дивитися з гори На Дншр широкий, на яри, Та на лани золотопол!, Та на високн могили; Дивитись, думати, гадать: Коли-то їх понасипали? Кого там люде поховали? Гвдвох тихенько засшвать...

Молил о малом. Совсем о малом и - таком важном, таком дорогом. О свободе быть

самому себе хозяином, смотреть куда хочешь, думать о чем думается. И, конечно, творить свою поэзию. В одно мгновение она о сугубо личном, глубоко интимном, в следующее - о всеохватно-всенародном, настоящем и прошлом родной многострадальной земли, ее героях, ее мучениках.

...Про лицаря того гетьмана, Що на огш ляхи спекли...

Не литературный это прием - молитва истинная. В своей искренности даже дерзкая.

...Даш ти, гсподе единый, Сади панам в тво!м раю, Даш високи палати. Пани ж *мест/ти*, пузат! На рай тв!й, господи, плюють І нам дивитись не дають 3 убого! мало! хати...

Кричит душа, попрекает всевышнего, изливает на него свою боль, но, истинно-христианская, православная, боится она внезапного порыва, не позволяет себе разойтись в злости, умеряет, утишает накапливающую обиду.

Оправдывается:

...Я тшько хаточку в т!м ра! Влагав, І доа ще благаю, Щоб хоч умерти на Днпнн, Хоч на малесенькш гор!.

Просит, Отче н а ш, о самой малости. Ему не надо райских садов и панских дворцов - согласен на х а т о ч к у, но на Украине, на могильный холм, но над Днепром. Он смиренен, да только всему есть предел. Не поставит точку - опять взорвется в обличении. Гневить же Бога так горько...

Бувае, в невол! шод! згадаю Свое стародавне, шукаю, шукаю, Щоб чим похвалитесь, що и я таки жив, Що и я таки Бога колись-то хвалив! Шукаю, шукаю... Господи б, хотшось Згадать хоть що-небудь!..

Минуты в церкви чувства его обостряли. Все чувства - добрые, недобрые. Каждую их струну, каждую ниточку натягивали до крайности. Не хочу, оснований не имею, сказать этим, что стихи в нем возникали, облекались в строки именно перед алтарем, амвоном, святыми ликами. Но и тут тоже. Кто и как уловит тот трепетный миг, когда вдруг оказываешься у порога поэзии?

...Правдива дума невесела Меж людьми ходить...

Витала она и в храме Петра и Павла - первоверховных апостолов Божьих, неколебимых, неподкупных радетелей ученья Христова. Если же определеннее, в нем самом гнездилась, в Шевченко, пришедшем на поклон к апостолам. Эти апостолы были близки ему и многотрудными странствиями своими, и убежденностью в идеях Иисуса, и поисками истины - высшей истины. Не вдруг, не сразу гонитель христиан Савл стал ревностным христианином Павлом. Менее ли сложен человек обыкновенный? В каждом - неутраченная работа мысли, борьба устремлений, свои искания, свои болести.

Поэзия - вот его исповедь.

Молясь, он меньше всего думает о внутреннем убранстве церкви.

Из переписки о ней: "...что касается правильности письма икон, он, Волконский (губернатор в 1809-м, отец декабриста - Л.Б.), оставляет это на усмотрение духовенства, но со своей стороны заключает, что главный начальник края не допустит иметь в храмах, сооружаемых его попечением, безобразные иконы... ("Оренбургские епархиальные ведомости", 1889, N 20).

Храм это не только иконы.

ГРЕЧАНКА МАВРОМИХАЛИ

1.

Тоски не было. Уходить в себя часто Оренбург не давал, наедине с . печалью оставлял ненадолго.

Все больше становилось в городе домов, где его, изгнанника, привечали.

Одним из таких стал дом Бларамбергов.

О Бларамбергах Тарас был наслышан достаточно. И о Иване Федоровиче, и о

супруге его -прекрасной Елене. Елену Павловну с особенным удовольствием вспоминали в аральских своих разговорах оба Алексея Ивановича; потом она появилась в их переписке, ей было посвящено там много теплых слов.

Самому Шевченко ни Бларамберга, ни его жены видеть прежде не приводилось. Да и когда он мог бы их видеть? В те смутные дни, перед отправкой в Орскую... Но с какой, спросим себя, стати? Корпусной обер-квартирмейстер беспрерывно ездил по всему краю, а киргизскую степь измерил из конца в конец, во всех направлениях. В Орскую приезжал, однако что из того, какое было ему дело до незнакомого рядового? Бывал и в Раиме, но... до них: проводил рекогносцировки местности под будущее укрепление, начинал его строительство. Их дороги сорок восьмого - сорого девятого не пересеклись нигде.

Чуть раньше, чем Бутаков с участниками экспедиции, полковник вернулся из новой своей инспекционной поездки, которую начинал в августе. "На этот раз я отправился через Уфу на северо-восток на металлургические заводы в Симе и Миньяре..." Воротилась в Оренбург и семья. "Семья моя проводила лето в прекрасном поместье Ташла у его гостеприимного владельца Николая Тимашева..."

Бларамберги опять собрались вместе, их дом ожил снова. Среди первых гостей ноября явился сюда и капитан-лейтенант Бутаков, "аральский адмирал". Он бывал тут до выхода в степь, к морю.

Шевченко о визите мог знать. До него ли, после - суть не в деталях.

2.

Представляю вам Бларамберга - случая рассказать о нем подробнее пока не было.

Еще в конце предыдущего века в Россию перебрался Иоганн Бла-рамберг, родом из Фландрии. Молодой человек двадцати пяти лет, хорошо образованный, с широким кругом интересов, он был принят на службу в комиссию по составлению законов (работала она в Петербурге), но лет десять спустя предпочел перебраться в Одессу, открывавшую, как ему казалось, большие возможности для карьеры. Так и получилось. Дослужился до поста начальника Одесского таможенного округа, а потом и ближайшего помощника новороссийского генерал-губернатора М.С.Воронцова. В это время проявилась в нем страсть к археологии - привела она к интересным находкам и даже важным открытиям. Работы по археологии Причерноморья сделали Ивана Петровича известным в ученом мире. Будучи в Одессе, его дом посещал А.С.Пушкин.

Примерно тогда же Бларамберг-старший посодействовал переселению в Россию своего осиротевшего племянника, тоже Иоганна, ставшего со временем Иваном Федоровичем. Перед этим тот прошел курс наук в Гессенском университете. Собственно даже не один курс. Слушал лекции не только по математике, статистике и другим дисциплинам этого цикла, но и по правоведению, юриспруденции. Потом, уже в России, он занялся изучением русского языка, истории, географии, рисования. Перебравшись в столицу, ученье продолжил - в привилегированном институте Корпуса инженеров путей сообщения. Так и стал военным инженером.

Как офицер Генштаба, И.Ф.Бларамберг участвовал в экспедициях против горцев на Кавказе, рекогносцировке и описании восточного побережья Каспия, российской миссии в Персии и Афганистане, командовал крупным военным отрядом, сопровождавшим русских дипломатов в Бухару и Хиву. Зарекомендовал себя человеком знающим, мыслящим и - храбрым, способным на самые решительные действия. Еще в тридцатые годы открылся счет его научным работам. Они-то и послужили основанием для приема оренбургского исследователя в действительные члены только что основанного Русского географического общества, причем рекомендовали его туда основатели - знаменитые Литке и Врангель.

Да, к тому времени уже оренбургского. Приказ об откомандировании Бларамберга в здешний корпус был получен им еще в начале 1840-го. И вскоре включился он в работу размаха необыкновенного.

В дороге Иван Федорович находился непрерывно. Осматривал все и вся, налаживал топографические съемки, выбирал места для укреплений и руководил их строительством,

вникал в экономику края и его историю, в быт и нравы разноплеменного населения, не отмахивался ни от чего - все было внове, все могло пригодиться.

И вот фундаментальный труд "Военно-статистическое обозрение Оренбургской губернии", составленный им вместе с Герном и Васильевым; он открыл часть вторую 14-го тома "Военно-статистического обозрения Российской империи". Сто двадцать одна страница печатного текста да плюс еще четырнадцать таблиц. Год издания - 1848-й, место выпуска в свет - Петербург. Здесь же - "Военно-статистическое обозрение земель киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральной (Малой) орды Оренбургского ведомства по рекогносцировкам и материалам, собранным на месте, составленное обер-квартирмейстером Оренбургского корпуса Генерального штаба полковником Бларамбергом". Это поистине энциклопедия жизни казахов в середине XIX века. Происхождение и родовое деление... экономика и культура... торговые и прочие связи с соседями... Самый полный статистический материал по всем позициям - достаточная пища для раздумий и действий, причем не только научных, а и практических.

Край еще не сказал своего главного слова, развитие его впереди, и уже накапливаются новые материалы - им самим добытые, другими энтузиастами. Прекрасно поработала, многое привезла Аральская описная экспедиция Бутакова. Видеть и слышать его Ивану Федоровичу было приятно. Расспрашивал дотошно, интересовался всем. Подолгу держал в руках зарисовки морских берегов. Рисовал он и сам, даже учился этому, так что оценить рисунки мог вполне профессионально, правда, пожалуй, больше с позиций инженерных.

Ну а об авторе рисунков, художнике экспедиции Шевченко, речь заходила?

Заходила, разумеется, - но мимоходом, так сказать к слову. Из чего это вытекает? на чем мое утверждение зиждется? На важнейшей в данном случае черте характера Бларамберга, укоренившейся в нем с юности.

Вот как пишет об этом историк Н.Халфин во вступительной статье к "Воспоминаниям" И.Бларамберга в издании 1978 года; переведены они весьма конспективно, три тома берлинского издания сведены к одной, и не очень обширной, книге, многое пропущено и, увы, упущено:

"Уже здесь (в университете-Л.Б.) проявились определенные черты его характера, а вернее мировоззрения: "добропорядочность", "добронравие", выразившиеся в полнейшем почитании "установленных законов". Он подчеркивает в "Воспоминаниях" (полных, трехтомных - Л.Б.), что в студенческие годы посвятил себя исключительно учебе, держась как можно дальше от "демагогических студенческих интриг", "студенческих союзов и прочих крамольных вещей". Таким Иван Федорович остался до конца дней своих - верноподданным прежде всего. За многие годы жизни в России, переезжая по служебным делам из одной области империи в другую, он, бесспорно, сталкивался со многими передовыми и прогрессивными деятелями, сосланными на окраины государства, но старался не сближаться с ними, чтобы - не дай Бог! - не навлечь на себя гнев властей предрержащих". Из этого и исхожу. Что было, то было.

3.

Зато Елена Павловна...

Она была много моложе своего супруга. Ему шел пятидесятый (родился в 1800-м), ей исполнилось тридцать три. Со времени бракосочетания минуло девять лет (состоялось оно в сентябре 1840-го).

"Среднего роста, с удивительно красивыми темными глазами, свежим цветом лица, пышными темно-каштановыми волосами, обладающая живым характером, она была создана для того, чтобы вызывать страсть..."

Такой увидел ее Бларамберг, незадолго перед тем вернувшийся из Персии, составивший глубокие отчеты ("Статистическое обозрение Персии"), "Взгляд на современные события в Афганистане"), удостоившийся ордена (уже второго), а с ним и денежных пожалований. Награда, по общему мнению, была вполне заслуженной. Всех

удивило, как в такой короткий срок удалось ему до тонкостей разобраться в сложной военно-политической, экономической и прочей ситуации на землях южных соседей; отношения с ними беспокоили русское правительство и являлись источником непрестанных распрей с англичанами, боровшимися за утверждение тут своего господства. Впереди у молодого подполковника была ответственная (и перспективная) служба в Оренбурге, на бесконечных просторах этого стратегически важного края, изученного пока едва-едва.

Новое дело манило, притягивало, торопило, пока же не упускал и малейшей возможности побольше увидеть, получше развлечься. На Кавказе, в Крыму - четырехмесячный отпуск использовал в полной мере. Перед отъездом из Тифлиса он получил рекомендательные письма "от греческой дамы". Письма были адресованы ее сестрам - "она просила меня побывать у них". Не знал Иван Федорович, и подумать не мог, что просьба дамы приведет его к семейному счастью.

"4 сентября я поехал в имение семьи Мавромихали, отдал рекомендательные письма из Тифлиса, был любезно принят матерью и познакомился с младшей дочерью Еленой..."

Запомним - четвертого,

"Ей было тогда 24 года. Ее окружало много поклонников, но она еще не сделала выбора. Я был тот счастливчик, которому она отдала свое сердце и руку, и через два дня после моего приезда между нами царило уже полное согласие..."

Девятого - уже девятого! - "мадам Мавромихали дала согласие на мой брак с Еленой, и для меня начались счастливые дни".

Если бы не формальность (потребовалась справка, что, во-первых, офицер не женат, а, во-вторых, не состоит в близком родстве с семьей невесты), венчание состоялось бы еще раньше, чем двадцать девятого.

Венчались по греческому обряду. Прекрасная Елена была из знатного в Греции рода, все мужчины которого заявили о себе на политической арене, где занимали многие посты, вплоть до самых высших. Особенно громко их фамилия прозвучала после убийства членами семьи Мавромихали президента своего государства Иоанна Каподистрии. Междоусобная борьба вместе с кровавой местью - вот что послужило причиной этому.

"Матери было около 50 лет, лицо ее сохранило еще следы прежней красоты. Она овдовела в 1822 г. Ее покойный супруг, потомок древнего рода из Майны, был прежде полицмейстером в Одессе при герцоге Ришелье, с которым он был очень дружен. Из писем, которые герцог посылал ему из Парижа, я узнал, что герцог собирался провести остаток дней своих в Крыму, у своего друга Мавромихали. Неожиданная смерть помещала ему осуществить это намерение". / Их имения казались сущим раем. Семье принадлежало все в округе такой красоты. Бларамберг никогда не видывал. Но задерживаться тут надолго не приходилось. Две недели спустя новобрачные пустились в путь, который закончился для них уже в разгар зимы.

"Так судьба перебросила меня из древнего Исфахана на берег Урала. На пути я посетил южный берег Крыма, обзавелся красивой молодой женой и проделал вместе с ней 3 тыс. верст... из Севастополя в Москву и Оренбург и в то время года, когда путешествие для дамы сопряжено со многими трудностями..."

Что же это? Собрался писать о Елене Павловне, а вернулся к ее мужу?

Но все описанное относится и к той, которая принимала в своем доме Шевченко, даже позировала ему.

Навлечь на себя гнев свыше эта женщина не боялась.

4.

Была она натурой деятельной - подстать мужу. И разносторонней - подтверждений тому множество.

"Моя жена, смолodu замечательная наездница, ввела здесь это в моду..."

"Моя жена в своем греческом костюме была прелестна..."

"Моя жена блестяще говорила по-тюркски..."

"Мою супругу единогласно выбрали директрисой..."

Последнее относилось к любительскому театру в пользу бедных; идея его создания родилась в доме Бларамбергов.

Вела дом Елена Павловна: глава семьи чаще всего находился в разъездах. Свидетельствовал сам: "она стойко держалась во время прощания". Отдавал ей должное: "терпела..., как спартанка". Жизнелюбие не оставляло женщину ни при каких обстоятельствах.

Росла семья: теперь детей в ней было уже четверо. Материнской ласки, любви и заботы хватало на всех - от восьмилетнего Павла до полуторагодовалой Оленьки. Родовались жизни и дети, и мать.

Иван Федорович мимоходом вспоминал, как из Бухары прибыл слон, предназначенный в подарок царю.

"...Слон зимовал в Оренбурге, его ежедневно водили гулять, и он научился очень быстро находить те дома, где ему давали сахар и другие лакомства. Однажды весной он остановился у открытых окон моего дома, положил хобот на карниз и умными глазами стал смотреть на детей, которые не уставали подавать ему большие куски сахара, белого хлеба и другие лакомства; затем он спокойно ушел".

Открытые окна, распахнутые двери, радующаяся людям широкая душа хозяйки... Жила семья богатой духовной жизнью. Из столицы, из Парижа и Берлина приходили газеты и журналы - новости и новинки в этом доме узнавали раньше, чем в других, ни одно событие, а равно ни одно произведение не оставались незамеченными. (Ей, Елене Павловне, прежде всего ей, был благодарен Бутаков за кипы газет с сообщениями о революции в Европе, за журналы с новейшими романами, стихами, статьями; на Арале читал их не один, читали и другие, в том числе Шевченко). У Бларамбергов устраивались литературные вечера; в разное время завсегдатаями тут были Владимир Иванович Даль, ученый-генерал Гене, востоковед Ханыков и многие, многие другие. Вечера, писал Иван Федорович, "проходили очень интересно и были поучительны, ибо каждый должен был рассказать что-нибудь о своей жизни или о своих путешествиях либо прочесть из художественной литературы". Звучала музыка; играл, в частности, "профессиональный музыкант и замечательный пианист Кольрайф, находившийся здесь в ссылке", причем программа была достаточно сложной: "от Пеллегрини до Тальберга и Листа". Супруги, особенно Елена Павловна, выказали себя заядлыми театрами, инициаторами и организаторами рождественских елок... Не преувеличу, если скажу, что именно этот дом стал особняком всех искусств в городе "на краю света".

Без нее, хозяйки, ничего такого не было бы.

Сама атмосфера их дома в Оренбурге подвигла на творчество Павла и Елену Бларамберг. Первый стал композитором, был причастен к "могучей кучке", его оперы "Тушинцы", "Скоморох" звучали со сцен; проявил он себя и в журналистике, в издательском деле; общался с Репиным и Серовым - оба писали его портреты. Та же, которую, в честь матери, называли Еленой, выросла в самобытную писательницу, литературный псевдоним которой - "Е.Ардов" - был в свое время достаточно известен. Среди наиболее популярных произведений, вышедших из-под ее пера, - роман "Руфина Каздоева". Дочь Бларамбергов бывала во Франции и других странах, училась на философском факультете Женевского университета, пользовалась дружеским расположением ^г Тургенева и семьи Полины Виардо, Писарева, Короленко, других выдающихся деятелей литературы и искусства. Много доброго сделала ^и "она как поборница женской эмансипации. Годы и годы спустя, уже в ¹ конце восьмидесятых, Елена Ивановна переехала с мужем, П.В.Апре-^у левым, ^б Среднюю Азию. (По воле судьбы, это был тот самый Апрельев, "который еще молодым кавалергардом, дружески сошелся с молодым Тарасом Шевченко, заказал ему портрет, но когда тот был написан, отказался заплатить приятелю-художнику за его работу). "Дочь как ^абы повторила судьбу

родителей, проведя с мужем в Средней Азии семнадцать лет, - пишет исследовательница ее творчества Л.Шорни-Лова в журнале "Звезда Востока" (1987, №6).-Но если отец исследовал край как путешественник и ученый, то она - как художник слова". Имеются в виду, прежде всего, "Среднеазиатские очерки"; по мере написания они публиковались в "Русских ведомостях", книгою же вышли только однажды, и то в Шанхае (< 1935).

Елена-младшая посещения Тарасом их оренбургского дома помнить не могла. А вот Павел запомнил. Впоследствии он засвидетельствует, что "одним из частых гостей в доме был и Т.Г.Шевченко".

Обращаю внимание: частых.

Что это, на мой взгляд, значит?

А то, что введенный в дом Бларамбергов Бутаковым Шевченко бывал здесь в течение всех своих оренбургских месяцев.

Возможно, на традиционных литературных вечерах и, следовательно, как было заведено, рассказывал о себе, своей жизни, читал стихи, общался с друзьями семьи.

И уж наверняка он тут рисовал. Подтверждение - акварельный портрет Е.П.Бларамберг, находящийся теперь в Государственном музее Тараса Шевченко в Киеве.

Такой она была: почти ровесница художника, обаятельная женщина с темными, густыми волосами над высоким, чистым лбом, с живыми огоньками в прекрасных глазах, спокойным достоинством и доброжелательностью в каждой черте и черточке лица, спокойной фигурой и ласковыми руками, молодая мать, во многом и главным близкая к его идеалу.

Как, всматриваясь в портрет, не согласиться с тем, что написал муж: "в своем греческом костюме (она) была прелестна"?

Художник рисовал ее с искренней симпатией.

КЕМ БЫЛ МАЙДЕЛЬ

1.

От этого дома - сомнений в том у меня нет - тянулись нити и других его знакомств в городе.

Опять Бларамберг. Среди событий 1843-го отмечено такое:

"Поздней осенью текущего года уехал наш замечательный домашний врач и друг Карл Розенбергер... Он снискал любовь и уважение всех жителей Оренбурга, и его отъезд опечалил нас. Преемник Розенбергера, молодой барон Майдель, способный и образованный человек, учившийся в Дерпте, стал нашим домашним врачом и другом".

Из воспоминаний Ф.М.Лазаревского:

"...Вследствие частых командировок в степь, я страшно страдал ревматизмом. Пришел однажды ко мне Тарас и стал тянуть меня к доктору Майделю на вечер.

- Ход^м, вш тобх скаже, що треба робить.

- Христос с тобой, - говорю ему, - как я пойду без приглашения к такому важному тузу?

- Але ходш, я вже знаю, що роблю.

Я и пошел. Надобно знать, что тайный советник барон Майдель был породистый аристократ и вращался в самых высших сферах губернской знати; но я воочию убедился, что мой Тарас и там был свой человек..."

Майдель у Бларамбергов - Шевченко у Майделя.

Лазаревский привел этот эпизод в подтверждение такого своего вывода: "Образ жизни его ничем не отличался от жизни всякого свободного человека". Дальше больше: "У него была масса знакомых, дороживших его обществом, не только в средних классах, но и в высших сферах оренбургского населения". Среди "высокопоставленных лиц", охотно принимавших у себя Тараса, и называет он Майделя.

Шевченко, выходит, заслуживал не сочувствия - нет, вызывал даже зависть: "Его, что называется, носили на руках"...

Пример, действительно, вроде бы неотразимый. Тайный советник - чин, соответствующий генеральскому у... Звучит и б а р о н - звание высокое, близкое к графскому, княжескому... Шевченко на дружеской ноге и с ним?

Задумаешься!

2.

Но за всеми этими титулами не забываем ли мы главного? Того, что Майдель был врачом?

- Находясь в ведении прапорщика морских штурманов Поспелова, я не мог исполнять никаких поручений по службе по причине болезни глазами, что известно доктору Майделю, меня пользовавшему.

Так он отвечал на один из "вопросных пунктов" следователя Чигиря. В ведении Поспелова Шевченко пребывал со дня отъезда Бутакова из Оренбурга; к этому времени, выходит, знакомство с медиком состоялось, их отношения окрепли, и Тарас был уверен, что в любом случае тот его не подведет. Впрочем, сомневаться в действительности болезни оснований у нас нет - последствия скорбута проявлялись то в одном, то в другом; вот и глаза сдавать стали.

Доктор Майдель, а не барон Майдель привлекал, притягивал к себе изгнанника - художника и поэта. Личность влекла, а не аристократические регалии. Личность - не мишура "сфер".

"Молодой барон" - у Бларамберга подчеркнут и возраст. Действительно, было ему всего-тридцать. "Всего" - потому что для своих лет сделать он успел много и достичь тоже многого.

Майдель возвратился в Оренбург незадолго перед прибытием экспедиции А»И.Бутакова. Не был он здесь с начала сорок девятого. 20 октября председатель Пограничной комиссии Ладыженский докладывал Обручеву: "Врач Майдель, уволенный в генваре сего года в четырехмесячный отпуск и потом по разрешению Азиатского департамента МИД отправлявшийся в Дерпт для выдержания в тамошнем университете экзамена на степень доктора медицины, получив там диплом на эту степень, возвратился нынче в Оренбург и 4-го сего октября вступил в исправление своей должности". (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6060, л.75),

Годом раньше тот же Ладыженский, представляя лекаря Комиссий Майделя к награде, писал:

"Исполняет неусыпно и добросовестно свою обязанность; в 1845 г. в течение зимы и весны был в глубине степи в командировке... в аулах бунтовщика султана Кенисары Касымова, где успел заслужить доверие и уважение к своему искусству; в прошедшем 1847, находясь при председателе с 15 июня по 7 августа, при разбирательстве взаимных претензий сибирских киргизов восточной части орды, оказывал пособие страждущим и здесь также приобрел доверие и уважение". (ГАОО, ф.6, оп.10, дело 6057/6).

(Представление было послано в марте 1848-го. В этом году Майделю привелось отличиться всего более. Это произошло тогда, когда на Оренбург навалилась смертельная беда. "В разгаре болезни, - вспоминал Н.Г.Залесов, - докторов не было возможности дозваться, горожане положительно были брошены на волю Божию и лечились одними домашними средствами, из коих главное составляла перцовка... Отрадное исключение из всего докторского персонала Оренбурга составлял молодой гражданский врач, прозванный населением "ангелом-хранителем", доктор Майдель. Он день и ночь разъезжал по больным, не отказывая в просьбе даже самого последнего бедняка, и сплошь лечил недостаточных людей на собственный счет". Это ли не подвиг? Врачебный подвиг ради спасения людей?)

...Всюду - врач (или доктор). И нигде - барон. Ни в одном из многих формулярных списков, начиная с того, составленного в первый год службы.

Начинал ее младшим лекарем в Оренбургском казачьем войске - обозначено это уже в заголовке списка.

Петр-Фридрих, Астафиев сын, фон Майдель... Двадцать три года... Из дворян (о том явствует уже "фон")...

Принадлежность дворянству отнюдь не свидетельство причастности, к баронскому роду. Барон, не имеющий недвижимости? Барон, который заканчивает курс медицинских наук казенным воспитанником? Стало быть просто беспоместный дворянин, не имеющий достаточных средств, чтобы платить за свое учение?

Посланный по окончании курса в Оренбург, он ищет места более выгодного материально, более перспективного в смысле продвижения. Удастся это в том же 1843-м, когда по распоряжению военно-медицинского департамента молодой лекарь переводится на освободившуюся вакансию в штат Пограничной комиссии. (ГАОО, ф.222, оп. 1, д.30).

Ну а затем? В годы следующие?

Титул барона не украшает его формуляры и других лет (ГАОО, ф.191, оп.1, д.1; ф.6, оп.6, д.12636/8; ЦГА Казахстана, ф.4, оп.1, д.2654, 2565). Зато украшают их записи о неугомонной, подвижнической работе в самых тяжелых, как сейчас говорят - экстремальных, условиях. Работы практической, работы научной. Самое серьезное изучение местных болезней и стало первоосновой докторской его диссертации, успешно защищенной в "альма-матер" - Дерптском университете. Достаточно быстро продвигался он и по лестнице чинов. В 1848-м его представили к чину титулярного советника, а уже в 1849-м - коллежского асессора. Этот, последний, патент, однако, вручить Майделю в Оренбурге не смогли. Приказ о производстве прибыл в следующем году, а патент и того позже, когда владелец его значился уже "служащим в Санкт-Петербургской особой женской больнице".

Ко времени их с Шевченко встреч переезд в столицу был уже предreshен и, наверное, ни для кого тайной не являлся.

И все-таки о Майделе-бароне, Майделе-тайном советнике. Он и впрямь принадлежал к древнему и знатному роду, внесенному в "Российский Гербовник" (т.ХП, с.33). Но приобщение к баронскому достоинству, как и к дворянскому званию вообще, совершалось не автоматически: требовались документы, ходатайства, свидетельства. Их во-время представлено не было, отсюда и отсутствие указания на баронство в оренбургских формулярных списках. Высокие титулы пришли в будущем, много лет спустя. В "Азбучном указателе имен русских деятелей" (СПб, 1888, часть вторая, с.688) и "Петербургском некрополе" (СПб, 1912, том третий, с.7) Майдель, умерший в 1884 году, именуется и бароном, и тайным советником.

Федор Лазаревский, знавший "конечный результат" - положение этого человека на излете его жизни, ввел нас в заблуждение. Тогда, в 1849-1850 годах, Майдель, хоть и "фон", к высшим сферам губернской знати не принадлежал. Был он уважаемым врачом, многообещающим ученым, образованным, культурным человеком, вызывавшим симпатию.

3.

Здесь же, сразу, прямо вслед сказанному, сообщу до конца всю эту часть воспоминаний Ф.М.Лазаревского. Остановились мы на словах: "...я воочию убедился, что мой Тарас и там был свой человек". Читаем дальше: "И никакой угловатости, никакого диссонанса с окружающими его гостями я не заметил. Держал он себя с достоинством и даже с некоторой важностью. Мне за него, как за любимое существо, было очень приятно. Он никому не навязывался, не вмешивался ни в какой разговор; все обращались к нему, и он всякому отвечал сдержанно, с едва заметным оттенком иронии и с чувством собственного достоинства".

Все? Это кто же? Конкретно?

Совершенно конкретно ответить не могу - не отвечает и Лазаревский. Разве что таким своим утверждением: "У него была масса знакомых, дороживших его обществом, не только в средних классах, но и в высших сферах оренбургского населения: он бывал в доме генерал-губернатора, рисовал портрет его жены и других высокопоставленных лиц".

Губернаторский дом, безусловно, - сфера высшая, спорить тут не приходится. Но Майдель... Он явно ближе к "средним классам". Потому-то раньше всего среди его гостей мне видятся те, кто составлял основу оренбургской интеллигенции и, конечно, здешние медики.

4.

Большинство их них служило в военном ведомстве - корпусном штабе, батальонах, госпитале.

Старшим по должности и званию был Антон Иванович Коллышко, штаб-доктор. Его расположения добивались: как же, статский советник, а значит обладатель одного из важных гражданских чинов губернии. В Оренбурге, казалось, пребывал он с незапамятных времен - приехал сюда еще при губернаторе Эссене, пережил Сухтелена, служил под началом Перовского и вот уж какой год при Обручеве.

Родился Коллышко сорок три года назад в дворянской семье на Виленщине. Родители были ревностными католиками, все обряды веры соблюдал и сын. За богатством не гнался. Что родового, что благоприобретенного имения не имел. Правда, за женою, Юлией Николаевной, вдовой умершего штаб-лекаря Пономарева, кое-что досталось: в Оренбурге деревянный дом, а в сельце Тугостемир три крестьянских семьи да двести шестьдесят десятин земли. Не нажил, в общем, ничего, но - не сетовал: не в материальном был для него смысл жизни.

Курс врачебных наук он прошел в Виленском университете, в непродолжительном времени закрытом как рассадник вольнодумства. Аттестовали его лекарем первого отделения, "с дозволением тогда же искать звание доктора медицины". Дозволением воспользовался. Уже в 1829-м университет в Вильно счел его достойным этого звания. "Защищался", будучи на службе в Оренбургском казачьем войске. Когда же вернулся доктором, "по воле начальства" получил назначение в военный госпиталь.

Ординатор - старший лекарь - штаб-доктор корпуса... Искусство его оценили - пошли благодарности, ордена, чины. Но все награды обгоняла добрая слава медика.

Двадцать лет оренбургской истории протекли на глазах Антона Ивановича и при участии его во многих делах. При нем приезжал Пушкин, корпус пополнялся польскими повстанцами тридцатых, а потом и сороковых годов, прошумело громкое дело Мигурских, в общем происшествий хватало.

Жил не только оренбургским - был в курсе и российского, и европейского. Общества Коллышко не чурался: принимал приглашения сам, звал в гости к себе. (Вот и возникла у меня мысль: не соединил ли мемуарист Лазаревский вместе двух докторов - Майделя и Коллышко, приписав первому и то, что касалось второго: "тайный (статский!) советник", "вращался в самых высших сферах губернской знати" и так далее? Выяснение возможной ошибки позволяет назвать еще одно имя, связанное с проживанием Шевченко в Оренбурге, а, может, указать и более точный адрес того вечера, который вспомнил тридцать лет спустя Федор Матвеевич).

Земляком Коллышко был Гилярий Михайлович Богаткевич, старший ординатор госпиталя, тридцати четырех лет от роду, тоже из дворян Виленской губернии и тоже кончавший курс (но уже в медико-хирургической академии) в Вильно. В Оренбург он попал в сорок втором, служил исправно; как Майдель, как Коллышко, отличился он на холере (подшивка бумаг, из которых почерпнуты эти сведения, так и называется: "О награждении некоторых лиц, отличившихся деятельностью и самопожертвованием во время свирепствовавшей в г.Оренбурге холеры" - ГАОО, ф.6, оп.6, д.12636/8). Как много довелось им пережить, сутками находясь в этом сплошном аду, сколько переволноваться за свои собственные, ничем не защищенные, семьи! У Богаткевича и его жены Марии Рахлевской были двое детей - Фердинанд и Марыся, жил он на казенной квартире, дома бывал не много, а в эпидемию и вовсе не заглядывал сюда сутками.

(В шевченковской повести "Близнецы" есть строки, прямо указывающие на знание автором порядков Оренбургского военного госпиталя. Узнать о них автор мог и через

Богаткевича. Герой повести - лекарь Сокира - в госпитале служит и "против госпиталя" живет).

Непосредственным начальником Гилярия Михайловича являлся главный врач Громов Яков Иванович, тоже оренбургский долгожитель, службист до мозга костей. Тарас легко уловил эту его суть. В тех же "Близнецах" есть слова и про "главного доктора". Получая письма от Зосимы Сокиры, его приемные родители на Украине представляли себе многое: "Даже и то, как ему делает словесный выговор главный врач за то, что у него на мундире одна пуговица расстегнулась... У этих главных хоть ангелом будь, а все-таки без выговору не обойдется".

В том же ряду и чины аптекарские.

Любопытной личностью - бывалой, многое видавшей - слыл Яков Богданович Шейде. "Из иностранцев, присягнувших на верноподданство России" (так в формуляре ранее названного дела), он был вольнослушателем в Вильно, учился и начинал службу в Москве, служил в Кишиневе, Бухаресте, участвовал в турецкой кампании 1828-1829, заслужил там серебряную медаль, а уже двенадцать лет управлял госпитальной аптекой в Оренбурге.

В Анадольском же, Егоре Петровиче, Шевченко мог увидеть и земляка. Инспектор аптекарской части корпуса учился в Харьковском университете, служил в разных уездах, а годы спустя принял предложение взять на себя устройство фармдцевтического дела в корпусе. Справился. Подтвердила то холерная эпидемия сорок восьмого. За отличие в ней и даровали ему чин титулярного советника.

Медики составляли только какую-то часть окружения Майделя. Вот ведь оказался среди гостей поэт и художник Тарас Шевченко... И даже, нисколько не сомневаясь, привел с собою Федора Лазаревского, отнюдь не крупного чиновника...

- ...я вже знаю, що роблю.

Знал: дом открыт, и не для высокородных-высокопоставленных в принятом тогда смысле этих слов - для людей-думающих, интеллектуальных, благородных.

Таким был сам Майдель.

В ДРУЖЕСКОМ КРУГУ: РИСУНОК-ДОКУМЕНТ

1.

А все же пора расшифровать и рисунок Алексея Чернышева. Тот самый, ще Шевченко среди оренбургских поляков.

Пройдем так сказать по фронту. Слева направо, никого не пропуская.

С Залеским мы знакомы. Можно сказать о нем и еще. "Об эмиссаре Брониславе Залеском - соучастнике Рера и Рениера" - так называется одно из дел в Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР, ф.109, 1 эксп., 1846, д.2, ч.7, лл.12, 18-33, 48). Семнадцатилетним оказался Бронислав прикосновенным к делу о тайном обществе студентов. Был выслан, отбыл срок наказания, возвратился на родину, в Вильно. Однако, как констатировал автор справки в названном деле, бунтарь не унялся и свел злокозненные знакомства снова - на сей раз с прибывшими представителями польских революционных организаций в Познани и Галиции. Инженер Рер сообщил ему, что в названных местах "готовится возмущение и расспрашивал о расположении умов в Литве", молодой чиновник высказал самые серьезные намерения, но вскоре оказался под арестом еще раз.

(Неожиданная деталь: в пользу Бронислава ходатайствовал сам...Дубельт, писавший Орлову, что, будучи прапорщиком, жил некогда в деревне отца-матери Залеского и, в отплату за добро, просил сделать в пользу его "что совесть, не нарушая правосудия, позволяет". Переписка тянулась долго, в деле несколько писем матери, Юлии Залеской, но следствие продолжалось, обнаруживались все новые п р вступления и кара оказалась неотвратимой).

Так он попал в солдаты. Как и Шевченко - Отдельного Оренбургского корпуса. Как

и тот - "с правом выслуги". В отличие от Тараса, Залеский в ы с л у ж и т с я. Но до этого ему, как и другу с Украины, предстоит многое.

Сосед Залеского по рисунку - Ковальский. Поляков с такой фамилией в оренбургских батальонах несколько. И Томаш - солдат третьего, в декабре пятидесятого умерший от туберкулеза, и Казимир - нижний чин во втором, который тоже возвращения домой не дожидается. Этот - Юлиан, или, если по документам, Юлиан-Константин-Прот.

Сведения о нем я почерпнул из книги В.А.Дьякова "Тарас Шевченко и его польские друзья" (М., 1964).

Юлиан был из дворянской семьи Грубешовского уезда Люблинской губернии. В солдаты его отдали "без лишения дворянского достоинства". За что? "За недонесение начальству о подговоре его в феврале месяце 1846 года в числе прочих узников бывшей Щербжешинской гимназии, где обучался и он..., к побегу за границу в Галицию для присоединения к тамошним мятежникам".

Не смог убежать туда Залеский.

Не успел Ковальский.

Оба они значились теперь рядовыми во втором линейном батальоне. Выслужиться и ему - сначала в унтер-офицеры, с годами в прапорщики. Это откроет дорогу возвращения.

Пока же только надежды.

Не обойду следующего - не поляка, вольного и от рождения здешнего, Чернышева Александра Илларионовича - двоюродного брата художника.

Он был старше Алексея, притом намного.* Тот считал его чуть ли не своим наставником. Действительно, Александр оказал известное воздействие на первоначальное его художественное воспитание. Заметил способности и - оценил.

Самому ему суждено было остаться любителем. Сохранилось предание о том, что когда в 1833-м в Оренбург приезжал Пушкин, именно он писал портрет великого поэта России. Сам портрет неизвестен, но память о нем жива.

Казачье ведомство призвание урядника использовало. В декабре 1850 года его командировали на два месяца в Уральск - "для снятия видов производства уральцами рыбной ловли на р. Урале во время багрения" (ГАОО, ф.6, оп.И, д.2218).

Для снятия видов - так формулировалась и задача профессионального художника Шевченко перед отправкой его на Арал.

Они познакомились уже в июне сорок седьмого. Им, Александром (а не Алексеем) Чернышевым, было написано письмо в Орскую, датированное 9-м декабря того года. В последующие его публикации надо внести поправки: во-первых, назвать автора истинного, и, во-вторых, дать точную, а не приблизительную дату написания. Ошибка в сборнике "Листа до Т.Г.Шевченка" очевидна.

Три персонажа известного рисунка.

Но пойдем дальше.

2.

В центре группы - пятеро. Жестикулируя, в чем-то убеждает товарищей Попель; внимательно слушают Вернер, Середницкий, Турно, Доморацкий. Неравнодушен к разговору и Залеский.

В. А. Дьяков: "Материалов о политическом ссыльном Александре Попель обнаружить не удалось, но зато найдены материалы об Иосифе Попель. Возможно, что...произошла ошибка при надписывании имен (под рисунком - Л.Б.), либо Попель имел два имени".

Так считал и я. "Попель Александр (Иосиф?) "вошел в мой словарь "Т.Г.Шевченко и его окружение периода оренбургской ссылки" статьей со сведениями об Иосифе, а не Александре, якобы не существовавшем.

Но нет, отыскалось-таки "Извлечение из военно-судного дела о дворянине Подольской губернии Литинского уезда Александре. Попеле, внесенном в 3-й разряд

преступников по делу о тайных обществах".

Началось оно, это дело, следствием 12 октября 1838 года, попало в суд 6 февраля 1839-го, закончилось разбирательством 18 февраля, а уже 19-го поступило на конфирмацию к генерал-губернатору. Им был Д.Г.Бибиков, правитель Киевской, Волынской и Подольской губерний, тот самый "Капрал Гаврилович Безрукий" из будущего шевченковского "Юродивого"; в адрес "старого сатрапа" пустил поэт не одну свою ядовитую стрелу. В фонде Бибикова (Отдел рукописей Государственного Исторического музея, ф.278, д.20) "Извлечение" и оказалось.

Со дня открытия следствия Попеля держали под арестом в Киево-Печерской цитадели.

"Александр Попель сознался, что Конарского знал, но под именем Дунина; не подозревая будто, что он эmissар, был с ним в разных местах, говорил с ним о правах людей, о несчастном положении крестьянства и прочем". Под напором следователей он сознался, что, как эmissара, Конарского знал, сведения о тайном обществе и его замыслах имел, в практических делах участвовал.

Военный суд нашел Попеля "виновным в сообществе с злоумышленниками и знании их сокровенной цели". Это повлекло за собою приговор суровый: "наказать смертью, а имения его конфисковать в казну".

Александр ушел всего-навсего двадцать четвертый год. Молодость осужденного стала обстоятельством смягчающим. Смерти он избежал, ее заменили солдатчиной.

Солдатчиной в удаленном от родных мест Оренбургском корпусе...

...А.ведь был он и впрямь Александром - Иосифом; оба его имени существовали на равных. Убедился, когда в этом же деле натолкнулся на указание: А.Попель служил репетитором и "систематически развращал детей учением в мятежном духе". Та же формулировка оказалась по сути и в материалах о И.Попеле: являясь репетитором в дворянском училище, которое действовало в местечке Златополь Чигиринского уезда Киевской губернии, Иосиф распространял крамолу. Основанием для такого вывода стали найденные у него при обыске "тетради и книги вредного содержания, несколько мятежнических стихов польских и записки, обнаруживающие действительность того, что Попель внушал жившим у него и учащимся в Златопольском училище детям самые преступные мысли противу правительства и направлял их воспитание в духе совершенно польском" (цитирую по Дьякову).

Итак служил этот человек в корпусе ("по высочайшему повелению от 12 марта 1839 года за участие в тайных возмутительных обществах" - ИЛ, ф. 1, д.437) уже больше десятка лет. На рисунке он в офицерских погонах и держит в руках палку, свидетельствующую о болезни или ранении. Но разве менее важно, что именно Попель приковал к себе сейчас внимание значительной группы людей? Товарищи по несчастью видят в нем, наверное, и бывалого, и... редкостно удачливого: чин прапорщика, да еще болезнь, открывают ему путь к отставке. Действительно, последует она уже скоро - в июле пятидесятого.

Для Тараса Попель был дважды земляком. И по надднеп-рянскому их краю - от Моринцев и Кирилловки до Чигирина и Златополя рукой подать. И по Орской крепости, обеим знакомой. Там сошлись или уже в Оренбурге - кто про то знает. Куда важнее: друг друга нашли.

На рисунке, по меньшей мере, три земляка: Шевченко, Попель и - Середницкий.

3.

Середницкий, как и Попель, родом был из Чигиринского уезда. Нет у меня сомнений, что "земляк из Тального" в одном из шевченковских писем это не кто другой, как он. Тальное - Чигиринского уезда и Моринцы - Звенигородского разделяло всего сорок верст. Появились, выходит, на свет Божий в одних и тех же местах. На том, правда, общее в их началах, истоках и заканчивалось: Евстафий родился за год до Шевченко в богатой дворянской семье, владевшей и землей, и крестьянскими душами.

Восстание 1830-1831 годов всколыхнуло всю их семью. Потом, когда оно было подавлено, отца, Фаддея, отправили под надзор в Саратов, брата - в Курск, племянниц вынудили уйти в монастырь. Евстафию наказания удалось избежать. Но репрессии его не "образумили". Служа в канцелярии Подольской гражданской палаты, двадцатилетний Середницкий завязал переписку с политическими эмигрантами, получал от них - и активно распространял - революционные воззвания, хранил у себя различные антиправительственные сочинения. Позже, попав на родину Шимона Конарского, он вступил там в одну из его конспиративных групп. Действовал в ней активнейше.

В 1838-м Евстафий был арестован и отдан в солдаты. В Отдельный Оренбургский корпус Середницкого доставили вместе с Попелем, но тут же и развели: одному определили служить в батальоне при Богословском и Гороблагодатском заводах, другому - в Орской. В Оренбург Попель прибыл совсем недавно - попал в госпиталь. Евстафия сюда перевели еще пять лет назад, когда местом его службы стал второй линейный.

Во втором служил и Залеский. Свести Шевченко с Середницким, незадолго перед тем произведенным в прапорщики, мог он.

Нарушил я, однако, мной же провозглашенный принцип последовательности представления персонажей рисунка.

Хотя... за Чернышевым Вернер, а с ним мы знакомы: прошел он едва ли не через всю предыдущую книгу. Прошел, как участник всей Аральской экспедиции А.И.Бутакова; и в Оренбурге Шевченко с Вернером общались чуть ли не каждый день, обрабатывали собранные на Арале материалы.

Чтобы напомнить о его прошлом, прибегну к документу, выявленному Дьяковым. В списке прошедших через Варшавскую постоянную следственную комиссию, о Вернере сказано так: "Бывший ученик реальной гимназии Фома Вернер. Читал сам и раздавал читать другим запрещенные книги для возбуждения против правительства, доказывал возможность восстания, и искал знакомства с ремесленниками, чтобы склонить их к участию в мятеже при первом удобном случае". Там же и приговор: "Отдать в военную службу... с назначением в Отдельный Оренбургский корпус, подвергнув предварительно... телесному наказанию при полиции, дав по 20-ти ударов розог".

Отсчет его солдатской службы начался в 1844-м. Еще тогда начинающий студент стал нижним чином.

По каждому из этих людей непременно сообщается предыстория появления их тут. Будет она, информация о прошлом, и дальше. Но кто может подумать, что разговоры меж ними лишь былого и касались? Нет, нет и нет. Каждый день рождал свои, сегодняшние темы. Таких, как они, оторвать от жизни не могло ничто. Видели и слушали, читали и размышляли. Сокровенным хотелось поделиться. Увы, нам их разговоры не подслушать. Но верится: неблагородных мыслей у кого-кого, а у них быть не могло.

"Очень благородная натура" - писал Залеский о Вернере. Только ли к нему это относилось?

Еще двое в той же группе вокруг Пополя.

...О Людвиге Турно Тарас узнал еще в Орской. Тамошние знакомые Хипполит Завадский и Станислав Круликевич были с ним однодельцами.

"...По следственному делу, произведенному о намерении некоторых из служителей горных заводов Царства Польского присоединиться к краковским мятежникам и подготовить к тому рекрут, для работ на заводах находящихся, оказались главными зачинщиками Хипполит Завадский и Станислав Круликевич, а соучастниками - Роберт Копровский и Людвиг Турно..."

Зачинщикам достались шпицрутены и солдатчина без выслуги, соучастникам - солдатская служба "на общеустановленный срок". Всех четырех разослали по оренбургским батальонам.

Только в Оренбурге знакомство заочное переросло в личное, а позже и в дружбу. Их близость особенно укрепило совместное участие в экспедиции А.И.Антипова,

предпринятой в 1851 году для поисков месторождений угля в горах Каратау. Б.Залеский и Л.Турно "упросили" (по словам Залеского) прикомандировать к экспедиции Шевченко. "В одной палатке...пробыли мы все лето..."

Но это сюжет особый и уже для книги "мангышлакской".

...Станислав Доморацкий в корпусе служил, сомнений нет. Но есть заминка: в солдаты его отдали в...пятьдесят третьем. Так спрашивается: мог бы он попасть в персонажи рисунка-документа?

Более вероятны два других Доморацких: Виктор - лишенный дворянства и отданный в солдаты в 1848-м, а еще Франц-Валентий, в ссылке находившийся не один год, женившийся здесь на местной жительнице и теперь исполнявший обязанности служителя Оренбургского военного госпиталя. В пользу его, последнего, говорят шинель с погонами рядового, возраст его, даже то, что стоит он рядом с Попелем, который в это время за госпиталем и числился.

Такая она, эта группа, на рисунке центральная.

4.

Вне группы увлеченных разговором остаются трое: Липский, Шевченко, Колесинский.

Не знаком нам пока один - первый из трех.

Людвиг Липский тоже был ветераном, хотя и минуло ему всего двадцать шесть. Судили двадцатилетнего служащего-варшавянина по тому же делу, что и Вернера. В вину поставили "ведение разговоров против правительства, чтение запрещенных книг, получаемых из-за границы, и раздачу таковых другим для чтения и распространения демократических правил". Неся службу в третьем линейном батальоне, не прекращал он свои связи с польскими единомышленниками. Даже если судить по метрической книге римско-католической церкви, тесными были его отношения с Середницким, Сераковским и другими, имена которых нам известны. (ГАОО, ф.172, оп.3, д.189). Людвиг не упоминается ни в каких воспоминаниях и ни в каких материалах о Шевченко. Но такой рисунок говорит о многом.

Наконец, Колесинский, группу замыкающий. Знакомство с ним Тараса состоялось в Орской крепости: в одном батальоне они служили свыше полутора месяцев. "Колесинский, уроженец Лидокого уезда, также был сослан в солдаты Оренбургского корпуса; познакомился с Шевченко в Орске" - подтверждает Б.Залеский. Если намерены его вспомнить, возвратитесь к первой книге (глава "Подвиг называется революция"). Теперь Балтазар, как и он, оказался в Оренбурге. "Кас-пер-Мельхиор-Балтазар сын Балтазара" тосковал по родине, по жене и маленьким детям, которых не видел уже с начала 1848-го. Жена не переставала писать просьбы о помиловании ее мужа, высланного "в военную службу куда-то на берега Аральского моря". (ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., 1846, д.2, ч.б). Шевченко сочувствовал его мыслям, его тревогам. Чувства мужа, чувства отца ему, одинокому и бездомному, были близки, понятны. Как сокровенное, свое...

Круг знакомств, круг общения Тараса в польской среде Оренбурга был, разумеется, большим. Многих на рисунке нет. Рисовал Чернышев субъективно- тех, кто был ближе, симпатичнее ему самому.

Шевченко тут как бы от всего и вся отрешенный, ни на что не реагирующий. Но нет, польская речь для него не чужая. Вспомним: "хорошо говорил по польски", наизусть знал "не одно произведение" польской поэзии, знал и этих людей - их прошлое, их настроения. Вдруг пришло в голову расхожее: в приятном обществе приятно даже помолчать. А он еще и поэт, прежде всего поэт, и муза может к нему явиться в любое время.

О чем его мысли сейчас? Какие строки в нем рождаются?

Годы спустя он напишет другу Брониславу:

"Добрый мой друже! Получил я с твоим последним письмом сердцу милые портреты. Бесконечно благодарю тебя; я теперь как бы еще между вами-и слушаю тихие

задумчивые ваши речи..."
Молчит и-слушает.

"ОСОБЕННО ТАРАСА ГРИГОРЬЕВИЧА..."

1.

Двадцать первого февраля Орлов писал в Петербург Сергею Левицкому, и его письмо, изъятое у адресата при обыске, содержало факты, касающиеся жизни Шевченко в эти оренбургские дни, его надежд.

Февральских надежд Тараса - не угасавших, живых, утешительных...

Сообщаю фрагменты письма - в качестве первоисточника его не празднуют донныне. Из-за бытующей приверженности многих биографов к апробированному не публикуется оно и не используется. Странно... Что же касается его автора, Орлова, то сведений о нем не найти и в "Шевчешавському словнику". Будто не было у Шевченко такого приятеля, не было меж ними отношений.

А они-то были, что письмом и засвидетельствовано!

"Благодарю Вас, мой добрейший, милый Сергей Петрович, за те три. письма, которыми Вы одарили меня. Вы делаете больше, чем обещаете... Ради Бога, и на будущее время почаще обманывайте меня таким образом. Первые два письма Ваши я получил один и читал и перечитывал тоже один, а потом отправился рассказывать содержание их и поклоны Ваши, но последнее письмо Бикмаев принес в то время, когда у меня сидели Тарас Григорьевич и Ксенофонт Егорыч; нечего говорить, что мы с жадностью принялись за чтение его. Меня Ваше письмо очень, очень удовлетворило, но в этих господах оно возбудило зависть ко мне и... наконец, не выдержали и сказали, что и они также ждут от Вас писем, а Вы благосклонны ко мне одному. Считаю нужным сказать это Вам для того, чтобы просить Вас обрадовать и их, особенно Тараса Григорьевича, которому ужасно хочется знать подробнее о Бодянском и Остроградском, также о Чернышеве и приеме, какой сделали Вам последние двое; прошу Вас не замедлить уведомить их и утешить огорченных..."

...Может быть Вы хотите знать что-нибудь о своем зверинце: он процветает по своему в тишине и спокойствии и быстро идет к своей цели - ничтожеству; благодарю Бога, что при множестве занятий по службе мне некогда всматриваться в них близко, а следовательно и грустить..."

...С отъездом Вашим лишился доброго собеседника и теперь я хоть и пою, но как уже Вы знаете, что у меня прегадкое горло, и мало из пения моего выходит толку..."

Письмо обстоятельное. В нем о каждом из близких знакомых. Переменах по службе и в намерениях, их жизни, их планах,

"Федор Матвеевич работает в Гурьеве, и кажется в конце марта воротится в Оренбург. Михаил Матвеевич ждет из Петербурга новостей касательно перевода. Саша добрый, трудолюбивый мальчик и нельзя не любить его..." Это о Лазаревских.

Общих приятелей, общих знакомых у Орлова с Левицким много. Не безразличны все они и Тарасу: каждого знает, каждый ему интересен.

Орлов спрашивает о петербургских театрах и певцах, картинных галереях и их пополнениях. Но разве не интересуется всем этим Шевченко, так давно оторванный от столичной, петербургской жизни? Вопросы и его - пусть заданы они не им.

Левицкому - от Орлова...

Самое время сказать о нем самом. Шевченко его знал - шевченковеды не знают. ...А к письму мы еще вернемся.

2.

В Пограничной комиссии он служил всего год.

29 января 1849 г. Ладыженский обратился к Обручеву с ходатайством.

"Действительный студент Императорского Казанского университета Александр Васильев Орлов, - писал он, - представляя при просьбе своей, поданной в Пограничную

комиссию 18 сего января, три свидетельства: 1) метрическое о рождении и крещении, 2) увольнительное из духовного звания, 3) на степень действительного студента, просит об определении его, Орлова, на службу в штат Комиссии..."

Председатель просьбу поддержал, а теперь-вот испрашивал согласие зачислить соискателя на вакансию помощника столоначальника в исполнительное отделение и утвердить его в чине губернского секретаря.

Начальник края с представлением согласился, но... окончательное решение оставалось за Петербургом; туда, в инспекторский департамент гражданского ведомства, ушла соответствующая бумага.

Только "за воспоследованием высочайшего приказа по гражданскому ведомству", уже 15 марта, Орлова зачислили в чиновники окончательно.

С перспективой продвижения по службе...

В том же деле Оренбургского архива (ф.6, оп.10, д.6060), где подшиты воспроизведенные или пересказанные тут деловые бумаги, есть и "Список чиновникам...", в котором оговорены намерения в отношении будущей службы Орлова: "Предназначается к исправлению должности столоначальника в судном отделении, вместо коллежского регистратора Ванькевича, который по болезни просит об увольнении от службы".

Петр Ванькевич служил в Пограничной комиссии с 1841 года, а в должности столоначальника - с 1846-го. Сейчас его сжигала чахотка, жить оставалось недолго, но насчет увольнения переписка шла обычным порядком, нисколько не убыстряясь...

Было Орлову всего двадцать шесть. Как можно судить по документам, семья его состояла в духовном сословии, а сам он побывал в семинаристах. Но семинарии предпочел университет, и именно Казанский, а в нем факультет юридический (отсюда и "судное отделение"). Университет закончил успешно. По службе его аттестовали похвально: "весьма хорош". (ГАОО, ф.6, оп.6, д. 12266, лл.37, 46,66).

Казанский университет был известен своим свободомыслием. Тем паче в годы европейских революций, вызвавших новый подъем общественных движений в России. Служившие в Оренбурге питомцы университетов Москвы, Киева, Харькова, Казани быстро нашли дорогу друг к другу, обнаружили общий язык, общность интересов. О чем только ни говорили меж собою, собираясь вместе то у одного, то у другого. В эти, последние, месяцы умы их занимали вести из Петербурга - прежде всего те, что касались кружка Бутаевича-Петрашевского.

Особенно дружески Орлов сошелся с Сергеем Левицким. И не потому только, что оба играли на гитаре, оба пели. Их песни были по душе всем - этого дуэта так сейчас не хватало. Но Левицкий находился далеко - добился отпуска, второй месяц как уехал. Когда еще встретятся?

3.

На письме из Оренбурга есть помета Левицкого: "ответил 7 марта". Однако прежде чем написать Орлову, сел он за письмо к Тарасу. Внял убедительной просьбе Александра "обрадовать" и "утешить": писал как мог подробно, охватить старался весь круг вопросов, занимавших Шевченко.

Письмо было на родном украинском языке, и радости ему это без сомнения прибавляло.

"Осьде вже третш м!сяць, як ми не бачились з Вами, мш дорогий земляче! Ненавче третш р!к тому пшнов, так давно мен! показалось се время..."

Не писал, оказывается, потому, что совесть мучила: доньше не смог повидаться ни с Остроградским, ни с Чернышевым. У каждого из них был по несколько раз, но хозяев не оказывалось дома. "...А мен! хотшесь разом сказать Вам об ус!х, к которым Ви писали..."

Нет, кое-какие поручения он выполнил. Сразу по приезде в Москву отослал письмо Тараса княжне Репниной и отправился с визитом к Бодянскому. Еле достучался, но в следующий момент, узнав, что Левицкий из Оренбурга, с приветом от Шевченко да еще и с его "писулькой", пришел в восторг: "...л'з його зробилось щось таке, як бушм вш чуе об

брат!, або об к!м-небудь дуже близьим його щирому серцю". Долго говорили об Оренбурге, тамошней жизни всех (и его прежде всего), вместе печалились-горевали, а потом разошлись "як родич!". На прощание Бодянский дал Левицкому свои "бшетики" (визитные карточки?) и посоветовал отправиться к Редькину ("що вм!сто Даля при Перовському").

Тот, уже в Петербурге, тоже расспрашивал о жизни Шевченко, но, по мнению корреспондента, отнюдь не с той мерой искренности, что Бодянский. Это шло либо от боязни неприятностей, либо от другого-прочего эгоистического ("як бисоб! гарно, а не до других").

На-днях, сообщал Левицкий, виделся он с Бутаковым. Тот сказал, что "начав д!ло! двинув баб за Вас", но не обнадежил ("не знаю, каже, що буде"). Шевченко, само собой, понял, каких "баб" имел в виду Алексей Иванович - свои планы и намерения, прямо его касающиеся, он не таил. Нам же остается только гадать, только додумывать. Однако важнее всего вот это: "начав д! л о".

Писал земляк и о своем знакомстве с неким харьковчанином -магистром математики Николаем Алексеевичем Головки. "...От де правдива душа..." Много говорил с ним о Шевченко. "...Головки каже, що Вас не стало, а на м!сто того стало бшып людей аж до. 1000, готових стоять за все, що Ви казали! що кажуть люде, для которых правда така голосна і велика !стина, що хоч би!! казати и при самом Карле Ивановиче, то не спугавсь би..."

Карлом Ивановичем в разговорах меж собою Головки, Левицкий и другие, близкие им, люди именовали Николая I. Для такого прозвища были основания. Пронемецкие симпатии царя секретом ни для кого не являлись. Значит, эту свою истину Головки готов был сказать и самому государю...

Новости его, Левицкого, прямо-таки переполняли. Уже закончив письмо, поставил постскрипtum и сообщил о том, как в университете не захотели избрать Остроградского в профессора - "бо, кажуть, вш безпокойний человек". Спохватившись, он снова называет Карла Ивановича. Но теперь уже настоящего - Герна. Расточает самые искренние, самые щедрые похвалы: "скажпть йому, що я був у Адольфа Івановича! що воно таксе шире да добре, як! вш сам".

На этих словах письмо обрывается. Именно обрывается, а не оканчивается: писать готов о многом и многом, да ведь всему есть конец -напишет в следующий раз, возможность такая будет.

Добрую службу сослужил Орлов, напомнив Левицкому, что ждет от него письма их общий товарищ - многострадаальный Тарас. Подтолкнул его не медлить - сесть и написать.

...Сел. Написал. И не его вина, что за письмо ухватятся дотошные следователи. Ухватятся как за улику. Особенно за слова магистра Головки насчет тысячи последователей Шевченковых ,,

МНОГО ОГОНЬКОВ СВЕТИЛОСЬ

1.

Еще один приветный огонек, еще один дом друзей: Цейзик.

Б.Залеский:

"Цейзик был аптекарем в Оренбурге. Добрейший человек, он скрашивал участь ссыльных, - насколько мог, каждому старался услужить. У него было много детей, и Шевченко, живя в Оренбурге, любил с ними играть".

Адрес памятного Тарасу дома сам шел мне в руки, но - не дошел. Имею в виду отысканное в описи фонда 233 Оренбургского архива дело 554 - "О выдаче планов... жене коллежского секретаря Цейзик Юлии Викентьевой...на существующий деревянный о 8 окнах со службами дом и на сделание к деревянному флигелю каменного пристроя на 3 окна внутри г.Оренбурга". Сохранилось, увы, только название, ничего более. Само дело

убыло, иными словами - уничтожено как-бесперспективное. По милости недальновидных формалистов мы с вами лишились реальной возможности узнать, куда те восемь окон выходили, где дом стоял. Одно осталось: "внутри г.Оренбурга". Значит, не в форштадте и не в слободке - в границах города-крепости. Идти туда было недалеко...

Ходил, по всему судя, с удовольствием.

2.

Он очень любил детей. Подтверждения этому разбросаны по разным источникам. "Горич" - так называли его маленькие дочки новопетровского коменданта Ускова. Нежностью к детям пронизана поэзия Шевченко. Хорошим был бы отцом. Но будет ли? хоть когда-нибудь будет?

Первенец аптекаря находился в самом что ни есть неразговорчивом возрасте. Еще в июне сорок восьмого, как свидетельствует формулярный список (ЦГА Башкирии, ф.1, оп.1, д.2468), Цейзик был холостяком. Женился он вскоре, взяв в жены Юлию Конколович, а в приданое дом, огласившийся некоторое время спустя детским криком. "Много детей" будет у супругов со временем. Залеский бывал у них и в последующие годы, Тарас же узнавал о переменах из писем. "Попробуй, не удастся ли тебе на темном фоне детская головка и чтоб не искать моделей, то посади зесопёо Цейзика; я так люблю детей, что не насмотрелся бы на верный отпечаток ангела" - писал он Брониславу три, даже больше, года после того, как виделся с Цейзиками в последний раз. Верный это и наверное- утверждение-предположение. Но факт остается фактом: о втором ребенке Цейзиков мангышлакский затворник знал. Добавлю, что Залеский при крещении Игнатия-Ивана был свидетелем. (ГАОО, ф.172, оп.3, д.189, л.28). Зесопсю называли в честь деда.

Хозяина гостеприимного дома величали Игнатьевичем.

Для нас это существенно. И вот почему...

Комментируя одно из писем Тараса Шевченко в Оренбург, где он, как и в предыдущих, шлет искренние, горячие приветы "Михаилу", Л.Ф.Кадацкая написала так: "Кто такой Михаила - до настоящего времени существуют различные соображения. Одни исследователи считают, что это польский ссыльный Белицкий, другие называют Билинского, также как-будто польского ссыльного, фотографа-любителя, еще другие - Ходоровича и, наконец, Цейзика, ссыльного поляка, аптекаря в Оренбурге. Однако из письма Бр.Зале-ского к Шевченко от 8 июня 1856 г. выплывает еще одна загадочная фигура - Михаил Игнатьев, о котором в письме упоминается как о фотографе-любителе. На его имя Залеский просил Шевченко адресовать свои письма: "Пиши ко мне на имя Михаила: Михаила Игнатьеву (см. "Листа до Т.Г.Шевченка", с.86). Таким образом, вопрос о том, кто такой Михаила, требует еще дополнительного изучения. Вполне возможно, что в письмах Шевченко к Залескому и Залеского к Шевченко упоминаются разные личности с одним общим именем..."

Дополнительное изучение я провел, и о нем, почти четверть века назад, рассказал в своей книге "По следам оренбургской зимы". Читая, перечитывая переписку, знакомясь с делами архивными, пришел тогда к выводу и о единстве "Михаила", и о том, что носил он фамилию "Цейзик". Убедился: "Михаил Игнатьев" тот же аптекарь Цейзик -Залеский, как человек предупредительный, деликатный, напоминает имя - отчество их общего оренбургского приятеля.

Миф о "загадочной фигуре" рассеялся окончательно.

Но кто этот Цейзик? Действительно ли еще один польский ссыльный?

...Со своим домом... с семьей...

3.

Никто его сюда не ссылал. Приехал по доброй воле - служить по специальности и при возможности выслужиться.

Был он из дворянского сословия, но ни родовых, ни благоприобретенных имений семейство не имело, богатством не отличалось. Честное имя - вот и весь капитал.

Учился на казенный кошт. В 18 43 году медицинский совет удостоил закончившего

курс студента звания провизора второго отделения. С большими планами едет он в столицу империи. Петербург... По прошению его зачислят в здешнюю рецептурную аптеку. Сверх шта т а - а значит и без прав, без надежд. По молодости рискнул, но совсем скоро понял: ничего тут не добьется. И отважился на крутой виток: отыскав какую-то зацепку, отправился в Оренбург. Казенная тамошняя аптека обрела нового лаборанта.

Служил исправно. Старательность незамеченной не осталась. За усердную службу, в сорок шестом, его наградили ста рублями серебром, а весной же сорок восьмого произвели в коллежские секретари.

Никто не мог о нем сказать ничего худого. Он ревностный католик - староста римско-католической церкви. Он - участник всех благотворительных и просветительных дел ксендза Зеленко. И он же - человек, которого влечет все новое.

Б.Залеский:

"Аптекарь Михаил Цейзик купил себе аппарат и часами с ним возился..."

Покупка состоялась несколькими годами позже, но купил, и едва ли не первым в городе. Именно он...

Увлекало многое. В Оренбургском архиве хранится дело "Об отправлении в Варшавский музей тигровой чучелы" (ф.6, оп.6, д.13761). И здесь Цейзик! Подшивку бумаг открывает его собственноручное письмо, его докладная записка генерал-губернатору. Автор ставит вопрос: чучело одного из убитых "в оренбургской киргизской степи" тигров желательно переправить "для пользы науки" в Варшаву. Из докладной (писанной уже в 1860-м) следует, что, осматривая "Варшавский музей" и беседуя "с директором оного г.Яроцким (бывшим моим профессором)", он увидел живой интерес к породам степных зверей и взял на себя полномочия - некоторые из них (конечно, в чучелах) приобрести и переслать. Доводы звучали убедительно и встретили понимание. При участии Цейзика лучшее из чучел было совсем скоро в Варшаву отослано.

Разумеется, это совершенно рядовой факт русско-польских научных, культурных контактов, существующих с времен давних. Но мне в переписке открылось и нечто новое о самом Цейзике. Образование получил в Варшаве... круг его интересов расширился... связи с родиной поддерживал... Не с его ли помощью ссыльные поляки в Оренбурге наводили мосты со своей землей, с оставленными там товарищами?

Себя в докладной записке он именует содержанием вольной аптеки. Открыл, выходит, дело собственное?... Однако помним: в те месяцы, когда Тарас заходил к Цейзику, был хозяин дома, человек тридцати трех лет от роду, все еще лаборантом.

Поляк значит ссыльный... Исходя и такого, широко бытовавшего мнения, его тоже относили к "конфирмованным".

А это совсем не так.

"В штрафах и под судом не был..."

Отправил себя в Оренбург сам и, сдается, ничуть о том не жалел. Радовался, что обрел для себя дело по душе, и другому: для множества подневольных стал он действительно своим, необходимым.

И для Шевченко тоже.

4.

Б.Залеский: "...он скрашивал участь ссыльных..."

Скрашивал по-всякому, в том числе и соединяя ссыльных разных поколений-лет, разных национальностей.

Юлия Викентьевна, Михаил Игнатьевич, родная его сестра Виктория привечали всех.

Своим человеком в их доме был Мечислав Цвирко, провизор в той же казенной аптеке. Учился он в Московском университете, да в какие еще годы - бурлила, поднималась на самый стрежень общественно-политическая жизнь. Его имя в историю университета не вошло, зато сам университет навсегда остался в памяти, в сердце. И слышанное, прочувствованное там выплескивалось в разговорах, будоража всех, кто Ъ-

них участвовал. В оренбургской аптеке Цвирко работал с сорок шестого. В этом тоже сказались воздействие студенческих мечтаний о служении людям, о благе народа. С Михайлой они были ровесниками и товарищами, их взгляды совпадали, как и многое в судьбах. (Формулярные его списки, на которые здесь ссылаюсь, - в том же деле, что и Цейлика).

Жеготу и Лукашевича, Вильгельма и Мечислава, из Минска в Оренбург препроводили без их просьб и желаний. Что у того, что у другого в списках значилось: "Был под судом за хранение у себя пасквильных стихов, оскорбительных для верховной власти, за что по высочайше подтвержденному мнению Государственного совета от 3 марта 1847 года выдержан под арестом три месяца с отправкою на службу по гражданскому ведомству в Оренбург и с поручением особому надзору местного начальства..."

Шевченко арестовали и судили за с о ч и н е н и е "возмутительных и пасквильных", их, минских чиновников, за хранение предосудительного. Его отдали в солдаты, им дозволили продолжать з н а к о м у ю службу. По разному формулировались и меры надзора.

Однодельцы держались вместе, причем Жегота заметно опекал Лукашевича - во многом как человека значительно его моложе (и, вероятно, в деле их не главного, "пострадавшего").

Оба служили в уездном суде: один столоначальником, другой - канцеляристом.

Цейзик готов был порадеть каждому.

Представляю себе, как однажды, придя к нему, Тарас увидел немолодого, усталого человека, которого иной раз встречал на улице, но никогда не видел ни в этом, ни в других знакомых ему домах.

- Господин Лушников, - представил незнакомца хозяин.

- Николай Федорович, коллежский секретарь в отставке, - отрекомендовался тот.

Весь вечер он молчал и хмурился, редко-редко вступая в разговор, и то лишь тогда, когда с вопросом обращались непосредственно к нему.

Его историю Шевченко узнал от других, и не сразу.

Оказалось, что Лушников был в свое время активнейшим участником "Тайного общества братьев Критских" - московского кружка, который сложился в начале 1827-го под влиянием разгромленного движения декабристов.

В обвинительном заключении по делу членов кружка говорилось, что Лушников "был ожесточен до такой степени, что дерзнул на портрете блаженной памяти государя императора выколоть глаза". Дерзость такого рода подлежала наказанию, но власти больше всполошило другое: заботясь о расширении круга единомышленников, братья Критские, Лушников и другие вели агитационную работу среди населения, ставя своей целью подготовку восстания, свержение самодержавия, установление конституционного строя. Лушников, кроме того, налаживал революционные связи в кругах офицеров. Это и стало непосредственной причиной провала. (ЦГВИА, ф.410, д.64).

Меры наказания членам тайного общества определялись самим Николаем I. Царский тезка был сослан в Шварцгольмскую крепость. В ее казематах он провел не один год. Потом - Ревельские арестантские роты. Еще через два года - перевод в 16-й флотский экипаж, сначала матросом, а потом и унтер-офицером. В тридцать девятом оказался он в Отдельном Оренбургском корпусе.

...С осени 1849 года возникла "Переписка с Оренбургским военным губернатором об установлении секретного надзора за бывшим чиновником провиантской комиссии коллежским секретарем Лушниковым". Продолжалась она все время жительства Шевченко в Оренбурге. (ЦГА Башкирии, ф.6: оп.1, д.334).

"Разжалованный в 1827 году из вольных слушателей Московского университета сын коллежского, впоследствии статского, советника Федора Матвеева Лушникова Николай, за участие в тайном обществе был содержим..."

Но и места заключения, и места штрафной службы, как равно основные даты, я уже сообщил. Дошли мы до перевода в Оренбург.

С этого и продолжим?

"...в октябре 1839 г. по высочайшему повелению переведен был в Отдельный Оренбургский корпус... для употребления в приготавливавшейся тогда Хивинской экспедиции, и прибывши в Оренбург уже по отправлении этой экспедиции, впредь до дальнейшего о нем распоряжения, зачислен (был) в 3-й линейный оренбургский батальон..."

Далее случился новый поворот судьбы: "за отлично усердную службу и хорошее поведение" Перовский произвел Лушников в коллежские регистраторы. Началась его служба по гражданской части: первоначально в канцелярии военного губернатора, потом в провиантской комиссии. Оттуда и в отставку ушел: "за болезнью".

Петербург губернаторский вердикт подтвердил: отставка так отставка. Но добавил и от себя: "учредить за жительствующим в Оренбургской губернии отставным коллежским секретарем Лушниковым секретный надзор". Итак - следующий чин и...надзор без всяких послаблений.

Государь пошел еще дальше. По докладу Орлова насчет секретного над опальным чиновником надзора повелеть он изволил: "распространить силу закона, изъясненного в приложении к 1205 статье 8 продолжения 3 тома Свода законом гражданских (изд. 1842 года) и а всех политических преступников,ссылаемых нас лужбу в Оренбургский край". Несло это ссобоубеды новые, и не для одного только Лушникова. Давно было установлено: "уволненные в отставку лица из государственных и политических преступников состоявшие в гражданской службе в Сибири, увольняются не иначе как с обязательством безвыездно жить в том месте, где состояли на службе, и с учреждением за ними надзора местного начальства".

("Н а всех политических преступ н.и к о в..." После бессрочного ареста, бессрочной солдатчины их ожидала еще и бессрочная ссылка под неусыпным надзором властей! ИХ - значит и Шевченко. Сибирская мера становилась также оренбургской...)

...В дом к Цейзикам Лушников приходил вольным. Но его участь зависти не вызывала. Долго еще быть ему в списках лиц, состоящих под секретным надзором; против его фамилии там значилось: "занимается хозяйством, чем себя и содержит". (ГАОО, ф.6, д.222,269,303, 332,351).

Хозяйство кормило скудно.

"Добрейший человек..." Таким был Цейзик и в глазах Тараса.

ЧЕРНЫШЕВЫ

1.

В понедельник, 6 марта, Шевченко наведлся к Чернышевым.

Со смертью Филиппа Алексеевича, скошенного в одночасье холерой, деревянный с мезониной дом на Почтовой заметно осиротел, но Авдотья Степановна заведенный порядок блюла строго и подчинялись ей безоговорочно.

Младший из братьев, Матвей, приходу его обрадовался особенно. Сразу же показал нарисованное, вглядом допытываясь: "Ну как?" Человек вполне взрослый, самостоятельный, он смотрел на Шевченко как ученик, жаждущий оценки строгого учителя. Уже несколько лет, с сорок второго, ходил он по краю, и где только в эти годы не вел свои топографические работы. Нелегкие обязанности по службе не тяготили, но больше всего хотелось быть художником. Пусть не таким, как Алексей, кончавший Академию художеств; да ведь можно преуспеть и без того, рисовать, писать красками для себя- как Александр, брат его двоюродный. Нигде этому не учился, а какие картины, какие виды у него получаются, как точны, выразительны его портреты. Первым наставником Алексея был он; донныне брат с оценками его считается. Только в Оренбурге Александра Илларионовича застать все труднее. Больше и больше времени проводит в

поездках - неделями, а то и месяцами в городе не бывает. Видятся редко.

Искусство Шевченко Матвей оценил с первого взгляда. И напросился к нему в ученики. Не то чтобы школяром: уроков не было, домашние задания не получал, отметок учитель не ставил. Просто смотрел, как работает он сам - для того и во флигель к Гернам наведывался. А еще - показывал все, что ни сделает. Как сейчас...

"Ученик" был не без способностей - божьего дара всей этой семье. Походить бы ему в классы... Порисовать бы то, что от казеннокоштных и вольноприходящих требуют... На худой конец, сгодилось бы, к примеру, рисование статуй и тех же масок - человеческих лиц - то в гротесковом, то в фантастическом облике.

На следующий день, во вторник - 7-го, писал он в Петербург, Алексею Чернышеву.

Письма от Шевченко тот не сберег; во всяком случае, это никто -кроме самого адресата - п о к а не читал. Но есть - сохранилось - письмо ответное. Из того же марта, конца этого месяца.

"Спасибо Вам за мысль, - отвечает Чернышев, - которую Вы подали мне насчет высылки брату Матвею масок, в самом деле это будет ему славная школа, непременно пришло..."

Думал Тарас не о себе только.

О дальнейшей судьбе Матвея Филипповича Чернышева сообщить могу не более того, что узнал о нем из поименных приложений к "Историческому очерку деятельности Корпуса военных топографов" (СПб, 1872).

В 1853 г. стал он прапорщиком в Рязском пехотном полку - с прикомандированием к Корпусу топографов. В 1862-м - "за отличие" - его произвели в поручики, а два года спустя - в штабс-капитаны. Умер, не дожив и до сорока, в шестьдесят шестом. За три года до того узнал он о смерти Алексея, а еще раньше - за пять - Тараса.

Некоторым образом своего учителя - увы, кратковременного...

2.

Коль уж сослался на письмо от А.Ф.Чернышева, полученное Шевченко не в первые дни апреля, попробую посредством его реконструировать и то, не сохранившееся.

"Письмо Ваше, добрый Тарас Григорьевич, (от 7 марта) я получил, за которое приношу Вам мою искреннюю благодарность..."

Добры и... благодарност ь... Нет, это не просто формулы вежливости - отклик и на тон, и на суть письма от Шевченко.

"Душевно благодарю также за желание Ваше доставить мне право владеть рисунками Штернберга..."

Рисунки, выполненные умершим другом, принадлежали ему с давних пор, еще до отъезда на Украину в 1845-м. Тогда он оставил их на сохранение Ивану Гудовскому, с которым вместе квартировал в доме Бема. Кому еще можно было оставить, как не ему, - сотоварищу и по академии, и по совместному жительству? Вернется - заберет. Рисунками дорожил как памятью о Василии, это во-первых, ну а кроме того, как его приветом с Украины, его свидетельствами о том, что видел в Оренбургском крае.

Теперь больше вспоминалось оренбургское. Могли тогда подумать, что окажется в этих местах сам? Сакмарский городок... Губерля... Окрестности Златоуста... Все здешнее, уральское. Хотелось увидеть рисунки снова - сравнить, сопоставить. Ивану Васильевичу - он увлекался фотографией и занимался ею с особым рвением -написал. (Может даже письмо то вложил в конверт с адресом Чернышева - для передачи?).

Но Алексей Филиппович в успехе затеянного сомневался.

"Дай Бог, кабы Вам прислал их Гудовский, *а то* он, кажется, хочет упорно действовать противу желания Вашего,... я думаю, мне не видать этих рисунков, как ушей своих..."

Письмо отнес, выходит, без задержки. И с а м убедился - желания передать рисунки для пересылки Тарасу тот не выразил.

Кажется... Это не просто казалось - так было и на самом деле. Заполучить рисунки

обратно Шевченко смог только в 1859-м, при встрече с Гудс<вским в Киеве.

Тарас не преминул сообщить о себе, поделиться своими печальными перспективами.

"Жалею, - отозвался Чернышев, - что Вас опять командируют, и куда же? - На Мангышлак. - Не лучше ли Вам хлопотать быть отправленным опять на Р а и м, оно, правда, и там не лучше, но я слышал, что туда назначается К.И.Герн комендантом, так па этому случаю я.полагаю Вам не лучше ли было ехать туда; иметь под рукою такого человека, как Карл Иванович, право, не худо, а на Мангышлаке Бог знает, кто начальствует..."

Насчет комендантства Герна это было не более чем слухом, но... права выбора рядовому Шевченко не предоставлялось. Приказ отдан

- повинуйся.

Просил "Калама". Так называли и тростниковые перья, и кисти. Не в честь швейцарского художника величали их сей фамилией. Каламос

- тростник, отсюда все и шло. Спрашивал определенные номера... "Ожидая скоро новых товаров и тогда будут Калама..." Понятно. Но до отправки в Новопетровское времени мало. Не запасешься - станешь кусать локти... А кисти, однако, вздорожали: "иные по 1 р.20 к.сер., по 2 руб. и 50 к.сер." Где только денег взять?

Конечно, спрашивал коллегу о работе его. Работе вольного, самому себе предоставленного, человека-художника.

Не без зависти читал ответ:

"Я приготовясь теперь писать программу на 2-ю золотую медаль, -подал вчера эскиз в Совет Академии для утверждения, не знаю, утвердили ли? (Вчера подал, сегодня ответа ждет... Вот что значит свобода!..) Сюжет картины: отъезд семейного человека в дальний вояж. Дай Бог, кабы утвердили, писал бы с удовольствием. Надеюсь, что вышла бы недурная вещь..."

Утверждение в Академии - дело обычное, дело законное. А разрешение или запрещение вообще рисовать? брать в руки карандаш и кисть? заниматься этим открыто, как подобает художнику?

Часто думал Шевченко о судьбе своих товарищей по Академии. Вот и здесь вспоминал то Штернберга, то Гудовского, то Михайлова. Григорию Михайлову, одному из любимых учеников великого Карла, написал он особо.

"Письмо Ваше к Михайлову я отнес, но не застал его дома, а написал ему записку..."

Еще одно неизвестное нам письмо от 7 марта. Чернышеву, Гудов-скому, Михайлову - как же много утрачено, и разве восполнить подлинники предположениями? О чем Григорию Карповичу писал, что у него спрашивал или просил - об этом и не догадаешься.

Прежде, чем вывести свою фамилию, Алексей написал: "Преданный Вам душою"...Да, в его верность их, уже тут возникшему товариществу, он верит, Чернышев - человек открытый, нелицемерный.

Уже закончив свое письмо, приписал: "Был у меня недавно Левицкий, мы посидели с ним, поговорили". Хотел бы и он меж приятелями оказаться - послушать их, поделиться своим.

...Каждое письмо - штрих или мазок жизни.

3.

Но начал я с другого. С его учительства рисованию.

Ненавязчиво учил Матвея Чернышева. А названного Герном "бедного мещанина Хлебникова"?

Время их знакомства Карл Иванович обозначил неопределенно: "Пред отправлением в Новопетровск Тарас, сидя уже под арестом на гауптвахте, узнал о существовании в Оренбурге бедного мещанина Хлебникова с необыкновенным

дарованием к живописи; добрался до него, удостоверился в действительно замечательных способностях этого молодого человека и, отъезжая, передал его на мои руки..."

Попытаемся сначала разобраться в загадке так сказать "временной".

Новопетровское укрепление замыкало перед Шевченко уже в конце января. Путь его туда начался в сентябре. Напомню: от гауптвахты Орской крепости. В Оренбурге он задержался ненадолго - на считанные дни, даже часы. Никаких сведений о вторичном водворении его на главную гауптвахту Отдельного Оренбургского корпуса нет.

Что из этого вытекает? А то, что Шевченко и Хлебников спознались ДО отправки на Мангышлак и ДО оренбургской гауптвахты, но уже тогда, когда Тарас жительствовавал у Герна и, квартируя у него, твердо знал о своем назначении на пустынный берег Каспия, думал и говорил об этом, собирался в путь. Для более точного датирования оснований нет, но думать можно о феврале-апреле. Склоняюсь к апрелю - в том, полагаю, убеждает и сам тон воспоминателя. Времени для общения судьба отпустила им мало - свела и... разводила. Однако даже в тяжкий час думал Шевченко не о себе.

Кто же он, тот "бедный мещанин" и "молодой человек", талант которого увлек академически образованного профессионала?

В списке домовладельцев 1849 года (ГАОО, ф.368, оп.1, д.405) называется имя мещанки Хлебниковой Александры Давыдовны; дом ее, вместе со всеми прочими строениями, был оценен в 80 рублей.

Еще один документ, содержащий ту же фамилию в сочетании с той же сословной принадлежностью: "Книга по запису учеников, поступивших в Оренбургское уездное училище" (ГАОО, ф.77, оп.1, д.1). Хлебников Николай поступил сюда в 1842 году, когда ему было двенадцать лет, а окончил курс училища в 1849-м.

Да ведь этого мало... Как узнать больше? точнее?

У добросовестного Герна насчет дальнейшей судьбы их протеже сказано меньше, чем нам хотелось бы: "К сожалению, мы могли помочь Хлебникову только материальными средствами: он впоследствии был освобожден мещанским обществом, сделан учителем рисования в уездном училище и с горем пополам существовал, поддерживая крайне бедное свое семейство. Во время последней бытности моей в Оренбурге, осенью прошлого года, я видел Хлебникова и у знал от него, что он успел наконец собрать несколько деньжонок, чтобы отправиться в Петербург и там, с помощью Тараса, поступить в Академию художеств. Застал ли бедный человек этот Тараса еще в живых и что с ним делается, и как он успел себя пристроить, я не знаю, потому что не получил от него обещанного письма из Петербурга".

Академия художеств для Хлебникова осталась мечтой. Туда он н е попал, что явствует из юбилейного справочника, где поименно назван каждый из закончивших за полтора века, и из архивных фондов Ленинграда. "В фонде 789... сведений об оренбургском художнике Хлебникове не обнаружено" - таким оказалось сообщение из Центрального государственного исторического архива, на который рассчитывали всего более. Означало это и то, что не попал он ни в Высшее художественное училище, ни на педагогические курсы при Академии. Мечты безвестного таланта и его высокого ценителя не осуществились.

Единственной известной мне работой Хлебникова (того ли?) является рисунок старого бухарца, хранящийся в фонде Государственного музея Тараса Шевченко. Рисунок выполнен мастерски. Живые, выразительные глаза... Живет, "дышит" каждая черточка лица, каждая складка одежды... Проницательный взгляд, уверенная рука у того, чье авторство засвидетельствовано надписью: "Рис.пор.Хлебникова".

Рисовал портрет?

Рисовал поручик?

Поручик Хлебников отыскался в "Справочной книге Оренбургской губернии за 1868 год". Николай ПЕТРОВИЧ Хлебников служил в Оренбургском губернском батальоне, имевшем мало общего с регулярным войском и выполнявшем исключительно

вспомогательные функции.

Но это только справка для сведения.

Сведения и - размышления о еще одном ученике художника Шевченко.

Ему запретили не только писать и рисовать. Учить рисованию тоже.

Три года назад, 27 ноября 1846-го, подавал он заявление попечителю Киевского учебного округа Траскину и просил принять его на должность учителя рисования. Писал так: "Окончив курс учения в императорской Академии художеств в классе профессора истории Карла Брюллова и посвятив себя преимущественно изучению художественной стороны нашего отечества, я бы желал употребить приобретенные мною в искусстве сведения на образование в оном молодых людей по тем самым началам, какие я усвоил себе под руководством знаменитого моего учителя. А потому осмеливаюсь покорнейше просить Ваше превосходительство определить меня на открывшуюся вакансию учителя рисования в университете св.Влади-мира..." Месяцы спустя назначение состоялось, однако скоро последовал и донос, и арест - приступить к обязанностям не привелось.

И вот теперь...

Но все, понимал, в нарушение высшего запрета: и пишет, и рисует, и даже учит рисованию.

СЕДЬМОЕ МАРТА - ДЕНЬ ПИСЕМ

1.

Молчал-молчал и вдруг будто прорвало.

Письма тоже вдохновения требуют. Не вдохновения так толчка. Возникла оказия? Возможно и это. В любом случае перо взял всерьез и надолго, долги эпистолярные вернуть решил сразу всем.

Особенно подробно - как всегда подробно - писал Варваре Николаевне. Княжна была обидчива - ох как чувствовала, когда было ему не до письма, когда писал через силу, послание вымучивая.

С первых же слов настраивал себя на разговор неспешный.

О книгах. О Гоголе... По крайней мере, приготовился к этому. Потом видно будет, а пока - о нем. Тем более, что и сама она о Гоголе заговорила. (Как жаль - письмо ее не сохранилось; слава Богу, осталось в целости шевченковское!).

"Все дни моего пребывания когда-то в Яготине есть и будут для меня ряд(ом) прекрасных воспоминаний..."

Воспоминаниями теми он дорожит. В них и прекрасный уголок Украины, и милое семейство Репниных, и масса новых знакомств, и "Тризна".

Но... "Один день был покрыт легкой тенью..." Настораживаешься -тень? откуда? чем вызвана?

"...Конечно, вы забыли? вспомните! Случайно как-то зашла речь у меня с вами о "Мертвых душах". И вы отозвались чрезвычайно сухо. Меня это поразило неприятно, потому что я всегда читал Гоголя с наслаждением и потому что я в глубине души уважал ваш благородный ум, ваш вкус и ваши нежно возвышенные чувства. Мне было больно, я подумал, неужели я так груб и глуп, что не могу ни понимать, ни чувствовать прекрасного..."

Гоголь как причина недовольства молодой хозяйкой... Гоголь -мерило вкуса и ума...

"...последнее письмо ваше и это грустное воспоминание осветило..."

Оно, нами не читанное, давнее разногласие рассеивало. Только оно

- сколько лет прошло! Репнина признала - была она тогда не права. В каких выражениях, в какой форме признала - не суть важно. Главное

- взяла сторону его, Тараса, согласилась с тем, что оспаривала.

"...Да, вы правду говорите, что предубеждение ни в каком случае не позволительно, как чувство без основания. Меня восхищает ваше теперешнее мнение - и о Гоголе, и о его

бессмертном создании! я в восторге, что вы поняли истинно христианскую цель его! да!..."

Восхищение Гоголем переполняет душу. Не слепое преклонение перед его талантом - понимание всей глубины мыслей почитаемого им писателя.

"...Перед Гоголем должно благоговеть как перед человеком, одаренным самым глубоким умом и самою нежною любовью к людям! Сю, по-моему, похож на живописца, который, не изучив порядочно анатомии, принялся рисовать человеческое тело, и чтобы прикрыть свое невежество, он его полуосвещает. Правда, подобное полуосвещение эффектно, но впечатление это мгновенно! - так и произведения Сю, пока читаешь - нравится и помнишь, а прочитал - и забыл. Эффект и больше ничего! Не таков наш Гоголь - истинный ведатель сердца человеческого! Самый мудрый философ! и самый возвышенный поэт должен благоговеть перед ним как перед человеколюбом! Я никогда не перестану жалеть, что мне не удалось познакомиться лично с Гоголем. Личное знакомство с подобным человеком неоцененно, в личном знакомстве случайно иногда открываются такие прелести сердца, что не в силах никакое перо изобразить!..."

Монолог его о Гоголе глубоко личностный, он из сокровенных тайников сердца, в нем все, что думает Шевченко о литературе и искусстве, о предназначении писателя в этом несовершенном, неустроенном, подчас просто трагическом мире. Да, познакомиться с Гоголем лично ему не посчастливилось. Да, посмотреть глаза в глаза не получилось - так сложилась жизнь. Но к Гоголю он ближе, чем та же княжна Варвара, с ним видевшаяся, даже общавшаяся. Хорошо, что хоть сейчас признается в ошибочности своего предубеждения. Сам он никогда в силе и величии Гоголя не сомневался, сейчас же, когда прочел, и не раз, его "Выбранные места из переписки с друзьями", преклонение перед ним стало всеохватным, всепоглощающим. "Истинный ведатель сердца человеческого", "самый мудрый философ", "човеколюбец" - таков в его глазах автор не только "Мертвых душ"; а и этой, новой книги, которую он получил - от Репниной! - перед выступлением на Арал, взял с собою в многотрудный поход и не раз прочел^то от начала до конца, то раскрывая где придется или в тех местах, которые поразили его особенно.

Шевченко знал - не мог не знать - мнение о книге Белинского, его резкое письмо к Гоголю, недоброжелательность к "Выбранным местам..." многих, даже уважаемых им, людей, осудивших писателя за отказ от художественного творчества и якобы самонадеянные, якобы никчемные попытки проповедничества. По мнению части читающей публики, Гоголь чуть ли не помешался. (Эту мысль и сегодня проводят на уроках литературы иные начетники, в глаза не видевшие "крамольный" его труд). Они не поняли "истинно христианскую цель его", не увидели в нем "самый глубокий ум и самую нежную любовь к людям". (Тарас увидел и понял, но... по-прежнему судят о Гоголе по Белинскому, а, скажем, не по Шевченко и иже с ним, не по самому, наконец, Гоголю; только в 1990-м эта книга в полном ее виде увидела свет и стала доступной. Доступность, впрочем, не означает читаемость...)

Не стану подбирать цитаты из "Выбранных мест..." - их можно было бы привести во множестве. Поделюсь лишь одним наблюдением. Не кажется ли, что само письмо Шевченко к Репниной -это письмо, датированное 7-м марта, - выдержано в стиле... писем Гоголя? Прочтите еще раз...вчитайтесь...

"...Оренбург такой город, - сетует автор письма, - где и не говорят о литературе, а не то чтобы можно было в нем достать хорошую книгу!..."

Не говорят-уж слишком категорично. Говорят и читают; при штабе дивизии есть даже своя библиотека, основанная и пополняющаяся на добровольные взносы ее абонентов-офицеров. Среди авторов и Гоголь, которого "начали почитать", ценя "исключительно как юмориста". Однако "вся эта речь к тому, чтобы..." Чтобы получить от Репниной "Мертвые души" - книгу, которая может стать ему д р у г о м в прикаспийском глухом укреплении, скрасить мангышлакское его одиночество.

С горечью признается - "роскоши" выписать книгу из Москвы позволить себе он не может. "Пришлите ради всего святого!", "пришлите... ради всего высокого, заключенного

в сердце человеческом"...

Отдельные важные места из этого письма приводились раньше -был для того повод. И о Новом Завете, читаемом "с благоговейным трепетом", и о возникшей в нем мысли "описать сердце матери по жизни пречистой девы, матери Спасителя", и о желании "написать картину распятого сына ее" - хотел бы осуществить свой замысел еще здесь, но если тут не удастся, то в Седневе, его церкви, где есть подходящее место.

"...не теряю надежды, что испытанию моему придет когда-нибудь конец..."

На что надеется-неясно. "Молюся Богу..."Пока вымолил только одно: "...погонят 1-го мая в степь на восточный берег Каспийского моря..."

"...Лазаревский теперь в отсутствии, но вы адресуйте свое письмо в Пограничную комиссию. Он его получит..."

Это уже на тот случай, если ответ Репниной придет по отбытии на Мангышлак.

По Федору он соскучился. Как ни говори, а без него не с кем отвести душу в душевной беседе земляков, в родной украинской песне. И рождаются посвященные приятелю строчки: "...Это один из самых благородных людей! Он первый не устыдился моей серой шинели, и первый встретил меня по возвращении моем из Кирги(зской) степи, и спросил, есть ли у меня что пообедать. Да, подобный привет дорог для меня! Напишите ему. Благодарите его, потому что я и благодарить не умею за его приязнь!..."

Над листами письма сидит он уже давно. "...Хотелось бы долго, вечно беседовать с вами, единая сестра моя! но что делать?.." Пора заканчивать. "...Почта, как и время, не останавливаются ни для нашей грусти, ни для нашей радости..." Все, можно подписаться.

Но на последней строке находится место и для адреса. "Адрес мой прежний: К.И.Герну..."

Тот, ранее сообщенный, Лазаревского, вступал в силу в мае; этот, нынешний, приглашал не медлить. Письмо Репниной, гоголевские "Мертвые души" он надеялся получить еще здесь.

"До свидания..."

Не "прощайте" как в январском, а именно до свидания. Надежды нет, но - надеется.

Жаль, конечно, что письмо, на которое он отвечал, не дошло. Но, похоже, сгорело послание в огне, когда ждали обыска.

2.

В тех же воспоминаниях Залесова, там, где речь идет об офицерской библиотеке, с Гоголем соседствует Лермонтов. "Страшнейший фурор производил Лермонтов своим "Героем нашего времени", - записал мемуарист. Стихи "того же Лермонтова" упомянул он вскользь, внимания на них не фиксируя.

Но коль скоро речь зашла о литературных пристрастиях Шевченко тех дней и месяцев, не могу обойти и слово его о Лермонтове.

В "Описи вещам и книгам, принадлежащим рядовому Шевченко" -а сделана была эта опись в связи с апрельским обыском и арестом -среди немногих книг обозначены сочинения Лермонтова в двух томах. Их подарил Михаиле Лазаревский.

Не "Герой нашего времени", но его, Лермонтова, стихи и поэмы стали для Тараса любимым чтением в эту оренбургскую зиму.

Поэт воодушевлял на поэзию. И рождались строки, полные высокой социальной страсти.

Мею здається, я не знаю, А люде справді! не%мирають...

На этих страницах они уже звучали. Напомню: там, где речь шла о портрете помещика Племянникова. Конечно, прямого сходства, прямой переклички мотивов в поэзии Лермонтова и поэзии Шевченко искать не приходится. Оба поэта совершенно самобытны, оба - гениальны.

Но влияние отнюдь не заимствование, не подражание. Влияние -вдохновение на творчество, побуждение к возвышенному, раскрепощение истинного таланта. И обращается Тарас к вдохновителю своему как к музе, зовет его, кличет в поддержку себе,

в помощь. Так возносят молитву Богу!

...Де ж ти? Великомучениче святый? Пророче Божий? Ти меж нами, Ти, присносуший, всюди з нами Витаеш ангелом святым. Ти, любий друже, заговориш Тихенько-тихо...про любое Про безталанную, про горе; Або про Бога та про море, Або про марне литу кров 3 людей великими катами. Заплачет тяжко перед нами, І ми заплачемо... Жива Душа поетова святая, Жива в святых сво!х речах, І ми, читая, оживаем І чуем Бога в небесах...

Присносуший - вечный.

В письме к Репниной его благоговение Гоголем, в поэтических строках - гимн Лермонтову. Душа поэта-пророка сродни его собственной. Прекрасные, высокие чувства рождает в нем изумительная эта поэзия. И не в силах он не высказать, не выразить свою благодарность тому, кто так его порадовал, подарив бесценные книги:

...Спасиб!, друже мш убогий! Ти, знаю, лепту роздши Свою еди-ну... Перед Богом Багато, брате, заробив! Ти переслав мен! в неволю Поста нашего, - на волю Мен! ти двер! одчинив!..

Двери на волю... Сравнивал с самым дорогим, самым желанным.

Что в письме о Гоголе, что в стихотворении, навеянном Лермонтовым, - слова его благодарности Лазаревским. В одном - Федору, в другом - Михаилу.

Мучает совесть: не слишком ли мало уделил я внимания братьям в повествовании своем об оренбургской зиме Тарасовой? не отодвинул ли их на второй, даже третий план?

Большую часть времени они и впрямь были врозь. Но - зримо ли, незримо - в его жизни Лазаревские присутствовали всегда.

Портрет братьев, выполненный им еще в декабре сорок девятого, излучает любовь.

...Спасиб!, друже! Прочитаю Соб! хоть мало... оживу... Надно в сердц! прив!таю, Тихенько-тихо засываю І Бога Богом назову.

НАДЕЯЛСЯ...

1.

Портреты на заказ денежных его проблем не решали. Желających было мало, платили скудно. Все чаще думал о безнадежной пустоте своих карманов - нищета прямо-таки удручала. Как признавался Репниной: "Я сделался настоящим попрошайкой! что делать?" Выпрашивал у нее к н и г у, но кто поручится, не придется ли просить и на хлеб насущный. Солдатские кормовые были скудными, потребности превышали возможности, причем многократно.

До чего же во-время пришли деньги из Седнева, от Лизогубов!

"Я не знаю, що б зо мною сталося, якби не ви! В великш пригод! стали меш оц! 50 карб... Що значать грош! при убожеств!!"

В ответном письме - писал его 14 марта - он не прибеднялся, не хитрил - был совершенно искренен. Деньги оказались как нельзя кстати. Прикупит бумагу, кисти, краски. "Якби не ви, то мене б давно з нудьги не стало, а то все-таки, хоч украдучи, та трошки помалюю, а воно и полегша!" Уже сейчас самое время позаботиться о припасах для Мангышлака. "Не знаю, чи доведеться меш хоть що-небудь намалю-вать на Каспшському мор!..." Но надеется на то, что рисовать сможет и там. "Якщо доведеться, то пошлю до вас; плшки вже цшн не поставлю, а продаете так, як вам Бог поможе".

Полученные деньги его, кровные, - за проданные работы. Их все, похоже, купил Лизогуб Илья Иванович. ("Подякуйте 1 ви за мене Ілійо Бановича за його благородную щедроту..."). "И вы" - потому, что пишет ему сам. Щедростью покупателя доволен, но хочет знать и мнение ценителя. "Розпитайте..."

Лизогуб-старший (много старший и брата, и Шевченко) в искусствах з н а^ея как немногие. И в литературе, и в живописи, и - особенно - в музыке. Он был пианистом, виолончелистом, певцом, композитором - автором первой отечественной сонаты для фортепиано и виолончели, признанного сейчас произведения украинского музыкального

романтизма первой трети XIX столетия. Образованность его казалась необъятной - такой, собственно, и была. Всеобщее уважение вызывала и храбрость, проявленная в Отечественную. Почетная золотая шпага была на виду у всех, кто приходил в седневский дом Лизогубов.

Деньги деньгами, но то, что в этом доме отныне хранятся и новые его работы, душу тешило.

Андрей Иванович прислал Фому Кемпейского - тоже приятно. "Спасиб! вам за вс! ваш! блага! Не забывайте безталанного..."

Он и впрямь безталанный. Как еще можно назвать, человека, который не вправе распоряжаться собою, своей судьбой, даже своим временем? Вот сегодня - хотел написать подробнее, а нет - письмо пришлось свернуть, скомкать.

"...От яка моя доля погана! Я, вставши раненько, заходився писать до вас лист оцей; тшько що заходився, а тут чорт несе ефрейтора (звичайно найнятого, щоб давав знать, бо я живу тепер не в казармах): пожалуйте к фельдфебелю. Треба було лист покинуть, а сьогодні почта одходить. То сьак, то так ублагавши фельдфебеля, вернувся я до хати ! захожуюся знову, а часи беруться вже коло першого, то вибачте, коли не все розкажу, що хотшось б розказать, або що-небудь помилю-ся..."

Зачем звал фельдфебель - кто про то знает? Звал, и все тут. Зовут - явись, от всего прочего отрешившись. Ты нижний чин - тебе положено подчиняться. Утром, вечером, ночью - будь готов к любому приказу... Нет, письма обстоятельного сегодня не получится. И мысли выветрились, и время неумолимо.

А впереди... "До 1 -го мая адрес мш той самий, а там, здається, треба буде знову мовчать".

Молчать- этого от него и добивались.

2.

"...а там, з д а е т ь с я..."

Казалось ему не только мангышлакское вынужденное молчание, но другое, куда более желанное, - изменение маршрута ел е д о в а н и я.

"Молюся Богу и не теряю надежды..."

Молился за избавление от всеми проклинаемого Новопетровского, надежду лелеял, прежде всего, на то, что майского перевода удастся избежать.

Откуда все-таки надежда явилась?

Тараса позвали в губернаторский дворец.

Пригласили как художника. Заказали портрет Матильды Петровны. Намекнули: понравится - получит и другие заказы. Возможно даже на портрет самого хозяина здешнего края.

"Как раз в том году была составлена "опись дому, выстроенному для жительства военных губернаторов в г.Оренбурге" (ГАОО, ф.6, оп.14, д.41).

"Дом каменный на фундаменте и цоколе, длиною 19 сажень 9 вершков, широтою 12 сажень 1 аршин 10 вершков, высотой от горизонта земли под крышу 6 сажень 12 вершков, высота крыши под конек 5 аршин. Крыша покрыта листовым железом и окрашена зеленою краской на масле.

Дом этот двухэтажный с антресолями, за исключением парадных комнат над половиною дома... С боку фасада устроен во 2-м этаже фонарь..."

На многих листах описи - все одиннадцать комнат первого этажа, каждое помещение бельэтажа, включая - особенно подробную - большой и малой гостиной, любая лестница, парадная и непарадная. Из каких материалов полы, какой формы лепнина потолков, в каком цвете выдержан тот или иной уголок. Особой помпезности может и не было, но то, что для Оренбурга это дворец, что войти сюда вправе далеко не каждый, это было видно уже при первом взгляде с набережной Урала.

"Из парадных сеней направо..."

В парадные сени он и вошел.

Где, в каком интерьере рисовать губернаторшу, которую он видел прежде только мимоходом и всякий раз издали?

Снова перечитываю описания гостиных.

"Стены комнаты и поддуга свех карниза отделаны под мрамор-карниз лепной работы с такими же медальонами... На балкон дверь двухстворная, дубовая, филенчатая со стеклами..."

Балкон?

"Наружный балкон с чугуною решеткой в столбах" был украшением дворца - отмечали это все, кто писал об Оренбурге. Рисунок решетки связывали с именем Александра Брюллова. (Кому взбрело в голову балкон уничтожить? Впрочем, как и фонарь, бельведер, многое и многое другое, что дом украшало? А уж о внутреннем убранстве и говорить не приходится: нынешнему институту усовершенствования учителей содержать свое хозяйство не по силам и не по средствам...).

Но отчего думается мне о балконе?

На этом балконе запечатлена стройная, привлекательная женщина, портрет которой репродуцируется в восьмом томе полного собрания произведений Шевченко, среди художественных его работ оренбургских месяцев.

То, что балкон дворцовый, явствует уже из фона: за спиною портретированной легко угадываются Урал и зауральная роща.

Ну а она? кто она?

Много догадок на сей счет высказывалось (мною в том числе). Называли и Ускову, и Рязанову, и Конопасевич. Но всего вероятнее -это Обручева.

"...Мы познакомились, - писал, вспоминая 1842 год, И.Ф.Бларам-берг, - с супругой нового начальника, Матильдой Петровной, урожденной Ригенсерин, француженкой по происхождению, писаной красавицей, высокой блондинкой, образованной и приветливой в обхождении..."

На балконе - полноправная хозяйкадома, столь же уверенная, сколь и красивая, все еще красивая.

В марте и даже апреле в Оренбурге прохладно, а часто, и холодно. Художник мог писать губернаторшу в интерьере комнатном с перспективой перемещения кресла с моделью на балкон, выходящий на самый живописный уголок города. Воплощение фона присутствия портретируемой уже не требовало...

Федор Лазаревский в своих черновых заметках по поводу прочитанных им книги М.К.Чалого и статьи Евгения Гаршина удивленно вопрошал:

"Кто же из нас, живших в Оренбурге, не знал, что Шевченко рисовал, между прочим, портрет жены Обручева, Матильды Петровны, и в известные дни являлся в дом военного губернатора Обручева для сеансов? Могло ли это делаться в доме военного губернатора без его ведома..."

Без ведома не могло. И понимание того, что Обручев изъявил на приглашение его во дворец согласие, и приветливость, любезность супруги начальника края, которая не один день ему позировала, - все это обнадеживало.

"Не теряю надежды" исходило, как представляется мне, отсюда. Поэты - люди доверчивые до наивности... Но жить без надежды н е л ь з я.

3.

Известный портрет Федора и Михаила Лазаревских, тот, где они вдвоем, был нарисован еще в декабре.

На этот счет есть свидетельство самого Федора Матвеевича, который 6 декабря 1849 года писал своей сестре Глафире:

"Запоздал я, мое сердце, ответом на твое письмо; - право, работы так много, что голова кругом ходит - не знаешь, за что прежде взяться... Третьего, кажется, дня, ко мне приехал Михаиле и вот к удовольствию новая еще радость: - вместе с Михайловым нарисован мой портрет, говорят, удивительно похож, - он уже окончен; Михаила еще не

кончен; позабочусь выписать и рамки для них".

Это "для них" исследователей смущает. Рамки для двух работ? для двух портретов? До нас дошел один, но парный. Кто, однако, поручится, что еще шестого декабря имелись в виду не индивидуальные, а уже после того братья были соединены вместе?

В правом нижнем углу акварельного - часто репродуцируемого - портрета Федора и Михаила неизвестной рукой сделана чернильная надпись: "Оренбург, 11 декабря 1849 г." За пять дней после шестого портрет мог претерпеть серьезнейшие изменения и, по сути, быть выполнен заново. Дата на портрете - 11-е декабря - говорит сама за себя, сомнения снимая.

Другое дело, что должен был состояться и портрет 1850-го. Вот на этот раз, действительно, не братьев, но одного Федора. 12 апреля в письме к той же Глафире, по мужу Огиевской, он писал: "...я просил Шевченко сделать еще один мой портрет; на днях начнутся сеансы, и он скоро будет готов".

Увы, замысел сорвался. "На днях..." звучит так же неопределенно, как и "скоро". До непредвиденного поворота событий - обыска... ареста... - дней оставалось очень и очень мало - едва полторы недели.

Федор вернулся из долгой своей командировки только в начале апреля. Радовался Тарас истинно-родной душе, снова для него ожил дом Кутиных. Разговаривали, пели, выпивали. Не пьянствовали, а именно выпивали. "Душа его, - вспоминал Лазаревский, - всегда знала меру". И приводил слова самого Шевченко:

Вип'еш першу - стрепенешся? Вип'еш другу - схаменешся, Вип'еш третю - в очах сєє, Думка думку поганєє.

...Говорили и не могли наговориться. Мыслям было тесно, наперебой делились планами-надеждами.

Надеялись на доброе, лучшее.

"ПОНАД ЕЛЕКОМ, СТІВ Я ДІДА..."

1.

Нарушениями, притом грубейшими, были любые отлучки с места службы. Захотели бы - могли расценить как дезертирство. Со всеми вытекающими последствиями. Суровейшими последствиями.

Думаю об этом в связи с одной из его поездок весны пятидесятого.

Если однажды куда-то съездив, поездку не забываешь, значит была она действительно интересной и важной безусловно. А тому, что ЭТУ Шевченко не забывал, подтверждения самые веские. Тут и первые, з а п е в н ы е, строки в поэме: Тиняючи на чужин! Понад Елеком, стрів я двда... и одноименная повесть "Варнак", содержащая еще более точные, прямые географические координаты:

"Есть в этой благодатной стране (в обширнейшем Оренбургском крае - Л.Б.), неглубоко под землею, огромная глыба соли, а на этой глыбе построена небольшая крепостца, называемая в простонародии Соляною Защитой.

Обстоятельства заставили меня побывать однажды в этой Соляной защите..."

Запомнилась речка Илек. Запала в память небольшая крепость на толще соли, отложилось в мозгу, и осталось, колоритное, дышащее историей, народное название.

Официально она значилась Илецкой Защитой.

Писал Бларамберг Иван Федорович:

"Эти знаменитые соляные карьеры находятся на той стороне реки Урал, в 64 верстах к югу от Оренбурга и примерно в 6 верстах севернее степной реки Илек, которая образует здесь пограничную линию Киргизской степи. Свое название разработки получили потому, что они находятся недалеко от Илека и в прежние времена были защищены от разбойничьих набегов киргизов земляным укреплением..."

Огромная глыба соли была и на самом деле огромной.

"Протяженность пласта каменной соли, - читаем там же, - составляет с востока на

запад 767 сажень и с 70га на север 1006 сажень, что дает площадь в 771602 квадратных сажени. Толщина соляного пласта неизвестна. Предпринимались попытки пробурить его на глубину 60 сажень (420 английских футов), но конца массе не было..."

Неглубоко под землею все и находилось.

Из "Воспоминаний" Бларамберга (а в них относящееся к тому самому времени):

"Карьер, на котором сейчас (1846 г.) ведется разработка соли, имеет примерно... 12-15 сажень в глубину. На соляной пласт можно спуститься по удобной деревянной лестнице и наклонным дорожкам (для тачек)..."

.. Добывают каменную соль открытым способом. Топорами, насаженными на длинные топорища, вырубает сверху вниз длинные борозды глубиной 1 и шириной 3 вершка, отступают на 1 аршин и снова вырубает борозду... Соляные глыбы, а также мелочь вывозят из карьера на тачках, небольшие куски соли выносят на плечах носильщики..."

Шевченко:

"Я вспомнил, что прежде здесь добывалась соль арестантами и что многие из них, кончив свой тяжкий термин, были поселены тут же, смотря по нравственности..."

Бларамберг:

"В 1846 г. на соляных работах использовалось 67 царских и 719 вольнонаемных рабочих, последние большей частью из татар Оренбургской губернии. Ежемесячное жалованье вольнонаемного рабочего составляло 7 рублей для отбойщика соли и 5 рублей для носильщика..."

Герой "Варнака" попал сюда в кандалах, каторжным и работал в карьерах вместе с другими арестантами. Шевченко увидел вольных. Но труд их мало чем отличался от невольничьего. Впрочем, были и те, кого приводили и уводили под конвоем. Из 54-й военно-рабочей роты, к примеру.

Дислоцировалась эта рота в Оренбурге, однако рассылали штрафных по разным местам. Илецкая Защита для наказания подходила как нельзя больше.

Что касается функций сугубо военных, то их тут выполняли роты 5-го линейного батальона. Две находились в Орской, две - здесь.

Шевченко: "...небольшая крепостца..."

Бларамберг: "...укрепленная станица, построенная у знаменитых соляных шахт..." - "...маленькая крепость..."

Здесь и побывал он однажды. Случилось это...

2.

Полагаю, что в апреле.

Версты от Оренбурга до Защиты к тому времени стали вполне проезжими, добраться туда под весенним, достаточно горячим солнцем труда не составляло.

Тем более, когда ехал на всем готовом.

Позвать его с собою мог Герн, могли и другие знакомые из офицеров или чиновников. Знали: ему будет интересно. А уж он, засидевшись на одном месте, готов был, ради новых впечатлений, на все.

Привлекала возможность снова ощутить степь.

Влекло новое место.

Что еще?

Там наверняка были знакомые. По Орской крепости, по Оренбургу... Это ли не важно?

Конечно, я высказываю только предположения, можно даже сказать - гадаю. Но никаких определенных сведений о поездке - времени ее, спутниках, продолжительности - нет. Была, и точно была, - это явствует из "Варнака", особенно в прозе. Никогда раньше и никогда позже - кроме как в месяцы оренбургские - в Илецкую Защиту дороги не вели. Проходили его дороги мимо, и далеко отсюда. Из Оренбурга же ездили туда многие - по долгу службы, а иной раз и просто так, "проветриться". Шестдесят четыре версты -

расстояние не из больших. За два-три дня можно и добраться, и нагостеваться, и вернуться.

(Вопрос о времени поездки отнюдь не праздный. Известный исследователь жизни и творчества Шевченко И.Я. Айзеншток высказал мнение о том, что поэт побывал здесь "в ноябре 1849 года, возвращаясь в Оренбург из Аральской экспедиции". Однако письмо Бутакова, на которое уже приходилось ссылаться, не оставляет сомнений, что путь экспедиции через ЭТИ места не проходил.

Другая версия - о посещении крепости во время следования к Новопетровскому укреплению - опровергается изучением карт "Большой линейной дороги из города Оренбурга в Уральский городок", почтовых и этапных дорог губернии. Они безоговорочно убеждают, что Илецкая Защита находилась от этого тракта в стороне).

По-прежнему думаю об апреле пятидесятого. К поездкам располагала сама весна.

"Однажды он, скуки ради, посетил Каргалу..."

ОН - лекарь Сокира из повести "Близнецы". К а р г а л а, или Татарская Каргала, донныне стоит на тракте, ведущем в Уфу.

Ни одно перемещение Тараса из батальона в батальон с переездами по этой дороге связано не было, а в Каргале он все же побывал, и даже в повесть ее вставил - весьма бегло, но и с названием села, и с определенной характеристикой его облика, дйже запаха.

"Все же таки, - думал он (Сокира - Л.Б.), - село, следовательно, не без зелени". И представьте его разочарование: дома, ворота да мечети. А зелени только и есть, что крапивы кусточки под забором, а вонь такая, что он не мог и чаю напиться. "Вот тебе и село!..."

Заметим: "Однажды он, скуки ради..." Ездил туда специально, и поездка, судя по описанию природы, могла состояться где-то весной - в зимнее время "крапивы кусточков" быть не могло.

В повести ни слова о прошлом села, некогда Сеитовой слободы. Один из первых населенных пунктов в этих местах, слобода ко времени Пугачевского восстания насчитывала уже несколько тысяч жителей. Большинство здешних татар занималось трудом крестьянским, или ремеслами, или работало на купцов; купцы вели крупную торговлю по всей Средней Азии, по многим губерниям России.

Когда Сеитовой слободы достигла весть о приближении отряда Емельяна Пугачева, в Оренбург ушли главным образом богатеи. Основная масса жителей осталась и даже выслала гонцов. Через несколько дней Пугачев был тут. А в дальнейших боях повстанческой армии героически дрался целый полк каргалинских татар.

Их наследников Шевченко видел, не село вызвало разочарование. Оно ничем не напоминало родные украинские. И даже запавшее в сердце Островное, через которое привелось проезжать...

В апреле, всего вероятнее, состоялась встреча и с "крепостцой" на огромной "глыбе соли".

3.

Сама она находилась не на этой глыбе.

"Недалеко от Илецкой Защиты расположена гипсовая гора, на вершине которой находится маленькая крепость. В склоне под этой вершиной вырублены глубокие пещеры, где зимой тепло, а летом очень холодно, так что жители используют их как холодильники..."

Снова цитирую современника - Бларамберга. Не упустил он и такой достопримечательности, как... "Недалеко от...карьера находится небольшое соляное озеро, красноватая вода которого так насыщена солью, что, купаясь в нем, не нырнешь: тело остается на поверхности воды... Рядом с, соляным озером находится другое, с пресной водой, которое служит для ополаскивания купающихся..."

В "Варнаке" озеро не упоминается. Но есть оно в воспоминании-легенде оренбургского старожила Николая Ивановича Алисова, который лет тридцать назад

прислал мне письмо, в котором сообщил и факт из своего детства. "Должен сказать, - писал он, - что в детские годы, в 1910 г., мне пришлось бывать в Соль-Илецке, в котором был поэт Т.Г.Шевченко. Улицы я сейчас не помню, но знаю хорошо, что она выходила на Соляное озеро к Гипсовой горе, и прекрасно помню, что владельцем этого одноэтажного домика был некто Дегтярев. Так вот старики Дегтяревы мне показывали комнату, в которой жил Шевченко, и во дворе садик с акациями желтыми, который, по их рассказам, он посадил..." Усомниться в первой части сообщения Алисова оснований у меня нет. Неправомерно сбрасывать со счетов указание на домик близ Соляного озера. Вот то, что услышал о садике во дворе, разумеется, легенда. Она безусловно красива, в традиции легенд о шевченковских деревьях, но в Илецкой Защите Шевченко пробыл считанные дни и, при всем желании, заложить сад не мог.

А в Защите он действительно-о становливался.

"В первое воскресенье моего там пребывания увидел я..."

Намереваясь подчеркнуть мимолетность поездки, пишут не так.

Перед "первым воскресеньем" непременно была первая суббота, а, может, и первая пятница.

Впрочем, помню: читаю не документальное свидетельство, а произведение художественное - повесть. В повести же возможны и домысел, и вымысел.

"В продолжение недели я узнал..."

Неделю беру под сомнение. Но, может, и зря?

4.

Итак...

"В первое воскресенье моего там пребывания увидел я в церкви старика, совершенно седого, но еще довольно свежего и необыкновенно выразительной и благородной физиономии.

Он в церкви исполнял должность причетника...

Его величаявая наружность меня поразила...

' ...- Это, батюшка, бывший в а р н а к, а теперь здешний поселятик. Добрейшей души человек.

После этого ответа я остановился около церкви и провожал глазами заинтересовавшего меня старика..."

В церкви увидел; выходя из нее, услышал; там же в него в смотрелся. Завязка здесь. Адрес шевченковский- что биографически, что творчески.

Поднимем дело 6572 в фонде 173 (опись 4) Оренбургского архива.

Храм Вознесения Христа Спасителя...

"...Церковь и колокольня здания каменная...кирпичная...под железными, окрашенными зеленою краскою кровлями и крестами, позлащенными червонным золотом..."

"...Купол церкви каменный кирпичный, внутри раскрашенный под лепную работу, а пол из пиленого гранита..."

"...Над царскими дверями - в сиянии - Господь Саваоф и дух Святой на одной иконе; выше сияния тайная вечеря; в на верху арки иконостаса нерукотворный образ Спасителя с двумя держащими оной ангелами. Ангелы лепной работы, из папье-маше, живописные..."

"...У жертвенника икона самого действия распятия Иисуса Христа..."

"...Семь колоколов..."

Священником в храме был отец Павел - Павел Петрович Авриц-кий, сорока лет, пономарем - Савва Медведев. Причетник не назван.

"Он (бывший варнак-Л.Б.) в церкви исправлял должность причетника, ставил свечи перед образами, снимал со свечей, гасил догоревшие и в конце обедни ходил с кошельком вместо церковного старосты..."

Это из повести - о главном герое, каким его впервые увидел автор.

Позже они встретились в "собственном домике" старика: "...через несколько минут мы подошли к небольшому беленькому домику, соломой крытому; наружность его мне напомнила Малороссию". Это впечатление усилилось, когда переступил порог в жилище земляка: "Везде во всем видно было порядок доброго хозяина и заботливость хозяйки, все было чисто и привлекательно. Комната была разделена на две половины узкою, длинной печкой вместо перегородки. А печка украшена лепными арабесками домашнего художества. (Такие печи можно видеть на Волыни и Подолии)... Около двери в углу стоял посох степного дерева джигилу. И тут же около посоха на гвозде висели кандалы..."

За десятилетия домик мог претерпеть множество всевозможных изменений. Но нет, не выходит из головы свидетельство Н.И.Алисова - о том, что увидел и услышал он в 1910-м, оказавшись в домике на улице, которая выходила на Соляное озеро. Насколько знаю, сегодня эти сведения, эта легенда в Соль-Илецке уже не бытуют. Цепь порвалась. Может и потому, что три десятилетия назад, получив письмо от старого человека, не дал ему ход, положил в свой архив. Об оплошности сожалею.

5.

Мне не кажется случайным, что в домике причетника-варнака (а если брать шире, то именно в Соляной или Илецкой Защите), Шевченко увидел "в позолоченной рамке эстамп, выгравированный Миллером с картины Доменико Цампиери, изображающей Иоанна Богослова", раритеты книжные и даже "лепные арабески" домашнего художества.

Эстампы работ виднейших мастеров оказались тут и впрямь, но в коллекции горного коменданта полковника Дмитриева.

Четыре года спустя, находясь в Новопетровском, он писал Бр.Зале-скому, наставляя его на совершенствование в изобразительном искусстве: "Если в Защите у Дмитриева найдешь хорошие эстампы французской школы, как-то Делакруа, Делароша, Ораса Вернье и других, то хорошо скопировать их посредством фотографии, и держи эти копии у себя, смотри, любуйся ими каждый день и каждый час; это так может научить и образовать вкус, как никакая многоумная и многоглаголивая эстетика и философия.

Советовал, потому что помнил впечатления собственные - от посещения дома Дмитриева весной 1850-го. Других случаев быть здесь и все это видеть ему уже не представилось.

"...Горный комендант Дмитриев, незадолго присланный туда, -комментировал шевченковское письмо начала 1854 года Залеский, -любил картины; у него было нечто вроде небольшой галереи".

Наставления друга до него, конечно, дошли, и ими он воспользовался. В Илецкую Защиту Бронислав наезжал. 12 февраля пятьдесят четвертого он, например, стал тут восприемником новорожденного при крещении его ксендзом Зеленко. (ГАОО, ф.172, оп.3. д. 189).

Николай Александрович Дмитриев был, безусловно, натурой художественной. Он имел прямое отношение к семье, в которой знали и любили искусство. Достаточно напомнить об известном русском художнике Н.Д.Дмитриеве-Оренбургском (1838-1879); илецкий "соляной комендант" доводился ему дядей.

"Он был образован, как любой аристократ того времени..." Шевченко писал так о причетнике, но мне в этих словах слышится отзыв и о Дмитриеве.

Знакомство их могло состояться еще той зимой в Оренбурге. Но Тараса манила его галерея, и при первой же возможности поехал.

Поездка осталась в памяти. Отголоски ее - в повести и поэме под одним и тем же названием: "Варнак". Художественных исповедях угнетенного, ставшего мстителем.

ПОДЛАЯ ДУША ИСАЕВ

1.

И снова "эх".

Эх, Иван Иванович, и почему вы все-таки желание свое не исполнили? Не

решились ворошить старое... или промедлили и опоздали... или получили от ворот поворот? Никто про то не знает, и узнать нам уже не дано. Поздно, необратимо поздно - вот приговор времени.

Напомню строки из вашего, Иван Иванович, письма к М.К.Чалому: "...Затем сообщу вам за достоверное, что здесь влачит еще старческие дни свои та красавица (жена адъютанта Обручева Герна), из-за которой Кобзаря, как "карикатуриста", выслали в Орск солдатом. К ней я давно уже подбираюсь, и все, что узнаю, сообщу вам обязательно".

Не подобрался и не узнал. Во всяком случае, ровным счетом ничего не сообщил про то биографу. "Обязательно..." Не уведомил даже, что затея его не удалась.

Но до чего же важны и эти несколько строк сообщения предварительного - того, которое содержалось в письме из Оренбурга, датированном 14-м апреля 1895 года...

Выделяю: девяностопятого.

А воспоминания Лазаревских - Федора и Михаила - впервые были обнародованы в девяносто девятом; в свет их благословила "Киевская старина".

Ссылаюсь на эти материалы потому, что с "той красавицей" из письма Евфимовского-Мировицкого связаны они (пусть некоторыми своими эпизодами) непосредственно. Но... первоисточниками для редактора-издателя "Оренбургского листка" воспоминания братьев служить не могли: публикация их была в довольно далекой перспективе, сами же авторы покоились в могилах - Михаил Матвеевич с 1867-го, Федор Матвеевич с 1890-го.

Что касается происшествия 1850-го года, то в памяти оренбуржцев-старожилов продолжало оно жить и сорок пять лет спустя, как жила еще бывшая красавица, из-за которой, как говорила молва, свалились на голову обездоленного Тараса новые большие напасти.

...Молва могла обрасти придуманными деталями, анекдотичными вымыслами, однако в основе всего лежал ф а к т, и они его подтверждали - люди разного времени, разных поколений, объединенные близостью к Шевченко.

2.

Михаил, собственно, сюжета происшествия не коснулся.

"Офицер Оренбургского батальона Исаев (...недавно приехавший из!сакого-то петербургского кадетского корпуса) сделал Обручеву донос, что Шевченко, несмотря на высочайшее запрещение, переписывается со своими знакомыми и занимается снятием портретов..."

О какой бы то ни было личной подоплеки доноса речи нет. Что его вызвало - ни слова. Вполне определенно - донос, так же определенно - Исаев.

Зато у Федора Лазаревского...

"В 1849 году прибыл в Оренбург на службу только что выпущенный из какого-то кадетского корпуса смазливенький прапорщик Исаев. Не прошло и года, как по городу стали ходить слухи о том, что сей юный Адонис приглянулся супруге М.К. Слухи эти приводили Тараса в исступление.

- Докажу ж я этой к..! Не дам ей безнаказанно позорить честное имя почтенного человека, - кипятился он, заходя ко мне.

- Не твое, - говорю, - дело мешаться в семейный дразги. Помни, Тарас, что ты солдат, а Исаев, хотя и плюгавенький, да офицер, и если через тебя что-нибудь откроется, то ты думаешь М.К. подякуе тоб! Есть вещи, про которые лучше не знать.

Но Тарас мой не унимался. Он начал следить за женой К.М. и каждый вечер приносил мне все новые известия о своих наблюдениях и открытиях. В пятницу на страстной неделе он прибежал ко мне с торжествующей физиономией.

- Накрив! Доказав! К.К. со двора, а он в форточку, а я следом за К.К., вернув його додому да прямо в спальню...

- Дурень же ты, дурень, Тарасе! Наробив ти соб! лиха. Знай же, що се тоб! не минеться даром: маленькая душонка Исаева оддасть тоб!..

К несчастью, слова мои оказались пророческими. Но все-таки я не предполагал найти в молодом человеке столько мерзости, сколько ее в нем оказалось. Я не допускал более того, что офицер может выместить свои обиды на низшем чине - рядовом Шевченко. Но я сильно ошибся..."

Исаев сделал донос, утаив, или извратив, подоплеку -непорядочность собственную, низость свою.

Чуть ли не со времени публикации воспоминаний Ф.Лазаревского, а, может, и от лет более ранних, хотят биографы увидеть и прочесть донос Исаева. В поисках его я сам обшарил множество фондов во многих архивах, но, как и предшественники мои, искомого не нашел. Был бы - обнаружился... А все же донос - не выдумка: о нем свидетельствуют Лазаревские, его поминает Герн: "Какой-то подлый человек-написал губернатору донос о том, что Тарас рисует".

Написал- только у Герна. В иных случаях -сделал.

Заглянем в толковый словарь Даля - живой родник русского языка той эпохи.

"ДОНОСИТЬ, ДОНЕСТИ, ДОНАШИВАТЬ... докладывать, уведомлять начальство о чем, словесно или письменно; доводить до сведения... ДОНОС, довод на кого... объявление о каких-либо незаконных поступках другого; извет..." Донос мог быть словесным- суть дела это никак не меняло. В любом случае Исаев выказал свою прыть, опередив даже с л у х и; в пятницу на страстной неделе был уличен, а уже в страстную субботу Обручев развернул деятел ьность.

...Между прочим замечу, что все описанное Ф.Лазаревским происходило в течение апреля.

3.

Исаев, эта подлая душа, служил в Отдельном Оренбургском корпусе не полгода, а второй год.

В офицерский чин он был произведен "по экзамену" из воспитанников Петровского-Полтавского кадетского корпуса "высочайшим приказом, последовавшим июня в 13-й день" 1848-го. Три недели спустя, 6 июля, приказом по корпусу новоиспеченного прапорщика назначили в батальон N 3. Тут и служил. Ни доброго, ни худого о службе его не скажу - не знаю.

Знакомству Шевченко с Исаевым (по имени-отчеству - Николаем Григорьевичем) способствовало чувство землячества: родом он был из Полтавы (либо с Полтавщины), а выйдя в отставку, туда же и вернулся. К землякам Тараса влекло - сказывалась тоска по далекой родине.

"Смазливенького прапорщика", "юного Адониса" (мифологического мужчину редкой красоты) и в то же время "плюгавенького, да офицера" рисовал он - по просьбе и заказу Исаева - зимними днями пятидесятого в комнатах или флигеле дома Гернов.

"Рисовал Тарасъ Шевченко в Оренбурге в феврале 1850 г. Николай Исаевъ"... Что может быть определеннее письменного засвидетельствования самого изображенного на портрете? Надпись на обороте он сделал в начале шестидесятых годов, о чем тоже имеется помета: "29-го сентября 1862 г.Полтава". По прошествии времени портрет стал собственностью Николая Карповича Садовского - известного актера и режиссера, основателя первого стационарного украинского театра (в Полтаве!), родного брата Карпенко-Карого, Саксаганского, Садовской. Наверное, именно Садовский экспонировал его на киевской выставке художественных работ Шевченко в 1911 году. Ну а дальше пошли музеи - так портрет и сохранился.

Но Исаева за то благодарить не хочется: предательство иного заслуживает - презрения. Свой выбор он сделал сам. Сначала - отплатил черной неблагодарностью за дружески-бескорыстное и доверчивое гостеприимство Герна, потом - бесчеловечно отомстил земляку, который в этот дом его ввел и всячески тут привечал, но оскорбления уважаемого им Карла Ивановича стерпеть не смог.

То была "последняя гастроль" Исаева в Оренбурге. Рапорт о своем переводе на

запад затеял он, судя по всему, давно. 29 апреля 1850 года, через несколько дней после доноса на Шевченко, официальным приказом прапорщик был назначен в гренадерский генерал-фельдмаршала Румянцева-Задунайского полк и отправился в Полоцк - древний город на Западной Двине.

4.

Последнее уточнение - насчет перевода в гренадеры - принадлежит Мечиславу Гаско и содержится в его статье "Донос чи перлюстраця" ("Вггчизна", 1988, N3).

Неугомонный искатель истины задался в этот раз целью, выразительно сформулированной в самом конце: "Напрашивается вывод: Николай Исаев был не доносчиком, а спасителем Шевченко, так же как Шевченко - спасителем Исаева, а оба они были спасителями К.И.Герна..."

Отточие - автора статьи. То ли, мол, мог бы выдать еще!

Но посмотрим, что на четырех этих печатных страницах сказать Гаско успел, какова логика его рассуждений.

С первого же абзаца останавливает мысль, повторяемая и дальше: Шевченко ДОНЕС на Исаева (Герну!) - Исаев пошел на "КОНТРДОНЕС" (Обручеву!). В общем, дело сугубо личное, задерживаться на этом незачем.

И вообще...

- удивительно, но сам Тарас нигде Исаева не упоминает;
- удивительно, что юный прапорщик увивается за женщиной возрастом постарше и к тому же с тремя детьми;
- удивительно, что Шевченко - в воспоминаниях Лазаревского -предстает в роли выслеживателя и доносчика, а это не в характере человека, который "к тому же - (!) - исповедывал взгляды революционных демократов на положение женщины в семье и обществе" (!!).

Удивление автора легко переходит в удивление автором, готовым на все, лишь бы развенчать и опорочить неугодного ему мемуариста.

"И кто он был, этот приятель Шевченко?" - вопрошает М.Э.Гаско, чуть ли не отказывая ему в близком приятельстве с Тарасом.

Идет длинный ряд "доказательств" вроде того, что Лазаревский был чиновником, а не офицером, что чиновники не могли носить усы и т.п. По Гаско следует: в дом Кутиных Шевченко приходил к "офицеру-хохлу", а значит... Исаеву, были они чуть ли не ближайшими друзьями, были... Но не один раз статью прочесть надо, чтобы хоть как-то, хоть приблизительно разобраться в запутаннейших лабиринтах рассуждений обо всем и ни о чем. Лабиринтах, из которых Исаев выходит самым благородным человеком, едва ли не героем. Как же, своим доносом он старался избавить "друга" от наказаний куда более суровых - того, что грозило ему после "перлюстрации" (вот она, перлюстрация из заголовка!) крамольного письма Сергея Левицкого, которое "могло загрожувати постов! стратою". Не более и не менее как смертной казнью- беспощаден, однако, исследователь, на меньшее, чем расстрел или повешение, он не согласен. Донос, по Гаско, отводил от Шевченко, а с ним Исаева и Герна, удар за нарушение строжайшего запрета на внеслужебное общение между нижними чинами и офицерами. Доносчик, оказывается, спасал поэта от "обвинения в чем-то большем, в общении или даже организационном объединении с офицерами, например с Исаевым и Герном".

И вот вывод:

"Это означает, что устный "донос" (не в первый раз кавычки) Исаева на Шевченко (как и предыдущий устный "донос" Шевченко на Исаева) не мог быть первопричиной шевченковского ареста. Его цель состояла в стремлении облегчить положение поэта, а также Исаева и Герна. Ведь товарищеские отношения офицеров с рядовым (а особенно "государственным преступником") сурово наказывались".

О, спаситель, и за что только клеймили мы его и клеймим!?

5.

Встреча И.И.Евфимовского-Мировицкого с Софьей Николаевной Герн могла быть и интересной, и полезной. Не о пикантных деталях шла бы, конечно, речь - Иван Иванович был человеком культурным, интеллигентным, подозревать его в праздном любопытстве неблагородно. Но что догадки строить, если разговор журналиста со старой женщиной не состоялся?..

Незачем лепить с Исаева образ воплощенной добродетели! Каким он был, таким и остаться должен. Федор Лазаревский, прочтя в январской книге "Исторического Вестника" за 1886 год статью Е.Гаршина "Шевченко в ссылке", обратил внимание опять же на причины ареста 1850 года.

Гаршин написал осторожно: "как говорит Чалый, Исаев сделал донос".

Сделал- подтвердил Лазаревский по горячим следам прочитанного.

"Дело в том, что в 18.50 г. в пятницу на страстной неделе Шевченко, подкараулив Николая Григорьевича Исаева, когда он вечером шмыгнул в калитку дома Герна, привел Герна в спальню его жены...

В субботу на той же страстной неделе в квартире Шевченко... был сделан обыск, в утро Светлого Воскресенья Шевченко был уже арестован..."

Итак, по порядку:

21 апреля вечером происходит окончательное разоблачение Исаева.

22 апреля: в отместку за это Исаев доносит на виновника своего позора Обручеву (делая, конечно, упор не на амурную историю с собственным участием, но на единственно уязвимое - нарушение, притом злостное, царской воли), и командир корпуса отдает распоряжение о проведении обыска на квартире Шевченко в доме Герна. Предупрежденный о предстоящем обыске Герном, Шевченко вместе с Лазаревским сжигает часть писем и других бумаг, некоторые художественные работы. Обыск происходит в отсутствие Шевченко, уехавшего (или, скорее, во избежание дополнительных конфликтов, увезенного) кФЛазаревскому.

23 апреля, утром: Тараса вызывают в ордонансгауз и отправляют на главную гауптвахту корпуса.

...На субботних разговинах у военного губернатора "всех присутствовавших поразило необыкновенное внимание Обручева к прапорщику Исаеву". Это, и последующее, - из воспоминаний Федора Лазаревского. "Несколько раз подходил он к нему, брал под руку, отводил к столу, любезно припрашивал "разговляйтесь, любезнейший, разговляйтесь". Тогда всем стало ясно, кто был этот любезнейший предатель".

И дальше:

"В тот же день ко мне заезжали... знакомые и передавали, что Обручев высказывался перед своими приближенными об Исаеве в таких выражениях:

"Мерзавец! Подлец! Но...что будешь делать? Я уверен, что этот негодяй и на меня послал донос. А в Петербурге я никого не имею за плечами; я, кик Шевченко, человек маленький..."

Что и говорить, современная попытка его, Исаева, реабилитации' выглядит кощунственной.

"ОТАК Я, ДРУЖБ МІЙ, СВЯТКУЮ..."

1.

Двадцать третьего апреля было Светлое Воскресенье.

"В Светлое Воскресенье солнышко играет..."

"Воскресенье Господень день..."

Но - "Кому Христос воскрес, а нам: не рыдай мене, Мати".

У недшеньку у святую У досвггнюю годину У славному-преславно-му Мкп в Чигорин! Задзвонили в уа дзвони 3 гармати стряшили...

Святая Пасха поднесла ему нынче нежданный гостинец. Праздник в память

воскресения Христова обернулся для Шевченко новым распятием.

"Кто проспит в первый день Пасхи заутреню, того в понедельник окатывают водой..."

Заутреню не проспал, а окатили его - не то варом, не то льдом - не дожидаясь понедельника.

После вчерашнего мог он ждать чего угодно, но чтобы в воскресенье, да еще пасхальное...

Отак я, друже мш, святкую Отут недшеньку святую...

Христосоваться пришлось не там, где хотелось, и не с теми, кто был приятен.

2.

Ночевал он у Федора.

Лазаревский:

"Не смыкаючи очей провели мы эту ночь, но обыска у меня не было. Рано утром, прямо от Обручева приехал к нам после разговин Александрийский и рассказал все, что там происходило.

- На меня, - говорил он, - внезапно накинулся Обручев: "А-а, так мы отвечаем пушками на вопли поработанного народа о свободе! (Цитата из письма Александрийского к Шевченку о бунте киргизов в 1848 г.) Наобахту! На белое, черное, синее море (поговорка Обручева). А Лазаревский здесь? А-а, в переписке с преступником: "Милий, любий мш", а? Наобахту!" (Здесь Обручев смешал меня с братом Василием).

...Значит, еще до рассвета часть взятых при обыске бумаг уже успели разобрать и доложить..."

Во время обыска в комнатах и флигеле Герна взяли письма от Репниной, Псел, Левицкого, Лизогуба, Лазаревских. Собрали и увезли принадлежности художника, два альбома со стихами, партикулярную одежду, пушкинского "Евгения Онегина", произведения Лермонтова и Шекспира.

Федора обручевская вспышка взбудоражила, взволновала. Его уже представили на должность повыше, а тут... Через несколько дней он напишет своим родителям: "Служба моя так чиста и аккуратна, что, надеюсь, в ней ничего нельзя найти, за что бы можно было быть недовольным мною; но случилось другое... на днях задержан сосланный сюда солдатом малоросс Шевченко; его на днях арестовали и опечатали его бумаги; за что его задержали, я не знаю; говорят, будто он, вопреки высочайшего запрещения, рисовал портреты или что-то в этом роде; я опять и этого не знаю, потому что всю зиму прожил вне Оренбурга, но в бумагах его нашли мои письма, письма Михаила и Василя, письма самые невинные, да и что мы могли писать ему противного рассудку или вообще того, за что могли бы заслужить порицания? Военный губернатор недоволен, однако же, и за то, что писали к нему. Как быть? По чести, я не знал, что знакомство с Шевченко предосудительно..."

В тревоге был каждый из них, к Шевченко так или иначе причастных. И Лазаревский, и Александрийский, и не только они, наиболее близкие. Непосредственная причина обыска сомнений не вызывала: донос подлеца Исаева, его отвратительное предательство. Но что он наговорил? какой ход дадут делу? чем все обернется?

...Предчувствия были недобрыми.

3.

Находили его где бы он ни был. Оренбург - город небольшой, все "адреса" на виду.

Сейчас утренний посыльный позвал в ордонансгауз - канцелярию коменданта.

- Пожалуйте...

Облачился в полную солдатскую форму, проверил, чтобы всевозможным ненавистным ему облачениям было в порядке, еще раз глянул в зеркало:

- Не поминайте лихом!

Над городом плыл колокольный звон, нарядные люди христосовались (они с ним тоже), приветствовал, как положено, старших по чину (все были старше - от ефрейтора до

полковника и генерала). Так и дошел до того дома на главной улице, с которым спознался в первый же час по привозе его в Оренбург петербургским фельдъегерем Виддѣ-ром.

Тогда представление закончилось отправкой в пересыльную казарму, а десяток дней спустя - в Орскую крепость. Что уготовлено ему на сей раз?

...За большим столом сидел Мартынов. Плац-адъютант комендантского управления поручик Мартынов Николай Андреевич был ему немного знаком. В последний раз видел его накануне. (Лазаревский: "Когда мы въезжали в город, то в Сакмарских воротах повстречали плац-адъютанта Мартынова, полицеймейстера, и еще какого-то военного. Мы догадались, что они едут в Слободку"). Какие-то его бумаги лежали сейчас на столе; разглядел свои альбомы. За спиною Мартынова, на полу, стоял деревянный некрашенный сундучок, там кисти, краски, бумага. Спутник в Орской, на Арале, здесь...

Христосоваться, понятное дело, не стали. Как положено, доложил - даже браво, будто и впрямь служака. Сесть офицер не предложил, раз-другой поднял на него глаза и опять уперся взглядом в стол.

Ничего доброго прием не сулил. Доброго Тарас и не ждал. Что скажет? какое распоряжение отдаст?

- Его высокопревосходительство господин корпусной командир генерал от инфантерии Владимир Афанасьевич Обручев приказать изволили: препроводить тебя, рядовой Шевченко, на главную гауптвахту Отдельного Оренбургского корпуса.

Тут же добавил:

- Немедля.

Отвечать на вопросы Мартынов был не склонен. Задавать их Шевченко и не стал: все было ясно без расспросов.

4.

На гауптвахту его препроводили уже под караулом.

Конвоиром был тот же ефрейтор, который приходил с приказом явиться в ордонансгауз. Сейчас он нес конверт с предписанием. Каким? Уж это было совершенно ясно: принять и не спускать глаз. Будто надумал бежать... Далеко ли убежишь?

Главную гауптвахту ему приходилось видеть из окна бутаковской "фабрики" - была она чуть наискосок от дома "для господ приезжих генералов и офицеров". Наблюдал, как из двери выходили солдаты, отправлявшиеся в караулы, каждый по своим местам. Видел привезенных или приведенных арестантов - их вводили через ту же п а р а д н у ю дверь. Одна из камер выходила на центральную улицу и была обращена к ней тяжелыми, массивными решетками. Часто думалось: кто за теми решетками? какой человек? за что?

Теперь там будет сидеть он. А и в самом деле: за что? за какие новые преступления? что обрушат на его голову сейчас?

Вот тебе и облегчение участи. Таковы-то согласие Обручева и любезность Матильды Петровны. Стоило негодю Исаеву наговорить что-то, как грянул арест. Но может арестовали Тбы и без этого навета? Волю царскую все-таки преступил: рисовал не только по службе. Ну, насчет того, что стихи писал, - этого им не доказать. Бог не выдаст, а сами не докопаются. Горька, однако, судьбина - чураться самого дорогого!

Лічу в невол! дн! 1 нощ1,1 лис забуваю. О Господи, як то тяжко Тп дню минають. А лгта пливуть за ними, Пливуть соб! стиха, Забирають за собою І добро 1 лихо. Забирають, не вертають Нпсоли шчого, І не, благай, бо пропаде Молитва за Богом...

Конвоир открыл перед ним дверь. Последнее, о чем подумал, было нечто "архитектурное". Мысль об устройстве гауптвахты в этом здании возникла, наверное, уже после того, как оказалась законченной вся кирпичная кладка этого, на вид "петербургского", дома, занятого военно-инженерной частью Отдельного Оренбургского корпуса...

Служили тут многие знакомые и даже приятели. Его же определяют сюда на жительство. Долгое ли, короткое - нет о том, пожалуй, даже в предписании. Терпи, казак!

Терпеть тебе и терпеть!
Шло Светлое Воскресенье.
Христос воскрес, Тарасе...

Часть четвертая:

"В БАГНО ПОГАНЕ ЗАХОВАЛИ..."

ПОД КАРАУЛОМ

1.

С недавних пор тут музей: мемориальный музей-гауптвахта Тараса Шевченко.

Мемориальный потому, что те же стены и своды, из того же красного, все видевшего, кирпича; что в арестантской тот же пол из вечного гребенского камня и туда же, куда глядели прежде, обращены окна.

Решетки воссозданы наподобие тогдашних: "Сковано из шинного железа в окна арестантской комнаты две решетки, вышиною и шириною 1 аршин 10 вершков весом в деле 7 пудов 37 фунтов".

Основным подспорьем при восстановлении истинной планировки бывлой гауптвахты послужил план, разысканный в ЦГВИА (ф.349, оп.27, д.2814). Что касается характеристик словесных, то они оказались в подшивке старых бумаг Оренбургского архива; в ней подробнейший "отчет работам, произведенным по построению каменного дома со службами" - того, в цокольном помещении которого и оказалась главная гауптвахта корпуса.

"ГАУПТВАХТА... караульная, строение или помещение для целого караула, иногда с арестантскою и др.принадлежностями... У нас употребляется также неправильное название: главная гауптвахта, где находится старший караул, главный в городе, крепости. Слово гаупт, где оно встречается еще в устарелых чинах и званиях, означает вообще главный". (Даль).

Но это из области лингвистики. Обойдем ошибку в словотворчестве - слова словами, а дело делом. С годами меняется многое - изменилось и назначение гауптвахты, представление о ней. В современном военном энциклопедическом словаре сказано недвусмысленно: "ГАУПТВАХТА (от нем. Наиртшасбе - букв, главный караул), спец.помещение для содержания военнослужащих под арестом". Сегодня гауптвахта нечто подобное тюрьме. Будем, однако, помнить назначение ее во времена отдаленные: главный караул.

Первоначально речи об устройстве гауптвахты во вновь возводимом здании военного ведомства не шло. Не было ее и в проекте. Уже в процессе строительства, когда многое, и главное, оказалось выполненным, начались спешные переделки.

"Сделана с главного фасада из окна дверь для входа в главную гауптвахту с разборкою части свода, с обделыванием перемычки и закладной рамы..."

"Разломана в 2-х местах часть фундамента и цоколя для отходных мест, шириною 1 1/2, высотой до 2 1/2 аршин..."

И так далее. Работали каменщики и каменотесы, выписанные из Нижегородской губернии. Плотничали мастеровые из военно-рабочей роты. Руководил всем делом инженер-подполковник Туфаев. К нему обратит свой суровый вопрос Обручев, когда, читая этот отчет (ГАОО, ф.6, оп.14, д.14), на полях его начертает: "Работы по этим статьям по смете не полагались, но почему произведены?" Будто переделывал Туфаев собственного удовольствия ради... Однако нет, порядок есть порядок. Приказ о новом помещении для корпусной гауптвахты отдал еще Перовский. Его преемник, человек

сугубо военный, против ничего не имел, а все ж требовал обоснований - вдруг спросят с него? вдруг обнаружат нарушения?

...И з военных законов, изложенных М.М.Михайловым в пособии для военно-учебных заведений:

- Каждый офицер должен исполнять обязанности свои, не разбирая, важны оне или маловажны, будет ли то замечено начальством или останется неизвестным, побуждаясь к этому не боязнью порицания или ответственности, не желанием наград и отличий, но совестным сознанием своего долга и чести.

Генерал Обручев наставлению сему был верен безоговорочно.

2.

Документов от дней тех осталось очень мало - один-два и обчелся. Главным среди них можно считать вот этот:

г.Оренбург 27 апреля 1850 года

Секретном 52

Господину начальнику

23-й пехотной дивизии

В последствие отношений моих к вашему превосходительству от 22 января и 9-го февраля сего года за NN 292 и 507 имею честь уведомить вас, милостивый государь, что назначенный к отправлению в Новопетровское укрепление рядовой Шевченко, по встретившимся обстоятельствам, отставляется от этой командировки. Причем покорнейше прошу вас сделать распоряжение о переводе его из Оренбургского линейного батальона N 4-го по-прежнему в батальон N 5-го с учреждением над ним строжайшего надзора, с запрещением п и сать и рисовать, и чтобы от него, ни под каким видом, не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений, как было сообщено мною вашему превосходительству от 10-го июня 1847 года за N 25-м.

Рядовой этот по моему распоряжению содержится ныне под караулом в здешней главной гауптвахте и почему об отправлении его в батальон последует в свое время особое распоряжение.

Подписал

генерал от инфантерии

Обручев.

Верно: Исправляющий должность дежурного штаб-офицера войсковой старшина Корин.

Обручев - Толмачеву...

Командир корпуса, минуя своих подчиненных, арестовал н и ж н е г о чина и самолично приказал держать его под караулом до особого - своего - распоряжения.

Командир дивизии об этом распоряжении знал, но так сказать, неофициально.

Двадцать третьего было Святое Воскресенье - день неприсутственный, более того особо- праздничный. О дальнейшей судьбе арестанта думать не приходилось.

24-го, 25-го, 26-го - думал. И над характером прегрешений Шевченко, и над тем, что может произойти, если наглый прапорщик Исаев не удовольствуется доносом ему, Обручеву, а накатает телегу в Петербург. Такой способен на все, и как еще посмотрят там, наверху, что скажет государь, когда ему доложат...

Он был в растерянности. Шевченко на гауптвахте - а что дальше? Запросил формулярные списки и прежние свои распоряжения относительно сего рядового (хуже нет иметь дело с поэтами, художниками, музыкантами и прочими опальными той же категории). Казенные бумаги содержали хорошо известное и ничего не подсказывали.

Не подсказывали мер новых, в обстоятельствах, которые сложились в последние дни, а сейчас тревогу обостряли все больше.

Отставить от командировки на Мангышлак... Конечно, это никакое не наказание - даже, напротив, благодеяние. По встрече вшимся обстоятельства м... Услать его из Оренбурга необходимо, и поскорее. Куда? В Орскую, всюду известную как крепость

третьеразрядная, захолустная и в общем-то гиблая. С учреждением (то бишь восстановлением) строжайшего надзора, опять же с запрещением писать и рисовать.

Но и тут никакой новизны наказания. Чем еще оправдается, если с него спросят?

Поначалу отношение состояло из одного абзаца, подготовленного к подписи войсковым старшиной Кориным. Что-то в проекте поправил, а в основном оставил все как там.

Второй, заключительный, абзац приписал уже потом, карандашом: "Рядовой этот по моему распоряжению содержится ныне п од караулом в здешней главной гауптвахт е..." Арестован! Сообщал о том, разумеется, не Толмачеву, но тем, кто вправе спросить егоопринятых мерах. Это ли не мера - содержание на гауптвахте?

Продолжение истории представлялось Обручеву пока только в самых общих чертах.

3.

В положенные часы ему приносили еду. Что-то требовалось - негромко стучал и дверь открывали. Под наблюдением выходил из камеры, под наблюдением в нее возвращался. Большую часть времени лежал на своей арестантской койке - спал или дремал, но чаще просто думал.

За что все-таки его арестовали? Что такого наговорил землячок, что надо было вот так, в одночасье, да еще в какой праздник - из праздников праздник! - устроить обыск, перепугать хозяев и приятелей, а потом, без передышки, увести на гауптвахту, запретить в эту мрачную камеру, превратить в арестанта?

Пакостник Исаев - ни стыда в нем, ни совести - позволил себе гад и т ь в доме, где его привечали, компрометировать донедавна ладную семью, оскорбить, выставить на посмешище порядоч-нейшего человека, Герна. Он, Шевченко, не простил бы себе умолчание того, о чем узнал, утаивание шашней этого красавчика-ловеласа. Считал бы себя сводней- ведь ни кто иной, а он, ввел юного офицера в общество Гернов. Сначала в "свой" флигель - писать портрет, а потом - так уж вышло - сюда. Но мог ли ожидать такого поворота событий?

Виноват Исаев. Кругом виноват. А сидит он. Дал бы по наглой р о же- сочли оскорблением офицерского достоинства. Жаль - не приложился к физиономии ничтожества, не влепил ему оглушительную оплеуху. Только раскрыл глаза обманутому Карлу Ивановичу, только показал ему, что в доме происходит, когда уходит он на службу или уезжает в степь. Софья, конечно, виновата - не блюдет себя, своей и мужниной чести. Но больше виноват смазливый соблазнитель. Ничего святого для этих людишек не существует, на любую пакость способны. Так что, закрывать глаза на все это, делать вид, чо ничего такого нет?

Однако все-таки арестовали его не за разоблачение любовника, не за причастность к сугубо семейному скандалу. Наплести надо было столько и такого, чтобы всполошился сам начальник края! И не придумаешь, враз не сообразишь, что тот наговорил с хитрой целью отвлечь, отвести внимание от себя.

Обыск... Искали не карикатуру на Исаева, Софью и Герна, не стихи насчет здешних, оренбургских нравов, не "пасквили" на порядки-непорядки в сем городе и крае.

Бил мерзавец-блудодей наверняка. Чтобы и его, Тараса, проучить, преступником выставить, и власти перепугать - потакают, дескать, недостойному человеку, перед самым государем провинившемуся и, при потворстве начальства, ни в какую не раскаявшемуся.

Ему воспретили писать и рисовать - запретили строжайше. Но и пишет, оказывается, и рисует. И к нему, и от него идут письма. Исаев сам слышал новые стихи Шевченко - сочиняет, выходит. А уж о рисовании и говорить не приходится. Напропалую пишет портреты, разные виды. Можно, значит, подозревать, что карикатур не чурается тоже.

Спасибо, предупредили люди добрые. Много бумаг, почти без разбору, пошло в огонь. Неоконченных портретов, набросков всяких, писем, что под руку попались,

листочков с какими-то записями. Остальное после обыска взяли с собою. Что именно - он не скажет. Ничего крамольного вроде не было, но если захотят придраться - найдут.

...Что он читал Исаеву? Разное читал. И давно написанное, и только что сочиненное. Как не уважить земляка? Украинская м о в а родной для него не была, но - понимал и откликался. Казалось даже, что откликался душою. Знал бы, какая у него д у ш о н к а...

Чи то недоля та неволя, Чи то л!та т! летячи Розбили душу? чи школи И не жив я з нею, живучи 3 людьми в паскуд!, опаскудив І душу чистую?... А люде! (Звичайне, люде, смдачись) Зовуть и ! молодую, І непорочною, святою, І ще якоюсь... Вороги!! І лют!! лют!!...

Затосковал он тогда, закручинился. Со страшной силой потянуло на Украину. Не ждет ли его на Манпышлаке конец жизни, конец всего? Знать провинилась душа, провинился перед Богом, что карает Всевышний, не давая никаких надежд на лучшее. Душа, кровоточащая его душа, когда-то такая чистая и светлая, а теперь разбитая, больная - как жить дальше?

...Ви ж украли, В багао погане заховали Алмаз мш чистий, дорогой, Мою колись святу душу! Та и см!етесь. Нехристияне! Чи не меж вами ж я, погаш, Так опоганивсь, що и не знать Чи и був я чистим коли-не-будь. Бо ви мене з святого неба Взяли меж себе - І писать Поган! в!рш! научили...

Зачем вложили в его руку перо, если стихам нет дороги к людям? Какая христианская душа могла "подшутить" над ним так подло, так кощунственно? "Нехристияне!" Это не люди иной веры, иных богов и молитв - свои вроде, и в то же время чужие в бесчеловечной их сущности.

...Поган! в!рш! научили...

Полтавец Исаев при этих словах даже возмутился: не "поган!" вовсе

- чуть ли не гениальные. Но он, автор, останавливаться тогда не стал. Стихи и пишут, и читают на одном дыхании.

...Ви тяжкий камень положили Посеред шляху... и розбили О його... Бога боячись! Мое малее, та убоге, Та сердце праведне колись! Тепер !ду я без дороги, Без шляху битого... а ви! Дивуетесь, що спотикаюсь, Що вас І долю проклиная, І плачу тяжко, !, як ви... Душ! убого! цураюсь, Свое! гр!шно! душ!!

Как и у всякого, немало прожившего на свете, человека, душа его не безгрешна. Но никогда не впускал он в нее лицемерие, подлость, предательство, никогда не брал на душу бесчестность - любого рода, в любых проявлениях.

...Не брал и не возьмет.

Никто и ни о чем Тараса не спрашивал.

Прошло уже несколько дней, а о нем словно забыли. Сиди, нижний чин, смирно, своей судьбе ты не хозяин, и как с тобою поступить - начальству виднее.

Казнят ли, помилуют - время покажет.

Уж не помилуют - это вероятнее всего. Не для того сюда волокли, чтобы, выпуская, извиняться.

Старался про то не думать. А думалось... ох как думалось...

СЛЕДСТВИЯ НЕ БЫЛО

1.

Большинство в Оренбурге ареста Шевченко и не заметило. Человеком видным, особым был он в глазах лишь тех, с кем привелось ему общаться лично. Но не одинаковой оказалась и их реакция. Кто-то искренне опечалился, кто-то просто плечами повел. По-настоящему встревожились не многие. И что греха таить, не только за приятеля, а и за себя. Трудно даже сказать, за кого и что больше.

Александровский принял на себя удар первым, сразу после обыска. Помните, что рассказал он Федору Лазаревскому "рано утром" двадцать третьего после разговин в

губернаторском дворце? Вот это: "На меня... внезапно накинута Обручев. "А-а, так мы отвечаем пушками на вопли поработанного народа о свободе... На обахту! На белое, черное, синее море... А Лазаревский здесь? А-а, в переписке с преступником...

И Михаиле Семеновичу, и Федору Матвеевичу было не по себе. Сочувствуя Шевченко, думали они и о собственной карьере, которая от всего этого могла пострадать. Лазаревский рассчитывал на должность советника, она ему светила, но...как посмотрит на все осторожный, капризный Обручев?

Рано утром...

В письме к отцу Федор излагал все несколько иначе, чем в воспоминаниях:

"...На третий день за мной присылает сослуживец мой и просит сейчас же к нему приехать; я не поехал сейчас, а поехал часа через 4; знакомый встретил меня с расстроенными чувствами и видом. - Что такое? - "Я был сегодня у военного губернатора. Между бумагами Шевченко нашлись мои письма к нему. Он на меня много кричал. Спрашивал, знаком ли я с Лазаревским, как познакомился и обещал всем нам найти место".

Это было не на пороге Святого Воскресения, а уже "на третий день" (двадцать пятого?). Да-с, разнбой получается... Неувязка... Хотя почему разнбой? Можно ли поручиться, что у Обручева с Александрийским ("сослуживец", наверное.он) не произошло ДВА разновременных разговора на одну и ту же тему, по одному и тому же поводу? Для генерала вопрос оставался ж и в ы м, к нему он возвращался снова и снова.

В том же письме и медальнейший ход событий - во всяком случае, того, что касалось Федора.

"...Я задумался. За мной вины - чувствовал, - ровно никакой не было; ни закон, ни правосудие не могли обвинить меня, но меня из-за пустяков могли сделать прикосновенным к делу, а это огорчило бы Вас. Я пошел к генералу и как доброму отцу объяснил ему все со всею искренностью и чистосердечием. Генерал мне сказал, что не следовало бы мне сближаться с человеком, который имел глупость подвергнуться немилости правительства, но это неосторожность, а не вина... что ежели я с ним, генералом, был искренен..."

Письмо, обнаруженное и впервые опубликованное Д.М.Иофановым, к сожалению, повреждено - когда-то был оторван его конец. Обрывается на этом и публикация. Остается не выясненным, к кому отправился Лазаревский. К Обручеву? Или к своему непосредственному начальнику - председателю Пограничной комиссии генерал-майору Ладыженскому? Мне все-таки представляется, что к Обручеву. Ладыженский о приятельских отношениях Лазаревского с Шевченко знал еще с июня сорок седьмого и поучений насчет того, что "не следовало сближаться" делать не стал бы. Другое дело, что предварительно мог Федор говорить и с Ладыженским.

Шевченко Лазаревский не виделся. Судя по всему, не делал к тому и попыток. Тарасу не поможешь, а себе навредишь. Навредил уже без того.

"Милые родители, папенька и маменька, - писал в село на Украину, - случилась беда... Письма к Шевченко, кажется, весьма много повредили мне у военного губернатора: в представлении Азиатскому департаменту он нашел мою службу весьма молодою, и в советники представили другого; интересно теперь знать - чья перетянет: губернатора или генерала? Что до меня, я бы благословлял судьбу, ежели бы выбор министерства пал не на меня; когда мне сказали, что губернатор представил другого, у меня как гора с плеч свалила; до того времени я был и уныл и печален под тяжким гнетом неотвязчивой думы, что мне придется еще года два прослужить в том гадком Оренбурге... Дай Бог скорее в Петербург; здесь, ей-богу, ничего не хочу".

Ох, темнил Федор Матвеевич... Гора с плеч? Но сам же пишет, несколькими строками выше: случилась беда. Отказ в повышении он воспринял именно как беду и сам же прямо связал его с "письмами к Шевченко". Сомнений на сей счет не было у него никаких.

"Я задумался..."

Не одного Тараса заставил задуматься его внезапный арест.

2.

При возведении капитальных и внутренних стен "подвального этажа" этого здания было "положено в дело кирпича"... Опять я смотрю скрупулезный отчет о строительстве, опять вчитываюсь во все его детали, начиная с выдачи восьмидесяти копеек "за молебен при освещении и закладке оного дома". Так вот насчет стен... Толщиною в четыре кирпича их оказалось 135 квадратных сажен, в три с половиной - 177, в два с половиной - 13. "С арками и перемычками, с заложением дверных и оконных закладных рам,, со сколачиванием кружал под арки и перемычки и опалубкою оных дюймовыми досками и прибивкою гвоздями..."

Да, все тут было сделано на совесть, чтоб и мысли не возникло о выходе без позволения, об уходе самовольному желании бежать.

...Не эт Іх ковал! кували,

Не так залізо гартували,

Щоб перегризти...

Пудовые решетки в арестантской навевали печаль.

Двадцатого апреля был он на исповеди и получил полное отпущение грехов. Но это от Господа. Властелины мирские не прощали ему ничего. Даже того, что он не совершил и совершать не собирался.

Двадцатого прощен - двадцать третьего арестован... В чем, собственно, обвинить его могут?

Над этим думали и чины корпуса во главе с самим генералом от инфантерии. Опись того, что удалось найти во время обыска, составляли те, кому это полагалось по должности и званию, но все изъятое, не доверяя другим, листал, а во многих случаях и читал, сам Обручев.

Читать чужие, не тебе адресованные, письма неприлично, а для человека "благородного происхождения", дворянина,- неприлично вдвойне, втройне. АН нет, забыл и об этом. Позволил даже своей осведомленностью хвастаться. ("А-а, так мы отвечаем пушками на вопли поработанного народа о свободе...", "А-а, в переписке с преступником: "Милый, любий мш"...). Не стеснялся даже цитировать, по своему передавая суть и интонации того, что доставили ему производившие обыск.

Опись делилась на заслуживающее и не заслуживающее особого внимания.

Заслуживали такового, по мнению "главного эксперта", письма Левицкого от 6 марта 1850 года, письма от Федора Лазаревского - аж четыре: за "18 марта 1848^20 апреля без означения года, 27 апреля без года, и 4-е без означения числа, месяца и года", наконец - от Чернышева (последнее, датированное 29-м марта 1850-го).

Не заслуживали, по тому же заключению, письма от Александрийского (то, где насчет ответа пушками!), письма от княжны Репниной, несколько - от Лизогуба (его почему-то, второпях наверное, перекрестили в "Сологуба") и др.

Внесли в опись "два альбома с малороссийскими стихами и песнями, и фигурами, нарисованными карандашом", а также "стихи малороссийские "Свяченая вода", причем в двух вариантах. Листал, рассматривал и читал, ничего такого, что можно было бы счесть возмутительным, не усматривая.

Но на первом для него плане были все же письма. Они могли раскрыть связи опального, навести на след того, о чем доносил Исаев. Обручев предпочитал улики прямые. Прикоснешься к таким, ухватишься за любую - и разматывай клубок из имен и фактов. Разительных фактов в обвинение Шевченко, в подтверждение того, что наговорил прапорщик и о чем мог уже написать в Петербург, письма -на его, генеральский, взгляд - не открывали. Так себе, текущее... Обвинения на них не состроишь.

Офицер Исаев - юный и непомерно чванливый - убеждал в том, что нижний чин, пользующийся особой поблажливостью, ходит по городу в вольной, не солдатской,

одежде. "По произведенному осмотру у рядового Шевченко найдено один только старый поношенный, широкий партикулярный сюртук..." Ни пальто, ни костюма, ни в ы ш и в а н к и не оказалось. Видел на самом деле? придумал по злобе?

Следствия не было. Рядовой Шевченко сидел в арестантской гауптвахты за оскорбление прапорщика Исаева. В доказательствах такое обвинение не нуждалось. Посадили - сиди.

СИДИ, СОЛДАТ

1.

По встретившимся обстоятельствам казнить... По встретившимся обстоятельствам наградить...

Бюрократическая чепуха, казенная абракадабра! Но в данном случае сомнений она не вызывала. Наказывая рядового, начальник, от взводного до ротного, мог в объяснения не пускаться. А уж генерал, да еще сам командир корпуса...

Формулировка ареста оставалась неопределенной: "по встретившимся обстоятельствам".

Сиди, солдат, и не вздумай доискиваться истины. Истину те знают, кто наверху. И^ лишь -повоеннымзаконам- дано "воспитывать в солдатах понятие, что только вера, пламенная преданность Государю, любовь к Отечеству и полное повиновение начальникам могут сделать их счастливыми". Счастливыми не начальников - солдат, конечно.

Его счастье - то, которого у него давно уже не было, - билось сейчас о пудовые чугунные решетки арестантской.

Уже ничего не ждал и из Санкт-Петербурга.

Еще на страстной неделе, вчера, кажется, ждал и надеялся, теперь же отступила даже надежда. Невесть куда отодвинулась...

В Оренбург заезжал ненадолго здешний родом Тимашев Алексей Егорович, адъютант самой государыни. Добрые знакомые поспособствовали: заручился его протекцией. Тимашев был вхож в самые высокие столичные сферы и своей готовностью помочь обнадеживал.

По его совету, написал письмо на имя Дубельта. В который раз просил об одном и том же - разрешении рисовать. Это было важно и для будущего, и для...легализации уже сделанного. Разрешат - отпадут все обвинения в нарушении вол и, сможет не прятаться, не таиться с портретами, не опасаться дурного глаза и злого слова. Заниматься рисованием - своей профессией, своим призванием. Ничего больше не просил, ничего другого не вымаливал. Столичный гость о б е щ а л. Но, наверное, дошло уже до него, что он, Шевченко, п р о в и н и л с я, а значит и на этом письме можно ставить крест...

(Крест поставили Дубельт с Орловым - и, по всему судя, еще до того, как узнали об аресте. 4-го мая о нем в Петербурге известно не было, а начальник штаба корпуса жандармов почтенный Леонтий Васильевич уже отвечал "его высокоблагородию А.Е.Тимашеву". Лично и официально одновременно:

"Милостивый государь Алексей Егорович!

Переданное мне вами письмо находящегося в Отдельном Оренбургском корпусе рядового ШЕВЧЕНКИ о дозволении ему заниматься рисованием я имел честь докладывать г.генерал-адъютанту графу Орлову. Его сиятельство, имея в виду, что так как в декабре 1849 года, на всеподданнейшее его о сем ходатайство, высочайшего соизволения не последовало, то граф Алексей Федорович не считает себя вправе входить с новым по сему предмету представлением.

Уведомляя о сем вас, милостивый государь, имею честь удостоверить вас в истинном моем почтении и преданности".

Истинность почтения к Тимашеву категоричности отказа не помешала).

На столе лежала Библия. Знал ее от начала до конца, открывал наугад и читал,

читал. Сейчас книга была снова раскрыта на истории многострадального и многотерпеливого Иова.

2.

Попросил бы, дали ему Шекспира. Или Лермонтова. Или "Евгения Онегина". Его собственность, у него изъятое. Цензурой дозволенное - читай, коль душе угодно.

Не просил - довольствовался Библией. Вечная эта книга - сама мудрость, сама поэзия. Стихи приходили и уходили, рождались и... не умирали, нет, но как-то рассеивались, недодуманные, не дописанные. Додумывал он всегда над листом бумаги, с карандашом или пером в руке. Тут же, в арестантской, на глазах у караульных, у всех, кто мог заглянуть или зайти в любую минуту, писать остерегался. Чтобы не было докучливых вопросов... чтоб не давать лишнего повода для придирок...

Л!чу в невол! дн! 1 ноч!

1 л!к забую...

Дни в неведении и безделье тянулись томительно.

Каждый из них все ближе подводил к давно и хорошо известной Орской крепости. Тайной для него не было: от Новопетровского он отстранен - быть ему снова в Орской. Навсегда ли, на время - дорога ведет туда.

В шевченковском фонде отдела рукописей Института литературы АН Украины под номером 449-м хранится "Переписка по поводу возвращения Шевченко с 4-го Оренбургского батальона в батальон N 5 и установления за ним строгого надзора".

27-го апреля о переводе приказал командир корпуса Обручев. Его распоряжение ушло (унесли! в одном-то здании!) к начальнику 23-й пехотной дивизии.

Генерал-лейтенант Толмачев мог отсутствовать, в дивизионном штабе особой спешности в распоряжении свыше не увидели ("об отправлении его... последует в свое время особое..."), и не приходится удивляться, что следующий документ датирован уже 30-м:

"Рядовой Шевченко из 4-го в 5-й батальон переведен приказом по дивизии сего числа за N 91. Подписал начальник дивизии генерал-лейтенант Толмачев. 30 апреля 1850 г."

2 мая состоялось соответствующее распоряжение по первой бригаде - его своей подписью скрепил генерал-майор Федяев.

Наиболее "оперативным" оказался майор Мешков. Уже два дня спустя ("4 мая, креп.Орская") он запрашивал, как именно "показывать по отчетам рядового Шевченка, ибо он зачислен в списочное состояние командуемого мною батальона".

Два дня - срок по тому времени невероятный, так что не трудно заподозрить, что, как и в июне 1847-го, командир пятого линейного находился по делам службы в Оренбурге и распоряжение о переводе (возвращении!) Шевченко снова под его начало получил из рук в руки, в бригадном штабе.

А уже с места послал запрос. Как же, солдату положено быть налицо, этот же только значится. Непорядок...

Порядок был превыше всего и для Обручева. Судя по конечной дате на обложке с перепиской, запрос Мешкова поступил в бригадный штаб 7-го мая. Он поторопил: пора Шевченко отправлять. К тому и стали готовиться. Генерал от инфантерии свое согласие дал. Письменное его указание на сей счет, если было, то в подшивку не попало. Но даже о собое распоряжение могло последовать устно- через корпусной штаб и дальше, по нисходящей.

Кому-кому, а Тарасу жизнь под караулом опротивела до крайности.

3.

В эти длинные дни он видел только тех, кто был в караулах. Встречались среди них знакомые, но разговаривать с арестантами не полагалось. В лучшем случае могли перекинуться несколькими словами. Приятели не приходили: свидания на гауптвахте уставами не предусматривались. Да и опасались, наверное, повредить- что себе, что ему.

Много всякой всячины плетут, пожалуй, вокруг внезапного его обыска и ареста. Про заговор, разумеется, ..о преступлениях не иначе как против царя и - прочем, прочем таком же. Без вины, мол, не упрячут.

Упрятали, однако. Даже ему причины не объявили.

Объявить должен был комендант - не счел возможным, хотя и был на месте. ("Коменданты, отвечая за целостность крепостей и городов, спокойствие гарнизона и обывателей, не могут ночевать вне крепости или города и днем удаляться от них на пушечный выстрел без дозволения начальства. ..").

Просто обязан, по должности обязан, был сделать это плац-майор. (Обязанности плац-майора состоят в заведывании арестантами местного гарнизона, в назначении караулов, в управлении крепостными арестантскими ротами и в исполнении приказаний коменданта...). Не сказал и он.

Плац-адъютант поручик Лукин на прямой вопрос не отвечал. В мои, дескать, обязанности знать про то не входит. (И впрямь: "Плац-адъютант составляет утренние и вечерние рапорты от гарнизона, от госпиталей о всех больных, а также о всех приезжающих и отъезжающих...").

Военные законы четки, но... За что вс'е же сидит под арестом он?

Избавлением казался любой исход.

"Прше та шше..."

МАЙ, 12-Е

Так тянулось до следующей пятницы, двенадцатого.

От этого майского дня сразу несколько официальных бумаг относительно Шевченко.

С мертвой точки дело сдвинулось.

Из штаба корпуса-в ордонансгауз:

"Содержащийся под арестом на главной гауптвахте рядовой Шевченко, по воле г.корпусного командира, освобождается из-под ареста..."

Обручев приказал освободить. По его воле Тарас был арестован, по его же воле выходил из арестантской.

Но в предписании, заверенном подписью исправляющего должность дежурного штаб-офицера войскового старшины П.И.Корина, оказался и второй абзац:

"Сообщая об этом (освобождении от ареста!) ордонансгаузу, имею честь покорнейше просить приказать: рядового Шевченку немедленно доставить (освобожденного и - под караулом?) в корпусной штаб, для отправления к г.начальнику дивизии".

Из ордонансгауза-в штаб:

"РАПОРТ.

Во исполнение предложения одного штаба от сего числа за N 59, оренбургский ордонансгауз имеет честь препроводить при сем содержащегося в главной гауптвахте рядового Шевченко, с выключкою из арестантских списков. За плац-майора плац-адъютант поручик Лук ин".

Документ вписали в "секретный входящий журнал", не забыв присвоить свой номер и пометив: "получено 12 мая 1850". На лист легла резолюция, в которой та же дата была начертана еще раз: "По приказанию г.корпусного командира препроводить к г.начальнику 23 дивизии для отправления по принадлежности в 5 батальон, 12 мая".

Из штаба-начальнику дивизии:

"РАПОРТ.

По приказанию г.корпусного командира, имею честь почтительнейше представить к вашему превосходительству рядового Шевченку, следующего к отправлению в Оренбургский линейный N 5-го батальон для употребления на службу, согласно отношения г.корпусного командира к вашему превосходительству от 27 апреля за N 52-м. Подписал войсковой старшина Кори н".

Помните: до особого распоряжения? Теперь распоряжение отдано. И передано начальнику 23-й пехотной дивизии вместе с невольным виновником переписки - представшим пред очи дивизионного генерала солдатом Шевченко.

С главными формальностями было покончено.

Остаток того дня, вечер и ночь вчерашний арестант провел уже не на гауптвахте: из арестантских списков его исключили, из-под ареста освободили.

Но если не там, то где?

...А почему, собственно, так заторопились двенадцатого? Одиннадцатого - ничего, двенадцатого - все? В один день - можно сказать даже, в одночасье - было оформлено то, что тянулось если не с ареста, то от облучевского распоряжения о переводе. Что предопределило спешку? Неужто действительно запрос майора Мешкова?

Где все-таки освобожденный из-под ареста провел остальную - и основную - часть этого дня?

...Вопрос за вопросом, а ответа нет. Потому нет, что есть з а к о в ы-ка.

2.

Заковыка в ни чем не выделяющемся, совершенно рядовом очередном рапорте того же казачьего полковника Корина Петра Ивановича. Адресован он был генерал-лейтенанту Толмачеву.

"В дополнение рапорта вашему превосходительству от 12 сего мая за N 60, при коем был препровожден рядовой Шевченко для отправления его на службу в Оренбургский линейный N 5-го батальон, по приказанию господина корпусного командира имею честь представить у сего разные книги и вещи, значащиеся по прилагаемой описи для выдачи по принадлежности сказанному рядовому Шевченко, - покорнейше прошу о получении оных почтить уведомлением".

Опись вещам и книгам, принадлежащим рядовому Шевченко была не длинной.

Две колонки: одна - "звание вещей и книг", вторая - "число".

Раньше всего - "Ящик деревянный, неокрашенный, с кистями, красками и бумагами и ключиком", 1 (один).

За ним немногие книги,

Ветхий завет - Библия,

О подражании Христу,

Две книги Шекспира,

Две книги полного собрания сочинений русских авторов,

Сочинения Лермонтова,

"Евгений Онегин" - сочинение Пушкина.

И наконец - "две портфели для бумаг".

Только это, ничего более, - что и засвидетельствовал Корин.

"Означенные по описи вещи получил рядовой Т.Шевченко"...

Строка была, но строку вычеркнули. Карандашом, однако вполне решительно. Приписки не стало. Означать это могло лишь одно: дол жен был получить, а не получи л.

Еще одна загадка - существеннейшая - в дате рапорта.

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ (!) мая... Два дня спустя! Как это понимать?

Порассуждаем вместе.

12-го мая Шевченко был спешно приведен к начальнику дивизии "для отправления" -в Орскую. В спешке его не стали даже передавать по инстанции - бригадный штаб обошли. Почему? Единственный ответ, который сам собою напрашивается: из дивизионного штаба выезжал в том же направлении вполне надежный офицер, способный наилучшим образом осуществить доставку сего нижнего чина к месту его дальнейшей службы. Так достигалась и скорость перемещения, и безусловная "сохранность" известного самому государю п р е с т у п н и к а, и...экономия казенных денег, для корпусного командира немаловажная.

Освободили, чтоб .тотчас увезти, не дав Шевченко возможности задержаться,

повстречаться с приятелями, о чем-нибудь их попросить или что-либо им наказать. План был вполне определенным, а расчет точным.

В спешке об арестованных вещах не вспомнили. Только позже хватились: вещи увезенного рядового остались в Оренбурге. Заранее составленная опись - с обязательной распиской владельца в их получении - такой подписью не украсилась. Теперь начальнику дивизии предстояла отправка вещей при первом удобном случае.

Могло быть и по другому: ящик, портфели и книги задержали потому, что не закончили в них копаться. Как не закончили воз и т ь с я с письмами, альбомами и прочим изъятим во время того вечернего обыска во флигеле на подворье штабс-капитана Герна.

...Основную часть дня освобождения из-под ареста, то есть двенадцатого мая, Шевченко провел на с в о б о д е. Но ее, этой свободы, было у него не больше, чем предыдущие девятнадцать дней на гауптвахте.

И малейшей передышки ему не дали. Посадили в пароконную запряжку и - в путь, в Орскую. Если кого и увидел, имею в виду знакомых, то на ходу, на бегу. Может, Герна - он служил в том же здании, где находились штабы. Может кого другого из известных ему офицеров. Не исключая и чиновников Пограничной комиссии - здания как-никак соседствовали. Упоминаний на сей счет нет, достоверных тем более.

Не знаем мы и того, какую фамилию носило, в каком чине состояло л и ц о, на которое была возложена ответственная миссия доставки опасного рядового в пятый линейный батальон. Кто привез из Петербурга в Оренбург, знаем: Виддер. Кто препровождал из Оренбурга в Орскую, тогда же, в июне сорок седьмого, известно: Почешев.

Ну а эта фамилия где-то затерялась, канула в Лету. Многие бумаги того времени до нас не дошли. Увы...

"Не запрягши, не погоняют..."

Запрягли не только лошадей и погнали не их одних, терпеливо-безответных.

Снова запрягли и гнали ЕГО.

"ШВИДЧЕ, КОНЮ..."

В списочный состав пятого линейного батальона рядовой Шевченко был внесен - вторично - еще 5 мая, а пред очи батальонного, затем ротного и взводного предстал... ну, по логике тогдашнего дорожного счета, скорее всего пятнадцатого.

О дороге особенно не распространяюсь. Во-первых, потому, что следовал по ней уже в третий раз, а впечатления, переданные в "Близнецах", черпались не только в июне сорок седьмого, а и потом, раз от разу пополняясь.

Мог бы (во вторых?) поразмышлять насчет способа передвижения. Но какая, в конце концов, разница, во что были впряжены лошади? Конечно, не в карету - не по чину карета офицеру невысокого звания (а в значительном не возьмет на себя обременительную обязанность препроводителя). Коляска, бричка, шарабан, тарантас - только не карета.

"Вообразите два длинных шеста, две параллельные дубины, неизмеримые и бесконечные; посреди них как будто брошена нечаянно огромная корзина, округленная по бокам... на концах дубины приделаны колеса..." Это о тарантасе из одноименной повести того времени (написал ее Владимир Соллогуб).

Тарантить значит болтать, и говорит это само за себя.

Чичиков, если помните, предпочитал бричку ("Лошадки расшевелились и понесли, как пух, легонькую бричку"). Тряску смягчали рессоры; легкость такой коляски увеличивала скорость.

О, скорость была для казенных людей фактором немаловажным! Не то, что для пушкинской Лариной.

К несчастью, Ларина тащилась,

Боясь прогонов дорогих,

Не на почтовых, на своих,
И наша дева насладилась
Дорожной скукою вполне:
Семь суток ехали оне.

Понятное дело, за рекордами не гнались. Их могли позволить себе особы коронованные, знатные или настолько богатые, что деньгами сорили без счета.

"...Рассказывают, что Екатерина II, желая удивить скоростью езды в России императора Иосифа, приказала найти ямщика, который бы взялся на перекладных доставить императора в Москву за 36 часов. Такой ямщик нашелся и был приведен пред государыней. "Берусь, матушка, - отвечал он, - доставить немецкого короля за 36 часов; но не отвечаю, будет ли цела в нем душа". (М.И.Пыляев, "Старый Петербург. Рассказы из былой жизни", 1889).

Препроводитель не форсил, но и не медлил. Ни себе, ни другим расслабляться он не позволял. Ехали споро, с колокольцами - п

роезжающими по почте. "Сдалеча весточку собою подавай" -отливалось на звонкоголосых вестниках. (Много интересного об этом в книжке А.К.Ганулича "Слышен звон бубенцов издалёка...", М., 1990).

Крестьянский сын Тарас любил лошадей, знал цену им, трудягам, помощникам, кормильцам. Они в десятках его стихов.

...Швидче, коню, швидче, коню, Поспшай додому!..
...-Чи ти ж, коню, будеш пити 3 нашо! криниш?..
...шд дубом зелененьким Кшъ замордований стогъ..
...Заревли велик! дзвони, Щоб одлалі хлопщ кош..
...У темному га!, в зеленш Діброві, На припош кон! отаву скубуть..
...От я повертаюсь -
АН кшъ летить, копитами
Скелю розбиває!..

Навевал ли сейчас их бег строчки стихотворные, образы поэтические? Кто подслушивал?..

Стихи... Спасибо доброму человеку и верному другу Герну: сам предложил схоронить его тетрадки. Попало бы на глаза доверенным ищейкам - спаси и помилуй: тут возвращением в Орскую не закончилось, может и в арестантские роты упекли, может дальше - еще бы, такое нарушение, прямо-таки попрание высочайшей воли... Мог, страшно подумать, и в огонь все это бросить. Нет, лучше кинуться в огненную прорву самому, чем детища свои убить!

Его стихи в надежном месте - Карл Иванович их не выдаст. Бедный Герн, он причинил ему боль'. Причинил от уважения и любви. (Сошлюсь на Ф.Лазаревского: "Шевченко...любил его тою беззаветною любовью, любить которою способен был Тарас Григорьевич"). Прости меня, благороднейший из людей, не мог я стерпеть поругания твоей чести, не мог, чтобы продолжалась мерзость, исходившая от смазливового и пустого прапорщика Исаева, способного на любую подлость. Бог даст, помиритесь вы с Софьей Николаевной, которой офицерик этот вскружил голову, - на самый подлый обман горазд он оказался. Чего не бывает в семье, а у вас детки...

В альбомах ничего такого, к чему придаться бы можно. Да они и старые ко всему - еще из тех времен, когда был "вольным". Ну разве что наброски аральские - так служебные же, по заданиям.

Переписываться со знакомыми ему не запрещали. И писали люди не сомнительные, не преступники какие - известные, вне подозрений. Придаться не к чему. Вот если бы, не приведи Господь, забрали стихи...

Три года назад он ехал тут среди июньского пекла, сжигавшего и его, и степь, и даже горы.

В октябре сорок девятого было уже и снежно, и вьюжно, и пронизывающе холодно.

Сейчас, с мае, дышалось полной грудью и вокруг простиралась такая красота, что хоть останавливайся, доставай бумагу и краски -смотри, воодушевляйся, пиши.

Завораживали тюльпаны - всех цветов и оттенков. Они еще не отцвели - никем не тронутые, живые, истинные перлы земли и солнца.

Бумаги не было, красок и кистей тоже - все осталось в том "ящике деревянном, неокрашенном, с кистями, красками и бумагами с ключиком", что пока в Оренбурге. Перед отъездом спросил - будто спохватились, пообещали прислать скоро.

Не придется ли'сочинять просьбы и объявлять претензии - как тогда, летом сорок седьмого, когда добивался возвращения своего добра из Киева, от Фундукля, а месяцы спустя эти его вещи, пересланные в Санкт-Петербург, были признаны там чуть ли не "хламом" и "по незначительности" оставлены "в делах III отделения"?

На этом тракте он был уже старожилом. Помнилось многое. И Нежинка, основанная земляками. И Островная - украинское село среди бесконечных, так не похожих на родные, просторов. И неугомонный родник у Гирьяла. И Верхнеозерная - станица оренбургских казаков. И Губерля, поразившая его в июне, удивившая в суровом октябре, но еще более прекрасная сейчас, в майской своей красе, свежести, пахучести.

Где-то ночевали - и двенадцатого, и тринадцатого. Может, в местах знакомых, может и в тех, где задерживаться прежде не приводилось.

Вина ли этого тракта, просторов, степей и гор этих, речек и родников, что там, наверху, царь со своими присными гонят и гонят тут возмутителей спокойствия-украинцев, поляков, россиян? Подальше от родины, от семей, от друзей-товарищей, от дела, которое, всего дороже?

...Подъезжали к Орской.

ТУЧА СГУЩАЛАСЬ

1.

В Орской о случившемся с ним знали. И про донос, и про арест на гауптвахте. До здешних офицеров явно дошли слухи о пикантной подоплеке всей этой истории, иные пытались выспросить у него подробности и даже детали, но поминать имя Герна всеу, как равно перетряхивать белье в спальне его неверной супруги, желания не было. Отговаривался безосновательностью навета, не переча, впрочем, когда упоминалось имя Исаева. Кое-кто тут прапорщика знал еще по кадетскому корпусу, и на их лицах читалось: такой способен на всякую подлость...

Записали в четвертую роту; командовал ею подпоручик Растопчин. Поселили в той же казарме, где обитал и прежде. Устроился на обжитых им нарах, даже в своем углу. Знакомых было больше, чем незнакомых, однако и новых лиц появилось немало. Сходу познакомился с Владиславом Докальским и Матвеем Рыбаченко; первый был из Польши, второй - с Волыни; о нем они слыхали и представляться не требовалось.

От казармы Тарас давно отвык, иной раз вспоминал ее как кошмарный сон, и вот сон в руку - пришлось-таки сюда вернуться. Тут человек себе не принадлежал - жизнь публичная, на виду, в этом смраде и неумолкаемой какофонии звуков, доводила до отупения. Заговорил было о наемной квартире -нет, "не положено". Не раз погоревал о смерти старого коменданта Л свитского Гаврилы Гавриловича. Сменивший его полковник Недоброво глядел на солдат волком - и не подступись. Исподлобья смотрел на него батальонный - будто враг он для него личный.

Как тогда, в самой начале, стали водить на плац, и муштровать, и муштровать. За эти два года он забыл даже то небольшое из военной премудрости, что с таким трудом одолел в первые месяцы солдатчины. Но ефрейтор спуска не давал - гонял, будто завтра на парад, и не иначе как царский.

Не было сил даже для того, чтобы навестить старых знакомых. Хотя... Александрийских в форштадте давно нет: живут в Оренбурге, там прошлой зимой встречались. Но Лаврентьевы-то из Орской не уезжали и не уедут, они ему рады всегда.

Ох, наматываешься за день солдатский - падаешь замертво. В субботу к ним выберется. Не в субботу, так в воскресенье.

2.

Шевченко считал свою участь решенной.

Под конец первой его недели в пятом линейном - неожиданно скоро - пришли из Оренбурга те, арестованные, книги и вещи. Все, что было в описи. Тревожился за краски, за кисти - на месте оказались и они. Вот уж соберется с силами...

Не знал, даже мысль такая не являлась, что корпусной командир не оставляет его без начальственного своего попечения, думает о нем и с е и ч а с.

21 -го мая - через неделю после распоряжения об отправке вдогонку увезенному рядовому и ящика деревянного, и семи книг во главе с Библией - написал он Толмачеву еще одно, секретное, предписание. Генерал от инфантерии попросил генерал-лейтенанта "строжайше предписать командующему линейным Оренбургским батальоном N 5-го, чтобы к рядовому ШЕВЧЕНКЕ отнюдь не могли прямо доходить письма и от него другим лицам пересылались, - ибо все таковые письма должны поступать на предварительное мое рассмотрение, что и предписать батальонному командиру к точному и неуклонному исполнению..."

Значит никакой переписки, во всяком случае без прочтения писем самим главным начальником края. Я буду твоим главным цензором - так, кажется, сказал Николай I Пушкину. Шевченко Обручев свою волю не объявил, однако в цензоры его себя произвел. Безоговорочно и окончательно...

Но это лишь одна его милость. Другая была не менее определенной. Формулировалась она так:

"...за рядовым же Шевченко в роту поручить, сверх батальонного и ротного командиров, иметь надзор благонадежному унтер-офицеру и ефрейтору, которые должны строжайше наблюдать за всеми его действиями, и если что-либо заметят предосудительного или неповиновения, то доводили бы о том в тот же час до сведения батальонного командира, который обязан немедленно мне донести, НАДПИСЫВАЯ НА КОНВЕРТАХ: секретно и в СОБСТВЕННЫЕ РУКИ".

Целая программа слежки и стукачества. Слежки всеохватной - от ефрейтора до главного генерала. А "объект" он один: рядовой, нижний чин, солдат Шевченко.

Меньше месяца назад, 27 апреля, Обручев всего-навсего напомнил формулировку высочайшего приговора 1847 года насчет учреждения "строжайшего надзора, с запрещением писать и рисовать, и чтобы от него, ни под каким видом, не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений". Теперь не выходить должны были и письма (выходить и приходиться!), а строжайший надзор обретал вполне конкретные, достаточно хитроумные и изощренные формы. Руководство операцией командир корпуса брал на себя, чего не делал часто даже тогда, когда речь шла о широкомасштабных военных действиях.

...Ничего не скажешь: предписание неординарное, о мерах исключительных. Не перестаешь удивляться: что случилось? что этот поворот предопределило?

3.

Точно не знаю. Достоверно не знает никто. Можно только предполагать.

Двадцать второго апреля генерал Обручев впервые всполошился после доноса Исаева ему лично. Тогда он мог лишь подумать, что юный наглец - из молодых да ранний - способен накатать невесть что в Санкт-Петербург и скажется это прежде всего на нем, начальнике корпуса, за все ответственным.

С обыском, арестом, переводом в орский батальон он не промедлил. Еще две с лишним недели продержал Шевченко на главной гауптвахте. Ради чего? Если Исаев на донос в верха все же решился, то за это время столица даст о себе знать и в таком случае можно будет сослаться на продолжающееся пребывание виноватого в арестантской, на тщательное исследование изъятых бумаг. Приказ же о наказании -отстранении от

командировки и отправке в пятый линейный - отдан.

Петербург молчал. Слегка успокоенный, Обручев отослал опального рядового - и спешно - по месту его службы, "под строжайший надзор" и так далее.

Но тут ему донесли, что Исаев не сразу, но донос, похоже, отправил. Наказание Шевченко, по его мнению, было недостаточны м. За такое, мол, оскорбление полагаются по меньшей мере арестантские роты. У Федора Лазаревского: "...о приговоре Тараса в арестантские роты говорили все в Оренбурге". Рассказывали, что грозился, петушился, на кого-то намекал, поднимая глаза кверху; приятели ему поддакивали - заодно с ним, наверное.

Написал, негодяй... На обахту мерзавца, на белое, черное, синее море!.. Но береженного Бог бережет - удар надо упредить, притом скорее-Так рассуждал Обручев иди не так - документальных подтверждений или достоверных возражений нет. Есть одно: секретное предписание начальнику 23-й пехотной дивизии. То самое - от 21 мая.

А два дня по тому - обручевский рапорт князю А.И.Чернышеву, военному министру. Рапорт официальный да еще с приложениями.

...О нем позднее, дальше.

4.

Знакомых-приятелей в орской казарме было у Тараса действительно больше, чем незнакомых. Добрые отношения меж ними будто и не прерывались. С самого начала возобновившегося общения почувствовал: они, эти хорошие люди, в основном поляки, польские повстанцы, стали друг к другу ближе, соединились не только прошлым своим, не одной лишь польскостью, их объединявших изначально, а и чем-то большим, качественно большим - намного возросшим градусом духовности. Ощутил это в первых же, после долгого перерыва, разговорах; от него они не таились.

Прежде всего, не таились те, с кем судьба сводила вторично, -Хипполит Завадский... Северин Буковский... Станислава Круликевича и Оттона Фишера в Орской не было - разослали по другим батальонам. Вместо них в разное время, но уже после отправки Шевченко с Аральской экспедицией, появился еще один участник Краковского восстания 1846 года Стефан Витуский, прибыли познан-ские повстанцы Станислав Зелинский и Станислав Мешковский, члены разгромленного молодежного Союза, созданного в Вильно братьями Далевскими, - Нарциз Двораковский, Миколай Домбровский, Юлиан Козляковский, Эдвард Пожерский, Норберт Савич и еще некоторые. В прошлой своей жизни одни были небогатыми шляхтичами, другие - чиновниками, из мелких, третьи - ремесленниками. Приговор без следствия и суда всех их облачил в солдатскую одежду, поставил в строй, обрек на муштру, отупение, казарму. (Как и всех 1667 "штрафованных", оказавшихся в Отдельном Оренбургском корпусе 1849-1850 годов).

Не каждый выдерживал. Тяжко заболел Ежи Лисевич из того же Союза литовской молодежи. До поры до времени крепился, но товарищи видели: их Ежи тает на глазах, вряд ли уже выздоровеет, тем более в таких условиях. Лисевичу и впрямь суждено было лечь в орскую землю; о смерти его осенью пятидесятого Тарасу привелось узнать уже на Мангышлаке.

Поляки держались, или старались держаться, поближе друг другу. Опытные наставляли неопытных, сильные опекали слабых, звучала польская речь, иногда польская песня, говорили о прошлом своей родины, о революциях в Европе, о том^что вошло в их собственные революционные биографии - у кого больше, у кого совсем крохотные.

Да, это был вполне сформировавшийся круг -кружок, действовавший чуть ли не беспрерывно. Некоторые, более образованные, - тот же Завадский, еще один "старожил" - Фаустин Грудзинский, Владислав Докальский из дворян Ковенской губернии, уже упомянутый Пожерский и кое-кто другой - нередко допоздна засиживались над книгами. Иной раз сходились в "Тарасовом углу" казармы; тогда в разговоре принимал участие и он, в польском языке поднаторевший и раньше, а в Оренбурге прошедший чуть не полный

курс языковой практики. Иногда эта группа куда-то скрывалась, исчезая с глаз на часы. Понимал: есть квартира, может даже квартиры, где его приятелям рады. Не допытывался, не гадал про то: захотят - скажут сами, а на нет - и суда нет.

Среди поляков выделялся молодой не поляк, русский по облику и манерам, по столичной своей речи. Спросив Хипполита, кто это такой, узнал: Александр Ханыков, один из главных сподвижников Буташевича-Петрашевского; приговаривался к расстрелу, стоял уже на эшафоте.

Он смотрел на него с интересом особенным. И при первом же удобном случае не преминул познакомиться.

Волю корпусного командира ему, разумеется, не объявили. Прика.3 Обручева, датированный 21-ми доставленный в Орскую со всей возможной скоростью, был, напомню, секретным. Начальник дивизии с пустил его в батальон, майору Мешкову, с соблюдением всех мер предосторожности от чужого глаза и собственным предупреждением о секретности строжайшей. До ротного, Растопчина, Мешков довел только его часть задачи, от себя приказав не распространяться, но исполнить все как велел сам.

Шевченко о сгущавшейся над ним туче не знал, однако уже на второй неделе интуитивно почувствовал: отношение к нему в роте стало не т а к и м. Не со стороны нижних чинов - нет, не их. Но насчет батальонного, ротного и даже взводного командиров - тут он ошибиться не мог.

Чем их настороженность вызвана?

В чем провинился еще?

ПЕТРАШЕВЕЦ ХАНЫКОВ

На восьмом десятке лет память обычно ненадежна, но при всей к а ш е в их старых головах сестры Лаврентьевы вспоминали хорошо им знакомого Шевченко вместе с менее памятным по фамилии Ханыков.

- В ту пору у нас был один только подтвержденный - Ханыков, -какой-то, слышь, придворный. Болтали, что гофмейстер, а правильно ли то - Бог его знает...

Ханыкова называли они чаще других. И записывавший воспоминания старожилов журналист Александр Матов имел достаточные основания обобщить все таким образом:

"За крепостной вал было строжайше воспрещено отлучаться, и поэт находил отдых у Лаврентьева. Они вместе читали, спорили и гуляли по крепости. В их беседах принимал участие и Ханыков..."

- Вот Ханыков тоже, бывало, задумывался, - еще и еще одна зарубка в старушечьей памяти.

Шевченко - Ханыков... Ханыков - Шевченко... Так и запомнили. Надолго, навсегда.

Александр Ханыков в гофмейстеры, и вообще в придворные, не вышел. Больше того, вращаясь при дворе он не стремился никогда. Меж тем достаточно громкая дворянская фамилия в сочетании с ученьем на престижном - восточном - факультете Петербургского университета открывала ему широкий путь к карьере - государственной, дипломатической, любой другой.

Родился он в год восстания декабристов. Великое и несчастное это восстание по своему высветило жизнь юного дворянина, с первых же сознательных лет заставив задуматься над многим. В университет его приняли в 44-м. Но в апреле 47-го из списков студентов Александра вычеркнули. "За неблагонадежное поведение..."

Уже не первый год посещал он тогда кружок петрашевцев, был в нем заметным участником.

Выписываю строки из доклада генерал-аудиториата.

"Ханыков посещал собрания Петрашевского с 1846 года и слышал происходившие там преступные рассуждения о религии и правительстве; участвовал с Петрашевским в выписывании запрещенных социальных книг и, увлекшись либеральными идеями,

особенно учением Фурье, стремился распространять оное в России через перевод сочинений его на русский язык. На обеде 7 апреля произнес в высшей степени преступную речь, клонившуюся к ниспровержению существующего порядка.

В этой рочи Ханыков, между прочим, выражал, что отечество наше в цепях и рабстве, что религия и невежество - спутники деспотизма - затемнили и заглушили натуральные его влечения, вспоминал о бывшей народной вольнице новгородской и увещевал слушателей стремиться к преобразованию всего общественного быта...

Во всем этом Ханыков сам сознался".

Сознался - значит повторил во весь голос. Повторил - следовательно, не отрекся: ни от слов, ни от мыслей.

Вместе с М.В.Буташевичем-Пётрашевским и его соратниками Александр стоял уже в ожидании расстрела, казалось неминуемого, но в последнее мгновение перед казнью их высочайше помиловали ли.

"Студента Ханыкова, за...участие в преступных замыслах...во внимание к молодым его летам, лишить всех прав состояния, сослать в каторжную работу в крепостях на 10 лет".

Такое окончательное наказание определял генерал-аудиториат. Но государь внес поправку и тут, собственноручно начертав: "Рядовым в Оренбургские линейные батальоны". Уж очень Николай Павлович любил отдавать политических своих противников в солдаты...

Шевченко испытал это на себе. Только ему государь император уделил больше своих бесценных строк: и насчет строжайшего надзора, и про запрещение писать и рисовать.

В Орскую крепость, в пятый ее линейный батальон, Ханыков был доставлен 5 января 1850-го. Еще 22 декабря отсчитывал последние мгновения жизни, мысленно прощаясь с нею, такой короткой, а две недели спустя оказался в тысячах верст от Санкт-Петербурга, обреченный на бесконечную солдатчину среди бесконечных, унылых степей.

Препроводительная, полученная в крепости, предписывала, чтобы он, государственный преступник, "находился постоянно под строжайшим надзором (царское упущение оказалось исправленным), и был употреблен на службу без малейшего послабления; облегчение же участи его в будущем времени будет зависеть от его поведения и монаршего милосердия, но отнюдь не от снисхождения к нему ближайшего начальства".

Снисхождения и не было. Муштра, походы, придирки по поводу и без повода, существование на виду у всех, в переполненной смердючей казарме изматывали тело, ранили душу, но... не угашали его бунтарский дух. Каким он был на тайных сборах петрашевцев, таким оставался и в подневольной, принудительной своей солдатчине.

Много всякого припомнили ему, когда стали раскручивать клубок недозволенных действий Ханыкова, Завадского и других, вкупе с молодыми прапорщиками Гурьевым и Невельским. Александра обвинили "в самовольном уходе из казарм, в ослушании против рядового Егорова, который требовал, чтобы он из квартиры прапорщика Гурьева шел в казармы", "в произношении бранных и дерзких слов, в присутствии ротного командира и бытность при том троих нижних чинов, - против батальонного его командира", в хранении, чтении и распространении запрещенных цензурой книг, в неуважении к власти, вплоть до самой высшей.

Он остался прежним.

Ханыкову грозили арестантские - каторжные - роты. Не миновать бы их ему, не вмешайся В.А.Перовский. В письме на имя Л.В.Дубельта он просил отнюдь не о снисхождении. Не сочувствия было это письмо исполнено, но цинизма: "Родные сочтут милостью, если он будет сослан в какой-нибудь гарнизон, где люди скоро умирают от болезни, или даже заключен в дом умалишенных; это будет для них легче, чем видеть его в арестантских ротах и каждый день страшиться нового позора".

По указанию Николая I Ханыков был переведен в первый Оренбургский линейный батальон, штаб которого находился в Уральске. Но кроме Уральска дислоцировался он еще и на Мангышлаке - в местах, где и впрямь "люди умирали скоро от болезни".

До Новопетровского добраться ему не пришлось. Он умер в Уральске, в пятьдесят третьем, от холеры. Было Ханыкову тогда всего-навсего двадцать восемь лет. Жить бы еще и жить...

Последние приветы Шевченко посылал Александру из укрепления на каспийском побережье.,

ПОВЕЛЕТЬ ИЗВОЛИЛ...

1.

Итак, 23 мая Обручев отправил рапорт военному министру князю Чернышеву.

23 апреля - 23 мая... Совпадение, безусловно, случайное - о каком-либо подгоне "юбилея р а д и" в мыслях его не было. Счел, что откладывать больше нельзя, и заторопился.

В рапорте лаконично излагался приговор в отношении "бывшего художника С.-Петербургской Академии", покаранного, как подчеркивал особо, "за сочинение возмутительных стихов", в немногих словах сообщалось об определении Шевченко на службу в линейный батальон N 5 и, далее, о переписке насчет возвращения ему права заниматься рисованием: "В январе месяце 1848 года шеф корпуса жандармов г.генерал-адъютант граф Орлов относился ко мне с вопросом о том, в каком батальоне рядовой Шевченко состоит на службе, каков он по службе, в поведении и образе мыслей и заслуживает ли ходатайства о дозволении ему заниматься рисованием. На это было сообщено графу Орлову, что рядовой Шевченко... ведет себя хорошо, службою занимается усердно, в образе мыслей ничего предосудительного не замечено и, по засвидетельствованию ближайшего его начальства, он заслуживает ходатайства о дозволении заниматься ему рисованием". Но - "по докладу о сем государю императору" - высочайшего соизволения на это не последовало. Начальник дивизии, в которую входит" пятый линейный, о том был поставлен в известность - "к зависящему исполнению".

"Между тем, - переходил Обручев к главному, - ныне мне сделалось известным, что будто бы означенный рядовой Шевченко ходит иногда в партикулярной гражданской одежде, занимается рисованием и составлением стихов, почему и приказано было тотчас же обыскать рядового Шевченко и его содержать под арестом!'. "

"По произведенному осмотру, - сообщал Обручев, - у рядового Шевченко найдено один только старый поношенный, широкий партикулярный сюртук, от разных лиц письма и преимущественно на малороссийском языке, два альбома со стихами и песнями на том же языке, с разными в них фигурами, нарисованными карандашом..."

Как особенно замечательное, в рапорте было выделено письмо Сергея Левицкого от 6 марта 1850 года. "Также замечательны", по его мнению, были письма братьев Лазаревских. (Подчеркивает: все они - чиновники Пограничной комиссии). В этом же ведомстве служит и Александрийский, через которого некоторые из писем попадали к Шевченко},

"Приемлю честь, - заключал автор рапорта, - почтительнейше представить на благоусмотрение вашей светлости при описи отобранные у рядового Шевченки бумаги с разделением писем, заслуживающих особого внимания, и какие, по мнению моему, не заслуживают такового, присовокупляя, что я подтвердил кому следует, иметь самый бдительный и строжайший надзор за упомянутым рядовым и что с виновными в неисполнении сего будет поступлено по всей строгости законов".

ВСЕ. Как предупредил сразу, рапорт лаконичен. Но лаконизм отнюдь не единственная его особенность. Если бы кто-то захотел использовать документ сей как единственный источник составления к а н в ы первого трехлетия солдатчины Тараса, сколь много важного в канву эту не вплелось бы...

Ни слова об Аральской экспедиции и участии в ней Шевченко - тем паче как художника. Ни полслова об оренбургской зиме, когда он вполне официально (с его генеральского позволения) работал над "окончательной отделкой живописных видов". Ни упоминания об Оренбурге вообще - определен на службу в пятый линейный, и все тут, только в нем и служит. Причем вполне "усердно", не позволяя себе "ничего предосудительного", в том числе и "в образе мыслей". ТУ характеристику, 1848 года, Обручев повторяет явно не без умысла. На фоне ее по-иному, мягче, восприниматься должно и то, что стало непосредственным поводом к рапорту. Нагнетания мрачного, сгущения красок нет. Не потому, что пожалел этого злосчастливого рядового. Пожалел себя. Как аукнется, так и откликнется.

К рапорту приложил письма: "заслуживающие внимания" и "особого внимания не заслуживающие". Послал и те и другие - никто не вправе будет упрекнуть в сокрытии. Пусть читают и судят там, в Санкт-Петербурге. Судят, но...не осудят. Последнего боялся больше всего.

Сопоставим рапорт подчиненного и приказ подчиненным. Насколько они различны...

2.

Владимир Афанасьевич считал себя большим дипломатом и, берясь за какое-то дело, поворачивал его то так, то сяк, сразу же стараясь предусмотреть решительно все. Но все предвидеть не дано даже многоопытным дипломатам.

Того же, 23-го мая, сразу после рапорта Чернышеву, прямому своему начальству, написал он письмо канцлеру К.В.Нессельроде. Граф Нессельроде ведал внешней политикой государства, командир корпуса не подчинялся ему ни в какой мере, однако тут он счел нужным посвятить в некоторые аспекты и министра иностранных дел. "По произведенному осмотру у рядового Шевченки найдено..." Речь шла, главным образом, о переписке и причастности к ней чиновников Пограничной комиссии. (Комиссия относилась как раз к его, Нессельроде, внешнеполитическому ведомству). Обручев называл фамилии: Левицкого, Лазаревских, Александрийского. Перевод письма Левицкого он в копии даже приложил. На всякий случай сообщил, что "все найденные письма и прочие бумаги препровождены...к г.военному министру".

"С отличным уважением и совершенною преданностью..." Письмо увез тот же фельдъегерь. Рапорт шел как документ секретный, письмо никаких грифов не имело. Одно и другое достигло высоких адресатов в свое, законное время.

В секретный журнал Инспекторского департамента рапорт внесли 5 июня. В этот же день была готова справка "О бумагах, отобранных у рядового Шевченки, которому воспрещено было писать и рисовать". Справка на семи листах - достаточно обстоятельная. Как же, предстоял доклад государю...

За что Шевченко наказали - тогда, в мае 47-го? "...За сочинение на малороссийском языке стихов, в которых тот выражал плач о мнимых бедствиях Украины, то описывал славу гетманских времен и прежнюю вольницу казачества, присовокупляя к тому многие возмутительные мысли, то изливая клеветы и желчь даже на особы, к которым обязан был питать чувства благоговейного уважения".

О чем Обручев доносит? (Рапорт его мы только что читали - большего нет и в справке).

Основное, главное место в ней занял "разбор представленных бумаг".

Об альбомах сказано сразу и определенно: "Содержание их не заслуживает особенного внимания". Другое дело - письма. Департаментские "исследователи" читали их придиричливо, извлекая из каждого все, что должно было извлечь.

Из приписки Александры Псел к письму Репниной (отметив, что в посланиях самой княжны "закljučаются молитвы") выписали они слова о Шевченковой душе, как алтаре, "на котором совершался дар чистой поэзии", не могущей угаснуть, о множестве молящихся за него "сестер... и по Христу, и по кресту".

Из семи писем Лиз9губа выделили только сообщения о посланных в Оренбург рисовальных принадлежностях.

Больше цитат, больше подчеркиваний в изложении письма Сергея Левицкого. Тут и про "скверный дух петербургский", и про тех, кто хлопочет (или собирается хлопотать) за Шевченко, и, конечно, про магистра математики Н.А.Головко, которому принадлежат слова: "...хотя вас не стало, но на ваше место есть до 1000 человек, готовых стоять за все то, что вы говорили и говорят люди, для которых правда так же важна, что хотя бы ее нужно было говорить и при самом Карле Ивановиче, то не испугались бы".

У Александрийского выудили все, что касалось "новостей политических", о главной теме их: "хочется лучшего" - "старой песне, современной и человеку и человечеству", только распеваемой "на новый лад, с аккомпанементом 24-х фунтового калибра"; у Чернышева - призыв к осторожности, так как в крепости есть доносчик из арестантов; у него же, и Ф.Лазаревского, - имена общих знакомых, через которых могла вестись переписка...

Но в центре внимания - письмо Левицкого, процитированное больше и шире, чем все остальные, вместе взятые. Главная крамола - в нем, источник серьезнейших подозрений - оно.

"Соображение. Предполагалось бы:

Доставленные генералом Обручевым бумаги, отобранные от рядового Шевченки, передать, по принадлежности, в III отделение собственной вашего императорского величества канцелярии, для надлежащего по ним розыскания.

Генералу от инфантерии Обручеву предписать: рядового Шевченко, не исполнившего воспрещения писать и рисовать, перевести под строжайший надзор из 5-го Оренбургского линейного батальона в другой отдаленный батальон и донести: кто окажется виновным в допущении Шевченка вести переписку и заниматься рисованием".

Справку готовили в Инспекторском департаменте, но "соображения" исходили не от офицеров или чиновников оного - от самого военного министра. Николаю I докладывал Чернышев. Рапорт Обручева он получил за сколько-то дней до этого. Обдумать его успел.

"Испрашивается разрешение. Какое угодно будет дать повеление по сему предмету?"

Вопрос был к царю. Окончательное решение - за ним.

3.

Всемиловитейший не кивнул головой в знак согласия и не начертал против абзацев представленных ему соображений: "быть по сему". В доклад он вник, вникнув - разгневался, а в гневе в ы с о ч а и ш е повелел:

" 1. Рядового Шевченко подвергнуть немедленно строжайшему аресту, до окончания дела, и при производстве оного иметь в виду, что командир Оренбургского линейного N 5 батальона и все ближайшее начальство подлежат должны законному взысканию за допущение столь предосудительных послаблений относительно сего преступника, коего предшествовавшая вина была им известна, и

2. Капитан-лейтенанта Бутакова не отправлять в Швецию, для наблюдения за заказом парохода, как сие предположено было, до окончания розыскания, которое по сему предмету произведено будет". Строжайший арест -отгосударя. До окончания дел а - следствие только предстояло. Перевод в другой отдаленный отставить- могут быть и иные наказания, покруче. (Может, крепость... или арестантские роты...) Законное взыскание не кому-то неопределенному ("кто окажется виновным"), а конкретно - командиру пятого линейного и всему "ближайшему начальству". (Четвертый батальон, Раим, как равно Оренбург, ни в рапорте Обручева, ни в справке Инспекторского департамента не упоминались - значит только пятый и Орская) .Преступник- вот кто Шевченко в глазах царя. Преступник, "коего предшествовавшая вина... известна"...

Ну а почему появился пункт о Бутакове? На него - "капитан-лейтенанта, бывшего в Оренбургском крае и ныне находящегося в С.-Петербурге" - самодержец обозлился уже за

то, что, судя по письму Левицкого, он, Бутаков, решил действовать - ради освобождения Шевченко от законного наказания - в обход власти предрешающих, вопреки его, государевой, воле. "Двинул за вас всех дам, чтобы говорили кому что следует"... (В оригинале письма: "двинув б а б", но для царских ушей это было неблагозвучно). Пусть-ка ответит, почему он потакает этому преступному рядовому, что их меж собою связывает. Не причастен ли и сам к той злоумышленной "1000 человек"...

... Повелеть изволил 7 июня.

Решалось все быстро.

Однако писал Обручев еще и Нессельроде?

КАК ОБРУЧЕВ ПЕРЕСТАРАЛСЯ

1.

Писал. И перестарался, вызвав своим письмом только гнев.

Нет, не у Нессельроде - самого императорского величества государя императора вкупе с сановными Чернышевым и Орловым.

Воспроизведу переписку, возникшую вокруг этого, - в "Материалах та документах до бюграфи" она опущена, наверное как несущественная. Впервые ее обнаружил и опубликовал Михаил Михайлович Новицкий; сборник тот - "Шевченко та його доба" - вышел еще в 1925-м, давно стал библиографической редкостью и содержимое публикации доступно лишь немногим, вхожим в архивные фонды Государственного музея Тараса Шевченко в Киеве. Тем более целесообразно напомнить о ней сейчас.

"Ваше величество изволили мне вчерась говорить о деле Шевченки в Оренбурге, которое я получу от военного министра..."

Граф А.Ф.Орлов пишет Николаю I. Письмо имеет дату: "8 июня". Значит, следующий же день после того, как А.И.Чернышев сообщил волю царя в Инспекторский департамент, для дальнейших распоряжений и контроля за их исполнением. Но и Орлов замечает: "вчерась". Царь призвал его "по делу Шевченки" тотчас после доклада князя,

"...Но я его еще не получил, как сегодня к крайнему моему удивлению получил я с приложенными при сем бумагами записку от товарища министра иностранных дел. Почему ген. Обручев пишет о сем деле канцлеру, по какому поводу истинно я понять не могу. Мне весьма неприятно, потому что при таком неуместном разглашении я за тайну отвечать не могу, и за успех непременно нужных разысканий..."

Тайна- вот в чем суть. Ему высочайше поручено провести расследование в строгом секрете-не исключено и новое громкое политическое дело, вроде недавнего - петрашевцев; тут важна именно тайна, а сейчас она поставлена под сомнение, виной же тому - это письмо в чужое ведомство.

"...Позвольте мне, разумеется весьма учтиво, спросить Оренбургского военного губернатора, что его побудило писать к г.Нессельроде..."

Настроен Орлов в высшей степени решительно.

"...Я как рассмотрю бумаги от военного министра, составлю о сем деле доклад вашему величеству и к сожалению нахожу, что, вероятно, придется несколько лиц подвергнуть допросу, а может статься и аресту..."

Можно представить себе, каким был разговор его с царем ("вче-рась", то-есть 7-го) и на что нацелил главу особо секретного отделения собственной, императорской, канцелярии самодержец всея Руси, если еще до получения обещанных бумаг писал он об аресте как о чем-то предрешенном.

"...По известиям, сегодня полученным, все смирно и благополучно..."

В контексте доверительного письма звучит это не иначе, как ожидание сверхординарного, причем по тому же "делу Шевченки", под которым может быть невесть что опасное.

2.

Обручева граф Орлов спросить не преминул.

Кон-фи-ден-ци-аль-но спросить; по форме, может, и учтиво, но -достаточно жестко.

"Милостивый государь, Владимир Афанасьевич!

Ваше высокопревосходительство от 23-го мая N 385 изволили сообщить ^государственному канцлеру о распоряжениях, сделанных правительством на счет назначенного по высочайшему повелению во вверенный Вам корпус рядового Шевченки и о бумагах, найденных ныне при обыске у него. Имея в виду, что переписка о рядовом Шев-ченке ведена была мною секретным образом только с г.военным министром и вашим превосходительством, я приемлю честь покорнейше просить Вас, милостивый государь, не изволите ли Вы почтить меня уведомлением, по какому поводу Вы сочли нужным сообщать содержание сей переписки г.действительному тайному советнику графу Нессельроде и не изволили ваше высокопревосходительство иметь к тому особые причины? - Примите, милостивый государь, и т.д. Подписал граф О р л о в".

...Но, полноте, ни о какой секретной переписке между Орловым, Чернышевым и Обручевым о Шевченко в обручевском письме к Нессельроде нет ни слова, как равно и о приговоре "преступнику" Шевченко. Таким образом, этих секретов оренбургский военный губернатор не выдавал и выдавать не собирался. Разгласил он факт обыска (или осмотра) у сего рядового, разгласил имена некоторых его корреспондентов и суть ряда писем к нему, в том числе ис подозрительными местами (особенно касательно Головки, Левицкого, Бутакова).

Вступаюсь за Обручева лишь затем, чтобы яснее стало, что именно разгневало царевых сподвижников и самого Николая I. (Между прочим на обращенном к нему приватном письме Орлова есть государева собственноручная резолюция: "Совершенно правда; невероятная глупость, и спросить его надо").

Полагаю, что еще одной причиной их гнева стало опасение и другого рода: из ведомства иностранных дел вели самые короткие и прямые пути за рубеж, в беспокойную, революцией взбудораженную Европу. Что если о ДЕЛЕ заговорят там?

3.

Историю со злополучным письмом пора заканчивать. А потому забегу на две с лишним недели вперед.

На конфиденциальное письмо графа Орлова последовал конфиденциальный ответ генерала Обручева.

Получив почтеннейшее отношение сиятельного графа, он излагал причины, побудившие его писать Нессельроде.

Дело в том, объяснял в письме, что председатель Пограничной комиссии генерал-майор Ладыженский как раз представил Федора Лазаревского к назначению советником; он же, Лазаревский, сам не раз писал к Шевченко, а кроме того не без его содействия велась им ^переписка с другими лицами, в том числе с чиновником этой же комиссии Левицким, автором письма, "которое по содержанию своему заслуживало особого внимания". Обручев воспротивился повышению и, дабы оно не состоялось в обход его, губернаторской, воли, "почел долгом сообщить... государственному канцлеру" о связях его чиновников в Оренбурге "с рядовым Шевченко, состоящим под строгим надзором начальства".

Сочли в Санкт-Петербурге это объяснение удовлетворительным или не сочли - покажет время.

БЕЗ ПРАВА ПЕРЕПИСКИ?

1.

Высочайшее повеление состоялось: арест, притом строжайший, последующий перевод в другой отдельный батальон, наказание виновных и причастных. Что же еще после приговора царского, его, не подлежащего пересмотру, приказа? Но ведь он, сам государь, повелеть изволил учинить полное следствие и произвести оное в III отделении

собственной его величества канцелярии!

Июня 8 дня князь Чернышев препроводил все "бумаги, отобранные от рядового Шевченка" графу Орлову.

Того же 8 июня дежурный генерал главного штаба Игнатьев, тоже граф и тоже при больших чинах, по поручению военного министра, объявил монаршью волю в секретном рапорте командиру Отдельного Оренбургского корпуса генералу от инфантерии Обручеву.

"Рядового Шевченка, не исполнившего воспрещения писать и рисовать, - уведомлял он, - подвергнуть немедленному строжайшему аресту и содержать под оным до исследования о виновных, допустивших его ВЕСТИ ПЕРЕПИСКУ И ЗАНИМАТЬСЯ РИСОВАНИЕМ. При исследовании иметь в виду, что командир 5-го Оренбургского линейного батальона и все ближайшие начальники подлежат должны законному взысканию за допущение предосудительных послаблений относительно этого преступника, коего предшествовавшая вина была им известна..."

Воля царя здесь уже звучала - к чему повторяться? Но прямого повторения и нет. О запрете н.а переписку, например, есть" только в письме Чернышева Орлову и рапорте Игнатьева Обручеву, а это существенно меняет (или, по крайней мере, расширяет) критерий вины преступника (Шевченко "величают" уже исключительно так).

И, потом, разве не важно нам знать, в какой форме императорское • повеление достигло непосредственных его исполнителей? Тут, в Оренбурге?

Достигло, надо сказать, с некоторой - и существенной - задержкой, объяснить которую сложно. Экстра-почта возила важные бумаги быстрее. Эта же оказалась перед Обручевым лишь две недели спустя, о чем свидетельствует недвусмысленная надпись-помета: "По входящему секретному журналу... получено 23 июня 1850", а равно и резолюция: "К исполнению, а следствие приказано произвести подполковнику Чигирю, 23 июня".

"Высочайшую волю сию... имею честь довести до сведения вашего высокопревосходительства к исполнению, покорнейше прося уведомить своевременно князя Александра Ивановича о последствиях сего исследования, для всеподданнейшего, относительно сего рядового, распоряжения".

Доклада ждал не кто иной, как царь, свой приговор объявивший.

Предварительный приговор... В зависимости от и с - с ледования он может быть изменен. Яснее ясного - не в сторону смягчения.

Пока - снова 8-го - генерал-адъютант Игнатьев хватился, что одно из наказаний в переписке упущено и поспешил донести о том Дубельту:

"...при объявлении...высочайшей воли генералу от инфантерии Обручеву не упомянуто вовсе о переводе сего рядового, по окончании дела, в др*угой из отдаленных оренбургских батальонов... Повеление о перемещении... надлежит иметь в виду, не включая в дело, до приведения к окончанию исследования, должностящего определить степень виновности рядового Шевченки и прикосновенных лиц".

Резолюция Дубельта была категоричной: "Иметь в виду неукоснительно".

" ...Все, похоже, имели в виду, что дело разрастется и - п р о - г р е м и т.

2.

Чего-чего, а интуиции Обручеву хватило. Сейчас она подсказывала: сэтим Шевченко и мороки, и неприятностей не оберешься. Сочтут ли в высших сферах принятые им меры достаточными? не упрекнут его в поблажливости?

Нет-нет да и возвращался к своему собственному расследованию.

По его поручению войсковой старшина Корин, исправляющий должность дежурного штаб-офицера, написал 7 июня в Орскую, майору Мешкову: "Пред отправлением к командируемому вами батальону рядового Тараса Шевченко оказались у него из числа партикулярного платья два пальто и несколько брюк, каковые вещи господин корпусной командир изволил приказать впредь до некоторого времени не

утрачивать..."

За две недели до того "по произведенному осмотру" у Шевченко обнаружили "один только старый поношенный, широкий партикулярный сюртук". Тут же и "два пальто", и "несколько брюк" - целый гардероб. Откуда он взялся? Ответ прост: гражданская одежда нижнего чина находилась не только во флигеле дома Герна, но и, скажем, вместе с вещами Лазаревского. Опять нашелся осведомитель, снова кто-то нашептал... Не успокоился Исаев? проследили его дружки-приятели?.. Во избежание упреков Обручев давал все новые задания "к надлежащему исполнению". Изъятые бумаги читают в Санкт-Петербурге - уж там в них разберутся до конца. Он теперь копался в...одежде. О том, что солдат Шевченко "ходит иногда в партикулярной гражданской одежде", уже знают и наверху. Спросят - надо быть готовым. Следствие не закончено, и чем еще обернется...

Указаний об аресте Тараса Шевченко от командира корпуса не было. Все насчет него Обручев расписал с присущей ему обстоятельностью - службу, надзоры и запреты, контроль переписки и так далее. Арестовать по собственной инициативе, пойти против распоряжения высшего начальства, проявить своеволие служака Мешков не позволил бы себе никогда.

...Что, автор с кем-то спорит, кому-то возражает?

И спорю, и возражаю.

В сборнике материалов и документов к биографии Шевченко (1982) помещен рапорт подпоручика Растопчина майору Мешкову -ротного командира батальонному. "На обороте сего имею честь к вашему высокоблагородию представить список нижним чинам, поступившим в комавдуемую мною роту за политические преступления..." В списке девять фамилий: рядовых четвертого батальона -Александра Бема, Юрия Лисовича, Адама Нивольского, Кайтана Вит-ковского, рядовых пятого - Владислава Докальского, Владислава Кубацкого, Станислава Цешейки, Матвея Рыбаченко, и после всех -Тараса Шевченко. Против его фамилии - единственной в этом списке - значится: "под арестом".

Рапорт помечен датой: 10-е июня 1850 года.

Так в сборнике, четко и ясно: июня 10 дня.

Четко, но...неясно. Обручев приказа об аресте не отдавал. Из Петербурга распоряжение о "немедленном строжайшем аресте" вышло только накануне, и отнюдь не телеграфом, который в силу еще не вошел, - фельдъегерской почтой, на перекладных, от одной станции к другой, и так через всю европейскую Россию.

В журнале входящих документ из секретного петербургского пакета будет зарегистрирован лишь 23-го, получив здесь номер 79.

Каким же образом Шевченко оказался "под арестом" много раньше? Произошла ошибка?

Ошибка в датировании рапорта Растопчина! Не июнь должен значиться под ним, а июль - десятое июля. (Отдел рукописей Института литературы АН Украины, ф.1, д.489). В июле Тарас и,, впрямь находился на гауптвахте Орской крепости. Очутился он там) еще на последней неделе июня - 25-го или 26-го. Гонец из Оренбурга с приказом о взятии Шевченко под стражу не мешкал нигде.

"Государь император... высочайше повелеть соизволил..."

3.

VIII отделении бумаги переворошили заново.

"Из отобранных у ШЕВЧЕНКИ писем видно, что ведущие с ним переписку княжна Репнина, Левицкий, Лизогуб, Лазаревские и Чернышев принимают в Шевченке близкое участие и заботятся через посредство своих знакомых об улучшении его участи.

Особенного внимания заслуживают в письме находящегося здесь в отпуску чиновника Оренбургской комиссии ЛЕВИЦКОГО выраже-

ния: "МНОГО ЕСТЬ ТУТ НАШИХ... ПОКА ЗНАЮ ОДНОГО, ЭТО ГОЛОВКО, магистр Харьковского университета; он сотрудник некоторых журналистов, и очень умный человек, жаль только, если он своею правдивостью наделает того, что и его

сошлют куда-нибудь... ГОЛОВКО говорит, ЧТО ХОТЯ ВАС (т.е.ШЕВЧЕНКИ) НЕ СТАЛО, НО НА ВАШЕ МЕСТО ЕСТЬ ДО 1000 ЧЕЛ., ГОТОВЫХ СТОЯТЬ ЗА ВСЕ ТО, ЧТО ВЫ ГОВОРИЛИ И ЧТО ГОВОРЯТ ЛЮДИ, для которых правда так важна, что хотя бы ее нужно было говорить и при самом Карле Ивановиче, то не испугались бы"...

Строки о Головке приводились, может даже не раз. Но сейчас я цитирую документ III отделения, и мне важны не только слова Левицкого, а и ход карандаша (ход мыслей!) того, кто, читая, подчеркивал существенное, главное, крамольное. Кстати, этот же читатель сделал сноску к упоминанию "Карла Ивановича". Была она такой: "Карлом Ивановичем они называют какого-то Терна, который, как видно из одного письма, назначен будто бы комендантом в Орскую крепость". Терна, как мы знаем, действительно величали Карлом Ивановичем, но тут речь шла не о нем, явно не о нем, а о...Николае I. Не дознались? предпочли обойти?

Рядом с главной крамолрой все остальное выглядело много менее выразительно, и внимание фиксировалось на первых абзацах, прежде всего на них.

"Соображение: Полезно было бы пригласить в 3-е отделение ГОЛО-ВКУ, ЛАЗАРЕВСКОГО, ЛЕВИЦКОГО И ЧЕРНЫШЕВА и потребовать объяснения их писем, и если из этого объяснения будет оказываться что-нибудь подозрительное, то арестовать их и отобрать бумаги".

Справка явилась на свет 9 июня - через день после того, как военный министр Чернышев препроводил бумаги из Оренбурга в ведомство Орлова. А вот и собственная его резолюция: "Доклад. Головку и Левицкого арестовать с бумагами".

Кому мог докладывать влиятельнейший Алексей Федорович?

Царю, и больше никому.

Решительных действий, мер быстрых и крутых требовал он, самодержец всероссийский.

Как бы паролем служили для него и другие слова, появившиеся на еще одном документе из переписки по тому же предмету:

"Замешан в деле Шевченки".

ВЫСТРЕЛ НИКОЛАЯ ГОЛОВКО

1.

Тринадцатого июня генерал-адъютант Орлов официально испросил высочайшего соизволения на арест Левицкого и Головки "с отобранием, для рассмотрения, имеющихся при них бумаг". Мотивировал он это "сильным подозрением в неблагонамеренном образе мыслей" как одного, так и другого.

"На подлинном собственною его величества рукою написано карандашом: "Исполнить".

Засвидетельствовал царское "исполнить" генерал-адъютант Дубельт. Под подписью даты нет. Доклад мог состояться и днем, и двумя позже.

Арестовывать отправились шестнадцатого.

И шестнадцатого же "дело Шевченки" приобрело новый оборот.

2.

Пусть говорят документы того дня.

Полковник Левенталь-Дубельту

Во исполнение предписания вашего превосходительства от 15-го числа сего месяца за N 1267-м, об арестовании магистра физико-математических наук Николая Головки, имею честь донести следующее:

По прибытии моем на квартиру магистра Головки, и по объявлении ему, что он по высочайшему повелению арестован, таковой обещал немедленно одеваться. По осмотре моем маленькой темной комнатки (возле) его спальни, в которой никаких бумаг не оказалось, он вошел, чтобы будто достать белье, квартальный надзиратель стоял возле него, а я осмотрел бумаги, лежащие на столах, вдруг я услышал крик надзирателя "что вы!

что вы!" -я оборотился и увидел, что Головка держал в руках пистолеты и прицеливался на надзирателя Столярова, который ретировался, - тогда он прицелил на меня, и я только что успел подвинуться немного от стола, как он выстрелил по мне. Я звал городского унтер-офицера, чтобы вместе с ним его обезоружить, как он захлопнул дверь и сей час слышно был другой выстрел; я разломал двери и увидел его лежащего на земле в крови. Доктора, которые были призваны, нашли, что он выстрелил себе в рот и уже был мертв, когда они пришли. Знак выстрела по мне - пулю - видно на стене в передней комнате.

Бумаг, сколько я нашел, я привез в III отделение, а комната запечатана за печатью надзирателя и моею.

В 12-ть часов полициею будет произведено следствие в моем присутствии...

Из штаба корпуса жандармов

Доставленный полковником корпуса жандармов Стенкевичем... коллежский секретарь Левицкий сего числа в 11 часов утра в штаб корпуса жандармов принят и помещен в арестантской комнате под N 6.

О чем вашему превосходительству доложить честь имею.

Дежурный по штабу прапорщик Брюхъв.

Из описи бумагам магистра Головки

1. Тетрадь лекций по части физики, математики, философии и других наук...

Христианское нравоучение, в четырех местах этой тетради написано: Н. М о м б е л и, которому тетрадь, вероятно, принадлежала.

2. Тетрадь с разными учеными статьями, быть может сочинения самого Головки...

3. Литературные статьи, быть может также сочинения Головки... не замечательного содержания.

4. Рукописи:... Лир, соч.Шекспира, перевод, вероятно, Головки; переплетенная тетрадь, в которой списаны стихотворения из напечатанных сочинений Жуковского, Пушкина и других...

5. Черновых писем от Головки вовсе нет; на его имя только два письма: от отца его и от Николая Сбитнева; нет ни одного письма от Шевченки и ни одной бумаги, в которой бы о Шевченке упоминалось. Впрочем, из дела не видно, чтобы Шевченко имел с Головкой сношения.

6. Только на двух лоскутках обращают на себя внимание следующие стихи:

Свобода! Тихо ты живешь

Во глубине полнейшей жизни.

Смелей! на свет! ты не умрешь

В народной и великой жизни.

.....

Свобода! Если б мне с тобой соединиться

На зло дряхлеющему злу;

Пускай тогда наш старый мир дивится,

Что так легко с него мы снимем мглу;

Что так легко исполнить то, что свято...

7. Несколько листов, на итальянском языке, из которых видно, что Головка вникал в настоящее направление идей в Европе...

8. Между книгами Головки находятся сочинения на французском языке, Спинозы, философа 18 столетия, который писал в духе того века.

...Более в бумагах Головки решительно ничего нет замечательного.

Из описи бумагам Левицкого

Бумаги находящегося здесь в отпуску и служащего в Оренбургской Пограничной комиссии коллежского секретаря Левицкого заключаются:

1-е, В записках относящихся правоведения и других учебных предметов. 2, В некоторых служебных бумагах и записках. 3, Нескольких письмах от родственников и сотоварищей по службе. Во всех сих бумагах не заключается ничего замечательного; о

Шевченке упоминается только в одном письме, писанном 21 февраля из Оренбурга чиновником Орловым..,

Книг у Левицкого никаких не найдено.

От шестнадцатого - обширный судебномедицинский акт о застрелившемся магистре Головке; под актом с десятков подписей.

От шестнадцатого - справка III отделения Николаю I с его, монаршими, соображениями: "Полковник Левенталь и Столяров глупо распорядились, ибо не должно было его допускать схватить оружие". Там же и взгляд на Головку графа Орлова: "...должен быть большая каналья, увидим, что его бумаги скажут..."

Бумаги ничего такого не, сказали - убедились мы в этом уже по описям, цитированным чуть выше. Копавшиеся в изъятых не отметили, что Момбелли из петрашевцев, не заинтересовались личностью корреспондента Головки Сбитнева - искали...Шевченко.

Эта заданность (и разочарованность от того, что каких-либо компрометирующих сведений о нем не обнаружилось) сомнений не вызывает.

Искали Шевченко!..

3.

Головка был мертв - напирала на Левицкого. Взялись за него уже со следующего после ареста дня. Спрашивали о покойном, но больше допытывались о Шевченко. Как познакомились? получал ли от него письма? что за теми словами о тысяче человек, способных стоять за дело опасного и опального поэта? откуда ему известно об аресте Тараса?

- Об аресте Шевченки я узнал от недавно прибывшего из Оренбурга и определенного ныне чиновником особых поручений при здешнем гражданском губернаторе титулярного советника Лазаревского, который на вопрос мой, что нового в Оренбурге, сказал, что Шевченко арестован...

Стало быть, арест приятеля неожиданностью для него не являлся.' Знал о поводе к водворению его на гауптвахту, о том, какие обвинения против Шевченко выдвинуты, вполне возможно и о неосторожных строчках о Головке в том своем письме.

Не думал и не гадал, что такую беду накличет. На Головку. На Тараса. На себя самого...

Граф Орлов-Николаю!

Я, призвав к себе Левицкого, предварительно вкушал ему, что если он скрыл что-либо в прежних своих показаниях, то должен все подробно и обстоятельно объявить мне... Левицкий и после этого утверждает прежние показания свои, приносил извинения и просил прощения в том, что привез письмо от Шевченки к Репниной... Я назначил Левицкому еще 24 часа на размышление, приказав ему в это время припамятовать все обстоятельства и письменно изложить все то, что ему известно важного о Головке и других предметах дела. Вообще, сколько я мог заметить, Левицкий не обнаруживает в себе больших способностей и ничего, что бы заставляло предположить в нем опасного человека. Утром 21 июня я буду ожидать показания от Левицкого, а между тем обязанности/о считаю присовокупить, что доселе настоящее дело не открывает никакого преступления, и решительно могу сказать, что ничего не вижу в нем политического.

Не видел, но от сотрудников своих требовал сугубой бдительности. "Не доверяя самому Левицкому, я приглашал в 3-е отделение более чиновных и более знакомых ему лиц (среди пяти фамилий - коллежский ассессор Адольф Герн), ...которые все единогласно подтвердили безукоризненную нравственность Левицкого и его неспособность к Преступным замыслам..."

Преступных замыслов петербургские следователи не обнаружили: "...и то сомнение, не существует ли между ними (Шевченко, Головка, Левицким и другими - Л.Б.) тайное общество, совершенно рассеивается".

Тайного общества, к разочарованию царских присных (и самого государя?), не оказалось. Левицкого от ареста освободили, учредив, правда, секретный за ним надзор. Ф.Лазаревский вспоминал: "12 дней просидел он в крепости, и хотя арест не повлек за собой последствий для его службы, но сильно повлиял на его здоровье: этот 28-летний юноша, крепкого сложения, вдруг захирел, осунулся, и хотя начальство отнеслось к нему участливо, переведши его, для поправления здоровья, на службу в Скуляны, но через два года он отдал Богу душу".

Варвару Репнину предупредили о "неуместности" ее участия в судьбе поэта и вообще вмешательства "в дела Малороссии": "...в противном случае вы сами будете причиною, может быть, неприятных для вас последствий".

Но первым пунктом в итоговом докладе Орлова Николаю I оказался не кто иной, как сам Шевченко.

"Сообщить военному министру, что в отношении рядового ШЕВЧЕНКИ, если по исследованию, производимому военным начальством, более ничего не будет обнаружено, достаточно вменить упомянутому рядовому в наказание содержание под арестом, строго внушив ему, чтобы он ни под каким видом не осмеливался нарушать высочайшего повеления, коим воспрещено ему писать и рисовать; а ближайшему начальству поставить в обязанность иметь за исполнением этого и вообще за ШЕВ-ЧЕНКОЮ, самое бдительное наблюдение..."

На документе надпись: *"Подлинный государь император изволил читать. 24 июня 1850 г. Верно: ген. -лейт. Дубельт". Читал внимательно и-по обыкновению - придирчиво. Придирался, например, к упоминанию о том, что означенный рядовой "ходил иногда в партикулярном платье". Подчеркнул, а против подчеркнутого своей рукой написал: "В этом деле виновно его начальство, что допускало до сего; о чем сообщить князю Чернышеву для должного взыскания с виновных".*

4.

И в те же дни...

Обеспокоенный долгим молчанием Санкт-Петербурга, Обручев проявлял тревогу.

Что как придерутся к его позволению прикомандировать Шевченко к Аральской экспедиции? разрешить нахождение его в Оренбурге для окончательной отделки живописных видов? Все это непременно всплывет и может навлечь беду. Упредить, во что бы то ни стало упредить!.. По его приказанию отправляется письмо в корпусное отделение генерального штаба: "доставить в самоскорейшем времени сведения" о Шевченко, Залеском, Вернере - "когда именно окончены работы этими нижними чинами и в чье ведение были они сданы по миновании в них надобности". На всякий случай - во избежание упреков...

Но вот и нечто определенное - от дежурного генерала главного штаба, с изъяснением воли государя. То, еще от 8 июня. Арестовать... исследовать... Распоряжение четкое, выполнить без промедления!

Обручев-Мешкову

Предписываю вашему высокоблагородию состоящего в вверенном вам батальоне рядового Тараса Шевченко немедленно подвергнуть строжайшему аресту в гауптвахте креп.Орской, впредь до особого от меня предписания, в случае же требования его командиром Оренбургского линейного N2 батальона подполковником Чигирем, неотлагательно отправить к нему под надзором благонадежного унтер-офицера и под строжайшим караулом в пути от одной станции до другой не менее трех человек из местной кордонной стражи.

На взимание в пути по паре лошадей из кордонных с проводником препровождать при сем открытый лист...

О получении, исполнении... немедленно донести...

Обручев-Чигирю

...Во исполнение... высочайшей воли, предписав вместе с сим командующему

Оренбургским линейным N 5-го батальоном немедленно подвергнуть рядового Шевченку строжайшему аресту с содержанием на гауптвахте в крепости Орской, я предлагаю вашему высокоблагородию неотлагательно приступить к производству... исследования СЕКРЕТНЫМ ОБРАЗОМ и по окончании предоставить ко мне.

...Если по обстоятельствам порученного вам исследования встретится надобность в рядовом Шевченке, то представляю вам вытребовать его в город Оренбург за строгим караулом и заключить под стражу на здешнюю главную гауптвахту, для содержания под строгим арестом...

Последняя воля царя, выраженная им 24 июня, дойдет до Оренбурга и Обручева только 18 июля. Прежде, чем тот же Игнатьев Павел Николаевич, дежурный генерал главного штаба, отошлет новый свой рапорт Оренбургскому военному губернатору, понадобятся согласования и с Чернышевым, и с Орловым, а это займет целую неделю.

...Худые вести доходят быстрее, чем утешительные.

АРЕСТАНТ

1.

Двадцать пятого или, в крайнем случае, двадцать шестого июня Шевченко по экстренной надобности вызвали в штаб батальона и оттуда, объявив ему об аресте ("по приказу высшего начальства"), немедленно отправили на крепостную гауптвахту.

Произошло все настолько быстро, что он и словом не успел перемолвиться с приятелями в казарме, даже просто кивнуть им - ушел за ефрейтором, а уже несколько минут спустя шествовал по улице арестантом, сопровождаемый вооруженными конвоирами.

На гауптвахте их было полным полно. И что ни день - больше. Порою мелькала мысль, что не поместиться в арестантских уже никому более, а какое-то время спустя приводили одного, другого и, глянь-ка, втискивались. Лежали, стояли, сидели. Кое-кто в колодках, прочие вольно. Шум и гул стихал только к вечеру, но и ночь не избавляла от назойливых звуков: храпа, сонных вскриков, мата.

Своя вина была на каждом.

Ивана Попова на краже не поймали. Но подозрение лежало на нем.

- Ты украл вещи у казака Сагитова?

- Не крал, все напраслина.

Свидетелей того, что воровал Попов, должен был представить прапорщик Маркевич - по этому делу депутат. Не представлял. Сидел уже три месяца и вроде не томился. Что казарма, что камера - велика ли разница?

Максима Журавлева и Тимофея Дмитриева держали по подозрению в краже вещей у плац-майора Тютнева. Ивана Гуляева схватили прямо в квартире писаря Пункина - уносил Писареву рубаху. С решением их дел не поспешали тоже.

Павла Нечаева под арест. взяли за другое. Не пожелал он на ротном учении повторять бесконечные ружейные приемы - осточертело ему махать до изнеможения ружьем, отказался да еще надерзил ротному: сказал подпоручику Симакову все, что о нем думал. При всех сказал - публично. На губу его отправили в тот же день, 23 мая. И с тех пор держали. Оскорбленный ротный не присылал нужных к спросу людей и следствие не подвигалось. Подпоручик ссылался на то, что происходит смотр батальона. Отголоски смотря долетали и до обитателей гауптвахты.

Целый хвост проступков тянулся за Сергеем Степановым. Во-первых, пьянство. Во-вторых, смена казенной шинели, еще вполне годной, на старую и ветхую с получением за это пяти рублей ассигнациями. В-третьих, за угрозу унтер-офицеру Кичигину - "зарезу" (тот исполнял должность фельдфебеля и придирался - спасу не было). И, наконец, объявил Степанов ротному, что более служить не хочет и не будет.

За побег из батальона попали под арест Герасим Захаров и Александр Антонов; схвативший их казачий разъезд нашел у беглецов еще и два фальшивых кредитных

билета. Побег со службы был и на Константине Горшкове. Следствие над ними уже состоялось, теперь судьбу беглецов решало оренбургское начальство.

А что будет с ним самим?

Не знал ни этого, ни даже того, почему оказался под арестом снова...

2.

Чигирь нагрянул в Орскую неожиданно-негаданно. Что для Мешкова с его офицерами, что для Шевченко, вдруг невесть за что опять оказавшегося на гауптвахте. Да и сам подполковник в путь-дорогу собрался едва ли не в одночасье. Еще накануне выезда ни о какой такой поездке речи не шло. Предполагалось исследование на месте, в Оренбурге, причем и тут секретным образом, не возбуждая никакого шума. Тщательно, но тихо расследовать что предписывалось и - результаты представить Обручеву. Ему и только ему. Без пущей огласки. Конфиденциально... "Если по обстоятельствам порученного вам исследования, - предписывал корпусной командир, - встретится надобность в рядовом Шевченке, то представляю вам вытребовать его в город Оренбург..." Мог вытребовать ь... Вместо этого отправился сам. По собственному желанию? Ой ли! Решал генерал - перерешил на ходу. Ехать... Ехать - и виновных искать, главным образом, в Орской... Виновных следовало найти там.

Инструкция Владимира Афанасьевича звучала недвусмысленно: "При исследовании иметь в виду, что командир Оренбургского линейного N 5-го батальона и все ближайшие начальники подлежат должны законному взысканию..."

Ход мыслей Обручева Чигирь понимал. Сводился он к тому, чтобы смягчить, и как можно больше, вину собственную, переложив ее целиком на подчиненных. Все распоряжения были отданы им своевременно и в точности, Мешков же и прочие недопоняли или недоглядели - отсюда справедливое недовольство государя. Но и Шевченко, и виновные из его непосредственного начальства получают по заслугам, понесут наказание примерное - уж об этом он позаботится.

Нет, Чигирь должен производить следствие там, в пятом батальоне, в Орской. На месте сподручнее установить "виновных, допустивших его вести переписку и заниматься сочинением стихов, песен и рисованием".

Предписание, выезда не предусматривающее, имеет дату: "25 июня 1850 года". Надпись на нем появилась двумя днями позже: "Получено 27 июня". Другого приказа, касавшегося миссии Чигиря, в делах не оказалось. Но так или иначе, а ужена следующий день, 28-го, подполковник отправлялся на восток.

3.

Этим-то числом и датировано начало "Следственного дела, про^з-веденного по предписанию его высокопревосходительства господина командира Отдельного Оренбургского корпуса и кавалера за N 82-м над рядовым Оренбургского линейного батальона N 5-го Тарасом Шевченко о получении им от разных лиц писем, посылке от себя таковых и причинах неисполнения им воспреещения писать и рисовать".

Дело - в деле... Том самом, которое возникло за три с лишним года до этого, когда Шевченко был определен на службу в далеком корпусе. Хранится оно - как единое целое - в отделе рукописей Института литературы АН Украины и в фонде 1-м значится под номером 406-м. В деле N 406 его пронумеровали, открывая счет с листа 69-го.

Но как сей конволют возник?

Думаю, что предопределилось это как раз в 28-й день июня пятидесятого, когда перед своим отъездом в Орскую, уже в качестве полномочного следователя, затребовал он от старшего адъютанта 23-й пехотной дивизии штабс-капитана Мартынова "копию с предписания, данного г-ном начальником дивизии в 1847 году командующему батальоном N 5-го при определении и отправлении в батальон рядового Шевченко". В тот же день, весьма спешно, Чигирь получил и это предписание, и кое-что другое - те первичные документы, которые могли ему сгодиться в ходе следствия.

Весь следующий день следователь был в пути. Передышек лошадям не давал, на

почтовых станциях не задерживался. Вечером 29-го важный гость мог въезжать в пределы нужной ему крепости. Мог, разумеется, и тридцатого.

В любом случае 30-го июня отдавал он уже свои ОРСКИЕ распоряжения. Обращение к Мартынову - еще оренбургское - пронумеровано им самим как первое. Второе же, третье писаны по прибытии. Майору Мешкову:

"По производимому мною следственному делу, по предписанию господина корпусного командира за N 82-м, покорнейше прошу ваше высокоблагородие сделать распоряжение: по требованиям моим рядового командуемого вами батальона Тараса Шевченко приводить ко мне за строжайшим караулом". Священнику Тимашову:

"Покорнейше прошу ваше благословение с завтрашнего числа в 7 1/2 часов утра пожаловать в квартиру мою, для увещевания при отобрании показаний от рядового Оренбургского линейного батальона N 5-го Тараса Шевченка".

...Нет, прибыл, пожалуй, только тридцатого., Времени хватило лишь на эти письменные отношения да еще на необходимейшие распоряжения устные.

Однако именно 30-го в Орской узнали о главной цели приезда Чигиря. Узнал полковник Недоброво, которому, как коменданту, начальнику гарнизона и старшему по званию, тотчас по прибытии представился посланец корпусного командира. Узнал Мешков с офицерами батальона. Ну и Шевченко на гауптвахте... Рано утром следующего дня предстояло ему явиться пред очи полномочного представителя генерала Обручева. Значит, едва ли не с рассветом постылая пригонка амуниции, значит с петухами шагать ему по нудной этой крепости - шагать как арестанту, преступнику.

4.

На Библии присягнул: говорить будет правду, и только правду..

Приложился к кресту, поднесенному Тимашовым - по этому случаю совершенно официальным, без признаков какого бы то ни было личного знакомства.

- Во имя Отца и Сына и Святаго Духа...

Чигирь смотрел на него сурово. Под таким взглядом и впрямь почувствуешь себя злоумышленником, совершившим страшные -деяния...

Листы с "вопросными пунктами" лежали на столе. Груда листов, довольно толстая их пачка, ждала его ответов, его исповедей.

- ...Государь император по всеподданнейшему докладу отношения г.корпусного командира и содержания препровожденных при оном бумаг, от тебя отобранных, - читал следователь, чеканя каждое слово, - высочайше повелеть соизволил: тебя, не исполнившего воспреещения писать и рисовать, подвергнуть немедленному строжайшему аресту, до исследования виновных, допустивших вести переписку и заниматься рисованием.

Так вот почему снова посадили его на гауптвахту, вот отчего примчал сюда не аудитор какой - подполковник, человек знатный, с самыми широкими полномочиями.

А он меж тем оглашал:

- ...Тебе известно было воспреещение писать и рисовать... Из поступивших в деле сведений видно, что в отобранных у тебя бумагах найдены...

Перечислял письма - Репниной, Лизогуба, Чернышева, Лазаревского, Левицкого, стихи Александры Псел "Святая вода" - совершенно невинного содержания.

- ...Стихи и письма, писанные тобою-на малороссийском языке, и рисунки, карандашом сделанные в книжках: в одной на 56 листах, в другой на 29 листах...

Его рабочие альбомы - неперенные спутники во дни свободы и неволи: это, конечно, о них.

- ...А потому, для разьяснения времени получения тобою писем, писания ответов, писания стихов, песен и рисунков, обязываю тебя под священническим увещеванием, с должною справедливостью отвечать на нижеследующие пункты...

"Разьяснять" предстояло многое. Допрос только начинался.

- Как тебя зовут, чей ты сын...

Вопросы-ответы устные, вопросы-ответы письменные. И насупленный, испытующий взгляд: ответь, не утай.

Допрос продолжался весь день. Уводили и приводили - караульные не отлучались ни на шаг, томились в передней. Арестанта препровождали на гауптвахту и доставляли к следователю - все было рядом, но вели так, будто мог убежать.

Бежать он не собирался.

Куда бежать?

Убежишь ли?

ДОПРОС ВЕДЕТ ЧИГИРЬ

1.

Документ известен - публиковался и публикуется. Однако не обойтись без него и тут. И не в пересказе - полнейшем его виде. В "Вопросных пунктах, составленных следователем подполковником Чигирем, рядовому линейного Оренбургского батальона N 5-го Тарасу Шевченко" - живой диалог, обнаженное противостояние власти и поэта, закона и морали.

Вчитаемся в строки Чигиря и строки Шевченко. Его рука, его голос.

Итак-"1-е".

- Как тебя зовут, чей ты сын, как твоя фамилия, сколько имеешь от роду лет, из какого звания приходишь, какой веры и исповедания, на исповеди и у святого причастия бываешь ли ежегодно, присягал ли на верность службы его императорского величества, известны ли тебе военно-уголовные законы, на службе или до оной не был ли под судом, следствием и за что именно.

Отвечал:

- Зовут меня Тарас Григорьев Шевченко, бывший крепостной крестьянин, а потом императорской Академии художеств художник. От роду мне 40 лет, исповедания православного, на исповеди и у святого причастия бывал ежегодно. На верность службы его императорского величества не присягал. Военно-уголовные законы мне известны, в службе с 1847 года, июня месяца, числа не помню. Под следствием и судом не был. А до службы был художником, за сочинение возмутительных стихов, по рассмотрению дела в собственной его императорского величества канцелярии в 3-м отделении, был подтвержден рядовым на службу с правом выслуги.

Ни один наводящий без ответа остаться не мог - знал это еще по допросам в Санкт-Петербурге. Но сосредоточиться сходу не удалось - написал "40", а шел ему только тридцать седьмой. Не вспомнил дату зачисления на службу. Знание военно-уголовных законов подтвердил чисто формально (за эти годы, если по справедливости, постиг не право, а бесправие). Написал, что под следствием и судом не был и тут же спохватился: а как же в таком разе оказался в солдатах?

Однако Чигиря, кажется, заинтересовало лишь одно: не п р и с я г а л. Могло ли такое быть? На четвертом году службы - и не приводился к присяге? Взметнулись брови. Вопиющее нарушение! Безответственность! Виновные заслуживают наказания!

Лицо Шевченко было бесстрастным. Писал как есть.

Писать ему и писать...

2.

Второй пункт состоял из нескольких подпунктов.

- 1-е, которого месяца и числа 1847 года прибыл ты в линейный Оренбургский батальон N 5-го, до которого месяца и числа 1848-го года состоял в батальоне налицо. 2-е, какие из вышепоказанных писем 1847, 1848 годов и без означения чисел, месяцев и годов получены тобою в Орске, до командирования на Раим. 3-е, чрез кого получал письма, если чрез почту, то чрез какую почтовую контору, а ежели чрез частных лиц, то объясни их имена, фамилии, место жительства или службы, 4-е, на письма, полученные в Орске, когда на какое отвечал и кому, так же объясни их имена, как сказано о тех, от кого

получал письма. 5-е. Через кого отсылал ответы, через почту или частных лиц, объясни подробно, как вышесказано. 6-е. Известно ли было начальникам, у которых ты состоял в команде в 5-ом батальоне и кому именно, как о получаемых тобою письмах, так и об ответах, тобою написанных, ежели начальники об этом знали, то требовали ли письма и ответы на рассмотрение, не получал ли ты от кого позволения писать ответы и не был ли кто при сем свидетелем.

...Ух, враз' и не прочтешь! Сколько сделаешь остановок, чтобы передохнуть - осмыслить прочитанное, войти в последующее... Чигирь хотел узнать все и тотчас. Шевченко вынужден был думать: не подведет ли добрых людей? не причинит им неприятности? не навлечет бед?

Подпунктов шесть, ответил на все.

- 1-е. 1847 года июня 9-го прибыл в г.Оренбург и назначен в батальон N 5-го. Которого числа прибыл в к/репость/ Орск - не помню, где и находился до 11-го мая 1848 года.

(Не самое существенное в вопросе; ответил охотно, хотя и не вполне точно - запамätовать мог).

- 2-е. Сколько могу припомнить (вот и первая, достаточно многозначительная, оговорка подследственного), письма, получаемые мною в к/репости/ Орской, были от княжны Варвары Репниной, живущей в настоящее время в городе Одессе, от Андрея Лизогуба, помещика Черниговской губернии и уезда. Письмо же от 18 февраля 1848 года от неизвестного, судя по времени (оговорка следующая...), должно быть получено в к/репости/ Орске, но верно я не помню как это письмо, так и второе от неизвестного, полученное мною на походе в Раим, полученное мною от г.Бутакова. (П о л у ч е н н о е... полученное- чувствуешь как волнуется, как ищет формулировки обтекаемое, заботясь отнюдь не о себе) .Я полагаю (тут уже не оговоришься...), письма эти принадлежат Федору Лазаревскому, служащему в Оренбургской Пограничной комиссии. Предположение мое я основываю на том, что писем я без подписи ни от кого не получал. Письмо от 9-го декабря 1847 года от Чернышева, служащего в Оренбургском казачьем войске урядником, получено мною в к/репости/ Орской, но верно не припомню. И еще письмо от Александры, которой фамилия Псел, живущей в Полтавской губернии, Переяславского уезда, села не помню.

- 3-е. Письма были адресованы на мое имя, и получал я чрез Орскую почтовую станцию, чему может быть свидетелем под присягою Орской почтовой станции смотритель.

- 4-е. Отвечал же я действительно двум лицам: княжне Варваре Репниной и Андрею Лизогубу. Прочие же письма оставлял без ответа.

- 5-е. Ответы посылал я чрез почтовую станцию от своего имени.

- 6-е. О переписке моей начальству не объявлял, полагая, что писать и получать письма обыкновенные мне не запрещено, что мне и объявил словесно начальник штаба корпуса жандармов при объявлении конфирмации. Особенного же позволения писать ответы не получал, и свидетелей при писании ответов не было.

... Докучливые вопросы следователя вызывали внутренний протест, отзывались раздражением.

Оно, это раздражение, прорывается в последних строках.

Не объявлял, полагая... Особенного позволения...

А в заключительных словах и раздражение, и ирония: "...свидетелей при писании ответов не было..."

Чигирь спрашивал, имелись ли свидетели разрешения вести переписку (если, конечно, разрешение такое существовало), а он сводил вопрос к абсурду, ответом своим абсурдность диалога только подчеркивая: "при писании не было" - будто пишут не наедине, но всегда на людях.

Вопросам не виделось конца.

..Третий:

- в 1848 году которого числа и месяца ты командирован на Раим для прикрытия транспортов, в чьем ведении во время похода находился и под чью команду поступил по прибытии на Раим, а из одного когда командирован был на Аральское море и по окончании навигации когда возвратился в Раим; в чьем ведении состоял во время нахождения в командировках и переходах...

- какие из писем 1848 года и без означения чисел и годов получены тобою во время похода на Раим, в Раиме, на Аральском море и по возвращении с одного в Раим, чрез кого получены, когда, с кем и кому отосланы ответы, и знал ли кто о письмах и ответах из бывших твоих начальников, имеешь объяснить с такою же подробностью, как требуется о письмах во втором пункте-После того, как Шевченко выплеснул на бумагу иронически-раздраженные предыдущие строки, он обрел относительное равновесие и писал уже спокойнее:

- 1848 года 11 мая командирован я для прикрытия транспорта, следующего в Раимское укрепление, с переводом в батальон N 4, под командою штабс-капитана Степанова. По прибытии в Раимское укрепление поступил я под команду капитан-лейтенанта Бутакова, при котором находился в продолжении двух навигаций на Аральском море при описной экспедиции, и под командою его же, капитан-лейтенанта Бутакова, возвратился в город Оренбург...

- со времени выступления моего из к/репости/ Орской в продолжение 1848 года я получил на зимовке на Кос-Арале одно письмо от Андрея Лизогуба, чрез адъютанта N 4-го батальона Александра Лисюкова, и при письме записку от чиновника Оренбургской Пограничной комиссии Михаила Александровского, на письмо и записку я не отвечал...

Имен раз-два и обчелся - только те, которые на поверхности. Никому и ничто поставлено в вину быть не может. А именно в этом главное.

...Дальше - четвертый:

- которого года, месяца и числа отправился с Раима и прибыл в Оренбург, в ведение капитан-лейтенанта Бутакова...

- когда получал письма 1850 года и не получал ли в Оренбурге писем без означения чисел и годов, чрез кого получал и отсылал ответы...

- не был ли кто из начальства в Оренбурге известен о веденной тобою переписке. При написании ответов о письмах, объясни подробно по пунктам звание тех лиц, от которых получены тобою письма без подписи фамилий...

После совсем малой передышки под испытующим взглядом Чигиря продолжал:

- 1849 года 10-го октября под командою капитан-лейтенанта Бутакова отправился я из Раимского укрепления и прибыл в г.Оренбург того же года 1-го ноября...

- в г.Оренбурге получил я одно письмо 1849 в декабре, числа не помню, от Андрея Лизогуба, на которое отвечал. 1850 года получил я два письма с оренбургской почты от художника Чернышева, находящегося при императорской Академии художеств, и от Сергея, на которые не отвечал. Письмо, подписанное Сергеем...

Остановился, задумался. Письмо было необычным, и его не могли не заметить, а, прочтя, не поставить в вину. Не адресату, но корреспонденту. Кто писал - в Оренбурге знали, и скрывать это не приходилось...

- ...Письмо, подписанное Сергеем, принадлежит чиновнику Левицкому, находящемуся при Оренбургской Пограничной комиссии, на которое я не отвечал по нелепому его содержанию. Но я остаюсь уверенным, что г.Левицкий по чистой правде при спросах должен показать, что на бессмысленные его фразы и общий смысл письма я никогда ничем не подавал ему ни причины, ни права...

Мог ли Сергей Левицкий, чистая душа, думать, что письму его суждено попасть в недобрые руки? Конечно, спросят - если уже не спросили - и с него. Конечно, напраслины лить не станет. Нет, те фразы не бессмысленны и нелепыми их не назовешь, но

впечатление от них надо хотя бы ослабить. Особо о письме этом следователь не спрашивал - не к добру такое, надо предупредить...

4.

...Относительно отобранных у тебя стихов, песен и рисунков обязываешься показать. 1-е, стихи, показанные под NN 23 и 24-м, твоего ли сочинения, в каком году и месяце и где они тобою писались, при ком ты их писал или объявлял, что стихи твоего сочинения; с такою же подробностью объясни, 2-е, о сочиненных тобою на малороссийском языке стихах и песнях и, 3-е, о времени и месте, когда и где и при ком рисованы тобою карандашом рисунки, в двух книжках сказанные.

По этому поводу - "на 5-е":

"1-е. Стихи под названием СВЯТАЯ ВОДА - сочинение девицы Александры Псел, полученные мною при письме, в к/репости/ Орск-кой| 1847 года, на которое я не отвечал. 2-е. Стихи и песни на малороссийском наречии не моего сочинения, а записанные мною во время бытности в Киевской, Каменец-Подольской и Волынской губернии, как песни народные, 1846 года и по рассмотрению возвращены мне из 3-го отделения собственной его величества канцелярии. - Рисунки, находящиеся в этих книжках, рисованы большею частию в Малороссии в 1846 году и несколько в 1849 году на Аральском море, по приказанию капитан-лейтенанта Бутакова, как гидрографические виды, копии с которых поступили к описанию берегов Аральского моря".

...Тут не придерешься. И в шестом "вопросном пункте" тоже:

- После отъезда из Оренбурга капитан-лейтенанта Бутакова во время состояния твоего в ведении прапорщика корпуса штурманов Поспелова, имел ли ты какие-либо к исполнению по службе поручения, до отправления твоего из Оренбурга в крепость Орск?

- Находясь в ведении прапорщика морских штурманов Поспелова, я не мог исполнять никаких поручений по службе по причине болезни глазами, что известно доктору Майделю, меня пользовавшему...

Не мог- вот и весь сказ. Подтверждения есть и здесь, они убедительны. Но уязвимых мест разве мало? Чигирь же хватки цепкой: начнет раскручивать - не ускользнешь.

Закончив отвечать на вопросы, с подписью не поспешил. Пущей убедительности ради, приписал еще сколько-то строк сверх ответов "обязательных".

"Показав все по истинной справедливости, - обращался он к тем, от кого зависела его судьба, - осмеливаюсь покорнейше просить начальство принять в милостивое рассмотрение, что высочайшая воля, воспреещающая мне писать и рисовать, мною не нарушена, как в ответах я показал. Несколько гидрографических рисунков нарисованы мною по приказанию капитан-лейтенанта Бутакова для карт, составленных при описании берегов Аральского моря. В отношении же п и с а т ь я разумел, что это запрещение относится к сочинениям или рассуждениям, не дозволенным законом, на этом основании в 1847 году писал я из к/репости/ ОрскОи к начальнику штаба корпуса жандармов, осмеливаясь покорнейше просить его превосходительство оказать мне милость ходатайствовать о дозволении мне рисовать портреты и пейзажи. Письмо это служит доказательством незнания моего о запрещении писать к родным или знакомым обыкновенные письма. Во всех письмах, мною писанных с 1847 года по настоящее время, которые могут быть вытребованы на рассмотрение, начальство изволит усмотреть, что не содержится в них ни одного выражения, подающего сомнение к нарушению известной мне высочайшей воли, которая со дня объявления мне конфирмации и по сей день, призываю в свидетели Бога, видящего чистоту моих помышлений, свято была мною сохраняема".

Здесь последнюю точку и поставил. Через стол протянул исписанные листы следователю. Лицо Чигиря было насупленно-бесстрастным. Предложил только подписать - как полагалось, через все страницы. Под ответом на первый пункт - "к сим", второй - "ответным", третий - "пунктам", ну а в целом - "К сим ответным пунктам рядовой

линейного Оренбургского батальона N 5 Тарас Шевченко руку приложил".

Следующей строкой легло обязательное: "Увещевал Орской крепости священник Петр Тимашов".

И, наконец, расписался главнейший: "Допрашивал следователь подполковник Чигирь".

Все было сделано по форме.

Допросу не помешала и суббота. Уполномоченный Обручева приехал сюда не праздновать. Самому не праздновать и другим не давать.

УПРЯМЫЙ СМОТРИТЕЛЬ ФЕЙЗУЛЛИН

1.

Арестанта увели, а следствие продолжалось.

...Почтовое ведомство.

...Мешков.

Эти две позиции определились теперь как первоочередные, отодвигать их Чигирь не собирался. Длинный июльский день был еще в разгаре и сулил пополнить следственное дело документами существенными,

Какой-либо осечки не предвиделось.

Но она случилась - неожиданная, непредвиденная.

Сюрприз уготовил не кто иной как почтмейстер, точнее - станционный смотритель. Мелкая сошка, а нате-ка, позволил себе ослушаться!

Эпизод этот, попортивший Чигирю нервы, заслуживает изложения особого и - во всех деталях. Лучше всего - документального.

Мимо Шевченко пройти он не мог. И, представляется, заставил его по иному взглянуть на давно знакомого Тарасу скромнейшего почтового чиновника. Неприметного вроде, а не убоявшегося и сильных. Чувствуешь правоту - стой на своем...

2.

Коменданту крепости Орской господину полковнику и кавалеру Недоброву

Следователя командира Оренбургского линейного батальона N 2-го подполковника Чигиря 2-го

Рапорт

По производимому мною следственному делу... над рядовым... Тарасом Шевченко, нужно отобрать показания под присягою от смотрителя Орской почтовой станции. А потому имею честь покорнейше просить ваше высокоблагородие приказать смотрителю явиться в квартиру мою сего числа по полудни в 8 часов; а как мне известно, что смотритель Орской почтовой станции магометанского Закона, то не оставьте сделать распоряжение о прибытии ко мне к тому же времени для привода к присяге и указанному мулле Орской мечети. Причем покорнейше прошу ваше высокоблагородие уведомить меня сколь^оз-можно поспешнее и на сем же, не подвергался ли смотритель каким-либо штрафам и можно ли на основании законов допустить его к присяге.

Подполковник Чигирь

N 4-й. 1 июля 1850 г. Кр.Орская.

Недоброво рапорт был доставлен тотчас и вручен в его собственные комендантские руки. На подлинном есть помета: "Получено 1 июля". Но в назначенный вечерний час Чигирь почтовика не дождался. Отказался тот удовлетворить требования следователя и на другой день.

2 июля 1850 года, N131

От Орского станционного смотрителя господину коменданту крепости Орской

На предложение вашего высокоблагородия от 1-го июля за N 1482, из которого

предлагаете явиться мне к подполковнику Чигирю для взятия от меня показания по делу, им производимому по распоряжению корпусного командира над рядовым N 5 батальона Тарасом Шевченко; явиться к подполковнику Чигирю не могу, потому что ежели нужно взять от меня показания, в таком случае не угодно ли вашему высокоблагородию обратиться с требованием в Уфимскую губернскую почтовую контору, без ведома конторы никакого показания дать не могу.

Смотритель Фейзуллин

Чигирь разгневан. Чигирь напирает.

"В последствие надписи за N 1483-м и приложенного при оной отзыва орского станционного смотрителя за N 131-м, имею честь покорнейше просить ваше высокоблагородие объявить означенному г.смотрителю, что...ежели...откажется дать свидетельские показания потому только..., что без ведома Уфимской почтовой конторы никакого показания дать не может, то отзыв этот явно обнаруживает самопроизвольное упорство, противное Своду военных постановлений части 5, книги 2-й, статьям 180,181 и 191, ибо в сей последней сказано: "лица, призываемые к свидетельству, не могут отказаться от явки к допросу; уклоняющиеся от показания могут быть к тому понуждены и подвергнуты за ослушание наказанию". Уклонение же и причины, смотрителем в отзыве сказанные, противны законам, и по здравому смыслу смотритель обязан знать, что и по сношению с Уфимской почтовой конторою он обязан дать требуемые от него показания..."

О б я з а н... о б я з а н... Следователь не скупится на угрозы: "...А потому ежели г.смотритель и после сего окажет упорство и не исполнит моего законного требования, то я в необходимости найдусь уехать из Орска без его показания, которое... необходимо к делу нужно; следовательно, промедление в исполнении высочайшей воли по производству исследования подвергает смотрителя ответственности по законам..."

Он настаивает, он нажимает. "Как наивозможно поспешнее..."

И это письмо из второго, и следующее - документирован каждый шаг, каждый час.

Снова обращается к коменданту:

"Вторично (а не в третий ли раз? - Л.Б.) имею честь покорнейше просить ваше высокоблагородие, сколь возможно поспешнее, доставить ко мне смотрителя при депутате, который должен находиться при приводе к присяге, и кто же будет назначен за депутата меня уведомить на сем же; а также покорнейше прошу прибыть ко мне переводчику, который должен перевести присягу с татарского на русский язык..."

От присяги Фейзуллин отказаться не смеет. "Исполнено будет сего числа (2-го...) по отправлении оренбургской почты" - докладывает он Недоброво, и тут же вкладывает копию переписки в конверт с уфимским адресом: уйдет без задержки, с той же почтой.

За депутатом дело не станет: для наблюдения за процедурой и подтверждения ее законности полковник выделяет плац-адъютанта Мартынова.

Среди бумаг - и подлинник клятвенного обещания, и перевод его на русский.

"Я, нижеименованный, пред Алкораном Всемогущего, не имеющего себе равного, Великого Бога клянусь и обещаю, что все, о чем меня спросят, несмотря ни на дружбу, родство, свойство, вражду, корысть и страх, без потворства какой-либо стороне, без прибавления и умаления и без утайки, с точностью покажу и скажу самую сухую правду..."

Подписал: Шарафутдин Фейзуллин.

К присяге его привел штабс-капитан Мартынов - тот самый официальный поверенный-депутат. На русский документ переложил урядник казачьего полка Сулейман Даминев.

"При присяге находился рядовой Тарас Шевченко". Написано им самим, собственноручно.

Был он тут и свидетелем, и участником. Все происходившее имело прямое отношение к делу по обвинению не кого иного, а именно его.

...Но присяга это еще не показания. На них, свидетельства смотрителя, следовательно возлагал большие надежды.

3.

Едва с присягой было покончено, как подполковник вручил Фей-зуллину заранее подготовленную им бумагу с вопросами.

2 июля 1850 года, Кр.Орская, N 6-й.

... По высочайшей воле его императорского величества... его превосходительство... изволил поручить мне производство исследования о рядовом линейного Оренбургского батальона N 5-го Тараса Шевченко; по вступившим в дело показаниям оказалось нужным иметь от вас...

(Преамбула такая, чтобы упрямец прочувствовал: делается все по воле самого государя, а тут, на месте, следствие вершит сам главный начальник края. Упорствуй или не упорствуй, но отвечать на вопросы придется. Какие вопросы? Простые...)

...Рядовой Шевченко показал, что с июля 1847 года до 11 мая 1848 года получал чрез Орскую почтовую станцию письма: от княгини (ошибка - надо княжны) Репниной, от помещика Лизогуба, от урядника Чернышева, от Александры Псел и от неизвестного, и писал ответы, которые отправлял чрез вашу станцию Андрею Лизогубу, княгине Репниной и письмо на имя его превосходительства господина начальника штаба корпуса жандармов, и что получение Шевченкою с почты писем и отправление ответов вам было известно, в чем и ссылается на ваше свидетельство под присягою.

(Не более чем пересказ показанного самим Шевченко. Ни убавил, не добавил. И никаких особенных вопросов задавать, следовательно, не собирается...)

...А потому прошу вас, по долгу принятой вами присяги и, объяснить: принимали ли вы от Шевченки письма для отправления по адресам и выдавали ли письма, адресованные на имя Шевченки, и ежели по делам станции можете навести справку - сколько в продолжение означенного времени поступило писем на имя Шевченки и сколько принято на станции для отправки к сказанным выше лицам; а ежели из дел нельзя навести справку, то объясните сколько можете по сему предмету помнить и лично ли вы принимали и отдавали письма, причем объясните, где я могу навести справку о письмах, полученных на станции на имя Шевченка и на имя лиц, к которым он отправлял письма...

Бумага официальная, но недавней категоричности в ней нет, тон не приказной, а, скорее, просительный. Ежели можете... объясните сколько можете помнить... где могу навести справку... Учтивость тоже дела ради: в скорейшем получении показаний заинтересован, прежде всего, он.

Настаивал и - добился. Фейзуллин пояснения дал.

Впрочем, заполучить от него удалось немногое.

"Станционный смотритель Орской почтовой станции... отозвался по долгу принятой им присяги, что в бытность рядового Шевченко в кр. Орской с июля м-ца 1847 года по 11-е мая 1848 г. действительно были отправляемы им чрез Орскую почтовую станцию простые письма, а также получались на его имя, но сколько именно, по давно прошедшему времени, припомнить не может..."

Это было первым "конкретным" сообщением непослушного почтовика. Ну а вторым? Вторым оказалось такое: "о непринятии... от рядового Шевченки писем для отправления по адресам он, смотритель, не имел в виду никакого распоряжения со стороны губернского почтового начальства".

Только ли это надеялся услышать от него следователь Чигирь? Рассчитывал он, конечно, на большее. Вдруг откроются утаенные факты переписки, вдруг всплывет нечто новое, касающееся прегрешений подследственного и халатности его начальства... Не всплыло и не открылось. Но разве не должно было предупредить сего чиновника вовремя? нацелить на сугубую бдительность? остеречь от нарушения воли царской?

Не первого, так второго, а показания упрямый смотритель дал.

ПРИСЯГА НЕВОЛЬНИКА

1.

Не меньше, чем к рядовому Шевченко, было у оренбургского следователя вопросов к майору Мешкову. Как же, ведь это он с подчиненными допустили все те послабления, которые позволили высочайше наказанному нижнему чину вести переписку и заниматься рисованием.

Мешков за сббюю вины не чувствовал. Но, как человек опытный, понимал: есть следователь - вина отыщется. Сугубая серьезность миссии Чигиря сомнений у него не вызывала. Отсюда и требование его: полнейшие ответы, притом со всевозможною скоростью.

1 июля Чигирь вручил ему письмо с вопросными пунктами.

2 июля Мешков передал полковнику свои ответы на каждый. Прочтем их диалог, вникнем в него.

2.

Из вопроса первого:

- Которого месяца и числа 1847 года прибыл в батальон Шевченко? какое сделано вами распоряжение к надзору и воспрещению писать и рисовать? под чей надзор поручен был Шевченко? (Тут же требовал: "приложить в копиях все по сему предмету письменные ваши распоряжения").

На первый отвечал так:

- Рядовой Тарас Шевченко прибыл к батальону июня 23 дня 1847 года, как о сем значится по делам батальона... Вследствие предписания господина командовавшего Отдельным Оренбургским корпусом от 10-го того же июня N 25-й, Шевченко, по зачислении в батальон, определен был в 3-ю роту и о наблюдении за поведением его к строгому надзору и воспрещению писать и рисовать возложено было приказом по батальону, в копии у сего представляемом, 23-го того же июня, N 93, на ротного командира, которым тогда был капитан Глоба, и сверх того я постоянно приказывал ротным его командирам не упускать из виду строжайшего за ним надзора и, неоднократно призывая к себе Шевченко, подтверждал ему свято исполнять высочайшую волю, чтобы не рисовать и не писать ничего предосудительного...

Стиль Мешкова изяществом не отмечен, да и грамотностью тоже. Зато искренность его сомнений не вызывает: пишет как было на самом деле. Не рисовать и не писать предосудительное - только так и мог полученное предписание понять. А в чем она, предосудительность рисования и писания? Чтобы не было непристойностей каких... прокламаций против законной власти... И то, как уследишь? Призывал, предупреждал, а дальше?

Второй вопрос понятен из второго же ответа:

"Об объяснённой во 2-й статье сего предписания переписке Шевченко с разными лицами мне ничего совершенно известно не было, и распространялось ли запрещение на получение и писание Шевченке частных писем, мне также не было известно, и в предписании за N 25-м об этом не сказано. Из показания Шевченки, мне сообщенного, видно, что он писал частным образом к его превосходительству г.начальнику штаба корпуса жандармов, следовательно, ежели бы запрещение писать распространялось и на частные безвредные письма, то г.начальник штаба корпуса жандармов не преминул бы сообщить начальству о воспрещении Шевченке писать письма..."

Логика ясна - отказать в ней нельзя.

Логика трезво мыслящего службиста и в продолжении того же ответа:

"По прибытии Шевченки в батальон он об имеемых у себя стихах, песнях и рисунках мне не объявлял, и были ли у него таковые, мне было неизвестно, обыскивать же его тогда в этом я не имел в виду повода, зная, что он отдан в военную службу по решению окончательно над ним дела, и все непозволительные сочинения от него отобраны при суде".

Разве не резонно? Разве не прав? Но это еще как посмотрят...

Вопросов Чигирь задавал изрядно.

Третий пункт состоял из четырех подпунктов, причем, напомним, по каждому требовались еще и доказательства документальные. Мешков старательно исполнял все требования.

- На основании чего состоялось назначение Шевченка в степной поход? Ответ плюс копия предписания командира первой бригады (фамилия, дата, номер - как водится).

- Было ли сделано какое-либо письменное сообщение о надзоре за Шевченко? Опять же - приложите в копии...

Но тут прилагать нечего - можно только оправдываться.

- ...При командировании в степной поход Шевченко выступил в составе той роты N 3 командуемого мною батальона, командированной тогда в прикрытие транспортов, в которой находился на службе и в крепости Орской, и ведении своего же ротного командира штабс-капитана Степанова, имевшего уже в виду у себя в роте приказ по батальону о надзоре за Шевченкой, и потому я по этому предмету особо не сообщал...

- ...на нижних чинов, переведенных из 5-го в 4-й батальон и отправленных вместе с Шевченкой, формулярные списки и прочие сведения отправлены в 4-й батальон в то же время, а как формулярного списка о Шевченке в батальоне получено не было, то по сему случаю и письменные сведения на него не были высланы к командиру 4-го батальона; по сему обстоятельству я упустил из виду сообщить в 4-й батальон и копию предписания за N 25-м...

- ...Предписаний по сему предмету я от начальства не имел, при том же, как командуя в то время батальоном менее года, я не мог еще помнить всех дел, в батальоне состоящих, так и по недокладу мне о сем батальонного адъютанта подпоручика Растопчина сделалось сказанное упущение...

Упущение явное. Спросят, и строго, с него. Легче ли станет, если перечислит всех ротных Шевченко на первом году его службы? Но список все же составляет: капитан Глоба - штабс-капитан Степанов - прапорщик Андрюков 1-й - штабс-капитан Епанешников - тот же Степанов вторично. Пишет, кто куда переведен: в батальоне не осталось сейчас никого.

"По переписке и рисованию Шевченко более мною объясненного я ничего не знаю..."

Не утаивает - не знает и впрямь. Кто в них, этих художниках, разберется?

3.

И еще одно, тоже не простое.

Чигирь: "Шевченко показал, что он на верность службы не присягал, а потому прошу вас объяснить, было ли обстоятельство это вам известно, и ежели вы об этом знали, то почему не привели его к присяге..."

Мешков: "Что Шевченко не присягал на верность службы, мне об этом известно не было, а как вообще нижние чины, начиная с рекрут, по отдаче на военную службу немедленно приводятся к присяге и как Шевченко прислан в батальон уже рядовым, то я никак не мог и полагать, чтобы он не был приведен к присяге там, где отдан в военную службу; ныне же приказал немедленно привести его на верность службы к присяге..."

Ныне же- того самого, второго.

Переписка об этом - в других делах шевченковского фонда отдела рукописей Института литературы АН Украины (К 448, N 441). Почему не в 406-м? Потому только, что она из бумаг не следственных, но батальонных.

Чигирь принудил действовать - все прочее было за Мешковым.

Второго июля - не в счет, что воскресенье, - срочное распоряжение получил подпоручик Растопчин.

"Переведенный из 4-го батальона в таковой же, командуемый мною, рядовой вверенной вам роты Тарас Шевченко при отобрании от него показаний следователем

г.подполковником Чигирем между прочим показал, что он при поступлении первоначально в службу на верность оной ѳе присягал. Вследствие чего предлагаю вашему благородию немедленно привести этого рядового на верность службе к присяге, а как он в настоящее время содержится под арестом, то к присяге вести его за строжайшим караулом. И мне по исполнении с предоставлением присяжного листа на сем же донести".

Распоряжение поступило на исходе дня, а может и утром следующего. Уже 3 июля Растопчин послал запрос отцу Петру. Препровождая ему копию предписания батальонного, испрашивал: "...честь имею покорнейше просить Спасопреображенской церкви крепости Орской священника уведомить меня..., во сколько часов утра настоящего числа угодно будет его благословению привести к присяге рядового командуемой мною роты Тараса Шевченку, с которым я не замедлю прибыть...для сей надобности, вместе с присяжным листом".

Присяжный лист был заготовлен без промедления, писарь даже проставил полную дату: " 1850 года, июля 3 дня", но случилось непредвиденное: священник оказался в отъезде. брской крепостью его приход не ограничивался, входили в него и другие поселения...

"Согласно надписи за N 17-м покорнейше прошу его благородие подпоручика Растопчина для привода к присяге рядового Тараса Шевченко прибыть в церковь, когда угодно будет. Орский священник Т и м а ш о в".

Записка как записка - такую ротный и ждал. Однако число под нею не то - уже четвертое.

- Во сколько часов утра настоящего числа?..

- Когда угодно будет...

Только днем позже, чем Растопчин с Мешковым предполагали.

Сопроводительная к присяжному листу датирована тоже четвертым: "Честь имею представить при сем к командиру Оренбургским линейным N 5 батальоном господину майору Мешкову... присяжный лист, по которому рядовой командуемой мною роты Тарас Шевченко, приведенный орским священником в присутствии . моем к присяге, принял оную на верность службе". •- Все здесь говорит за то, что событие произошло во вторник, 4 июля. Заранее проставленное третье менять под "Клятвенным обещанием" не стали. Сути дела это не меняло, а переписывать документ не хотелось - оставили в первоначальном виде.

Оставался бы в Орской следователь Чигирь, тогда, разумеется, писарю пришлось потрудиться еще раз. Но миссию свою счел он выполненной и уже 3 июля отправился в Оренбург, чтобы закончить следственное дело там.

Оно было с р о ч н ы м. Обручев ждал рапорта.

4.

Из клятвенного обещания.

Я, нижепоименованный, обещаюсь и клянусь всемогущим Богом, пред святым его Евангелием, в том, что хочу и должен его императорскому величеству, своему истинному и природному всемилостивейшему великому государю императору НиколаюПавловичу, самодержцу всероссийскому, и его императорского величества всероссийского престола наследнику верно и не лицемерно служить, не щадя живота своего, до последней капли крови... телом и кровью, в поле и крепостях, водою и сухим путем, в баталиях, партиях, осадах и штурмах и в прочих воинских случаях храброе и сильное чинить сопротивление, и во всем стараться споспешествовать, что к его императорского величества верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может. О ущербе же его величества интересам, вреде и убытке, как скоро о том ведаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать потишуся и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, а предпоставленным надо мною начальникам во всем, что к пользе и службе государства касаться будет, надлежащим образом чинить послушание, и все по совести своей

исправлять... Пока жив..., буду... во всем так себя вести и поступать, как честному, послушному, храброму и расторопному солдату надлежит. В чем да поможет мне Господь Бог всемогущий. В заключение же сей моей молитвы целую слова и крест Спасителя моего. Аминь.

...По сему присяжному листу присягу принял рядовой

Тарас Шевченко

К присяге приводил Орской крепости священник

Петр Тимашов

При приводе к присяге находился командующий ротой N 4-го

подпоручик Растопчин.

Хочу и должен... Телом и кровью... Не щадя живота своего... Пока жив... Под листом - собственноручная его подпись, засвидетельствованная двумя другими подписавшимися.

Но нет, не могу я представить себе Шевченко читающим витиевато-казенные эти строки, а тем паче принимающим их душою. Подписывает - куда от этого спрятаться, где скрыться? А вот чтобы принять... Механически вписывает в заранее заготовленный текст имя свое, фамилию свою. Присяга принята? Смотрит как ставят подписи отец Петр...ротный... Ну, скорее - повинность отбита, формальность соблюдена. Берите, солдаты, на караул - ведите опять под арест. Невольником присягнул, невольником и оставаться.

От гауптвахты до храма на горе - саженой двести, самое большее двести. Вели его церковною дорогой под охраной, как на казнь. Те же двести саженой - назад, в арестантскую. Снова ружья наперевес - двое нижних чинов, а рядом, по всей форме, унтер...

Шел по крепости солдат -присягнувший солдат...

К ВОПРОСУ О ГАРДЕРОБЕ

1.

Времени, дабы обдумать итоги этой поспешно решенной и наскоро выполненной командировки, у Чигиря было достаточно.

В дороге не только дремлет, но и думается. А триста с лишним верст - путь не короткий, и многое в голове провернется.

Ему не в чем было себя упрекнуть: все, что полагалось, в Орской сделал. Папка с бумагами не пуста, будет чем отчитаться. Да только закроешь ли дело, если нет того, другого, третьего? В том, что нет, вина не его - ни сам себя не укорит, ни кто другой не попрекнет. И все же...

В уме складывался завтрашний рапорт Обручеву. "Представляю следственное дело...по предписанию вашего превосходительства..." Это как водится. Но непременно скажет и о том, чего не хватает. Ему самому не хватает, а коль так недоставать будет и высшему начальству. Не скажет сам - повернут против него.

Так чего же в деле нет?

Письменного, на бланке с подписями, подтверждения (или отрицания) из самого III отделения: "действительно ли были на рассмотрении и возвращены к Шевченко 2-е книги с рисунками, стихами и песнями". (В кавычках - уже строки из рапорта, каким излился он на бумагу...)

Нужно бы пояснение командира 4-го линейного - "по какому случаю назначен им рядовой Шевченко в описную экспедицию на

Аральское море".

Сама собой напрашивается объяснительная капитан-лейтенанта Бутакова: "с какого повода он употреблял Шевченко к рисованию гидрографических видов", а еще - "через кого он получил на походе в Раим письмо, переданное им Шевченке".

Потребен, по-хорошему, спрос с поручика Лисюкова ("казначей батальона N 4-го")

- "о письме, переданном им на Косарал Шевченке".

Не менее важен спрос "и всех ротных командиров о том, какие они употребляли меры для надзора за Шевченкой во время состояния его на службе в 5-м батальоне под их командою".

Но что Бутаков, что Дамис с Лисюковым, что Глоба, Степанов и прочие кто где, далеко-далече, - "переписка с ними потребует неопределенно долгого времени".

Время же не терпит. Может, хватит и добытого... Ведь "Главные предметы, составляющие сущность дела, довольно обнаружены"? Судить о том корпусному - он въедлив, дотошен и предвидеть все его вопросы невозможно.

Представит на усмотрение, а решать самому.

2.

Вспоминался поперечный смотритель-татарин. Экий законник: "без ведома конторы никакого показания дать не могу!" Не вышло по нему. Бумаг, правда, не показал, но и от присяги не уклонился, игл а в н о е не сказать не мог. Надо спросить и оренбургского почтмейстера - переписка-то'велась и тут...

Спросил тотчас по приезде.

- Сколько писем получено на имя Шевченко в 1849 и 1850 годах?

- Сколько принято писем на имя Лизогуба и принимались ли от Шевченко письма на имя художника Чернышева, находящегося при императорской Академии художеств?

Наученный опытом, оговаривал: "Если же по делам конторы справок этих навести невозможно, из каких мест почтового ведомства я могу потребовать просимое".

Неприятно, когда тебе отказывают, а потому и смягчал - на всякий случай.

Почтмейстер Франц Андреевич Энвальд не помог ничем. Но отказал он, в отличие от Фейзуллина, более деликатно: "Требуемой оным справки контора учинить не может по случаю нахождения книг и документов в Уфимской почтовой конторе".

На нет и суда нет. Ответил того же 5 июля, официально и без задержки; претензий к коллежскому асессору быть у него не может.

...Оставалось написать рапорт да еще отчитаться в прогонах. Командировка казне обойдется в 23 рубля 67 копеек серебром. Недешево однако...

3.

С посылкой следователя Обручев, как оказалось, поспешил. Он часто забежал вперед, стараясь упредить осложнения, но не всегда и все удавалось предугадать.

Так получилось и теперь.

В тот день, когда Чигирь прибыл в Орскую, из военного министерства в Петербурге фельдъегерь увозил в Оренбург пакет с секретным посланием дежурного генерала главного штаба.

"С объявлением высочайшего повеления по делу о рядовом Шевченке..."

Повеление бед не сулило. По крайней мере, так казалось при чтении основной его части, где сообщалось "мнение графа Орлова" относительно вины Шевченко и других повинных в открытых теперь нарушениях.

Да, "рядовой" сей виновен в том, что, несмотря на высочайшее воспреещение, позволял себе писать и рисовать и ходил иногда в партикулярном платье.

Но:

- "Стихи и рисунки, помещенные в отобранных у него двух альбомах, не заключают в себе ничего преступного, кроме того только, что на некоторых рисунках изображены неблагопристойные сцены".

Но:

- "Равным образом найденные у него письма от разных лиц, исключая письма коллежского секретаря Левицкого, содержат в себе одно изъявление дружеских чувств и желание ходатайствовать об облегчении его участи".

Мнение было непредубежденным, можно даже сказать смягчающим: "Вообще бумаги эти не обнаруживают, чтобы Шевченко продолжал прежний образ мыслей или

писал и рисовал на кого-либо пасквили".

Если в ходе следствия, делал он вывод, не обнаружится более ничего, то можно будет, достаточно будет вменить Шевченко в наказание отбытое им содержание под стражей с неперменным внушением: не нарушать впредь; ближайшему же начальству - бдительно наблюдать за сим опасным рядовым.

"Самое бдительное наблюдение..."

Но это формула привычная, ничего нового не содержащая.

А вот дальше... Дальше шло непредвиденное: читая представление Орлова, монарх обратил внимание не на альбом, переписку и рисование - на другое, вроде бы не столь существенное.

Государь император, утвердив это мнение графа Орлова, соизволил наложить собственноручную резолюцию на докладе против слов -их одил иногда в партикулярном платье: "В этом деле виновно его начальство, что допустило до сего, о чем сообщить... для должного взыскания с виновных".

Депеша от 30 июня пришла в Оренбург через две недели после возвращения Чигирия и вручения им следственного дела Обручеву. "

Насчет партикулярного платья ни Шевченко, ни Мешкова он, следовательно, не спрашивал.

Меж тем его светлость граф, шеф жандармов и начальник III отделения, ждал сведений как раз по сему предмету-о том, где, почему, на каком основании и по чьей вине ходил нижний чин в цивильном. Ждал "в скорейшем, по возможности, времени". И не собственного интереса ради - "для всеподданнейшего доклада".

Однако не станешь ведь посылать чиновного следователя повторно... Помимо всего прочего, это еще двадцать три рубля серебром, а казенные деньги счет любят. Да и неловко -не предусмотрел.

4.

На этот раз особое задание получил полковник Недоброво, орский комендант.

Секретная депеша, спешно доставленная из Оренбурга особым гонцом, была необычного содержания и стиля:

"У рядового линейного Оренбургского батальона N 5-го Шевченки, при обыске его в Оренбурге найдено было партикулярное платье, то предлагаю вашему высокоблагородию спросить рядового Шевченку, когда именно он в этом платье ходил и у кого и в какое время в оном был в квартирах, и мне о том ныне же по секрету в собственные руки донести".*

Писал торопливо. Вычеркивал и дописывал, будто невесть что на свет рождал. Написав, убрал: "в особенности в суконном пальто" -достаточно было и просто гражданского платья. Не написал - и добавил потом - о секретности задания, а равно о доставлении ответа прямо ему.

Н ы н е ж е... Понять можно так: письмо вручается - гонец ждет -комендант спрашивает- пишет ответ - вручает тому же нарочному - корпусной получает его лично.

Недоброво приказ выполнил, а Шевченко поимел случай узнать: следствие над ним не закончилось.

Из рапорта коменданта:

"...отобрав от рядового Оренбургского линейного батальона N 5-го Тараса Шевченки сведение, имею честь донести вашему высокопревосходительству, что, по квартирному его в доме штабс-капитана генерального штаба Герна, ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ОН ИМЕЛ ПАРТИКУЛЯРНОЕ ПЛАТЬЕ И НОСИЛ ОНОЕ ТОЛЬКО В КВАРТИРЕ, в котором ни в какое время, никогда и никуда не ходил, по прибытии же в Орск таковое у него отобрано и ныне хранится в батальонном цейхгаузе, которое, по удостоверению моему, заключается в двух пальто: одно - ластиковое темно-вишневого цвета, другое - драдедамовое горохового цвета - старое и одни брюки таковые же, из которых второе подарено им унтер-офицеру 4-й роты Плотникову".

Скорее для порядка Обручев послал запрос и подпоручику корпуса флотских штурманов Пospelову. "Для порядка" потому, что находился тот на Арале, в море, и скорого ответа ждать не приходилось. Он и впрямь пришел уже зимой, к декабрю или в декабре.

- Почему вы допустили рядового Шевченко ходить в партикулярном платье в отступление от положенной для нижних чинов формы одежды?

- В партикулярной одежде... никогда не встречал...

Так уж и не встреча л? Да в положенной для ниж- н ихчиновформене только работать, а и дышать было невозможно. Кто-кто, но Обручев знал это твердо. И все ж сейчас старался сделать все, даже более того. В прошлый раз промахнулся и государь был вправе поставить этот промах в вину ему, обратиться свое неудовольствие в его адрес.

Пospelов темнил, делая вид, что не понимает: генерал спрашивает не только о морских кампаниях, и не столько о них, сколько о месяцах последующих, когда были они в Оренбурге и все время рядом.

"Бутаковым в ведение мое передаваем не был и при мне не находился..." На формальный запрос - формальный ответ. Хотя пришел он из Раима уже тогда, когда исследование оказалось законченным.

Военный губернатор - не по чину и положению - самолично копался в нехитром гардеробе рядового Шевченко.

Копался половину июля и чуть не половину августа, пока, наконец, не приказал: "Отобранные вещи у Шевченки (партикулярное платье) возвратить ему для немедленной продажи под ответственность батальонного и ротного командиров, как вещи для рядового вовсе не нужные".

Меры взыскания должен был, по его приказу, определить командир дивизии: "С кого подлежать будет, за допущение Шевченка ходить в партикулярном платье..."

На это соизволил обратиться свое высочайшее внимание государь император, а коль так, то взял под особый надзор сам.

"ИЗ-ПОД АРЕСТА ОСВОБОДИТЬ..."

1.

Кто не бывал, не жил в Орске среди вечно раскаленного лета, тому не дано ощутить, понять всю тяжесть этих дней и ночей, этих недель и месяцев...

После отъезда подполковника Чигиря, да еще вопросов вдогонку, насчет партикулярного платья, заданных комендантом Недоброво, о нем будто забыли. Ни о чем больше не спрашивали и-не выпуска ли.

Закончился июль, шел август, а его обителью оставалась душная и смрадная гауптвахта этой опостылевшей крепости.

Распоряжение об аресте было исполнено, как говорится, мигом. Разрешение освободить, содержавшееся в рапорте генерал-адъютанта Игнатьева, которое пришло еще 18 июля, восприняли в Оренбурге всего-навсего как разрешение, но отнюдь не приказ.

"Если по исследованию, производимому военным начальством, более ничего не будет обнаружено, то достаточно рядовому Шевченке вменить в наказание содержание под арестом, строго внушив ему..." Ну, и так далее. Наказанием должно было послужить сидение в арестантских камерах Оренбурга и Орска, затворничество, так сказать, п редварительное-в апреле-мае и в июне-июле. Для осознания вины, представлялось в Петербурге, достаточно и того. Но это если "более ничего не будет обнаружено". Окончательное решение препоручалось военному начальству корпуса.

Оно, однако, не спешило. Вслед за миссией Чигиря началось следствие о партикулярном платье, да и вообще, как говорится, о б ж е г ш ись на молоке, дуешь на воду.

Обручев не позволил себе ни малейшей поспешности. Сидит? Пусть сидит! Под арестом? Под тем же, строгим!

21 июля в столицу ушел его секретный пакет с рапортом военному министру.

"По произведенному следствию ничего нового не обнаружено" - к этому по сути, именно к этому сводился его доклад А.И.Чернышеву.

Но..."рядовой Шевченко, впредь до получения разрешения вашей светлости, содержится под арестом".

Ждал приказа- точного, официального, по всей форме.

Наконец, дождался. Генерал-адъютант Игнатьев сообщил волю военного министра, который, в общем и целом, согласился и с выводом насчет "ничего нового", и с действиями его практическими. 9 августа тот же дежурный генерал главного штаба излагал поручение Чернышева в трех пунктах:

"1. Вменить Шевченке в наказание содержание на гауптвахте и, освободив его из-под ареста, строго внушить ему, чтобы ни под каким видом не осмеливался нарушать высочайшего повеления, коим воспрещено ему писать и рисовать.

2. Перевести его из 5-го в другой отдаленный Оренбургский линейный батальон, предписав ближайшему начальству иметь за ним и за исполнением упомянутого высочайшего запрещения самое бдительное наблюдение;

и

3-е, с начальствующими, допустившими Шевченка ходить иногда в партикулярном платье и не передавших кому следовало надлежащих о нем сведений при отправлении его в командировку, сделать взыскание, по вашему усмотрению".

По усмотрению Обручева, но с уведомлением Чернышева, - и о взысканиях "допустившим", и о том, "куда рядовой Шевченко будет переведен".

В секретном журнале корпуса письмо зарегистрировано 26 августа - когда и прибыло. Корпусный командир находился вне Оренбурга и вернулся только неделю спустя.

2 сентября на петербургском документе появилась надпись (рука начальника штаба Фантон де Веррайона):

"Г.корпусной командир приказать изволил:

1. Тараса Шевченко из-под ареста освободить. 2. Перевести его в 1-й батальон в две роты, находящиеся в Ново-Петровске, куда и отправить немедленно, дабы не упустить навигации сего года..."

Дальше шло о партикулярном платье и том вообще, что вытекало из третьего пункта уведомления Игнатьева.

Освободив... освободить... Перевести... отправить немедленно...

Но все это пока на бумаге. А бумаги оставались в Оренбурге. Разве что из корпусного штаба цепочка потянулась в дивизионный. "Все это исполнить через г.начальника дивизии, 2 сентября..." Последнее - дата не отправки, а резолюции.

...Шевченко оставался на орской гауптвахте, под строгим караулом.

2.

Пятого сентября Обручев подписал распоряжение начальнику 23-й пехотной дивизии - четкое и ясное, как боевой приказ:

- а/ рядового Тараса ШЕВЧЕНКО по освобождении из-под ареста перевести на службу, под строжайший надзор ротного командира, в одну из рот Оренбургского линейного N 1-го батальона, расположенных в Новопетровском укреплении, отправив его туда под присмотром благонадежного унтер-офицера с таким во времени расчетом, чтобы он мог прибыть в Гурьев-городок непременно до окончания навигации настоящего года;

- б/ ОТОБРАННЫЕ ОТ РЯДОВОГО ШЕВЧЕНКО вещи (партикулярное платье), которые, по донесению орского коменданта, хранятся в батальонном цейхгаузе, как вещи для него вовсе не нужные, представить Шевченке отдать кому-либо, или же, продав оные в присутствии его, вырученные деньги отдать ему;

- в/ уведомить... как о времени отправления рядового Шевченко в Новопетровское укрепление, так и равно о том, в которую из рот, расположенных в означенном

укреплении, он будет зачислен на службу, и кто ротный командир той роты, которому необходимо строго предписать к непреклонному исполнению все изложенное...касательно надзора над рядовым Шевченко в отношениях (перечислено скрупулезно - Л.Б.)... и в особенности, чтобы независимо наблюдения за поведением этого рядового со стороны самого ротного командира, ближайший за ним надзор был поручен благонадежному унтер-офицеру и ефрейтору, которые должны строжайше наблюдать за всеми его действиями, и если заметят что-либо предосудительного или неповиновение, то доводили бы о том в тот же час до сведения ротного командира, который обязан немедленно доносить мне (т.е. непосредственно корпусному командиру, минуя и батальонного, и бригадного, и дивизионного!), надписывая на конвертах СЕКРЕТНО и В СОБСТВЕННЫЕ РУКИ; при чем подтвердить ротному командиру, что малейшее послабление в отношении надзора за Шевченко подвергнет его строгой ответственности, и

- г/ командующему батальоном N 5-го майору Мешкову, за несообщение им в батальон N 4-го последовавшей над рядовым Шевченко высочайшей конфирмации, при командировании его в 1848-м году в Раимское укрепление, что было причиною продолжения получения рядовым Шевченко нескольких писем и отправления на них ответов, в бытность его в Раимском укрепении в Оренбурге, и составления на Аральском море нескольких гидрографических видов, сделать СТРОГИЙ ВЫГОВОР; относительно же наложения взыскания с лиц, дозволявших рядовому Шевченко ходить иногда в партикулярной одежде, ...собираются нужные сведения, по получении которых будет сделано распоряжение особо...

(Проект распоряжения готовил начальник штаба корпуса, но Обручев решительно переделал его на свой лад. Сравним то, что вышло, с тем, что предлагалось:

... - в/ уведомить меня как о времени отправления рядового Шевченко в Новопетровское укрепление, так равно и о том, в какую из рот, расположенных в Новопетровском укрепении, будет он зачислен на службу и кто ротный командир этой роты, которому не оставьте строго подтвердить о соблюдении высочайшей воли насчет надзора над Шевченко и за тем, чтобы от него отнюдь не могло выходить ни под каким видом сочинений, писем и рисунков,

- г/ сообщить мне мнение ваше, какое вы, милостивый государь, полагаете сделать взыскание с командующего Оренбургским линейным N 5-го батальона майора Мешкова, за несообщение им командиру 4 батальона о рядовом Шевченке надлежащих сведений, что было причиною продолжения получения им нескольких писем и отправления на них ответов...

Наказание Мешкова Обручев перепоручать не стал. На полях проекта его рука: "строгий выговор". Впредь будет осмотрительным, этот нераспорядительный батальонный... Начисто переписал и параграф предыдущий: предусмотрел, кажется все и за всех. Ежели исполнят им начертанное, более о Шевченко слышать не придется. Ну а не исполнят, пусть пеняют на себя - об ответственности он предупредил. Строгой-ответственности, начиная с ротного. Все упредил, все расписал - целый план, только делай!)

3.

Письмом "г.начальнику 23 пехотной дивизии", то-бишь генерал-лейтенанту А.А.Толмачеву, решение судьбы нижнего чина Шевченка исчерпывалось.

"Открытый лист без прогонов за N 4 для отправления рядового Шевченко у сего прилагается..."

В деле N 406 листа нет: использован по назначению.

О дне отправки из Орской точных сведений не отыскано. Прежде, чем это произошло, в дивизионном штабе должны были подготовить и подписать приказ собственный, его, как водится, отослать к командиру бригады, а уже из бригадного штаба - в батальон.

Еще несколько дней затянувшегося ареста на гауптвахте. Он пробыл здесь почти

два с половиной месяца - тюремных, арестантских месяца пекуче жаркого орского лета.

"По распоряжению бывшего генерал-губернатора, довольно видного политика Обручева, я имел случай просидеть под арестом в одном каземате с колодниками и даже с клейменными каторжниками, и нашел, что этим заклеянным злодеям слово несчастный более к лицу, нежели...растленным сыновьям безличных эгоистов родителей" - вспоминал он в своем дневнике 1857 года, семь лет спустя после того, как привели его под ружьем на гауптвахту Орской крепости.

"Во сне видел Орскую крепость и корпусного ефрейтора Обручева; я так испугался этого гнусного ефрейтора, что от страха проснулся и долго не мог прийти в себя от этого возмутительного сновидения". Вторая запись - уже сентябрьская. Семь лет тому он с этой гауптвахтой расстался. Но не для того, чтобы обрести свободу. Нет, ждала его незапертая тюрьма на пустынном Мангышлаке.

Еще недели две, а может и три, прожил Шевченко в Орской не арестантом - просто солдатом.

Казарма, старые знакомые, новые встречи... После месяцев ареста жизнь показалась чуть ли не вольной. Жадно впитывал новости -от европейских до орских. Польский кружок продолжал жить. Заметно ближе стал к нему Ханыков. Прапорщики Гурьев и Невельский держались с этими нижними чинами запросто, на равных. Исследовавший содержание работы "польско-русско-украинского кружка политических ссыльных в Орской крепости", известный историк-архивист, историк-исследователь В.А.Дьяков писал: "Чем же занимался кружок? Судя по имеющимся сведениям, его деятельность сосредотачивалась на идейно-теоретическом развитии его участников и на изучении того опыта революционной борьбы, который накопил каждый из них. Прочитывались, конспектировались и живо обсуждались в кружке многие, в том числе новейшие, исторические и философские сочинения на французском, польском и русском языках. Наиболее живой интерес вызывали при этом вопросы, связанные с социально-политическим устройством общества, с развитием польско-русских, польско-литовских и польско-украинских взаимоотношений, с историей разделов Польши. Не чужды были кружку и литературные увлечения. Ряд его участников-поляков пробовал свои силы в стихах и прозе; не бросил писать, вне всякого сомнения, и А.В.Ханыков; П.А.Невельский и П.Ф.Гурьев проявили себя большими любителями и неутомимыми коллекционерами так называемой "потанной" (т.е. запрещенной цензурой) литературы". Более конкретные сведения об этом содержатся в книге В.А.Дьякова "Тарас Шевченко и его польские друзья", получившей достаточную известность у нас в стране и в Польше.

Формального членства в кружке, конечно, не было. Общность, или близость, взглядов - вот что сводило тогда людей разных, несхожих, и меж ними его, Тараса, сына Украины.

...Перед дальней дорогой хотелось повидать всех своих знакомцев. В охотку пил чай у Лаврентьевых. Павел Сергеевич был рад возможности поговорить о прочитанном, расспросить о всякой всячине. Однажды он зазвал к себе Зиньковского - бедолагу из бедолаг, бессрочного, вечного мученика арестантских рот. Он еще надеялся на лучшую долю, на избавление - Шевченко эту надежду поддерживал. Без надежды как жить? и зачем жить?

Собирался навеститься к Тимашовым, у которых прежде бывал, а еще встречался у Александрийских. Но вспоминал свою присягу под ружьем, вспоминал отца Петра во время той гнусной процедуры -воротило с души, обходил дом стороною.

Цивильную свою одежду он раздарил. Не напрашиваться, не нарываться же снова на гнев и упреки. Полковник Недоброво сам следил за тем, чтобы он, Шевченко, ничего не припрятал. Комендант был придирчив до крайности: не то что Гаврила Гаврилович Левитский. Мир праху старого вояки, доброго человека...

Прощай, Орская! Не придется ли вспоминать тебя, как Рай... Эдем?

Дорога в Оренбург - и много дальше, за Каспий - началась под самый конец

сентября.

- Прошу уведомить о времени отправления, - обращался начальник корпусного штаба к Толмачеву уже тогда, когда Шевченко был на Мангышлаке.

Дата точная - точная и окончательная - затерялась вместе с открытым листом N4.

ДОРОГА ВЕЛА НА МАНГЫШЛАК

1.

Вспомним шевченковскую повесть "Близнецы".

"... Несколько часов подымался я извилистою дорогою на Губерлин-ские горы. У памятника, поставленного в горах, на дороге, на память какого-то трагического происшествия, я напился прекраснейшей родниковой воды..."

Теперь эта самая извилистая дорога стала для Тараса едва ли не роковой, и трагическое происшествие вполне могло повториться. Случилось непредвиденное, но имевшее достаточно вескую подоплеку: прямо с места был взят слишком высокий темп, сопроводитель подгонял и подгонял возницу, тот беспрерывно понукал лошадей и в горах они понесли^ пассажир-невольник на полном ходу очутился под возком, чудом избежал самого худшего, но ушибы оказались сильными, кровь залила его солдатскую амуницию, лицо и тело "украшили" кровоподтеки. С трудом поднялся, уселся на возок, но каждая встряска отзывалась в нем острой болью.

Таким явился он приятелям в Оренбурге. И десять лет спустя, в письме к Аркадию Венгржиновскому, вспоминал Бронислав Залеский тот миг в октябре пятидесятого, когда Шевченко зашел к нему: "весь окровавленный, ибо его разнесли кони в Губерлинских горах и едва не убили".

В том же письме к Венгржиновскому Залеский свидетельствовал: "Пробыв тут несколько часов, он отправился в Новопетровское..."

Но в другом источнике, у Яна Станевича, речь идет не о часах, а о днях, правда двух, не более.

При всей спешности поездки, подгоняемой скорым концом навигации на Каспии, невозможно себе представить, что в Оренбурге не было ночевки (а'то и двух), что солдату вместе с сопровождающим, офицером или унтером, не дали возможности передохнуть после трехсот верст нелегкой, да еще с "происшествием", дороги. Не говорю уже о том, что следовало соблюсти и кое-какие формальности, лежавшие, конечно, не на препровождаемом рядовом, но на ответственном препроводителе. Шевченко арестантом не был, караулить его не требовалось, он пока мог располагать своим временем по собственному усмотрению.

Лазаревских в городе не было, и в домик Кутиных не тянуло. К Герну? Но не хотелось беречь душу Софье Николаевне, напоминать ей о том, что произошло в апреле. Карла Ивановича, однако, не увидеть не смог бы. Их связывало еще и дело: добрейший Герн хранил его стихи. Может, заглянул к Цейзику - хотя бы как к аптекарю, у которого можно было взять всякие снадобья. Происшествие в горах напоминало о себе на каждом шагу.

Увы, "подробности его жизни за эти пять месяцев (после апрельского ареста - Л.Б.) вероятно, никому не известны" (М.М.Лазаревский). Точно так же не известны и в с е подробности тех дней в Оренбурге. Дней-часов...

Тем ценнее воспоминания Яна Станевича.

2.

Воспоминания эти, написанные тридцать с лишним лет спустя, в 80-х годах XIX века, собственно не о Шевченко, а о Зыгмунте Сера-ковском. но есть в них абзацы и о Шевченко, их встрече в октябре пятидесятого; прежде жизнь этих людей не сводила.

Восемнадцатилетним воспитанником Дворянского полка Ян был исключен оттуда за "дурное поведение". Как полагают исследователи, поводом к исключению послужили причины политические. В Оренбургский корпус, его второй батальон, юноша прибыл 1

июня 1850-го, когда Шевченко был уже в Орской. (Направили сюда Станевича, чтобы он "мог быть произведен в офицеры, если по усердию и хорошему поведению того заслуживать будет, но не прежде 1855 года". Действительно, чин прапорщика ему дадут только в пятьдесят пятом, сейчас же он всего-навсего рядовой...) Пять лет спустя Ян Станевич начнет учиться в Академии генерального штаба и станет, вместе с Сераковским, организатором офицерского революционного кружка, сыгравшего важную роль перед восстанием 1863 года.

В эти первые октябрьские дни рядовые Шевченко и Станевич впервые пожали друг другу руки (в наемной квартире Залеского?)

И вот строки из воспоминаний уже почтенного Яна Фердинандовича (воспроизвожу их в переводе В.А.Дьякова):

"...Недели за две до Зыгмунта приехал в Оренбург Шевченко. Он выглядел печальным. Преследование его угнетало; он начал пить, и как-то странно и угрюмо выглядел между нами - молодыми, полными жизни и энтузиазма, переносившими невзгоды весело, с презрением к своей судьбе. Был он значительно старше нас, а выглядел еще старше. Бывали, однако, минуты, когда он оживал, рассказывая о своих приключениях, пел малороссийские песенки и был очень приятным собеседником. Никакой племенной ненависти к полякам в нем не было и следа, и нас очень удивляло, что в своих стихах он недоброжелательно и с колкостью отзывался о "ляхах". Имел он между ними много друзей, а между ссыльными особенно любил и уважал Бронислава... В Оренбурге... общность демократических идей и общность судьбы связывали Шевченко с польскими ссыльными. Он всегда заявлял, что у Польши и Украины один общий враг - русский царизм..."

Тут не все от впечатлений т о и их встречи. Дольше и теснее общались они по возвращении поэта в Петербург; сыграла свою роль и переписка между ними в годы оренбургской солдатчины (к великому сожалению, письма не сохранились). И все-таки знакомство произошло в октябре. Для Станевича оно стало событием, для Шевченко значение имело меньшее. Только позже задумался он о знакомстве тех дней. "Напиши мне, кто такой Станевич? - просил-спрашивал Бронислава. - Я знаю, что это добрый человек, и больше ничего не знаю".

Поблагодарим Станевича: это им передано настроение Шевченко, от него мы знаем, что во встрече (у Залеского?) участвовала целая группа "молодых, полных жизни и энтузиазма" и, наконец, о том, как разминулись в дороге, не сошлись, не встретились тогда Тарас и Зыгмунт.

3.

"...Шевченко пробыл в Оренбурге не более двух дней... С Зыгмун-том разминулись где-то в дороге и встретились только в Петербурге по возвращению Шевченко из ссылки..."

За этими строками - осведомленность не только одного из "соизг-нанников оренбургских", но и человека, который, как никто иной, имел возможность проверить и перепроверить личные свои воспоминания в беседах с теми, кого они касались непосредственно.

Но некоторые исследователи достоверность утверждения Станевича отвергают. Ссылаясь на формулярный список Сераковского и обозначенные там даты его перемещений по службе в Отдельном Оренбургском корпусе, Л.Хинкулов, например, считает приведенные выше воспоминания современника "полнейшей путаницей". Почему? На каком основании? Главные его выводы состоят в том, что, во-первых, Шевченко "пробыл ч Оренбурге вовсе не два дня, а полгода - с ноября 1849 г. до мая 1850 г." и, во-вторых, "в 1850 году в жизни Сераковского, как известно из...формулярного списка, никаких перемещений из батальона в батальон не происходило".

При этом почему-то со счетов сбрасывается третье - совсем короткое - пребывание Тараса в Оренбурге: в октябре пятидесятого, к которому и относится сообщенное

Станевичем.

Стоило развернуть архивный поиск, как отыскалось неопровержимое документальное подтверждение: Сераковский, вопреки формулярному списку, БЫЛ в Оренбурге именно в 1850-м и именно В ОКТЯБРЕ. В "Метрической книге Оренбургской римско-католической церкви" имеется запись от 28 октября 1850 г., зафиксировавшая что в этот день в церкви крестили сына рядового Паробчи Людвиг и среди свидетелей находился "рядовой линейного Оренбургского батальона N 2 Зыгмунт Игнатиев Сераковский". (ГАОО, ф.172, д.189, л.12).

Точная дата приезда Сераковского в Оренбург мне неизвестна. Но и приведенной записи достаточно, чтобы "реабилитировать" несправедливо развенчанного Яна Станевича и подтвердить достоверность его воспоминаний о том, как огорчительно разминулись близкие по духу люди.

Стоит напомнить, что они, эти бесспорно ценные воспоминания, совпадают и со свидетельством Бронислава Залеского, который в одном из писем к Сераковскому, посланных в 1851 году из гор Каратау, написал: "Тарас с нами... Он тебя, мой Зыгмунт, велел обнять, - очень сожалел, что вы разминулись..." ("Питания шевченковедства", т.1, с.112).

Знакомство Шевченко и Сераковского, скоро перешедшее, несмотря на заочный его характер, в сердечную близость-дружбу, состоялось, вероятно, при посредстве Залеского и Людвиг Турно во время проведенной вместе каратауской экспедиции.

Заочной их дружба была на протяжении всех лет Тарасовой солдатчины. Но это ничуть не помешало идейному и личному единению двух пламенных поборников свободы - вольнолюбивого поэта Украины и будущего вождя национально-освободительного восстания 1863 года. По-настоящему сдружились они в Петербурге, и с уверенностью можно сказать: Зыгмунт многое сделал для сближения друга-украинца с русскими революционными демократами и лучшими сынами польского народа.

А вот в октябрьском Оренбурге их встреча не состоялась. Один из Оренбурга выезжал, другой туда только следовал.

Можно разминутся и на одной-единственной дороге...

Оренбург, прощай! А, может, и до свидания?

Выезжали рано поутру. Дорогою на юго-восток, еще незнакомой, неизведанной. Загадочный, пугающий, каторжный Мангышлак начинался для Тараса на первых же верстах за Оренбургом.

ЗАГАДКИ ОСТАЮТСЯ

Слово в конце

Дописана еще одна, третья, книга моей "Были о Тарасе" - хроники его оренбургской зимы с печальным оренбургско-орским финалом.

Испытывает ли чувство удовлетворения автор? считает ли сам цель свою достигнутой?

Поработал, наверняка, не зря, но прояснить удалось не все. У к а ж д о и главы есть многие точки приращения. Происходит оно, такое приращение, постоянно. Уже после того, как написал главу "Гречанка Мавромихали", удалось познакомиться с человеком, для которого Елена Павловна двоюродная прабабка, а главное - великолепным знатоком генеалогии рода; почерпнул от него немало полезного. На новгородской земле отыскиались следы усадьбы А.И.Макшеева, где, по преданию, хранилось и дорогое нам шевченковское. Но надо ли перечислять находки состоявшиеся, если уверен, что куда больше их, притом весьма серьезных, и даже уникальных, впереди? Углубление жизнеописания возможно через документы, касающиеся Шевченко, его знакомых и приятелей, времени и мест обитания, через всевозможные штрихи и детали, делающие картину жизни истинно живой, полнокровной. Читая книгу, будущий исследователь увидит сам: недостает одного, не хватает другого - поиск прекращаться не может, он тем и прекрасен, что бесконечен.

Своей книгой, всем мною написанным передаю я эстафету поисков и находок последних десятилетий века двадцатого коллегам по общему нашему делу в двадцать первом - новым биографам бессмертного Тараса. Гениальность непреходяща, гении во все времена притягивают к себе, и притягивать не перестанут, - да будет их труд результативнее нашего.

Непроясненного, неп прочитанного в биографии Шевченко предостаточно. А в творчестве и подавно.

Перечитываю, например, страницы заключительной части этой книги, и думаю, думаю... Ведь что получается - в течение чуть ли не полугода, от горького Святого Воскресенья в апреле до встречи с Каспием и Новопетровским уже в суровом октябре, он совершенно ничего не писал?

Понятно, что не писал писем - оправданно это самой логикой событий, поставивших его переписку как бы вне закона. Не пришло еще время его прозы, его дневника - да тут и условия требуются, в частности для многочасового каждый день сидения. Но поэзия... Могла ли Муза отвернуться от него в "персональной" камере оренбургской гауптвахты или в давно знакомой Орской крепости, тем паче на первых порах, до ее арестантской? Полгода жизни - и ни одной поэтической строки... Не верю! Боль и тревога, напряжение нервов и обострение чувств - как много стихов было вызвано ими в прошлые годы и месяцы. Так могла ли угаснуть, умолкнуть его поэзия сейчас, в это многотрудное время крушения последних надежд...

Где его стихи этих месяцев?! Там же, где и другие, им написанные, а нами читаемые. Они вписаны в "Малу книжку", да только составители академических и прочих изданий его поэзии понаставили - от себя - произвольно - даты и географические ознaчки, вот и разводим мы руками, не находя, не дифференцируя то, что родилось в камерах и казармах тяжкого этого полугодия.

Да не надо нам никаких других ознaчек, кроме тех, которые дал сам автор, проставивший перед четвертой своей книжечкой лишь одну общую дату - "1850" и решительно отказавшийся от какого-либо географического дробления. Феномен Поэта всегда выше стараний нас, текстологов, комментаторов, толкователей, и не будем присваивать себе права быть над Гением.

Загадка остается. Не загадка - тайна. Тайна его поэзии, не покинувшей Тараса и в самые злые дни неволи.

...Дописана книга, а вместе с нею завершен и мой триптих о первых трех годах солдатчины Т.Г.Шевченко (1847-1850). Уповаю на то, что достанет сил присоединить к нему со временем и жизнеописание лет мангышл акских.

Впереди у меня еще семь лет его жизни в солдатах. И новые россыпи загадок, новые, надеюсь, прочтения-прозрения.

Благослови, Кобзарь, на успешное продолжение честного моего поиска!

1990-1991

Автор – читателю

Своей книгой в трех томах "Быль о Тарасе", как и всем мною написанным, передаю я эстафету поисков и находок последних десятилетий века двадцатого коллегам по общему нашему делу в двадцать первом - будущим биографам бессмертного Кобзаря. Гениальность непреходяща, гении во все времена притягивают к себе, и притягивать не перестанут, - да будет их труд результативнее нашего. А я продолжаю искать...